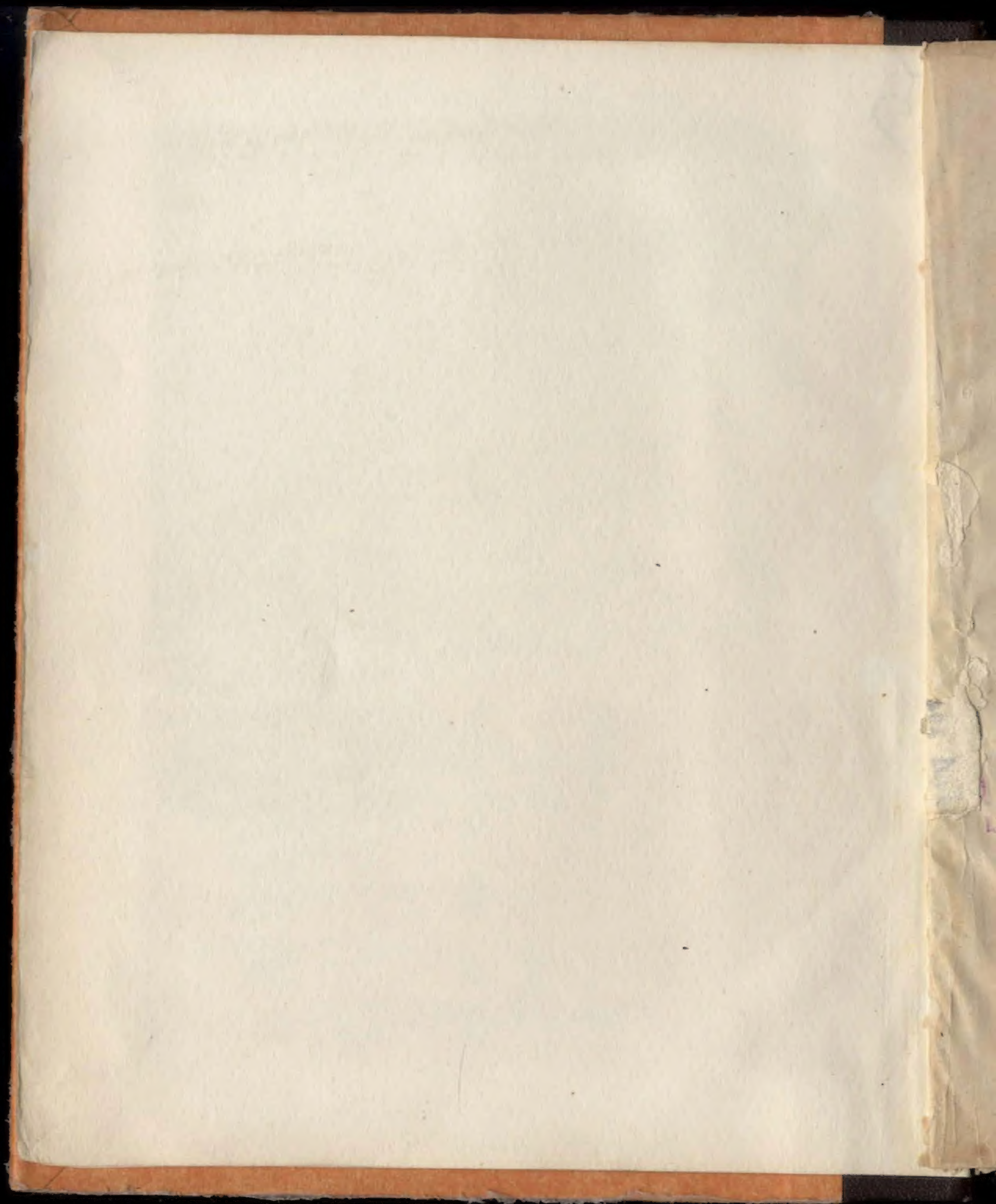
5

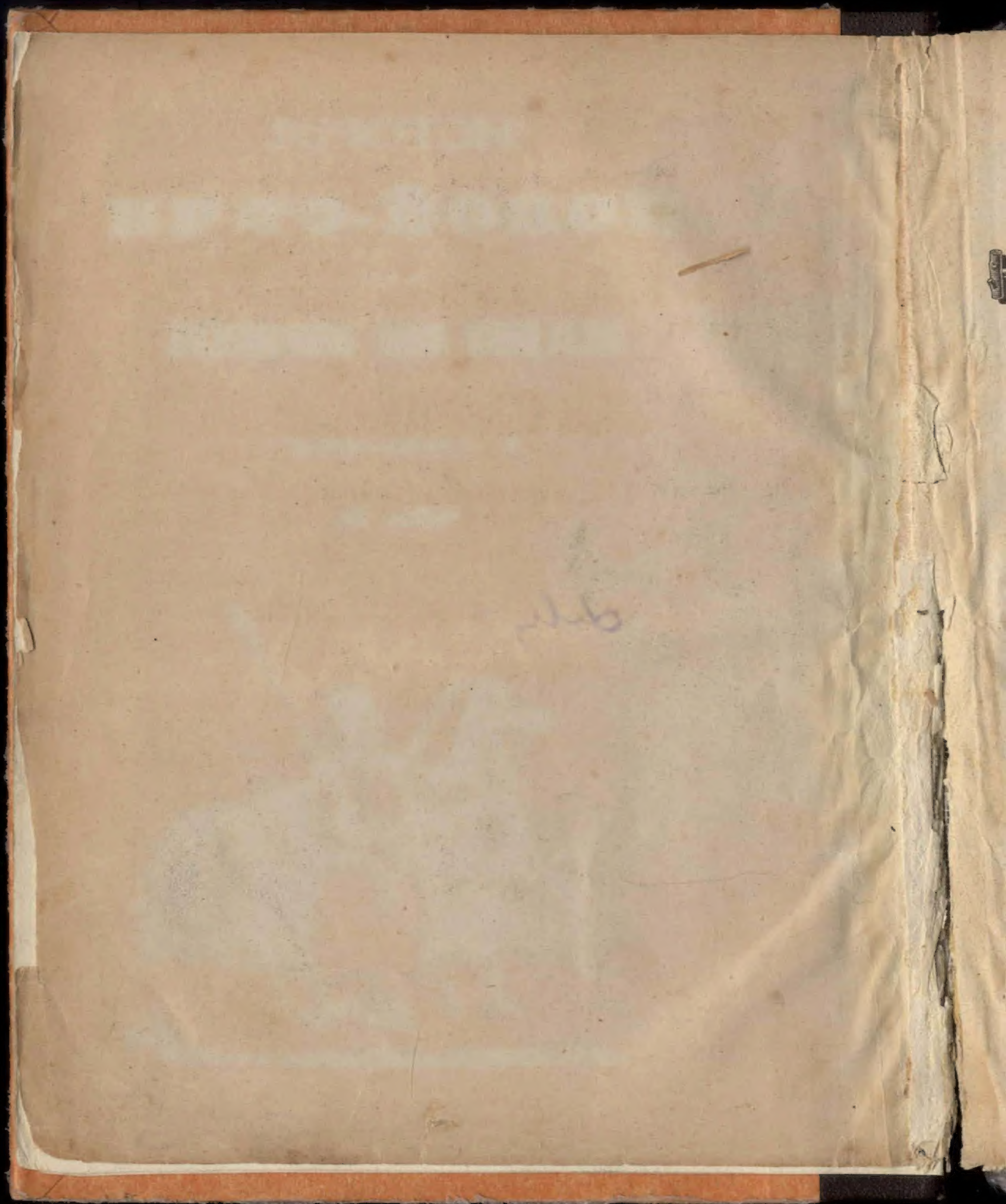

ИСТОРІЯ
НОВОЙ-СѢЧИ
или
ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

А. Скальковскаго.

Часть II.

ИСТОРІЯ

НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО

НА ОСНОВАНІИ ПОДЛИННЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ ЗАПОРОЖСКАГО СѢЧЕВАГО АРХИВА

УДОСТОЕННАЯ ПОЧЕТНАГО ОТЗЫВА

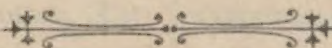
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

А. Скальковскаго.

«Ридненькая мати!
Пусты мене съ Козаками въ степу погуляты,
Отцовскіи славы добуваты».

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

Часть II.

ОДЕССА,

Типографія А. Шульце, Ланжероновская ул., домъ Карузо, № 36.

1885.

Дозволено цензурою. Одесса 9-го Декабря 1885 года.

ИСТОРІЯ

НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

ЧАСТЬ II.

ИСТОРІЯ НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

ЧАСТЬ II.

ИСТОРІЯ НОВОЙ-СѢЧИ ИЛИ ЧЕТВЕРТАГО И ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО ВОЕННАГО ОРДЕНА.

ПЕРІОДЪ I.

Введеніе.

Краткое обозрѣніе исторіи Кошей Запорожскихъ.

1506—1734.

Приступая къ повѣствованію о судьбахъ Запорожья, въ послѣдніе годы его политическаго быта, мы должны предварительно сдѣлать нѣсколько самыхъ необходимыхъ замѣчаній. Мы назвали книгу нашу «Исторіею *Новой-Сѣчи*», «Исторіею *послѣдняго Коша* Запорожскаго» и должны объяснить значеніе этого заглавія. Изложивъ въ главѣ II-й предъидущей части книги нашей значеніе близкое, прямое и отвлеченное, т. е. политическое, слова *Кошъ* или *станъ* Запорожскій, мы полагаемъ, что исторія этихъ кошей есть вмѣстѣ исторія

всего Запорожскаго общества. Столицею Запорожья во всѣ періоды его быта было всегда мѣсто, называвшееся *Сѣчью:* тамъ былъ центръ его дѣятельности и управленія. Постепенно съ теченіемъ времени мѣстопребываніе Коша измѣнялось съ мѣстностью Сѣчей; послѣдній Кошъ былъ въ такъ называемой *Новой-Сѣчи,* и отъ того ея исторія есть исторія послѣдняго Коша, т. е. послѣдняго періода въ быту Запорожскаго военнаго братства, или ордена.

Подобно всѣмъ человѣческимъ политическимъ обществамъ, Запорожье имѣетъ свой героическій, миѳическій, т. е. до-историческій періодъ. Онъ начинается для нихъ появленіемъ витязей, подобныхъ Евстафію Дашкевичу, Русскому дворянину изъ сѣверной Волыни, и ознаменованъ предводительствомъ безвѣстныхъ доселѣ ватагъ козачьихъ, магнатами [1]: католикомъ Прецлавомъ Ланцкоронскимъ въ 1506, и Самуиломъ Зборовскимъ въ 1579 году. Этотъ періодъ оканчивается въ 1576 г. и простирается въ древность до конца XV столѣтія—«да и прежде», какъ говорятъ козаки. Кошъ или станъ этого періода былъ вѣроятно въ древней *Гилеѣ,* т. е. на одномъ изъ лѣсныхъ острововъ нижняго Днѣпра, только не на о. Хортицѣ, который уже во времена Боплана [1635] былъ пустъ, не считаясь вовсе древнимъ Запорожскимъ городищемъ. Мы вполнѣ увѣрены, осмотрѣвъ мѣстность, что она была на островку, лежащемъ на рѣчкѣ Чертомлыкѣ, соединяющейся съ Днѣпромъ посредствомъ рукава его или рѣчки *Павлюка.* Его доселѣ называютъ «Старою Сѣчью» и называютъ такъ въ Кошѣ позднѣйшей «Старой Сѣчи»,

[1]) По выраженію Поляковъ «z familij senatorskiej».

бывшемъ тутъ же, но на материкѣ, какъ можно убѣдиться изъ прилагаемаго плана. Здѣсь нашелъ я монеты Хановъ Крымскихъ и Польскія, доходившія до 1480-хъ годовъ. Здѣсь, вѣроятно подъ вліяніемъ Польскаго рыцарскаго духа, козачья дружина совокупилась въ правильную или орденскую общину, *товариство,* — безбрачное, вѣчно юное, сидѣвшее въ дали отъ всего Славянскаго міра, для охраненія его границъ. Съ умноженіемъ этого войска оно поднялось вверхъ по Днѣпру, до границы нынѣшней Малороссіи, и тамъ завладѣвъ силою или другими средствами всѣми Южно-Русскими землями, составило общину гражданскую, со всѣми ея видами, т. е. семействомъ и политическимъ образованіемъ. Козаки составили дворянство Украины, и въ грамматахъ Польскихъ часто встрѣчается выраженіе: «войско козацкое Запорожское и его *народъ*». Для сравненія вождей, командовавшихъ этимъ войскомъ на Руси и самымъ Русскимъ народомъ, съ вождями Польскихъ войскъ, и козачьи предводители названы «гетманами». Когда и какъ произошли эти перевороты, — положительно ничего не знаемъ. Только на одно обстоятельство должно обратить вниманіе — на гетманство князей Вишневецкихъ и Рожинскихъ, а быть можетъ и Корецкихъ, т. е. сановниковъ изъ царствовавшаго въ Литвѣ Русскаго княжескаго рода, которые еще въ XIV и XV столѣтіи были намѣстниками Литовскихъ князей на югѣ Россіи. Русскіе и Малороссійскіе историки полагаютъ, что тогда столицею гетманства былъ г. Чигринъ или Черкассы, города и замки, извѣстные Полякамъ уже въ 1530 годахъ. Эти гетманы, какъ князья Русской крови, казались всегда для

козачества естественными ихъ вождями и память объ нихъ сохранилась доселѣ въ ихъ пѣсняхъ и преданіяхъ.

Съ 1576 года начинается прагматическая исторія не только Запорожья, но и самой Украины. Въ это время царствовавшій въ Польшѣ король Баторій, великій полководецъ и политикъ, ни о чемъ болѣе не помышлялъ, какъ объ упроченіи Литовскихъ завоеваній въ Русскихъ земляхъ. Для того самъ велъ постоянную почти войну съ царями Русскими, дабы на крѣпкой основѣ поставить грань свою на сѣверѣ, а на югѣ со стороны Турокъ и Татаръ, мечталъ объ учрежденіи рыцарскихъ братствъ, которыя бы, подобно ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго, вели постоянную войну съ мусульманами, вѣчными врагами его государства. Это подобіе рыцарства, это военное братство, Баторій нашелъ готовое — въ низовьяхъ Днѣпра, въ товариствѣ Запорожскомъ. Онъ не только что не спрашивалъ о его происхожденіи, о правахъ на земли и берега Днѣпра, гдѣ это воинство уже болѣе вѣка пребывало, но еще своею королевскою грамматою подтверждаетъ всѣ права его на владѣніе занятымъ краемъ, какъ награду за прежнія и поощреніе на будущія его службы. Эта граммата дана 20 Августа 1576 года на имя вождя или гетмана войскъ Русскихъ, т. е. козачьихъ, *Якова Богданка* [князя *Якова Богдана Рожинскаго* изъ рода Ягеллонскаго, имѣвшаго удѣлы свои на Волыни и Подоліи], который былъ пятымъ или шестымъ предводителемъ ихъ, начиная съ Дашкевича и Ланцкоронскаго. Кошевымъ Низоваго войска былъ въ это время какой-то *Павлюкъ*, — первый изъ кошевыхъ, котораго имя встрѣчается въ письменныхъ актахъ нашихъ. Эту граммату,

по ея древности, языку и содержанію, мы считаемъ основнымъ актомъ Запорожскаго быта па Днѣпровскихъ Низовьяхъ и владѣнія козачествомъ всѣми нашими Новороссійскими степями; а потому со дня ея подписанія начинается *первый періодъ* исторіи Запорожскаго войска, центръ или Кошъ котораго былъ уже не на островѣ упомянутомъ выше, но въ *Старой-Сѣчи*, лежащей у той же рѣчки Чертомлыка, впадающей вмѣстѣ съ Подпольною въ рукава Днѣпра[1]. Этотъ періодъ и Кошъ, по сравненію, можно назвать *Кошемъ Польскимъ*, ибо Польское правительство считалось верховнымъ повелителемъ Запорожья. Гербъ Польскій Бѣлый Орелъ былъ на большомъ войсковомъ знамени, и кошевые получали свои клейноты отъ Варшавскаго Двора. Этотъ періодъ продолжался съ 1576 по 1654 годъ.

Второй періодъ Запорожья, самый славный въ исторіи всего козачества, начинается въ половинѣ XVII столѣтія тяжкими войнами, подъятыми православнымъ козачествомъ за свободу вѣры и независимость Русской земли отъ Польши, которая, забывъ великіе примѣры Сигизмунда I и Стефана Баторія, повергла козачество въ бездну страданій и обидъ, нестерпимыхъ для Русской благородной крови. Угнетенное святое православіе было предлогомъ и главною причиною возстанія южныхъ Русскихъ областей, подъ предводительствомъ козачества. Въ этой святой войнѣ важную роль играло Запорожье, ибо главные его витязи: *Нечай, Сагайдачный* и др. были кошевыми Запорожскими, и *Зиновій Хмѣльницкій*, прозванный *Богданомъ*, хотя и Польскій дворянинъ, — когда помышлялъ о независимости Украины,

[1]) Нынѣ с. *Капуловка* Екатеринославской губерніи и уѣзда.

т. е. Южной-Россіи отъ Польши и Литвы, искалъ въ Запорожьи убѣжища и тамъ нашелъ первое пособіе; всѣмъ извѣстно, что на войну за православіе Запорожье ополчилось первое. Другимъ важнымъ событіемъ этого достославнаго періода было возсоединеніе козачества со всею Русью сѣверною, подъ скипетромъ царя Алексѣя Михаиловича Всероссійскаго Самодержца, подъ сѣнью двуглаваго Черпаго Орла. Это происходило въ 1654 г., и съ того дня Украина и Запорожье, уже части великаго тѣла Русскаго, начали именоваться «войскомъ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества» и дѣйствовать по Его Высочайшей волѣ и указамъ. Отъ того и весь періодъ или Кошъ именовать должно *Царскимъ*. Кошъ или Сѣчь Запорожская въ теченіи этого времени, была на томъ же урочищѣ, на рѣчкѣ Чертомлыкѣ, на что уже имѣемъ несомнѣнныя доказательства не только въ грамматахъ до насъ дошедшихъ, когда кошевые *Сѣрко*, *Иваника* и др. подписывали свои листы и универсалы: «въ Сѣчи на Чертомлыкѣ», но и въ самыхъ ея остаткахъ, доселѣ видимыхъ и которые опишемъ въ своемъ мѣстѣ [1]. Первый письменный актъ объ этомъ Кошѣ, найденный нами въ Запорожскихъ архивахъ, есть универсалъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго, данный въ Бѣлой-Церкви 15 Января 1655 г. на имя кошеваго Запорожскаго войска *Демьяна Барабаша*. Въ этомъ актѣ, Хмѣльницкій подтверждаетъ властью, вѣроятно отъ Русскаго царя и народа Украинскаго ему данною, всѣ тѣ права личныя и

[1]) Въ концѣ III тома, въ описаніи поѣздки моей въ Запорожскія городища, которое уже было напечатана въ № 1-омъ Журнала Министерства Внутр. Дѣлъ на 1846 годъ.

поземельныя, которыя были дарованы Запорожью въ 1576 г. королемъ Баторіемъ. Здѣсь употреблено весьма замѣчательное дипломатическое выраженіе, необходимое для понятія тѣхъ вѣчныхъ притязаній Запорожья на нѣкоторую независимость или отдѣльный отъ Украины бытъ Запорожья, о которыхъ сказано будетъ ниже; — это замѣчаніе гетмана, что Запорожское войско: въ подтвердительной его грамматѣ нужды не имѣетъ «яко особливые клейноты и армату войсковую» имѣющее. Этотъ періодъ и часть перваго ознаменованы подвигами: *Сагайдачнаго*, *Печая*, *Сулимы*, *Барабаша*, *Скалозуба*, *Павлюка* [другаго], *Сирка* и многихъ другихъ, воевавшихъ на сушѣ и на морѣ противу вѣчныхъ враговъ своихъ: Поляковъ и Татаръ. Исторія уже имѣетъ подлинные акты этого времени, а народная память въ пѣсняхъ, думахъ и сказаніяхъ записала славныя дѣла ихъ и имена. Запорожцы тогда уже не довольствовались защитою своихъ «Днѣпровыхъ вольностей», но дѣлали притязанія на всю Украину и Волынь «по Случь» рѣку, — какъ сказано въ одной козачьей приговоркѣ:

«Отцѐ Ляше,
По Случь [1]) наше».

Въ межевомъ документѣ, весьма драгоцѣнномъ и составленномъ въ 1740 годахъ, по изустнымъ разсказамъ стариковъ, о которомъ скажемъ ниже, эта граница — свидѣтель Запорожскихъ подвиговъ, показана весьма замѣчательнымъ образомъ: «прогнавъ Ляховъ за Случь въ Любарѣ [2]]; надъ Случью, въ знакъ границы

[1]) Рѣка Волынской губерніи.

[2]) *Любаръ*, мѣстечко Волынской губерніи, Ровенскаго уѣзда, принадлежащее *Стецкимъ*.

и могилу высыпали, дабы Ляхи въ Украину по сей бокъ Случи не *втручались* [nie wtrącali się, нев мѣшивались]». Не менѣе славы пріобрѣли тогда Запорожцы на водѣ, управляя своими лодками и дубами [моноксилами], спускаясь на нихъ по Днѣпру въ лиманъ, а изъ лимана въ Черное море и тамъ по волѣ вѣтровъ или храбрыхъ предводителей, наѣзжали на берега Черноморскіе: на Кафу, Варну, Синопъ:—или, дерзко презирая близость войскъ и флотовъ Турецкихъ, доходили до средины нижняго Дуная и по дорогѣ жгли предмѣстья Аккермана, Киліи и Измаила. Какъ любопытна, какъ заманчива можетъ быть исторія Запорожья въ XVI и XVII столѣтіяхъ! Но мы, не имѣя въ рукахъ подлинныхъ документовъ, должны бы были повторять только то, что гораздо лучше написано и напечатано уже другими, — а это противно цѣли и образу нашего разсказа, т. е. повѣсти того Коша Запорожскаго, котораго архивы намъ достались.

Но подобно всему въ мірѣ и слава «славнаго войска Запорожскаго» въ концѣ этого періода, т. е. въ самомъ началѣ XVIII вѣка померкла, а вскорѣ и вовсе закатилась. Тяжкое бремя, — царскій гнѣвъ и негодованіе потомства, срамное пятно безславія пало на нихъ, и тѣмъ тягостнѣе, что было дѣломъ одного или нѣсколькихъ преступныхъ головъ. Кто не знаетъ той знаменитой для Россіи эпохи, когда дерзкій полководецъ, баловень счастія и славы, король Шведскій Карлъ XII, побѣдившій почти безъ боя часть Германіи и Польши, пробирался съ горстью отличнаго войска даже въ средину богатыхъ полей Украинскихъ? Онъ угрожалъ славѣ и могуществу Россіи, но ея судьба

тогда, по волѣ Провидѣнія, руководилась могучею десницею Великаго Петра — и злые замыслы враговъ пали на ихъ буйныя головы. Кто бы повѣрилъ за десять лѣтъ предъ наѣздомъ Шведовъ, что онъ, чужеземецъ, найдетъ себѣ друзей и помощниковъ и новыхъ враговъ для Россіи, въ вѣрнѣйшихъ ея подданныхъ, въ твердомъ оплотѣ противу Турокъ и Татаръ, въ войскѣ Украинскомъ и Запорожскомъ? А между тѣмъ такъ было въ самомъ дѣлѣ. Гнусные, честолюбивые замыслы Мазепы вовлекли Запорожье въ бездну измѣны и преступленія. Вѣрнѣйшимъ сообщникомъ гетмана былъ кошевой *Костя*, т. е. *Константинъ Гордѣенко*, нѣкогда слава и украшеніе Низоваго товариства, а тогда отступникъ отъ родины, предатель ея войска, измѣнникъ Великому Петру, — не смотря на всѣ Его милости войску. Еще недавно, именно въ 1708 году, Царь посылалъ на Запорожье самыя милостивыя грамматы. Въ 1705 г. Государь благосклонно отвѣчалъ на челобитную Запорожцевъ: о разореніи Богородицкаго [на устьѣ Самары] ретраншамента и другихъ Русскихъ городковъ, и торжественно увѣрялъ кошеваго Гордѣенка въ своей милости [1]. Послѣ, когда въ томъ же 1708 г., забывъ Бога и совѣсть, Мазепа съ Украинскимъ бывшимъ у него войскомъ присоединялся къ Шведамъ, великій Монархъ, не сомнѣваясь еще въ вѣрности и преданности Запорожцевъ, въ грамматѣ за собственноручнымъ своимъ подписаніемъ, на имя кошеваго Константина Гордѣенка и всего войска, объявлялъ объ измѣнѣ Мазепы, приглашалъ никакимъ

---

[1]) Граммата «кошевому Константину Гордѣенку и всему поспольству» 27 Іюля 1705 года.

«прелестямъ» измѣнника не вѣрить и въ преданности къ престолу пребывать. Даже позволилъ, чтобъ Низовое товариство прислало отъ себя депутатовъ въ Глуховъ для выбора новаго гетмана [Скоропадскаго]. Увѣщевая ихъ «за вѣру православную, за вольность свою и за отчизну, противъ Шведовъ и измѣнника Мазепы» стоять, Государь съ своими посланцами стольниками: *Гавриломъ Кишенскимъ* и *Григоріемъ Теплицкимъ*, отправилъ на Запорожье, кромѣ обыкновеннаго жалованья, 12,000 р., а сверхъ того въ подарокъ кошевому 500 червонныхъ, а старшинѣ 2,000 руб. А это были огромныя суммы для того времени. Наконецъ, къ вящшему ихъ еще поощренію, Великій Монархъ пожаловалъ Запорожцамъ клейноты: перначъ, бунчукъ, знамя, литавры и трости,—одну для кошеваго, а другую для судьи. Но не смотря на то, мятежный духъ взволнованнаго Низоваго войска къ долгу своему и присягѣ не возвратился.

Еще въ 1707 году Запорожье, принявъ подъ свое покровительство бунтовщика и измѣнника, Донскаго войска старшину *Кондрата Булавина*, не только его въ Сѣчи и на войсковыхъ земляхъ отъ Царскаго гнѣва охраняло, но еще дозволило многимъ сотнямъ товариства присоединиться къ мятежникамъ и воевать противу Царской арміи. Послѣ, когда неблагоразумными и дерзкими своими поступками навлекъ на себя Царскую опалу, Кошъ не только что не повергъ въ прахъ буйной своей головы, но еще ругался надъ Царскими посланцами и бросилъ ихъ въ воду. Наконецъ, когда измѣна Мазепы сдѣлалась извѣстною, на его мѣсто избранъ гетманомъ Малороссійскимъ Иванъ Скоропадскій

и отъ него, равно какъ и отъ митрополита Кіевскаго посланъ былъ на Запорожье іеромонахъ Межигорской обители *Іродіонъ Жураховскій* и сотникъ Лубенскій *Василій Савичъ* съ извѣстіемъ объ этомъ событіи, то Запорожцы, принявъ у тѣхъ посланныхъ Государевы грамматы и архіерейскій листъ и взявъ жалованье, самыхъ посланныхъ безчестили и хотѣли одного изъ нихъ посадить въ воду, а іеромонаха называли *шпыгомъ* [шпіономъ] и хвалились его сжечь въ бочкѣ смоленной. Въ отвѣтныхъ же своихъ письмахъ къ самому Монарху писали съ нареканіемъ и безчестіемъ, чиня многіе неприличные запросы и досадительныя укоризны и угрозы. 24 Ноября 1708 г. писали они къ измѣннику Мазепѣ, въ отвѣтъ на его подговоры чрезъ Прилуцкаго Судью *Трофима Васильевича,* прося присылки къ нимъ въ Кошъ отъ короля Шведскаго, отъ Лещинскаго и отъ самаго Мазепы депутатовъ, для заключенія договора и рѣшенія, подъ чьею державою имъ оставаться и для того, чтобъ имъ были присланы клейноты войсковые или отъ короля Шведскаго или отъ Лещинскаго. Наконецъ, кошевой атаманъ Костя Гордѣенко съ единомышленниками своими съ старшиною, забывъ страхъ Божій и обѣщаніе свое при крестномъ цѣлованіи великому Русскому Государю учиненное, подъ видомъ и объявленіемъ, будто онъ идетъ съ войскомъ для совокупленія съ Россійскою арміею, предался королю Шведскому [1]. Это горестное событіе совершилось 28 Марта 1709 г. въ мѣстечкѣ *Будищахъ*

---

[1]) Всѣ эти и другія любопытныя подробности заимствованы нами изъ Высочайшей грамматы 1709 г. Мая 26. помѣщенной въ IV томѣ полн. собр. законовъ стр. 452 и др.

[Полтав. губ.]. Съ нимъ вмѣстѣ было до 8000 Запорожскаго войска и почти вся старшина. По волѣ Мазепы Запорожцы, ставъ подъ знамена Карла XII, врага Россіи, съ оружіемъ въ рукахъ дѣйствовали противъ оной и начали тѣмъ, что нѣсколькихъ солдатъ, неждавшихъ нападенія, взяли въ плѣнъ и привели въ Шведскій лагерь, а послѣ находились въ сраженіи подъ Соколками. Милостивый Монархъ все еще надѣялся на ихъ раскаяніе, а потому отъ себя и отъ гетмана Скоропадскаго послалъ въ Сѣчь и въ войско съ кошевымъ находящееся уговаривать Запорожцевъ, чтобы они раскаялись и, оставивъ злоумышленника и измѣнника Гордѣенка, избрали новаго кошеваго и о прощеніи просили; — но несчастные, обманутые козаки, боясь и гетмана, и кошеваго, не только милостиваго совѣта не послушали, но даже посланныхъ къ нимъ людей—однихъ умертвили, другихъ же къ Мазепѣ отослали. Разгнѣванный Монархъ отправилъ противъ Сѣчи отрядъ войска изъ Кіева, подъ начальствомъ полковника *Петра Яковлева*, поручивъ ему прежде принятія крайнихъ мѣръ уговаривать еще разъ въ Сѣчи наказнаго кошеваго атамана и войско: оставить измѣнниковъ и, пребывъ вѣрными Всероссійскому престолу, избрать себѣ новаго кошеваго и другую старшину, обѣщавъ за то прощеніе винъ и оставленіе при прежнихъ войсковыхъ правахъ и вольностяхъ. «И какъ онъ полковникъ Яковлевъ съ своимъ войскомъ въ Переволочнѣ пришелъ и нашедъ тамъ нѣсколько тысячъ Запорожцевъ, послалъ къ нимъ для увѣщанія, чтобы они покорились и просили царскаго прощенія, то они не покорились и полковникъ долженъ былъ

ихъ яко измѣнниковъ въ Переволочнѣ штурмомъ взять, и какъ тамъ, такъ и въ обоихъ Кодакахъ и въ другихъ мѣстахъ по непріятельски дѣйствовать. Когда же полковникъ явился у самой Сѣчи, то послалъ вѣрнаго человѣка для увѣщанія наказнаго атамана и бывшихъ тамъ Запорожцевъ, съ царскимъ указомъ, дабы они принесли повинную и послушавъ Высочайшаго повелѣнія новаго кошеваго выбрали и поклялись служить впредь вѣрно, но они яко древніе и непокорные бунтовщики, все то презирая, не только того напоминанія и увѣщанія не послушались, но и посланца самаго въ воду бросили, а по Россійскимъ войскамъ изъ пушекъ и изъ ружей сильно стрѣляли и одного полковника, нѣскольких офицеровъ и до 400 чел. солдатъ убили». Видя это, полковникъ Яковлевъ вмѣстѣ съ командиромъ Малороссійскаго отряда Чигринскимъ полковникомъ *Галаганомъ* атаковалъ Сѣчь и 14 Мая взялъ ее приступомъ; большое число Запорожцевъ убито или взято въ плѣнъ. Сѣчь разорена была до основанія, такъ что теперь едва слѣды укрѣпленій остались, даже могильныхъ камней уцѣлѣло мало и то вовсе не древнихъ. Болѣе 100 пушекъ и знатная добыча достались побѣдителямъ.

Кошевой Константинъ Гордѣенко понялъ, что участь Запорожья въ Россіи была рѣшена, что ему несчастному осталось дѣлить участь немощнаго и преступнаго старца, гетмана Мазепы и его покровителя Карла XII. Обманутые тѣмъ и другимъ, Запорожцы искали покровительства Крыма—нѣкогда злѣйшаго врага своего; Карлъ самъ помогалъ имъ въ этомъ, обѣщая, въ случаѣ побѣды надъ Русскими, вознаградить всѣ

ихъ потери. Но вскорѣ Полтавская битва разочаровала ихъ на всегда. Мазепа на чужой землѣ, въ Буджакѣ, на берегу Днѣстра, въ лагерѣ близъ сельца Варницы 24 Сентября 1709 года умеръ, кажется что тамъ и похороненъ, хотя никто не знаетъ, гдѣ вѣрные ему до конца Запорожцы погребали его на чужой землѣ.

Разгнѣванный монархъ предалъ Запорожцевъ заслуженной ими карѣ. Манифестомъ отъ 26 Мая 1709 г., извѣстивъ вѣрноподданныхъ о бѣгствѣ этого войска въ предѣлы непріятельскіе, повелѣлъ впредь онаго въ границы Россіи не пускать; ушедшихъ же ловить и казнить, исключая тѣхъ, которые по одиночкѣ и безоружно съ повинною головою будутъ приходить и получа прощеніе, согласны оставаться въ Малой Россіи, какъ поселяне. Ближнему стольнику Андрею Измайлову, находившемуся при гетманѣ Скоропадскомъ, въ наказѣ въ § 2 повелѣно: «вооруженною рукою воспрещать Запорожцамъ селиться вновь въ Сѣчи или въ другихъ прежнихъ ихъ жилищахъ». Преемникъ Мазепы, за границею, такой же измѣнникъ *Филиппъ Орликъ*, оставшись при Карлѣ XII, уговаривалъ Запорожцевъ оставаться непреклонными, обѣщая помощь Шведскаго короля. Они было пытались въ 1710 г. основать Кошъ на устьѣ рѣчки Каменки въ Днѣпръ [1], гдѣ послѣ былъ мѣновой базаръ съ Крымомъ и Турціею, на нейтральной землѣ, — но по повелѣнію Императора, гетманъ Скоропадскій и генералъ Бутурлинъ въ 1711 г. разорили оную. Нечего было дѣлать, — Запорожцы,

[1]) Близъ имѣній помѣщиковъ Вертильяка и Эсаулова на *Мѣловомъ* оврагѣ, въ Херсонской губерніи и уѣздѣ.

забравъ свои клейноты, ушли за Днѣпръ въ Ногайскія степи и повергли себя вторично, о срамъ! у ногъ хана Крымскаго, вассала Турціи. Такъ окончился столь знаменитый второй періодъ исторіи Запорожья!

Третій періодъ начинается въ этомъ 1711 году;— Запорожцы, по приказанію хана Капланъ-Гирея, основали себѣ Кошь на древнемъ урочищѣ Алешкахъ, на берегу нижняго Днѣпра, между песками съ одной и топкимъ камышемъ съ другой стороны; — и какой Кошъ! Горько подумать, что тотъ самый Гордѣенко, о которомъ говорятъ и преданіе и даже народныя пѣсни, былъ послѣ измѣнникомъ и причиною срама для всего «славнаго Запорожья».

Объ этомъ вождѣ Запорожскомъ разсказываютъ много повѣстей. Одно достовѣрно, что онъ былъ родомъ изъ Польши, дворянинъ Волынскій, изъ роду Гординскихъ или Городецкихъ, православнаго исповѣданія; что по одной охотѣ и молодечеству «отрекшись отъ дѣдичныхъ грунтовъ» пришелъ на Запорожье и записался козакомъ въ Платнеревскій курень. Былъ удивительно храбръ и любимъ войскомъ. Его увлекли наслѣдственная преданность къ Станиславу Лещинскому, а еще болѣе лесть и обѣщанія Мазепы. Онъ убитъ въ какомъ-то мелкомъ сраженіи и похороненъ въ 1730 г. на кладбищѣ въ основанной имъ Каменской Сѣчи [1]. На могильномъ камнѣ несчастнаго Гордѣенка находится слѣдующая надпись:

---

[1]) Этими свѣдѣніями обязанъ я г. Николаю Вертильяку, помѣщику Херсонской губерніи и потомку Запорожскаго кошеваго Калинишевскаго, доставившему Одесскому Обществу Исторіи и Древностей списокъ съ могильнаго камня Гордѣенки, найденнаго имъ на кладбищѣ

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Зде опочиваетъ рабъ Божій Константинъ Гордѣевичъ атаманъ кошевый славнаго войска Запорожскаго Низоваго, а куреня Платнѣревскаго. Преставися року АΨЛ».

Между тѣмъ Запорожцы сдѣлались подданными, т. е. раіями Порты Оттоманской и служили въ командѣ ханскихъ сераскировъ; изъ Бахчисарая всегда наряжался особый каймаканъ, который пребывалъ въ Алешкахъ и наблюдалъ за ихъ дѣйствіями. Россія признала этотъ бытъ ихъ трактатомъ Константинопольскимъ въ 1712 году[1]. Этотъ періодъ Запорожья продолжается только 21 годъ, до 1733 г., т. е. до возвращенія раскаявшагося войска подъ единородныя и единовѣрныя Русскія знамена. Отъ того и самый Кошъ мы называемъ Кошемъ *Крымскимъ*.

Послѣдній періодъ и послѣдній Кошъ военнаго ордена Запорожскаго начинается въ 1733 г. и будетъ предметомъ настоящаго и болѣе подробнаго обозрѣнія нашего. Его-то архивъ достался намъ, хотя и въ малыхъ остаткахъ, но онъ далъ намъ возможность съ вѣрностію

Каменской Сѣчи, лежащей близъ его с. *Каменки* или *Отрады* на устьѣ рѣчки сего имени въ 7-ми или 8-ми верстахъ отъ ст. Мѣловой. Тамъ доселѣ видны слѣды укрѣпленія и могильные кресты, изъ которыхъ два были срисованы и присланы г. Вертильякомъ. Запорожцы и эту Сѣчь называли «Старою» и имѣли тамъ военный и торговый постъ, о которомъ сказано было выше, въ географіи Запорожья.

[1]) Трактатомъ, заключеннымъ съ Турціею въ Константинополѣ $^{2}/_{13}$ Апрѣля 1712 г., въ подтвержденіе Прутскаго договора 12 Іюля 1711 г., въ III статьѣ сказано: «Его Царское Величество весьма руку отнимаетъ отъ козаковъ съ древними ихъ рубежами, которые обрѣтаются по сю сторону Днѣпра и отъ сихъ мѣстъ и земель и фортецъ и мѣстечекъ и отъ полуострова Сѣчи, который сообщенъ на сей сторонѣ вышепомянутой рѣки».

ПЛАНЪ
СТАРОЙ-СѢЧИ
ВЪ ДЕРЕВНѢ
КАПУЛОВКѢ
РѢЧКА
ЧЕРТОМЛЫКЪ
ДЕРЕВНЯ
КАПУЛОВКА
РѢКА
ПАВЛЮКЪ
A
AA
B
C
D
E
F
ОБЪЯСНЕНИЕ
A
AA
B
C
D
E
FFFF
GG

и подробностію изобразить исторію этого послѣдняго Коша. Но дабы разсказать съ ясностію объ этомъ возвращеніи Запорожцевъ на родину, — мы должны еще разъ говорить о «Кошѣ Крымскомъ», чтобы показать, въ какую бездну униженія и бѣдствій повергли измѣна и вѣроломство Мазепы «славное войско Запорожское Низовое».

ГЛАВА I.

Сѣчь въ Алешкахъ, возвращеніе въ Россію.

1709—1733.

Въ эпоху, отъ которой правдивая лѣтопись наша начинаетъ свое повѣствованіе, между 1709 и 1725 годами, весьма важныя событія происходили на сѣверѣ и югѣ Европы. Вопросъ о томъ, кто будетъ первенствовать на сѣверѣ, уже приходилъ къ развязкѣ. Побѣжденный подъ Полтавою молодой Шведскій король ушелъ въ Буджакъ, откуда Турки едва силою могли выпроводить его. Полководецъ, побѣдитель Даніи, Германіи и Польши, Карлъ XII, помышлявшій о завоеваніи, если не Россіи, то южныхъ областей ея [Украины], — безъ войска, даже безъ свиты бѣжалъ съ береговъ Днѣстра домой, чтобы въ Норвегіи, при осадѣ кр. Фридрихсталь, отъ руки цареубійцы получить смерть, безславную для него, безполезную для его отечества. Между тѣмъ, Россія спѣшила заключить миръ съ Турціею на Прутѣ и послѣ въ Константинополѣ; Нѣмецкій императоръ посредствомъ своего полководца принца Евге-

нія громить Турокъ, — наконецъ Ништадскій договоръ [1721] возвратилъ миръ Европѣ и положилъ твердое основаніе перевѣсу Россіи. Въ это время Августъ II, курфирстъ Саксонскій, которому Петръ Великій возвратилъ корону Польскую, воскресилъ забытое на время гоненіе за вѣру, утвердивъ законы, противные благу Польскихъ подданныхъ православнаго исповѣданія. Его соперникъ, Станиславъ Лещинскій оставилъ Польшу, но имѣлъ въ ней сильную партію, а еще сильнѣе любовь народа и моральное на него вліяніе. Онъ ожидалъ только случая, чтобы воспользоваться и тѣмъ и другимъ.

Тогда трудныя времена настали для «Славнаго Запорожья». Главный виновникъ всѣхъ его несчастій, гетманъ Мазепа умеръ, его покровитель Карлъ XII убитъ, а преемница его и сестра Ульриха Элеонора, супруга короля Шведскаго Фридриха I, на словахъ и въ письмахъ своихъ усердно обнадеживала Запорожцевъ въ покровительствѣ и помощи Швеціи: но козачество, не смотря на свою простоту, умѣло оцѣнить эти обѣщанія и не разъ повторяло пословицу: «до Бога высоко, до короля далеко». Только другъ измѣнника и его мнимый преемникъ на гетманство *Филиппъ Орликъ*, съ десяткомъ старшинъ-эмигрантовъ Украинскихъ, вѣрилъ обѣщаніямъ безсильнаго Шведскаго Двора и обманутый самъ, обманывалъ бѣдное за-Днѣпровское товариство. Да и какъ было имъ не вѣрить и не надѣяться, когда гроза Европы, Карлъ XII, въ листѣ своемъ отъ 10 Мая 1710 г., писалъ къ «Наказному кошевому *Якиму Богушу* и всему кавалерству» войска Запорожскаго Низоваго, что онъ скоро выздоровѣетъ и тяжкою войною пойдетъ на Русскаго Царя, подвергшаго ихъ своей

опалѣ». Въ то же время, хитрый Орликъ. для вящшаго поддержанія своей власти въ Кошѣ, заключилъ съ нимъ весьма подробныя и выгодныя для Низовцевъ условія, ограничившія гетманское вліяніе на Запорожье и утвердившія бытъ сего послѣдняго[1]. Многократно Орликъ писалъ Запорожцамъ изъ Стокгольма, что онъ и все войско въ большой милости у Шведскаго Двора, что чрезъ своего Польскаго корреспондента генерала *Урбановича*, будетъ съ ними постоянно сноситься, а 19 Декабря 1719 г. еще разъ уговариваетъ Запорожцевъ «подъ Крымскою протекціею непорушно» оставаться, пока Шведы на помощь къ нимъ не прійдутъ. Даже въ 1720 г. самъ король Фридрихъ I, отъ своего и супруги своей имени, писалъ къ Запорожцамъ, благодаря за ихъ письмо, извѣщалъ о смерти Карла XII, своего шурина, и увѣрялъ въ своемъ постоянномъ къ нимъ благоволеніи. Это письмо было отправлено чрезъ самаго Орлика, который съ кредитивными грамматами Шведскаго короля пустился въ Германію, Францію и Турцію, чтобы подвигнуть эти державы къ войнѣ съ Россіею, и для чего? для возстановленія мелкаго авантуриста, измѣнника и мятежника Филиппа Орлика на гетманство въ Малой-Россіи, независимо отъ воли Петра Великаго! Но Провидѣніе назначало тогда Россіи, Его десницею руководимой, столь блистательную участь, о какой враги ея въ XVIII столѣтіи и не помышляли. Всѣ интриги были тщетны; Малороссія осталась въ мирѣ и покорности Россіи, только одно

---

[1]) Этотъ любопытный актъ помѣщенъ въ IV части Исторіи Малороссіи, *Н. Маркевича*, стр. 314 и др. Жаль, что авторъ не указалъ источника, откуда его заимствовалъ.

Запорожье пило горькую чашу бѣдствій за свои тяжкія заблужденія.

До своего паденія, Запорожская община, не смотря на перемѣны, происходившія въ Украинѣ, пребывала неизмѣнно въ первобытномъ своемъ составѣ и образѣ управленія. Не смотря на безпрерывныя въ теченіи двухъ столѣтій войны на сушѣ и на морѣ, она оставалась столь же малымъ военнымъ обществомъ, какъ и въ эпоху своего политическаго младенчества, не дѣлая болѣе ни пріобрѣтеній или завоеваній и не претерпѣвая важныхъ территоріальныхъ потерь. Еслибъ мы имѣли довольно современныхъ документовъ XVI и XVII столѣтій, собственно къ Кошамъ относящихся, то вѣрно нашли бы въ нихъ доказательства, что Сѣчевое товариство считало истиннымъ расколомъ это распространеніе Украинскаго могущества въ древнихъ Русскихъ княжествахъ, посредствомъ поселенія тамъ женатаго козачества, что дало начало Малороссійскимъ, а въ послѣдствіи и слободскимъ поселеннымъ полкамъ. Сѣчь не участвовала ни въ какомъ гражданскомъ успѣхѣ остальной Украины, даже чуждалась ея, называя ее *Гетманщиною*, городовымъ козачествомъ, а себя именуя преимущественно «войскомъ Запорожскимъ *Низовымъ*», отъ *низовьевъ* Днѣпра, гдѣ была колыбель и основался центръ или *Сѣчь* Запорожья, хотя оно широко «въ степу и по рѣчкамъ полевымъ» распространялось. Запорожцы въ XVIII столѣтіи упрекали своихъ собратовъ Малороссійскихъ въ упадкѣ военнаго духа, храбрости и дѣятельности, въ отступленіи отъ простоты войсковой [т. е. куреннаго устройства] и неоднократно просили правительство избавить ихъ отъ совмѣстнаго

служенія на границахъ, ибо одному Низовому братству, «по весьма древнему обычаю и праву», должно *сидѣть* на стражѣ противу Турокъ, Татаръ и другихъ враговъ «всякаго закону христіанскаго». Хотя Малороссійскій гетманъ именовался въ грамматахъ *гетманомъ обоихъ береговъ Днѣпра* и пользовался титулярно большимъ уваженіемъ въ Низовьяхъ, какъ *начальникъ войскъ Запорожскихъ*[1]], но въ самомъ дѣлѣ, его власть оканчивалась у Кременчуга и Переволочны. Не смотря на то, исторія свидѣтельствуетъ, что отъ знаменитыхъ гетмановъ — героевъ козачества до послѣдняго ихъ представителя графа Кирилла Разумовскаго, — вожди Украины искали и доброй помощи и защиты въ Низовомъ товариствѣ, лишь только бывало Поляки, Турки или Татары являлись на южномъ Русскомъ рубежѣ: чтобы «*кровавымъ потомъ обливаться*».

Да, славна была нѣкогда «кравчина» Запорожская! И въ какой прекрасной землѣ она подвизалась. Богатыя степи, роскошныя села Самарскія, живописныя скалы, острова и *лѣски* Днѣпровскіе — все было ихъ удѣломъ, а храбрость въ бою, твердость въ несчастіи, усердіе къ православной—вѣрѣ ихъ отличали. На лодкахъ въ Черномъ морѣ, на лиманахъ въ Дунаѣ, они не боялись и Турецкихъ военныхъ кораблей; а въ полѣ, въ строю противъ Польскаго шляхетства, одно только *панцырное* и *гусарское* товариство [дворянскіе кирасирскіе

[1]) Богданъ Хмѣльницкій писалъ свой титулъ: «Гетманъ обоихъ береговъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ». Графъ Разумовскій именовался: «Е. И. В. Малой-Россіи, обоихъ береговъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ Гатманъ». — «Мы всегда съ великимъ къ Ясневельможнымъ Гетманамъ пребываемъ почтеніемъ» — говорили и писали Запорожцы.

отряды] могли выдерживать козачій натискъ, удары ихъ пикъ и наѣзды ихъ неутомимыхъ и неуловимыхъ ватаговъ. Бывало, только подымутъ великую Царскую хоругвь, ударятъ въ Царскія литавры, полковники и эсаулы замашутъ серебряными перначами, а по словамъ новаго Украинскаго барда *Падуры:*

«А Атаманъ тилько свысне,
Веи козаки въ луку дзвонятъ;
А якъ кони въ ногахъ стысне,
То веи витры перегонятъ».

А если бывало мечъ враговъ зальетъ кровію козачьею зеленыя по-Днѣпровскія степи, покоситъ какъ жниво буйныя козачьи головы, то за то хотя:

«Поляжетъ козацька молодецька голова,
Якъ одъ витру на степу трава» — но за то:
«Слава не вмрѐ, не поляже,
Лыцарство Козацьке всякому роскаже» [1]).

А теперь Запорожье, гдѣ твоя *Палестина?* [2]]. Построивъ бѣдный Кошъ въ Алешкахъ, — несчастные желали хотя сосѣдства съ Днѣпромъ — они просятъ хлѣба у того «пана», противъ котораго клялись и привыкли воевать всю жизнь. Только клейноты войсковые и любовь къ православію напоминала, что они Русскіе, заблудшія овцы Русскаго стада. Вотъ что писали современные послѣднему Кошу историки о томъ состояніи, въ какомъ были Запорожцы подъ *ищищеніемъ* [souveraineté] Крымскаго хана. «Турки и Татары о

[1]) М. *Максимовичъ,* Украин. народ. пѣсни, ч. 1. стр. 69.

[2]) Украинцы называли Запорожье *Палестиною,* т. е. обѣтованною землею, ибо не только всѣ бурлаки, т. е. молодые и бездомные люди туда стремились, но даже добрые хозяева-отцы семейства и даже панки къ ней спѣшили, за чѣмъ? многіе и сами того не знали.

пришествіи сего народа не мало радовались. Они сперва давали козакамъ жалованье деньгами и провіантомъ; но послѣ опредѣлили имъ доходы на ихъ содержаніе отъ большихъ перевозовъ, бывшихъ на рѣкахъ Днѣпрѣ и Бугѣ. Заключенный при Прутѣ миръ утвердилъ Запорожцамъ право пользоваться доходами отъ перевозовъ Днѣпра, даже до устья р. Самары. Ибо вся земля, лежащая отъ Самары къ югу, уступлена была Туркамъ и Татарамъ, а съ нею и перевозы на Днѣпрѣ: въ Кодакѣ, Никитиной, при Каменкѣ и противъ Кизикермена, также перевозъ на Бугѣ при устьѣ рѣчки, Мертвыми-Водами называемой[1]. Мало по малу увидѣли козаки, что Турецкое и Татарское и защищеніе не столько къ пользѣ ихъ служитъ, какъ больше къ ихъ утѣсненію. Когда ханъ Крымскій пошелъ войною противъ Кабардинскихъ Черкесъ [1712], то должны были около 3,000 козаковъ Запорожскихъ съ нимъ соединиться. Они много разъ принуждены были въ такомъ же числѣ ходить въ Крымъ изъ Сѣчи и починять Перекопскую линію, не получая за то ни малѣйшей платы. Сначала имѣли они дозволеніе изъ находящихся въ Крыму озеръ, брать соль безъ платы; но сіе послѣ запрещено, подъ предлогомъ, что они Малороссійскихъ козаковъ, приходившихъ за солью, называютъ Запорожцами. Съ того времени они принуждены были добывать соль у Татаръ за деньги. Татаре

---

[1]) Гдѣ теперь Вознесенскъ. Она называлась «Сокольская переправа» или *Соколы*: Минихъ, котораго солдаты прозвали *Соколомъ*, построилъ было здѣсь какое-то укрѣпленіе, которое еще въ 1769 г. именовалось *Миниховою редутою*, какъ мы видѣли изъ одного письма кошеваго, писаннаго «зъ Коша у Миниховой редуты».

не позволяли козакамъ обезпокоивать Польскія владѣнія набѣгами и грабежами, ибо они издавна этимъ занимались и оправдывали свои поступки учиненными ихъ предкамъ отъ Поляковъ обидами. Ханъ по принесеннымъ жалобамъ, не слушая оправданія, требовалъ жестокаго штрафа съ козаковъ въ пользу обиженныхъ. Дабы прекратить даже охоту къ набѣгамъ, Татаре воспретили Запорожцамъ жить въ Кодакѣ; отъ того вся Запорожская сторона нѣсколько лѣтъ оставалась пустою. Турки отняли отъ козаковъ пушки, которыя тогда они имѣли въ Алешковской Сѣчи, и строго запретили укрѣплять оную. Случилось, что козакъ, вышедшій на рыбную ловлю, увидѣлъ на восточной сторонѣ Днѣпра въ берегѣ, который большою водою смыло, небольшую пушку, и увѣдомилъ о томъ кошеваго; но онъ не отважился употребить ее въ свою пользу. Приказавъ пушку вырыть, нашли они еще 50 другихъ, которыя, какъ кажется, остались отъ учиненныхъ въ 1687 и 1688 годахъ противу Крыма походовъ. Запорожцы оставили отысканныя пушки на прежнемъ мѣстѣ, чтобы Татаре не вздумали себѣ ихъ присвоить, гдѣ онѣ и оставались до основанія Новой-Сѣчи. Потомъ уже козаки, получивъ подъ Русскимъ владѣніемъ прежнія свои вольности, употребили пушки въ свою пользу: ибо оныя послужили имъ не только для защищенія валовъ въ Сѣчи, но и для судовъ, на которыхъ они лѣтнимъ временемъ по Днѣпру разъѣзжали. Часто случалось, что ханъ посылалъ султана, мурзу или другаго знатнаго Татарина осматривать состояніе Сѣчи, или прекращать споры, или за другимъ какимъ дѣломъ. Съ нимъ приходило свиты не меньше 200

человѣкъ. Все сіе многолюдство должны были козаки, пока Татарамъ жить у нихъ нравилось, содержать на своемъ коштѣ, кормить ихъ лошадей и при томъ еще богато дарить самихъ гостей при ихъ отъѣздѣ. Все сіе приводило козаковъ въ столь жестокое огорченіе, что они нерѣдко самымъ дѣломъ показывали свое отчаяніе»[1].

Но еще яснѣе это горестное положеніе описываютъ сами Запорожцы, не думая, что ихъ *плачъ* дойдеть до насъ, безпристрастнаго ихъ потомства. Въ одномъ листѣ своемъ къ Капланъ-Гирею, хану Крымскому, они исчисляютъ «какія великія нужды и кривды» [обиды] имѣли они отъ Ногайцевъ, которые всѣ козакамъ отъ хана отведенныя земли, отъ низу Днѣпра и Великаго-Лимана до самыхъ пороговъ и всю окрестную степь отняли; какъ преслѣдовали Запорожцевъ за всякія потери Крымцевъ въ имуществѣ, стадахъ и рабахъ, за что все одни козаки своимъ «добромъ» отвѣчать должны были, а иногда и смертной казни подвергались. Призванные къ суду, изъ однихъ мусульманъ составленному, они безпрестанныя присяги въ невинности давать были должны, и не смотря на то, никакой вѣры не имѣли, а только «души свои тѣми присягами попроклинали» и имущество истратили. Когда Запорожцевъ, ходившихъ по торговлѣ въ Брацлавское воеводство, Польскіе губернаторы, не смотря на миръ

---

[1]) «Новый и полный Географическій Словарь Россійск. Государ. 1788—1789». Часть II, буква *Зап.*, соч. *Максимовича*, составлявшаго свои свѣдѣнія о козакахъ преимущественно по Миллеру, лучшему ихъ историку. Одесское Общество Исторіи и Древностей имѣетъ двѣ пушки, называемыя Запорожскими, желѣзныя, кованныя въ обручахъ, — если они и принадлежали войску, то развѣ въ самомъ младенчествѣ и козачества и литейнаго искусства.

и союзъ съ Крымомъ, схвативъ до нѣсколькихъ сотъ, на базарахъ перевѣшали, — не взирая на всѣ просьбы Коша, ханъ за то никакого удовлетворенія отъ Поляковъ не требовалъ. Напротивъ, по жалобамъ «Лядской-же стороны», многія тысячи левовъ козаки ежегодно платили за грабежи гайдамакъ и Ногайцевъ, которые всѣ падали на «славу и субстанціи» [имѣніе] Запорожья. Татаре, на берегахъ Азовскаго моря кочующіе, не только не допускали Запорожцевъ къ рыбной и звѣриной ловлѣ, на степяхъ и косахъ Бердянскихъ, издревле имъ принадлежащихъ, но еще одинокихъ рыболововъ убивали или взявъ въ плѣнъ, продавали Черкессамъ. По волѣ хана, они ходили войною даже на Малороссію, отъ чего не только вѣчный срамъ палъ на все войско, но даже, когда козаки почти безоружно являлись подъ Орѣльскими городками, то Русскія и гетманскія команды немедленно ихъ смерти предавали. Наконецъ, когда Адиль-Гирей-Султанъ, бывшій послѣ калгою Капланъ-Гирея-Хана, поднялъ знамя бунта и возмутилъ противу Менгли-Гирея-Хана весь Буджакъ, козаки, принужденные силою за ними слѣдовать, по усмиреніи мятежа, одни только пострадали. Менгли-Гирей разбилъ ихъ на голову, и тогда «жадного [ни одного] своего и единаго Турка, ани простаго Татарина смертію не скаралъ, ани въ неволю не спродалъ, тилько козаковъ повиноватили и на 1,500 душъ на каторги [Турецкія галеры] запродали».

Мы имѣемъ положительныя доказательства, что и Турція и ханъ Крымскій желали сбыть Запорожцевъ и отказаться отъ покровительства надъ ними. Это видно изъ § 3 протокола конференціи между ихъ

посланниками и Польскими вельможами, 18 Октября 1713 г., въ которомъ сказано: «Посланники [Порты и ханскіе] предлагаютъ, чтобы часть Украины Польской [т. е. западной] отдана была козакамъ, которыхъ въ командѣ Орлика до 20,000 считается, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не принадлежали ни Портѣ, ни хану, ни Царю [Русскому], но единственно королю и республикѣ Польской». На то Польскіе депутаты отвѣчали: «Король не имѣетъ права уступать ни малѣйшей части земель государства своего безъ соизволенія чиновъ онаго, ниже принимать народонаселенія [osad, колоній], состоящаго изъ чужеземцевъ, безъ согласія сейму. А потому король отлагаетъ дѣло о козакахъ Орлика до будущаго сейма и до заключенія всеобщаго мира. Но король не можетъ имѣть довѣренности къ людямъ, принадлежавшимъ къ Шведской партіи и доселѣ къ ней приверженнымъ. Даже такая уступка земель была бы противна трактатамъ, давно существующимъ между Царемъ Русскимъ [Петромъ Великимъ] и государствомъ Польскимъ, равно и вновь заключенному договору, въ которомъ съ точностію обозначено, что тѣ люди, которые бы измѣнили одной изъ договаривающихся сторонъ, не должны пользоваться никакимъ покровительствомъ у другой, а напротивъ должны быть выданы Государю, котораго были подданными».

Въ § 5 присовокуплено, что посланные Турецкіе вторично просили объ уступкѣ земель козакамъ Орлика, но на то со стороны Польши вторично соизволенія не послѣдовало [1].

---

[1]) Взято изъ документовъ архива короля Августа II, курфирста Саксонскаго, напечатанныхъ въ XVII томѣ книги: *Obraz Polaków i*

Впрочемъ, свѣдѣнія наши объ этомъ періодѣ или Крымскомъ кошѣ Запорожскомъ такъ еще малы и рѣдки, что мы считаемъ полезнымъ представить здѣсь образчикъ одного изъ ханскихъ ярлыковъ въ видѣ приговора надъ Запорожцами своими «пріятелями и поклонниками», какъ ихъ называетъ въ одномъ своемъ указѣ. Въ Запорожскомъ канцелярскомъ слогѣ онъ важенъ тѣмъ, что не обращается ни къ кошевому, ни къ старшинѣ, а прямо къ товариству. Мы сдѣлаемъ только небольшое измѣненіе въ слогѣ перевода, писаннаго больше по-Польски, нежели по-Русски.

«Атаманы куренные, объявляю всѣмъ вамъ:

«Предъ насъ хана и всего панства Крымскаго, по жалобѣ Ляховъ, позваны были къ суду, по указу нашему, въ Крымъ, атаманъ кошевый съ другими атаманами куренными. По разсмотрѣніи дѣла этого, хотя Ляхи, за многихъ убитыхъ своихъ братьевъ и Жидовъ, за пролитую кровь Христіанскую, хотѣли нѣсколько тысячъ талеровъ вознагражденія, но мы васъ только къ уплатѣ 15 кѣсей [кошельковъ, до 6000 левовъ или 5,000 рублей] присуждаемъ. Эти деньги мы сей часъ отъ посланныхъ вашихъ взяли, и симъ нашимъ ханскимъ листомъ всѣмъ вамъ куреннымъ атаманамъ повелѣваемъ, чтобы вы по своимъ куренямъ никакихъ воровъ и своевольныхъ людей не держали и не таили и сумму съ васъ присужденную собрали или у кого нибудь заняли. Еслижъ впредь послѣ сего будете какія либо воровства и своевольства кому бы то ни было

Polski въ XVIII столѣтіи», изд. графа Рачинскаго. 1843. Бреславль. Стран. 265—278.

чинить, то уже одною платою не отдѣлаетесь, но всѣхъ васъ атамановъ и стариковъ призвавши къ себѣ погубить, а остальныхъ своевольниковъ, пославши на нихъ Орду [Ногайцевъ] истребить и изъ Коша разогнать повелю. И ты пане кошевый, когда не будешь своихъ полковниковъ отъ своевольства удерживать и насъ панство Крымское стыдомъ покрывать не перестанешь, и самъ смертной казни надѣйся. Уже много разъ въ невинности своей вы присягали, а виновныхъ до сихъ поръ не отыскали. Впредь если какая либо жалоба до насъ дойдетъ, то не будь я Ханомъ, если всѣхъ васъ не уничтожу. О семъ васъ стократно упоминая остаюсь,

«*Капланъ Гирей-Ханъ со всѣмъ панствомъ Крымскимъ*».

Для оріенталистовъ и для знающихъ вообще грамматы и дипломатическія сношенія восточныхъ правительствъ забавною покажется эта фраза «*насъ панство Крымское*» или «*со всѣмъ панствомъ Крымскимъ*». Мы полагаемъ, что это не козачья ошибка, но, или принятая въ ханской канцеляріи форма для сношеній съ Запорожцами, въ подражаніе кошевой формѣ, гдѣ за всякимъ титуломъ слѣдовало «зъ старшиною» или «съ товариствомъ», или же прибавка козачьихъ переводчиковъ.

Такая бѣдственная жизнь образумила наконецъ и старшину Запорожскую, особенно когда въ ханство Девлетъ-Гирея, прозваннаго Кара-Девлетомъ, за вражду къ Турецкому визирю Балтаджи-Мегмету и за вѣчную ненависть къ Россіи, страданія войска, вѣчно подозрѣваемаго, перешли всякую мѣру. Къ сему присоединилось другое для нихъ бѣдствіе — тоска по отчизнѣ,

которая также гибельна Украинцамъ, какъ и Швейцарскимъ горцамъ.

Въ Алешковскомъ Кошѣ давно уже начался раздоръ; одни требовали возвращенія въ Россію, другіе держались партіи ея враговъ, пока еще Гордѣенко былъ начальникомъ. Но избранный въ кошевые благоразумный козакъ *Иванъ Малашевичъ* и какъ видно недругъ Орлика, былъ главою первой партіи; онъ уговорилъ многихъ, хотя въ тайнѣ отъ другихъ, нести повинную голову къ престолу, столь сильно оскорбленнаго ими Россійскаго Монарха и просить прощенія. Въ то самое время, когда Орликъ и наказный атаманъ кошевый *Яковъ Богушъ* занимались интригами и подсылали даже въ Украину подговорщиковъ и измѣнниковъ, Малашевичъ въ Октябрѣ 1716 г. отправилъ, кажется, съ Иваномъ Бѣлицкимъ «нижайшую челобитную къ его милости» гетману Скоропадскому и Миргородскому полковнику Данiилу Апостолу [1] [какъ попограничному начальнику], прося ихъ предстательства у разгнѣваннаго Царя. Но ихъ ходатайство не имѣло никакого успѣха, равно какъ и другое, посланное 18 Іюля 1717 г., Петръ Великій оставлялъ ихъ безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что мирный трактатъ съ Турціею, заключенный въ Царградѣ 5 Апрѣля 1712 г., требовалъ, чтобы Россія отказалась отъ правъ своихъ на

---

[1]) По уходѣ Запорожцевъ съ Чертомлыка въ Крымскія степи, всѣ ихъ земли выше устья Самары въ Днѣпръ лежащія, причислены къ Миргородскому полку. Но на лѣвой сторонѣ Самары и въ Гарду Запорожскія усадьбы остались, и тогда «Самарскія вольности» были столь же знамениты своими гайдамаками, какъ и окрестности рр. Корабельной или Мигеи.

Сѣчь Запорожскую, — и Монархъ не желалъ нарушать его.

Между тѣмъ Орликъ, пребывая попеременно то въ Швеціи, то въ Турціи, особенно въ Салоникѣ, чрезъ приверженцевъ своихъ: *Мировича*, *Нахимовскаго* и *Герцика*, частыя письма подсылалъ на Запорожье, именуя себя гетманомъ и подъучая грубое козачество не предаваться Россіи, а остаться вѣрными Турціи и ему, какъ гетману. Малашевичъ, искренно желавшій добра своему обществу [съ 1720], всѣ такія письма, наполненныя ѣдкими чувствами виновнаго измѣнника, дерзкими восклицаніями противу Россіи — своего отечества и ложными обѣщаніями, отсылалъ къ гетману Скоропадскому, какъ залогъ своей вѣрности и преданности Россійскому Престолу. Всякій разъ просилъ онъ его предстательства о прощеніи войску Запорожскому его вины и заблужденія. Но Императоръ Петръ остался непоколебимъ и, до самой кончины своей, не измѣнилъ разъ даннаго объ нихъ повелѣнія. Его Супруга и Преемница Екатерина I, ту же строгость поддерживала, повелѣвая еще въ 1725 г. Азовскому губернатору *Чернышеву*, чтобъ Запорожцевъ ни для торговли, ни подъ другимъ какимъ нибудь предлогомъ въ предѣлы Россіи не впускать, а ѣдущимъ въ Крымъ Русскимъ подданнымъ строго запрещать, чтобъ они «къ измѣнникамъ Запорожцамъ» ни за чѣмъ не ѣздили [1].

---

[1]) Объ этомъ воспрещеніи, въ инструкціи 22 Апрѣля 1725 г., данной генералъ-маіору *Чернышеву для управленія Азовскою губерніею*, сказано слѣдующее:

§ 7. «Торговыхъ Великороссійскаго и Малороссійскаго народа людей, которые съ незаповѣдными товары въ Турецкую землю или

Только въ царствованіе Императора Петра II встрѣчаемъ нѣкоторые слѣды облегченія участи несчастныхъ отпадшихъ сыновъ Украины и Запорожья. Въ архивѣ крѣпости Св. Димитрія Ростовскаго на Дону, Н. Н. Мурзакевичъ въ 1839 году отыскалъ указъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, данный Воронежской губернской канцеляріи 11 Іюня 1728 г., въ которомъ упоминается, что фельдмаршалъ князь Михаилъ Голицынъ и Малороссійскій гетманъ Данило Апостолъ [преемникъ Скоропадскаго] донесли верховному тайному совѣту, что Запорожцы «хотятъ, забравъ изъ Новой-Сѣчи [Алешекъ] войсковые клейноты, перейтить въ Старую-Сѣчь [на Чертомлыкъ], и отзываются, что они подъ протекціею Е. И. В. быть желаютъ». На это донесеніе Императоръ отвѣчалъ: «на крѣпко подтвердить всѣмъ пограничнымъ Русскимъ и Украинскимъ начальникамъ, чтобъ они тѣхъ Запорожцевъ, ежели они въ которыя мѣста хотя подъ протекціею Е. И. В. придутъ а многолюдствомъ и съ ружьемъ,

---

въ Крымъ похотятъ ѣхать; такожъ ежели изъ Турецкихъ и изъ Крымцевъ торговыхъ людей, въ Россійскіе городы съ товары своими пріѣдутъ, такихъ, ради нынѣшняго мирнаго постановленія, пропускать не задерживая; токмо которые будутъ ѣздить въ Крымъ, тѣмъ объявлять, чтобъ къ Запорожцамъ отнюдь не заѣзжали, и о томъ учинить заказъ крѣпкій подъ жестокимъ наказаніемъ и отнятіемъ всего того, съ чѣмъ кто туда дерзнетъ поѣхать; а изъ Крымцевъ, которые въ губернію его (Азовскую) пріѣзжать будутъ, дать знать, чтобы они при себѣ измѣнниковъ Запорожцевъ и козаковъ не имѣли».

§ 8. «Козаковъ измѣнниковъ Запорожцевъ и прочихъ ни съ товары ни для какихъ дѣлъ въ губерніи и никуда въ Великороссійскіе городы, также и изъ той губерніи, и ни откуда чрезъ ту губернію туда на Запорожье съ товары, ни за добычею и ни съ чѣмъ отнюдь не пропускать». Полн. Собр. Зак. Т. IV, стр. 456 и 457.

такихъ бы они не принимали и въ границы Русскія не впускали ни подъ какимъ видомъ, и никакой имъ протекціи и защищенія нигдѣ не давать и отъ границъ отбивать ихъ оружіемъ; а подъ рукою словесно къ нимъ приказомъ отзываться и обнадеживать ихъ секретно, что при способномъ времени приняты они Запорожцы будутъ». Но изъ Монаршей милости присовокуплено: чтобы тѣхъ изъ козаковъ, которые съ повинною головою прибудутъ въ небольшомъ числѣ и въ Малой Россіи жить пожелаютъ, принимать и внутри Украины поселять.

Это подало уже большую надежду Запорожцамъ на монаршее милосердіе, а потому Кошъ сохранилъ письменныя сношенія съ пограничными властями въ ожиданіи благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Ихъ надежды вскорѣ оправдались. Вступившій въ Россійскую службу Богемскій генералъ *Графъ фонъ-Вейсбахъ* подалъ въ 1730 г. Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ проэктъ объ укрѣпленіи Русскихъ южныхъ границъ, для защиты Имперіи отъ Турецкихъ, т. е. Татарскихъ наѣздовъ, цѣлою *линіею* или цѣпью крѣпостей и редутовъ, которая, начинаясь отъ Днѣпра у построенной при ея родителѣ Царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Великомъ крѣпостцы на Самарѣ [въ 1688], названной *Богородицкимъ ретраншаментомъ*, доходила бы до Сѣвернаго Донца у границъ Изюмской провинціи. Указъ 1731 года 25 Іюня поручаетъ ему исполненіе этого гигантскаго дѣла, и такимъ образомъ на степи нашей, у сѣверовосточной части рубежа Запорожья отъ гетманщины, основалась *Старая* или *Украинская линія* съ военнымъ [ландмилицейскимъ] на ней поселеніемъ. Графъ Вейсбахъ,

начальствуя надъ всѣми работами и неоднократно посѣщая ставки ввѣреннаго ему корпуса войскъ, расположенныхъ на этой границѣ, вполнѣ постигалъ трудность охраненія столь обширной цѣпи укрѣпленій, тѣмъ болѣе, что край, за нею находившійся, представлялъ обширную пустыню, безъ всякихъ естественныхъ преградъ наѣзду Татаръ Ногайскихъ, которыхъ орды въ тѣ времена казались столь страшны, что противъ ихъ надобно было высылать цѣлыя арміи изъ внутри Россіи или Украины. Служба на линіи столь казалась тягостною для Украинцевъ, что печальное объ ней воспоминаніе сохранило преданіе народное въ одной пѣсни:

«Ишовъ козакъ на линію и вельми надувся,
Ишовъ козакъ изъ линіи — якъ лихо зогнувся».

Опасность для южныхъ границъ Россіи увеличивалась еще отъ плачевнаго состоянія ближайшаго сосѣда Украины: — Польскаго королевства. Тамъ анархія дворянства, интриги вельможей и недостатокъ войска и финансовъ, готовили конечное разрушеніе этому государству и многія безпокойства для сосѣдственныхъ державъ. Всѣ эти причины подали мысль графу Вейсбаху, какъ главному пограничному начальнику, стараться о возвращеніи на родину Запорожцевъ, заклятыхъ соперниковъ и Татаръ и Польши, могущихъ послѣ претерпѣнныхъ подъ Крымскою «протекціею» бѣдствій и униженія, постигать все счастіе, безопасность и честь, даруемыя покровительствомъ Россійской имперіи всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ. По волѣ Императрицы Анны Іоанновны, графъ Вейсбахъ писалъ къ кошевому атаману Малашевичу, что «Е. И. В. видя искреннее

желаніе войска Запорожскаго повергнуть себя всеподданнѣйше подъ Высочайшую Е. И. В. руку, — какъ прежде словесно чрезъ него, графа Вейсбаха, было оно обнадеживано, что при первомъ удобномъ случаѣ въ подданство Е. И. В. будетъ принято, — такъ и теперь онъ, съ согласія Монархини, ему кошевому, какъ пріятелю и всему войску повторяетъ, что они вполнѣ могутъ надѣяться на данныя уже имъ обѣщанія; но пока не послѣдуетъ отъ Турецкой стороны разрыва, войско Запорожское должно терпѣливо ожидать произшествій. Но лишь только этотъ разрывъ послѣдуетъ, войско Запорожское Низовое непремѣнно подъ Высочайшую Е. И. В. протекцію возвращено будетъ. При чемъ графъ Вейсбахъ просилъ переписку его содержать въ тайнѣ». [1731 г. 26 Августа].

Въ такой перепискѣ и ожиданіяхъ прошли цѣлые два года. Между тѣмъ король Польскій Августъ II, другъ Великаго Петра, умеръ. Партія Станислава Лещинскаго, побѣжденная при немъ, подняла голову, и въ 1733 г. избираетъ вторично королемъ *Пяста* [1], т. е. того же Станислава. Видя, что ни одна держава, кромѣ Франціи, стороны его не поддерживаетъ, партія эта послала своихъ сообщниковъ въ Турцію и Крымъ, прося, если не по дружескимъ связямъ, то хотя за деньги дать войска для помощи этому претенденту на корону. Рейментаръ партіи Украинской *Свидзинскій* отправилъ даже посланцевъ въ Алешки, приглашая и Запорожцевъ на службу, — но избранный въ то время кошевымъ *Иванъ Бѣлицкій*, письменно ему отвѣчалъ,

[1]) *Пястами* назывались претендейты на корону Польскую изъ единоземцевъ, а не изъ иностранныхъ принцевъ.

что ханъ запретилъ своимъ подданнымъ, слѣдственно и Запорожцамъ, безъ воли его ни подъ какія знамена не поступать. Но самъ же Капланъ-Гирей-Ханъ, получивъ подарки и деньги, призвалъ къ себѣ бывшаго кошеваго Малашевича и спросилъ его: можетъ ли онъ на вѣрность его, судьи войсковаго Якова Тукалы и Бѣлицкаго полагаться, если бы нужда потребовала приняться за оружіе? Малашевичъ отвѣчалъ какъ истинный козакъ: «мы *до сихъ поръ* вамъ и всему панству Крымскому вѣрны, а не здрайцы» [измѣнники].» Ханъ обманутый такимъ отвѣтомъ приказалъ имъ готовиться къ походу въ Польшу.

Положеніе Запорожцевъ было тогда самое затруднительное. Графъ Вейсбахъ съ арміею шелъ на помощь сыну умершаго короля Августа, Фридриху Августу III, и отправляясь въ Польшу, отъ 21 Декабря 1733 г. изъ Кіева писалъ въ Кошъ, въ отвѣтъ на извѣстіе о повелѣніи хана Капланъ-Гирея, съ подробнымъ ему наставленіемъ, какъ должны поступать Запорожцы, чтобы скрыть отъ Татаръ свой умыселъ къ переходу подъ Русскія знамена, если къ тому удобный случай откроется. Это тѣмъ труднѣе было исполнить, что оба Кодака, Усть-Самарскій и другіе ретраншаменты были заняты Крымскими командами и Ногайскія орды кочевали въ окрестностяхъ Алешковской Сѣчи. Открытою силою они бы легко ихъ побороли, но тогда открыли бы глаза не только хану, но и грозной Портѣ Оттоманской, которой боялись не только козаки или Польша, но и самая даже Западная Европа. Онъ совѣтовалъ кошевому притворно соглашаться съ повелѣніемъ хана и вооружаться исправно, только не для

помощи Лещинскому, а чтобъ готовыми быть къ войнѣ подъ Русскими знаменами. Еслижъ ханъ требовать будетъ объясненія: почему козаки въ поле не идутъ? — отвѣчать присланнымъ отъ хана чиновникамъ: что они опасаются, если пойдутъ въ Польшу, чтобы Русскія войска въ большемъ количествѣ и вблизи находящіяся, не бросились за Днѣпръ и Коша не разорили. Если не смотря на то, Крымцы настаивать будутъ на немедленное выступленіе къ Польскимъ предѣламъ, то графъ Вейсбахъ совѣтуетъ, прогнавъ или умертвивъ ханскихъ посланцевъ, перейти немедленно Днѣпръ и уничтоживъ вездѣ Татарскіе караулы, занять всѣ прежнія Запорожскія »вольности» по обѣимъ сторонамъ этой рѣки и уже явно служить Русской имперіи. Наконецъ поручаетъ кошевому рѣшить тогда самому, идти ли въ Польшу на подкрѣпленіе Русскаго корпуса или броситься на Крымъ для его разоренія и развлеченія силъ непріятельскихъ, чтобы Русской арміи полезную «диверсію» произвесть.

Не менѣе любопытно приказаніе Вейсбаха, данное Запорожцамъ, чтобы сообщниковъ Орлика и Лещинскаго, Малороссійскаго полковника *Мировича* или его сына, если они еще разъ въ Сѣчь съ письмами, подговорами и обѣщаніями прибудутъ, ласково принявъ, притворно на все соглашаться и съ обѣщаніями же отпуститъ; но въ дорогѣ приказать гайдамакамъ на нихъ напасть, и схвативъ и ограбивъ, добычу взять себѣ, а самаго Мировича или другихъ подговорщиковъ, отправить подъ крѣпкимъ карауломъ чрезъ Переволочну въ Полтаву.

Наконецъ столь долго ожидаемое Запорожцами благопріятное обстоятельство случилось. Ханъ рѣшительно потребовалъ, чтобъ Запорожцы отправили войско свое въ Польшу. Нечего было дѣлать, — кошевой Иванъ Бѣлицкій съ отрядомъ перешелъ Днѣпръ у Каменки [близъ Мѣловаго оврага] и пустился къ Бугу, но дошедъ до Гарду остановился, ожидая приказаній Вейсбаха. Между тѣмъ Турки, занятые войною съ Персіею не могли, согласно съ трактатомъ, удержать Ногайцевъ отъ набѣга на Россію, тѣмъ болѣе, что новостроющаяся линія крѣпостей и заводимое тамъ военное ландмилицейское поселеніе крайне тревожили и Крымцевъ и Турокъ. Татаре, возмущенные Орликомъ и не опасаясь въ степи Запорожцевъ, ворвались въ Малую Россію и село *Беркутъ* Полтавскаго полка сожгли; 12 человѣкъ тамъ убили и болѣе 20 *ясыромъ* взяли. Получивъ о томъ извѣстіе отъ Полтавскаго коменданта Чичерина, графъ Вейсбахъ поспѣшилъ донести Императрицѣ, что Татаре нарушили трактаты, что по приказанію хана Ногайскія орды переходятъ Днѣпръ и слѣдуютъ къ Очакову и къ Польской границѣ, и полагалъ возможнымъ принять уже явно подъ Ея Высочайшую державу Запорожцевъ, для поставленія ихъ противу Татаръ. Въ то же время предлагалъ Запорожцамъ выгнать изъ полуразрушенныхъ укрѣпленій Кодака Татарскій гарнизонъ и занять оный; въ случаѣ же внезапнаго движенія ордъ къ Сѣчи, имъ удерживаться въ своемъ Кошѣ [на защиту котораго онъ отправилъ 1,000 драгунъ и столько же пѣхоты изъ Кіевской губерніи]; или дѣйствовать противу враговъ наступательно. Свою диспозицію графъ Вейсбахъ такъ оканчивалъ:

«Изъ сего моего объявленія вы и все войско Запорожское Низовое можете подлинно узнать, что Е. И. В. наша Всемилостивѣйшая Государыня неотмѣнное свое Высочайшее соизволеніе и милость въ отпущеніи войска Запорожскаго винъ содержитъ и въ Высочайшую свою державу, а отъ бусурманскаго подданства всѣхъ васъ вѣчно освобождаетъ и въ число вѣрныхъ своихъ подданныхъ имѣть соизволитъ». [12 Февраля 1734 г.].

Для успокоенія же войска и нѣкоторымъ образомъ инвеституры на новое ихъ подданство, графъ Вейсбахъ послалъ кошевому Малашевичу копію съ *простительной грамматы* Императрицы Анны Іоанновны, прося его до времени хранить оную въ тайнѣ, сообщивъ только старшинѣ войска, дабы Татаре уходу ихъ изъ Алешекъ не воспрепятствовали. Граммату эту выписываемъ здѣсь вполнѣ: [1]].

«Нашего Императорскаго Величества подданному, Низоваго войска Запорожскаго кошевому атаману Ивану Малашевичу и всему будучему при тебѣ поспольству, Нашего Императорскаго Величества милостивое слово:

«Мы Великая Государыня, Наше Императорское Величество о вашемъ всеподданнѣйшемъ прошеніи къ Намъ, дабы Мы милость Нашу къ вамъ явили и вины ваши отпустили и по прежнему въ наше подданство приняли, какъ напредъ сего изъ вашихъ къ намъ листовъ, такъ особливо нынѣ отъ прибывшаго ко Двору Нашему Нашего генерала Фонъ-Вейсбаха, къ которому вы, подтверждая тѣ ваши прошенія, еще листовнѣ

[1]) Списокъ съ копіи приложенной къ другимъ документамъ Вейсбаха, о которыхъ будетъ сказано въ главѣ II-й настоящей части Г. Бантышъ-Каменскій помѣстилъ во 2-омъ изд. своей *Ист. Малой-Россіи*.

отозвались, обстоятельно изустно увѣдомлены; которой Намъ о вашемъ дѣйствительномъ и вѣрномъ намѣреніи и желаніи быть вѣчно въ подданствѣ Нашемъ и служить со всякою вѣрностію засвидѣтельствовалъ и представлялъ о желаніи и покорнѣйшемъ прошеніи вашемъ, дабы въ лучшую вашу надежду и упованіе прислали Мы къ вамъ Нашу Всемилостивѣйшую граммату съ прощеніемъ вашихъ винъ и со обнадеживаніемъ о Нашей Монаршей милости. По которому вашему всеподданнѣйшему и всепокорнѣйшему прошенію, Мы вамъ вины ваши Всемилостивѣйше отпущаемъ въ той надеждѣ, что вы тѣ свои вины Намъ заслужите и въ наилутчей и совершенной вѣрности къ Намъ пребудете, и въ протчемъ, о чемъ къ вамъ вышсупомянутый Нашъ генералъ Фонъ-Вейсбахъ, именемъ и указомъ Нашимъ писать и повелѣвать будетъ, со всякою вѣрностью исполните, за что Мы васъ Нашею высокою милостію обнадеживаемъ. Данъ въ С. Петербургѣ 1733 г. Августа 31 дня.

«*АННА*».

Не смотря на столь явное доказательство Монаршаго покровительства, Запорожцы въ своемъ Кошѣ «усидѣть не могли.» Съ одной стороны боялись, чтобы Крымцы всѣми ордами Ногайскими на нихъ не нагрянули, съ другой — обѣщаніямъ Вейсбаха хотя и вѣрили, но наученные собственнымъ непостоянствомъ, опасались, чтобы Царская милость къ нимъ не измѣнилась. Между тѣмъ извѣстіе о Русскомъ покровительствѣ дошло и до уединенныхъ зимовниковъ въ Гарду и на Прогноинскихъ озерахъ. Съ Буга и съ лимановъ Днѣпровскаго и Бугскаго, на дубахъ, въ началѣ Марта

1734 г. явились къ Сѣчи Запорожскіе козаки, и подъ начальствомъ Якова Тукала, начали требовать, чтобы Кошъ на что нибудь рѣшился. «Весна, — кричали они на площади, — приближается, пора идти на рыбныя и звѣриныя добычи, а мы ничего не знаемъ, что будетъ и кого слушать». Даже въ пѣсняхъ своихъ повторяли, что Запорожцы

«Не знають кому покорится
И которому Царю».

Малашевичъ донесъ объ этомъ покровителю Сѣчи графу Вейсбаху, прося его наставленія, — но не дождавшись отвѣту, принуждены были, взявъ клейноты, оружіе и что могли наскоро забрать изъ имущества, оставить пагубные Алешки, въ которыхъ 12 лѣтъ «бидовали», живя съ Татарами въ такомъ согласіи, «въ якомъ собака съ котомъ живе», приговаривали старики. Они медленно, цѣлымъ таборомъ подымались вверхъ по Днѣпру до самаго «Каменнаго-Затона», и тамъ уже рѣшились перейти Днѣпръ. Такъ окончился третій періодъ или *Крымскій Кошъ* Запорожскаго ордена. Въ 1734 г. они уже были на родинѣ, поставили походную свою церковь на рѣчкѣ Подпольной и готовились приступить къ основанію тамъ новаго Коша, который былъ уже четвертымъ, а суждено ему было сдѣлаться *послѣднимъ* Кошемъ Запорожскимъ!

ГЛАВА II.

Основаніе Новой-Сѣчи или Новаго Коша на рѣчкѣ Подпольной.

1734.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1734 года, т. е. съ первымъ появленіемъ весны и возстановленіемъ кой-какихъ сообщеній по степямъ, начался этотъ переходъ Запорожцевъ изъ Алешекъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра къ древнимъ своимъ пепелищамъ. Путь ихъ, составляющій теперь едва 180 верстъ, былъ весьма труденъ, по причинѣ растаявшихъ снѣговъ и опасенъ по злобѣ Ногайцевъ. Часть войска была на Бугѣ, другую, т. е. шествующій Кошъ сторожили Татаре. Одинъ Ногайскій отрядъ, подъ начальствомъ мурзы, остановилъ ихъ на пути, спрашивая; куды это они идутъ вверхъ Днѣпра? на отвѣтъ кошеваго, что объ этомъ знаетъ ханъ и Крымская старшина, Ногайскій командиръ отвѣчалъ: «ступайте, помогай вамъ Богъ». Далѣе догналъ ихъ посланецъ Перекопскаго каймакана съ подобнымъ же вопросомъ. Малашевичъ, по наставленію графа Вейсбаха, отвѣчалъ: «что ханъ хотѣлъ послать ихъ въ Польшу,

на помощь воеводѣ Чермно-Русскому Потоцкому и рейментарю Свидзинскому, *согласникамъ* Лещинскаго, —но какъ противу ихъ выступили Русскія войска, дѣйствующія въ пользу Августа III, то Запорожцы туды идти не рѣшились, потому что у многихъ изъ нихъ «есть въ Малороссіи отцы, родственники и свойственники», на которыхъ, въ случаѣ войны противу Россіи, падетъ Царскій гнѣвъ. Для того удаляясь отъ всѣхъ угрожающихъ войною мѣстъ, они идутъ къ верхнему Днѣпру, гдѣ будутъ оставаться спокойно до окончанія замѣшательствъ». Наконецъ, избравъ удобное время, кошевой Малашевичъ съ войсковыми клейнотами, войскомъ и имуществомъ переправился чрезъ Днѣпръ. 27 Марта донесъ графу, что онъ уже съ стараго мѣста *увернулся* и *новымъ* Кошемъ сталъ [на рѣчкѣ Подпольной], прося дальнѣйшихъ приказаній и наставленій. Урочище, на которомъ они желали поселиться, «сѣсть Кошемъ», было на правомъ берегу Днѣпра, въ 8-ми верстахъ отъ Старой-Сѣчи, на Чертомлыкѣ бывшей. Мѣстность, избранная для Сѣчи, составляла родъ полуострова, окруженнаго со всѣхъ почти сторонъ глубокою рѣчкою *Подпольною* [Подпильня], бѣгущею въ Днѣпръ, которая защищала ее какъ бы нарочно сдѣланнымъ каналомъ; съ одной только стороны соединялось она съ сухимъ путемъ, т. е. степью. Въ послѣдствіи въ этомъ мѣстѣ сдѣланы были укрѣпленія; валъ, ровъ и острогъ съ рогатками и башнями, какъ мы сказали выше при описаніи Новой-Сѣчи [Часть I. Глава II, стр. 46—72].

Къ счастію Запорожцевъ, ханъ Крымскій Капланъ Гирей I, занятый Польскими дѣлами, все время

пребывалъ въ Каушанахъ [1], чтобы находиться ближе къ дѣйствующимъ войскамъ, хотя вскорѣ участь и самаго Лещинскаго была рѣшена совершеннымъ уничтоженіемъ его партіи въ Польшѣ и утвержденіемъ Августа III на ея престолѣ. При ханѣ неотлучно находился Филиппъ Орликъ, котораго ни лѣта, ни неудачи образумить не могли. Вѣсть о бѣгствѣ изъ Крыма Запорожцевъ была для него смертельнымъ ударомъ. Въ послѣдній разъ рѣшился онъ послать съ Дубосарскимъ ханскимъ каймаканомъ свой «гетманскій Листъ» къ Запорожцамъ, упрекая ихъ въ непостоянствѣ, призывая ихъ силою прежнихъ клятвъ и любви къ Украинѣ, возвратиться обратно подъ Крымское владычество и не довѣрять покровительству Россіи. «Упевняю вашмостей [2], добрыхъ молодцовъ войско Запорожское, писалъ онъ, же я тутъ при хану, Его милости, зостаючи, жичливое [доброжелательное] о васъ имѣю старанѣ, и выразумялемъ тое совершенно у его ханской милости, же есть яко съ натуры ласковый панъ, до вашмостей добрыхъ молодцевъ войска Запорожскаго цѣлымъ сердцемъ прихильный [расположенный] и всего вамъ и отчизнѣ нашей добра желаючій; потреба тылько, абысте вашмость добрые молодци, войско Запорожское, одозвалися до его ханской милости, чрезъ посланныхъ

[1]) *Каушаны*, лѣтнее пребываніе хановъ въ Буджакѣ, нынѣ казенное мѣстечко Бендерскаго уѣзда, въ Бессарабіи, было тогда довольно значительное, торговое и многолюдное, судя по его кладбищамъ, которыя вдвое болѣе всей нынѣшней усадьбы. Я нарочно посѣтилъ его въ 1835 году, но уже никакихъ памятниковъ древности не нашелъ. Только память о ханахъ и ногайцахъ сохранилась вполнѣ.

[2]) *Упевняю вашмостей* (Waszmość), *увѣряю васъ, вашихъ милостей*,—форма древняя для писемъ и бумагъ въ Польшѣ.

своихъ листовнѣ и освядчилисте [изъявили] предъ нимъ. же никогда не мыслилисте въ противную сторону Московскую удаватися [отправляться] и отдалятися отъ обороны и отъ владзы его милости ханской... Я зась [же] христіанскимъ сумнѣніемъ [совѣстью] упевняю вашмостей добрыхъ молодцевъ войско Запорожское, же [что] не будете того жаловати [жалѣть], и не тилько плату, але и слушную [справедливую] нагороду, за працы [труды] и отваги свои отберете и имѣти будете въ Польской сторонѣ пожитечные [полезные] и выгодные станціи [жилища]» и проч. [1]].

Съ тѣмъ вмѣстѣ и ханъ Крымскій, къ которому Орликъ, не ожидая согласія Запорожцевъ, послалъ отъ ихъ имени письмо, съ объявленіемъ, что они удалились въ Русскія границы только на время изъ предосторожности, — отправилъ съ тѣмъ же посланцемъ каймаканомъ Дубосарскимъ, свой ярлыкъ, котораго переводъ дошелъ до насъ, и мы считаемъ его достойнымъ помѣщенія здѣсь, какъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ документовъ сношеній Запорожья съ Крымомъ. Мы будемъ по возможности держаться слога самаго подлинника.

«Кошевому атаману, старшинѣ и всему войску Низовому поздоровленіе.

«Листъ вашъ прислалисте до брата моего Оръ-Бея [2]], чрезъ который освядчилисте ему, же жичите

[1]) Письмо Орлика и отвѣтъ Коша, въ полномъ текстѣ помѣщенъ нами въ Апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» 1883 года, стр 107—124. Тамъ же письмо Коша Каплапъ-Гирею хану Крымскому

[2]) *Оръ-Бей* или губернаторъ крѣпости въ Перекопѣ (Оръ), обыкновенно султанъ изъ рода Гиреевъ.

[желаете] себѣ повернутись впредь подъ Крымскую нашу сторону и же отмѣнилисте намѣреніе, которое взялисте было предъ себе одыйти до Москвы, что егда помянутый султанъ намъ ознаймилъ [объявилъ] и листъ, который вы до его писалисте, намъ для вѣдома прислалъ,—вѣльце [весьма] съ того утѣшаемся. Богъ Всемогущій знаетъ наше сердце и намѣреніе и якъ всѣ беи, мурзы и *цѣлое панство Крымское* стараются о вашей цѣлости и желаютъ вамъ всякаго добра. Памятайте, же вы ѣли у насъ хлѣбъ и соль и жилисте у насъ добре. Ежели вы зичите себѣ повернутися назадъ, будемъ вамъ рады и приемемъ васъ ласкаве, якъ гостей, и обѣцуемъ вамъ захoваты [сохранять] тую самую приязнь, якую до васъ мѣлисьмо, будете защищатися такъ добре нашею обороною и нашимъ странолюбіемъ, яко и передъ тымъ и мы вамъ позволимъ все тое, що передъ симъ мѣлисте. Гдѣ зась [же] мѣете осѣсти [поселиться], даемо вамъ вольность обрати себѣ на тò мѣстце, гдѣ сами хочете. Однакожь ражу [совѣтую] вамъ, для вашего добра и пожитку [пользы], а для нашего уподобанія [удовольствія], стати Кошемъ на томъ мѣстцу на которомъ осѣлисте были прежде, удавшися подъ нашу оборону. По указу Порты Оттоманской. Панъ Орликъ, гетманъ вашъ, который зоставалъ [находился] до тѣхъ часъ [доселѣ] въ Салонику, пришелъ теперь до насъ для злученіяся [соединенія] съ нами. Пишетъ до васъ листъ свой, якій мы вамъ посылаемъ при семъ нашемъ листѣ. Яко онъ мыслитъ тоежь самее що мы и вы и который старается о вашемъ добрѣ и пожитку публичномъ, такъ потреба, абысте вѣрили всему тому, що вамъ въ листѣ своемъ выражаетъ

[излагаетъ], для того найбарзѣй [наиболѣе], же онъ есть ваша голова и вашъ вождь, и же вы повинны [должны] есте идти за его радою [совѣтами]. Съ нашей стороны упевняемъ васъ, же мы васъ примемъ ласкаве, и же вы не будете мѣти жадной [никакой] кривды и насилія ни отъ насъ, ни отъ панства Крымскаго, ежели повернетеся на мѣйсцѣ, которое я вамъ назначаю. Остатокъ скажетъ вамъ устне отдавца сего нашего листу, гетманъ Дубосарскій [1]. Якій листъ для лѣпшой [лучшей] вамъ вѣры, власною нашею рукою подписуемъ и печатью нашею стверждаемъ.

«*Капланъ-Гирей-Ханъ*».

Но Запорожцы, наученные бѣдствіемъ и опытомъ, оба письма нераспечатанныя послали къ Вейсбаху, который отправилъ ихъ ко Двору, а копіи прислалъ войску, оставляя на его разсужденіе что отвѣчать. Козаки остались вѣрны доброму своему намѣренію и отвѣчали хану,—изложивъ прежде всѣ свои обиды,—что за всѣ его лестныя обѣщанія «подякованіе [благодарность] *наше* належитое *войсковое* вельможности вашей воздаючи, найвысшему Богу хвалу и честь возсылаемъ, а вашей ханской милости и всему панству Крымскому до земли ногъ покланяемся и дьякуемъ за хлибъ и силь и желаемъ уже не тайно, лечь явно

---

[1]) «Старые-Дубосары», мѣстечко въ Бессарабіи, на Днѣстрѣ, противъ м. *Новые-Дубосары*, основаннаго въ Херсонской губерніи въ 1792 г. Въ 1755 г. гетманомъ, т. е. комендантомъ Дубосарскимъ, былъ Польской службы полковникъ *Черкесъ*, котораго потомки владѣютъ до сихъ поръ въ Бессарабіи гор. *Сорокою* и др. имѣніями, еще въ Турецкое время пріобрѣтенными.

подъ властью и обороною Е. И. В. первыхъ нашихъ христіанскихъ Монарховъ Наслѣдницы и Самодержицы Всероссійскія въ вѣчные часы [времена] жить и ей вѣрно служить». Въ отвѣтъ же Орлику на его хитрые подговоры, лживыя обѣщанія и дерзкіе противу Россіи возгласы, изложивъ всѣ обиды, потери и срамъ, претерпѣнныя подъ Крымскимъ владычествомъ, письмо свое оканчиваютъ слѣдующими замѣчательными словами: «Мы войско Запорожское по соизволенію своему собственному, уже къ Е. И. В. челобитныя письма отправили и каючись давнихъ своихъ преступленій, какія зъ препростаго нашего казацкаго ума и невѣжества, за поводомъ и указомъ покойнаго Мазепы сотворили,—просили о принятіи насъ въ прежнюю милость, что уже слава Богу и получили и ожидаемъ, какая воля Е. И. В. будетъ, насъ войско казнить или изволитъ животомъ даровать,—то гдѣ сбылся грѣхъ, тамо нехай [пусть] буде и покута [покаяніе]. Но мы надѣясь на Ея милосердіе, уповаемъ что Она не отдастъ войска въ поруганіе, но милостію Своею наградитъ. Мы же предлагаемъ и Вашей Вельможности, подобно намъ, повергнуть себя Е. И. В. милосердію а не надѣяться на ханскія обѣщанія, ибо если онъ,—чего недай ему Боже!—и овладѣетъ Украиною, то вѣрно вамъ ее не поручитъ. Наконецъ просимо не писать къ намъ больше, занеже естесьмо уже Е. И. В. мы, войско Запорожское Низовое, слуги, а не Ганскіе, которой имѣемо доживотнѣ отъ рода въ роды служить и за щастливое Ея владѣніе и всего посполитаго Христіанскаго народу становиться». [1734 г. 8 Мая].

Графъ Вейсбахъ, похваливъ таковыя дѣйствія Запорожскаго Коша, увѣдомилъ его, что Русскій Дворъ приметъ мѣры, дабы Ханъ Крымскій болѣе къ нему не писалъ, а отъ измѣнниковъ и подговорщиковъ сами козаки должны уже остерегаться. Такимъ образомъ успокоясь въ политическомъ отношеніи, козаки принялись за хозяйство, заняли посты формально: древній въ Гарду и новый на устьѣ Каменки, гдѣ была Сѣчь 1711 г. Но прежде отправили въ Кіевъ своихъ посланцевъ съ покорнѣйшимъ письмомъ, увѣдомляя о возвращеніи на родину и прося, чрезъ посредство графа Вейсбаха, пастырскаго благословенія у Кіевскаго митрополита, на устройство церкви Покрова Пресвятой Богородицы, безъ чего и самый Кошъ существовать не могъ. *Рафаилъ*, митрополитъ-архіепископъ Кіевскій, немедленно далъ свой благословительный листъ, который графъ Вейсбахъ при письмѣ своемъ, отъ 19 Апрѣля 1734 г. прислалъ въ Кошъ. Листъ этотъ былъ слѣдующаго содержанія:

«Благородный и почтенный мосцѣ пане атаманъ кошевый, со всѣмъ войска Низоваго товариствомъ.

«Намъ въ Дусѣ Святѣ благосклонныи сыны!

«Сего 1734 года отъ Апрѣля 3 дня, письмо благородія вашего и всего войска Запорожскаго, отпущенное къ мѣрности нашей [1], со многою радостію и пастырскою нашею любовію сегожь Апрѣля 14 дня въ самый торжественный день святыя великія Пасхи получили мы почтенно. Вы въ своемъ писаніи со благосклонностію сыновскою и прихильностью желательною

[1]) ***Мѣрность***, съ Польскаго ***mierność***, ***посредственность***. Титулъ духовныхъ сановниковъ вмѣсто ***смиренія***.

къ намъ, пастыреви, требуете благородіе ваше со всѣмъ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ нашего архіерейскаго благословенія, дабы на новомъ преселеніи всего войска Запорожскаго, при урочищѣ *Поопольной*, церковь Покрова Божія Матере вновь построить и соорудивши, литургисать всечестному архимандритѣ, при войску Запорожскомъ обрѣтаючемуся, отцу *Гавріилу*, благословили мы пастырски. Такое отъ милостей вашихъ врученное намъ писаніе, мѣрность наша разсмотрѣвши и премного сердцемъ и душою возрадовавшися, достойно васъ благосклонныхъ намъ въ Дусѣ Святѣ сыновъ восхваляюще, имѣющихъ прилежное тщаніе о строеніи церкве Божія и любящихъ ея благолѣпіе и впрочемъ доброе и полезное возъимѣвшихъ намѣреніе, — въ началѣ благородію вашему и всему войску Запорожскому, Православныя Святыя Восточныя Церкви сыномъ за истинную къ церкви Божіей горливость [усердіе gorliwość] и сыновскую къ намъ благосклонность, Божіе благословеніе и наше архіерейское препосылаемъ ... А по требованію вашему и церковь Покрова Пречистыя Богоматери, при указанномъ урочищѣ *Подпольной*, по чиноположенію церковному заложить и благоспѣшно устроевать и освятивъ, въ ней безкровную приносить жертву ко всеблагосердому Богу нашему и прочая священная дѣйствовать, когда оная церковь совсѣмъ устроена будетъ, — властію намъ отъ Бога данною, вышеупомянутому пречестному архимандритѣ Гавріилу, архіерейски благословляемъ. И ко оной же церкви вашей имѣючейся устроить по требованію вашему, освященной отъ насъ, посылаемъ антиминсъ для священнослуженія, при упомянутой церкви Покрова

Пресвятыя Богоматери, до которой во знаменіе любви нашей пастырской и благословенія посылаемъ отъ насъ новоизданное въ Кіевопечерской типографіи Евангеліе, которое да будетъ благопріятно принято отъ васъ сыновъ нашихъ благосклонныхъ, пастырски предлагаемъ. И притомъ, здравіе и состояніе милостей вашихъ Божію благословенію и нашему архіерейскому, при молитвахъ нашихъ пастырскихъ вручивши, пребываемъ:

«Благородія вашего и всего войска Запорожскаго, всѣхъ благъ желающій пастырь и Богомолецъ, до услугъ готовый

«Смиренный *Рафаилъ*, архіепископъ Кіевскій.[1]]

Съ основаніемъ церкви и новый Кошъ Запорожскій, т. е. ***Новая-Сѣчь*** была дѣйствительно основана. Приступлено и къ устройству паланокъ, особенно въ Кодакѣ и на Самарѣ, гдѣ нѣкоторыя усадьбы уцѣлѣли, даже во время Крымскаго владычества, считаясь [по правую сторону этой рѣчки] частью Миргородскаго Малороссійскаго полка. Посланной туда старшинѣ дано приказаніе, чтобы въ случаѣ наѣздовъ Татарскихъ, съ большими силами, она требовала помощи у командующаго на Украинской линіи генерала, какъ ближайшаго сосѣда; а небольшія шайки силою сама прогоняла; объ уходѣ же Запорожцевъ съ Крымской степи отзывалась бы незнаніемъ. Въ Самарской паланкѣ основанъ или возстановленъ монастырь, существующій доселѣ подъ названіемъ «Пустынно-Свято-Николаевской обители». Для него и для церквей Сѣчевыхъ, по древнимъ обычаямъ, приглашено было духовенство изъ иноковъ Кіево-

[1]) Числа не видно, вѣроятно истлѣло отъ времени.

Межигорскаго монастыря, о чемъ сказано нами подробно въ главѣ «о Запорожской церкви» [1].

Такъ основался Кошъ на рѣчкахъ Подпольной и Базавлукѣ, и началъ прежнюю свою дѣятельность: военную и пограничную службу. Бывшій кошевой Иванъ Бѣлицкій съ большою командою посланъ къ Польской границѣ, для участія въ дѣйствіяхъ Русскихъ войскъ, а кошевой Малашевичъ съ старшинами и куренными атаманами, оставивъ въ Сѣчи на командѣ судью войсковаго, отправился, по приглашенію графа Вейсбаха, въ Бѣлую-Церковь, для полученія подлинной Императорской грамматы и для выполненія присяги на вѣрность и подданство Всероссійскому престолу. Это торжество совершено 7 Сентября 1734 года въ томъ же городѣ, въ присутствіи присланныхъ на то Россійскихъ чиновниковъ: Полтавскаго коменданта *фонъ-Трейдена*, генеральсъ-адъютанта Вейсбахова *Рыстера* и секретаря его *Горчакова*. По окончаніи церемоніи, всѣ присутствовавшіе Запорожскіе старшины получили денежное награжденіе, выдано на все войско то самое жалованье, которое получало оно до 1709 года; при чемъ графъ Вейсбахъ объявилъ имъ отъ имени Императрицы, что войско Запорожское при прежнихъ своихъ козачьихъ «вольностяхъ» и правахъ остается, лишь бы только вѣрную свою службу по прежнему исполняло. Въ то же время по его распоряженію, Сѣчевой архимандритъ приводилъ къ присягѣ въ новомъ Кошѣ судью *Семена Еремѣевича* и все оставшееся тамъ товариство.

Императрица Анна Іоанновна, въ знакъ своей милости и всепрощенія, при совершеніи въ Бѣлой-

[1]) Часть I, Гл. V. 121—148.

Церкви кошевымъ и старшиною отъ имени всего войска присяги, повелѣла вручить Запорожцамъ: булаву, бунчукъ, перначъ, большую хоругвь, прапоры, литавры и трости, т. е. всѣ войсковыя клейноты, — этотъ козачій палладіумъ, къ владѣнію которымъ Запорожцы присоединяли тогда свою политическую самостоятельность. Прибывшіе немного прежде изъ Петербурга войсковые депутаты несказанно обрадовали войско разсказомъ о той милости, съ которою были тамъ приняты. Поѣздки ихъ ко двору была слѣдующая причина: — Запорожцы не боялись явныхъ набѣговъ Татарскихъ или нападенія Польши, но опасались козней хитрой политики Порты Оттоманской, могущей чрезъ трактаты требовать обратной уступки хану Крымскому земель, которыя вторично были заняты ихъ Кошемъ, ибо сознавались, что одни удержать ихъ не могли. Потому рѣшились послать бывшаго войсковаго судью *Степана Решетилу* и куреннаго атамана *Федорова* съ челобитною отъ Коша и рапортомъ графа Вейсбаха ко Двору, объ окончательномъ переселеніи Запорожцевъ и принесеніемъ вѣрноподданническаго *поклона* отъ войска. Императрица приняла эту депутацію съ особенною ласкою, объявила имъ торжественно о своемъ всепрощеніи войску, о принятіи Запорожья подъ высокое Ея покровительство и изъявила увѣренность, что оно можетъ спокойно въ новомъ своемъ Кошѣ пребывать. Оба депутата были содержимы въ Петербургѣ на казенный счетъ, получили въ даръ отъ Ея Величества по 150 червонцевъ каждый, богатыя бархатныя платья и путевыя деньги. Въ слѣдъ за ними прибыла другая депутація, составленная изъ бывшаго

кошеваго Ивана Бѣлицкаго и шести куренныхъ атамановъ, которые поднесли Ея Величеству всеподданнѣйшую челобитную, съ изъявленіемъ благодарности за всѣ высокія милости Монаршія и съ вторичною просьбою о неприкосновенности со стороны Турціи Запорожскихъ земель[1]. Императрица милостиво приняла, благосклонно выслушала ихъ просьбы и обѣщала свое всегдашнее покровительство и защиту. Извѣстіе объ этомъ, привезенное на Запорожье, успокоило наконецъ сердца козаковъ, и они поклялись служить вѣрно и неизмѣнно Россійской Самодержицѣ, не «склоняясь» впредь ни на какіе подговоры и обѣщанія враговъ Ея, клонившіяся доселѣ къ вящшей ихъ гибели.

Въ упомянутомъ выше Географическомъ *Словарѣ* Максимовича [Т. II ст. Запор.], встрѣчаемъ нѣсколько любопытныхъ строкъ объ упомянутыхъ здѣсь событіяхъ: «Къ Запорожцамъ отправленъ былъ офицеръ съ объявленіемъ Всевысочайшей Императорской милости и съ подтвержденіемъ оныя данною Всемилости-

[1]) Одинъ весьма энергическій и любопытный отрывокъ изъ этой челобитной дошелъ до насъ. Запорожцы въ ней говорятъ: «когдабъ отъ Оттоманской Порты или отъ хана Крымскаго за ту сторону (или на то мѣсто), гдѣ нынѣ войско Низовое Запорожское Кошемъ зостаетъ (находится), имѣли упоминаться (требовать, *upominać sie*), чтобъ съ того мѣста не повелѣно было сходить, понеже то мѣсто отъ давнихъ лѣтъ Низовому войску надлежащее и никѣмъ не разграниченное. За которую Е. И. В. Августѣйшую милость въ томъ мѣстѣ будучи, обѣщается (войско Запорожское), хотя въ добрыхъ фортунахъ, или въ какихъ и отъ противной стороны нападеніяхъ, не склоняясь ни на какія прелестныя письма, до живота своего по всѣмъ Е. И. В. указамъ служить и ведлугъ (по) прежднихъ поведеній отъ Крымской и Турецкой стороны всѣмъ Великороссійскимъ и Малороссійскимъ народамъ *стражниками* быть».

вѣйшею грамматою. При семъ велѣно ему взять съ нихъ присягу и нѣсколько тысячъ рублей отдать имъ на построеніе Новой-Сѣчи. Невозможно довольно описать, какую радость въ Запорожскомъ войскѣ сіе произвело. Отправленный къ нимъ офицеръ принятъ былъ какъ знатный посолъ. Кошевой [наказной, т. е. судья] со старшинами и нѣсколько тысячъ простыхъ козаковъ вышли ему на встрѣчу, и стали отъ Сѣчи по обѣимъ сторонамъ дороги на двѣ версты рядомъ, такъ что офицеръ промежъ ихъ ѣхалъ. Они поздравляли его ружейною и пушечною пальбою. Вездѣ раздавался голосъ литавръ, трубъ, барабановъ и флейтъ, а наипаче народнаго восклицанія, которымъ больше нежели всѣмъ прочимъ общая радость изъявлялась. Когда офицеръ прибылъ въ Сѣчь и прежде всего пошелъ въ церковь, то въ свѣтлыхъ одеждахъ встрѣтило его духовенство съ пѣніемъ. Благородственный молебенъ отправленъ былъ при пушечной пальбѣ. По окончаніи Божіей службы, собрался весь народъ въ великій кругъ [т. е. *на раду*] и прочтена была граммата [вѣроятно отъ 31 Августа 1733 г.], содержащая въ себѣ обнадеживаніе Всевысочайшей Е. И. В. милости. Потомъ взята была съ нихъ присяга и остатокъ дня препровожденъ былъ во всякихъ увеселеніяхъ. Турецкій дворъ о сей перемѣнѣ, прежде нежели она учинилась, получилъ извѣстіе; онъ думалъ сіе несчастное [для него] приключеніе отвратить тѣмъ, ежели онъ пошлетъ къ Запорожцамъ посланника съ многими подарками и чрезъ него ихъ увѣритъ въ высокой милости султанской. Посланникъ прибылъ съ великою свитою знатныхъ Турокъ и Янычаръ въ Сѣчь въ то же время,

когда находился еще тамъ Россійскій офицеръ. Онъ привезъ съ собою множество денегъ, которыя ему велѣно было роздать народу, но козаки приняли его безъ всякой чести. Какъ онъ свой пріѣздъ объявилъ пушечнымъ выстрѣломъ, то они отвѣчали ему однимъ же выстрѣломъ. Онъ привезъ письмо отъ великаго султана и другое отъ самозванца гетмана Орлика, кои прочтены въ великомъ собраніи народа, при чемъ былъ и Россійскій офицеръ. Какъ великій султанъ, такъ и Орликъ, увѣщевали козаковъ, чтобы они въ прежнемъ послушаніи Портѣ и Крымскому хану пребывали завсегда и не соглашались бы ни на какія чужія обѣщанія, напротивъ того, надѣялись бы на высокую милость султана, который хочетъ имъ давать ежегодно знатное жалованье. При выслушаніи сего, вдругъ подняли великій крикъ, которымъ народъ оказывалъ свое всеобщее неудовольствіе за прежнія отъ Татаръ имъ оказанныя обиды, а особливо ругали жестоко измѣнника и богоотступника Орлика и окончили тѣмъ, что они, яко христіане, не хотятъ больше быть подъ не-христіанскимъ владѣніемъ, но заключили единогласно служить Россійскому государству вѣчно, какъ вѣрнымъ рабамъ подобаетъ. Потомъ обратился кошевой [наказный] со старшинами и прочими знатными козаками къ Россійскому офицеру и подтвердили со всею подданностію уже прежде данную присягу. Видѣвъ и слышавъ сіе, Турецкій посланникъ почелъ за излишнее долѣе жить въ Сѣчи, но токмо требовалъ на султанское письмо отъ козаковъ письменнаго отвѣта, который ему немедленно и изготовили, но съ такими выраженіями, которыя еще больше изъявляли общее неудовольствіе на хана

и Орлика, также и на Турецкихъ придворныхъ служителей, держащихъ ханскую и Орликову сторону. Съ симъ отвѣтомъ выѣхалъ посланникъ со всею своею свитою. Но козаки знали, что онъ привезъ къ нимъ деньги, которыя онъ долженъ былъ имъ роздать и разсуждая, что они уже довольно ихъ заслужили прежними своими услугами, погнались за Турками и тѣ деньги у нихъ отняли. Всякъ самъ себѣ представить можетъ гнѣвъ Турецкаго двора по полученіи сего извѣстія отъ посланника. Тотъ же часъ посланъ былъ указъ къ Крымскому хану, чтобы онъ всѣхъ Запорожскихъ козаковъ какъ возможно ловилъ и отсылалъ бы въ тяжкую работу, что и учинилось со многими, кои въ то время находились въ Крыму, для своихъ промысловъ. Но и козаки отомстили Туркамъ и Татарамъ, находившимся въ Сѣчи, изрубивъ ихъ безъ всякаго милосердія». Авторъ этого *Словаря*, ученый и трудолюбивый Максимовичъ, составлялъ его въ 1780 г., по руководству *Бюшинга* и *Миллера*, писавшихъ о козакахъ 150 годами раньше; слѣдственно, приведенное нами свѣдѣніе о первоначальныхъ дняхъ «Новой-Сѣчи» можно считать, подобно бумагамъ сѣчеваго архива, сказаніемъ почти современнымъ и достовѣрнымъ.

Объ этомъ основаніи *Новой-Сѣчи* находимъ въ нашемъ архивѣ нѣсколько весьма оригинальныхъ и любопытныхъ документовъ. Они тѣмъ важнѣе для исторіи, что подобныхъ не удалось намъ видѣть ни въ одномъ изъ изданныхъ доселѣ сочиненій о Малороссіи или о Запорожскихъ козакахъ. Въ одномъ изъ такихъ документовъ графъ фонъ-Вейсбахъ, отечески пекшійся о благосостояніи своего дѣтища, новаго Коша

Запорожскаго, даетъ ему обширныя наставленія, иногда весьма оригинальныя, живо изъясняющія намъ и вѣкъ, когда были писаны, и лица въ дѣлахъ его участвовавшія.[1] «Курени или домы [пишетъ онъ кошевому 4 Апрѣля 1743 г.] такъ построить себѣ и всегда отъ Крымской стороны укрѣпляя, себя въ опасности и въ доброй осторожности состоять; а ежелибъ Татаре какую противность предъ вами показали, то силу силою отвращать, и тѣмъ не даясь въ ихъ руки, себя оборонять и на Высочайшую Е. И. В. обнадеживаемую милость, всегда неусыпно уповать. А до того, если по чаянію кто изъ Очакова или изъ Крыму имѣлъ къ вамъ присланъ быть, — съ угроженіемъ или съ требованіемъ, дабы вы по прежнему въ подданствѣ ихъ Татарскомъ остались, — то на то, по моему мнѣнію, можете имъ отвѣтствовать: [1]]

1.

«Что будучи вы издревле рожденніе Россійскіе подданные, по закону своему и по совѣсти своей, у Е. И. В. о прежнихъ своихъ противныхъ поступкахъ о всемилостивѣйшемъ прощеніи просили, и въ вѣрное Е. В. подданство по прежнему возвратились.

2.

«Что вы въ вѣрности къ Е. И. В. непоколебимо пребывать, и въ томъ до послѣднія капли крови своей не пощадить и вѣрно намѣрены.

---

[1]) Графъ Вейсбахъ послалъ два *наставленія*, — мы помѣщаемъ то, которое, не смотря на свою краткость, показалось намъ болѣе энергическимъ. Другое читатели найдутъ въ Приложеніяхъ въ ордерѣ графа Вейсбаха отъ 4 Апрѣля 1734 г.

3.

«Что вы Портѣ Оттоманской или хану Крымскому, или всѣмъ ихъ подданнымъ никакой противности не покажете, вѣдая, что между обоими Имперіями состоитъ вѣчный миръ и что Е. И. В. всеконечное намѣреніе есть, оной миръ съ своей Высочайшей стороны ненарушимо содержать и что они такожъ Е. И. В. всемилостивѣйшему намѣренію и указу никогда противно поступать не будутъ, и чтобъ Порта или ханъ Крымскій и ихъ подданные всемѣрно о томъ были благонадежны.

4.

«Но что до этого мѣста надлежитъ, гдѣ вы нынѣ селитесь и по своему обыкновенію Кошъ свой строите, то всѣ тіе мѣста ваши собственныя, которыми вы чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ безпрекословно со всѣхъ сторонъ владѣете, и что въ оныя мѣста, яко вамъ прямо принадлежащія, ни Россія, ни Порта, ни Ханъ Крымскій и никто вступать не можетъ и не имѣетъ, и что для того такожде этимъ мѣстамъ, между обоими Имперіями разграниченія не было, понеже оныя вамъ принадлежатъ.

5.

«Что съ Россійской стороны никакой крѣпости къ вамъ не строится и изъ Россійскаго войска при васъ не обрѣтается, и что де сами никакой крѣпости не строите, а строите Кошъ свой, по своему древнему обыкновенію, и то на собственныхъ своихъ земляхъ, а не какихъ чужихъ: и понеже никому до тѣхъ мѣстъ дѣла нѣтъ, того ради уповаете, что вы при спокойномъ пользованіи тѣхъ земель и своихъ поселеній,

свободно и безъ всякаго утѣсненія и препятства, оставлены будете, точію найпаче, понеже и съ вашей стороны Турецкой и Крымской сторонѣ никакой противности показано не будетъ, а себе до послѣдней капли крови своей, въ тѣхъ своихъ древнихъ и праведно принадлежащихъ земляхъ, защищать и оборонять станете».

Кромѣ того, графъ Вейсбахъ совѣтовалъ Запорожцамъ на всѣ льстивыя обѣщанія или даже угрозы Крымскихъ и Польскихъ подговорщиковъ, отвѣчать: «что вы люде вольные, и изъ доброй воли а не принужденіемъ въ ихъ Татарскую протекцію отдались, за чемъ нынѣ, зъ доброй же воли, паки къ своей природной протекціи ретироваться могли: для того-то, что по призыву Хана Крымскаго противъ Е. И. В., яко вашей [и родственниковъ вашихъ] истинной, природной всемилостивѣйшей Государыни служить не хощете и не можете».

Мы привели во всей обширности этотъ любопытный документъ съ тою цѣлію, дабы замѣтить читателямъ, что здѣсь оффиціально подтверждается *во первыхъ* право козаковъ на древнее земское владѣніе «Днѣпровыми вольностями», *во вторыхъ* изложенное выше мнѣніе наше о совершенно отдѣльномъ бытѣ войска, общества или ордена *Запорожскаго Низоваго*, отъ остальной Украины, устроенной уже въ правильную область по общему земледѣльческому и гражданскому порядку. Хотя для удержанія непостояннаго козачества въ ихъ благомъ намѣреніи, — оставаться впредь вѣрнымъ Рускимъ подданнымъ, — правительство льститъ его народной или орденской гордости, на счетъ его независимости и принадлежности оному земель Запорожскихъ,

но должно вспомнить, что это говорится людямъ, вовсе не понимавшимъ правъ, дипломатически трактатами опредѣляемыхъ, и не могшимъ различать собственности общественной [войсковой], отъ собственности политической, самодержавной [государственной, souveraineté]. Это послѣднее обстоятельство ясно доказываетъ намъ, какъ много въ тѣ трудныя еще для Россіи времена цѣнилось войско, вѣчно къ бою готовое, въ войнѣ пограничной и степной искусное, къ безпрестаннымъ и нестерпимымъ лишеніямъ привыкшее, особенно столь испытанной храбрости, неутомимости и охоты, какъ войско Запорожское.

И въ самомъ дѣлѣ, присмотрѣвшись ближе къ быту козачества и отринувъ всѣ предубѣжденія, рожденныя, во всякомъ Русскомъ сердцѣ измѣною, которою они осрамили себя, по козням невѣрныхъ гетмановъ въ 1709 г. или буйствами, произведенными въ послѣдніе годы ихъ быта, — нельзя не согласиться, что Запорожцы съ XVI по вторую половину XVIII столѣтія, были вѣрнѣйшимъ оплотомъ — «стражниками» Славянскихъ государствъ: Польши и Россіи, противу натиска Порты или ея вассала Крымскаго ханства. Только Запорожцы на своихъ мелкихъ и огненныхъ лошадкахъ, питаясь цѣлые мѣсяцы грубою кашею и ковшемъ воды, безъ шатровъ и обоза, закутанные въ простую одежду или овечью бурку, могли вести эту вѣчную, трудную, настоящую Скиѳскую войну, въ степяхъ безводныхъ, безграничныхъ, имъ только и Татарамъ извѣстныхъ. Тамъ ни храбрые отряды Русскаго войска, ни Польскія дворянскія хоругви, ни козачьи

полки пограничныхъ старостовъ и губернаторовъ [1]], ничего успѣть не могло, ибо въ океанѣ степей, знойныхъ лѣтомъ, засыпанныхъ снѣгомъ зимою, погибало все отъ труда, голоду и жажды, въ поискамъ такихъ неуловимыхъ, жестокихъ и вездѣсущихъ враговъ, какъ Ногайцы и Крымцы. Ногайцы никогда и 50,000 кибитокъ не имѣвшіе, были столь страшны для Россіи, Польши и Румыновъ, что народный ужасъ мелкіе даже отряды Татаръ превращалъ въ тысячныя и 10-ти тысячныя арміи. Одни Запорожцы знали ихъ силу и слабость и только ихъ Ногайцы истинно боялись и ненавидѣли. Прочитайте, что говорятъ объ этой борьбѣ козачества съ ордами лѣтописи Малороссійскія и очевидцы: *Бопланъ, Шевалье, Коховскій* и др. и можете убѣдиться въ пользѣ и необходимости въ то время службы Запорожской общины.

Когда заботы политическія были устранены, Кошъ занялся внутреннимъ своимъ устройствомъ. Курени и старшина были прежнія, ибо обычаи войска никогда не измѣнялись. Всѣ принадлежащія ему земли и рѣчки раздѣлены по *регули козацкой* на курени, въ остальныхъ позволяли селиться *подданству* войсковому и *пожениешемуся* козачеству, лишь бы холостому товариству утѣсненія не было. Эти села составили: Самарскую и Кодацкую «товщи» [2]] или вѣдомства, управляемыя паланками,

---

[1]) Въ XVIII столѣтіи западная Украина начала по немногу заселяться. Польскіе помѣщики посылали туда управителями дворянъ, большею частію военныхъ, которые имѣли у себя козачью милицію, пушки и замки, отъ того, съ позволенія королевскаго, назывались «губернаторами». Ихъ было до 30: въ Умани, Торговицѣ, Чигринѣ, Корсунѣ, Богуславѣ, Бѣлой Церкви, Черкасахъ и др.

[2]) *Товща* съ Польскаго *tłuszcza*, толпа народа, здѣсь означаетъ волость, округъ.

т. е. полковою старшиною. Военные посты для защиты границы и покровительства рыболовству поставлены въ Гарду на Бугѣ и у р. Калміуса со стороны Азовскаго моря, «гдѣ зимовники козачьи, еще со времени Прецлава Ланцкоронскаго [т. е. съ XVI вѣка] находились». Къ нимъ присовокуплены два поста: одинъ на верхнемъ Днѣпрѣ, выше нынѣшняго Екатеринослава, ибо прежній передовый постъ Запорожья, Переволочна, навсегда причисленъ къ Миргородскому полку, другой на устьѣ р. Мѣловой-Каменки въ Днѣпръ, гдѣ, какъ сказано выше, Сѣчь 1711 г. была устроена, для охраненія границъ со стороны Очакова. На Кинбурнской косѣ у «Прогнойныхъ», т. е. Соляныхъ озеръ, откуда Запорожцы и Украинскія ватаги соль брали, возстановлена паланка *Прогноинская* и по прежнему озера раздѣлены на ханскія и Запорожскія. Въ то же время возстановлены перевозы: въ м. Новоселицѣ на Самарѣ, въ Кодакѣ, Никитинѣ и Камянкѣ на Днѣпрѣ и въ Гарду на Бугѣ, доходы которыхъ составляли столь значительную прибыль войску, что исключая Гарду, при нихъ поставлена особая полковая старшина изъ шафара и писаря состоявшая. Наконецъ, вѣроятно по Высочайшимъ указамъ, положено всякій годъ посылать ко Дворцу Царскому полковника съ куренными атаманами и «походною» старшиною, для полученія хлѣбнаго и денежнаго жалованья, которое имъ «якъ и прежде» отъ казны выдавалось. Эта походная старшина и команда называлась въ войскѣ командою «столичниковъ». Тогда уже, подъ защитою вооруженныхъ «чатъ» и постовъ своей братіи, подъ славною сѣнію двуглавыхъ Орловъ Русскихъ, на всемъ пространствѣ степи

отъ Днѣпра до рр. Виси и Тясьмины съ одной, а до Сѣвернаго-Донца съ другой стороны, разбрелось Низовое «старшее и младшее товариство» для осажденія зимовниковъ, зная, что тогда могло уже заниматься свободно и спокойно: скотоводствомъ, земледѣліемъ и торговлею, соляными и рыбными промыслами, не боясь пашей, мурзъ и «всего поганого панства Крымскаго».

ГЛАВА III.

Первая служба Запорожцевъ послѣ возвращенія на родину, война съ Турціею, Бѣлградскій миръ, его послѣдствія для Запорожья.

1734—1740.

Едва успѣли Запорожцы поселиться въ новомъ Кошѣ своемъ и усѣсться по зимовникамъ, едва, такъ сказать, успѣли опериться на новомъ своемъ обиталищѣ, а уже и вызваны были на любимое козаку поприще—походъ на враговъ. Война съ Турціею возгорѣлась. Война, особенно съ мусульманами, была цѣлію и жизнію Запорожья и войско съ восторгомъ приняло вѣсть о ней. Въ предъидущей главѣ намекнули мы о дерзкомъ покушеніи Татаръ на Малороссію и сожженіи села Беркута [Полтавскаго полку], находящагося за Орелью, близъ бывшаго Запорожскаго села Орель и слѣдственно, за Украинскою линіею. Причиною такихъ неожиданныхъ непріятельскихъ дѣйствій были интриги Турецкаго двора, возбуждаемаго Поляками, приверженцами Станислава Лещинскаго и нѣсколькими

измѣнниками Малороссійскими, которые, бѣжавъ изъ отечества, какъ сообщники Мазепы и Филиппа Орлика, скрывались въ Крыму и другихъ Турецкихъ владѣніяхъ. Одинъ изъ нихъ *Герцикъ* былъ уже схваченъ и сосланъ въ Сибирь; оставались только *Мировичи*, *Пахимовскій* и самъ Орликъ, которыхъ ничто обуздать не могло. Они-то объясняли Портѣ, что Россія жаждала войны, т. е. благопріятнаго случая, чтобы уничтожить всѣ трактаты, заключенные съ 1711 г., возвратить Азовъ и всѣ другія завоеванія Петра Великаго, возвращенныя Турціи; что съ тою цѣлію сдѣланы большія приготовленія въ Малороссіи и на Дону и устроена Украинская линія крѣпостей. Къ тому-жъ отпаденіе Запорожцевъ отъ Крыма и переходъ ихъ въ Россію ведены были въ такой тайнѣ и съ такою осторожностію, что до конца 1734 г. Порта считала ихъ, убѣжденная Орликомъ, за злѣйшихъ враговъ Россіи, а своихъ вѣрныхъ союзниковъ и подданныхъ. Порта слѣдственно была всегда готовою къ войнѣ, а въ тѣ времена дѣйствительно была страшна всѣмъ сосѣднимъ державамъ своимъ могуществомъ и еще не угасшимъ религіознымъ и воинственнымъ фанатизмомъ. Ея вассалъ, передовый стражъ исламизма, ханъ Крымскій еще болѣе радъ былъ войнѣ и наѣздамъ,—это было одно средство существованія для его войска, не имѣвшаго постоянной платы, въ особенности Ногайскихъ ордъ, которыя въ кочевой своей жизни не знали другаго труда, кромѣ пастушества и другихъ подвиговъ, кромѣ грабежа въ Россіи и Польшѣ. Поводъ къ войнѣ оба двора нашли въ дѣлахъ Польскаго королевства. Капланъ-Гирей І-й Ханъ Крымскій, третій уже разъ возведенный на

престолъ по указу Порты, заклятый врагъ Россіи, другъ Шведовъ и Поляковъ, разрѣшилъ гордіевъ узелъ политики, пославъ отрядъ Ногайцевъ, среди мира и тишины, на грабежъ селъ Украинскихъ, въ томъ предположеніи, что изъ войскъ на линіи расположенныхъ сдѣлана будетъ за ними погоня, которая перешагнетъ и за границу Россіи, тогда очень невѣрно обозначенную въ степяхъ Запорожскихъ. Его ожиданія сбылись, но совсѣмъ невыгоднымъ для Крыма образомъ.

Хотя Россія сочла это происшествіе явнымъ нарушеніемъ мира, призывомъ къ оружію, и воспользовалась своими правами, но еще въ явную и трудную войну не вовлекалась. За то, даровавъ прощеніе Запорожцамъ, поселила ихъ, какъ мы сказали выше, на древнихъ козачьихъ стражницахъ и ихъ испытанныя копья и сабли, зоркій глазъ и «добрую волю» обратила на тѣхъ же самыхъ Крымцевъ, которымъ они покланялись въ теченіе первой четверти XVIII столѣтія. Самая ближняя Русская граница была на Украинской линіи; оттуда до кочевьевъ ордъ Ногайскихъ, а тѣмъ болѣе до Крымскаго полуострова оставались еще, по степямъ, многія сотни верстъ въ длину и столько же въ ширину [отъ лѣвой стороны нижняго Днѣпра до Сѣвернаго Донца] и на этомъ безмѣрномъ и беззащитномъ пространствѣ, единая опора наша были Запорожцы. Въ началѣ XVIII столѣтія служба на Украинской линіи была уже столь трудною, что ее считали воинскимъ подвигомъ; главные командиры Украинскаго и ландмилицейскаго корпусовъ пребывали въ Полтавѣ, т. е. въ срединѣ Малороссіи и только около 1760-хъ годовъ перевели свою квартиру въ Козловскую или

Бѣлевскую[1] крѣпость. Графъ Вейсбахъ, приведшій къ концу это переселеніе Запорожцевъ, распоряжался и ихъ вооруженіемъ. Съ Февраля 1734 г. онъ началъ свои дѣйствія отправленіемъ пѣхотной и конной команды регулярныхъ войскъ, для пособія товариству, занятому постройкою своего Коша его, вооруженіемъ, заведеніемъ селъ и возстановленіемъ хозяйства. Въ то же время составленъ былъ отрядъ изъ 1,000 чел. отличнѣйшаго товариства коннаго изъ *комонниковъ*, т. е. охотниковъ, и посланъ для разъѣздовъ и наблюденія за непріятельскими движеніями. Донесенія этого отряда Кошъ немедленно отправлялъ къ графу Вейсбаху; по нимъ генералъ судилъ о намѣреніяхъ враговъ, ибо тогда другихъ средствъ рекогносцировки мѣстности, ни картъ, ни плановъ еще не было. Между тѣмъ заготовлялись на линіи и близъ кр. Изюма съѣстные и военные припасы для 50,000-й арміи, которая подъ командою фельдмаршала Миниха выступала изъ внутри Имперіи для наказанія враговъ за ихъ дерзкіе набѣги, съ надеждою возвращенія тѣхъ потерь, которыя еще недавно Россія претерпѣла на югѣ. Въ Маѣ 1734 г. Вейсбахъ писалъ Запорожцамъ: «Е. И. В-ва есть воля, коль скоро Ханъ Днѣпръ перейдетъ, еще одинъ корпусъ войска въ Польшу послать и съ онымъ войску Запорожскому немедленно соединиться и противу Крымцевъ дѣйствовать, яко противу *сущихъ непріятелей*». Но такъ какъ движенія враговъ были еще весьма невѣрны, безпрестанно замедлялись и по обычаю кочевыхъ ордъ дѣлались скрытно, то Запорожцамъ приказано было отправить искусныхъ и ловкихъ козаковъ

[1]) *Бѣлевская* крѣпость, нынѣ г. *Константиноградъ* (Полтав. губ).

для удостовѣренія, куда именно направлены были Ханскія силы: въ Персію ли противъ грознаго Тамасъ-Кули-Хана или къ Польскимъ границамъ, чтобы содѣйствовать партіи Лещинскаго, которая тамъ еще держалась противу партіи Русской, т. е. Фридриха Августа III, Курфирста Саксонскаго, избраннаго частью дворянства въ Короли Польскіе? Изъ аттестатовъ, выданныхъ Кошемъ разнымъ чинамъ Запорожскаго войска, мы нашли, что въ эту эпоху и въ этой опасной пограничной службѣ въ особенности отличились куренные атаманы: *Григорій Федоровъ* и *Алексѣй Билицкій*, бывшіе послѣ кошевыми, *Николай Тимофѣевичъ Косапъ*, будущій судья войсковый, а еще болѣе атаманъ Корсунскаго куреня *Иванъ Швыдкій*, по знанію своему восточныхъ языковъ и знакомствомъ съ «Татарщиною», Ногайцами и Волохами, съ которыми тогда имѣла дѣло Россійская армія.

Не прежде Іюня 1735 г. можно было удостовѣриться, что ханъ Крымскій выступилъ въ походъ и по слухамъ къ Кубанскимъ землямъ съ 80,000 Татаръ Крымскихъ и Ногайскихъ, въ намѣреніи, какъ полагали, идти въ Персію для соединенія съ Турецкими войсками. Прибывшіе-жъ 15 Іюля сего года изъ Крыму Запорожскіе торговцы принесли подлинное извѣстіе, что ханъ Крымскій только съ 23,000 Татаръ изъ Крыма вышелъ и около Керчи и «Ново-городка» [Еникале] для переправы войскъ своихъ чрезъ проливъ на Кубанскую сторону расположился, а сына своего сераскиръ-султана [Буджакской орды] послалъ къ Каушанамъ. Кубанскіе Ногайцы должны были къ нему присоединиться уже въ своихъ кочевьяхъ. Тогда графъ Вейсбахъ предписалъ

кошевому Малашевичу, чтобы онъ немедленно со всѣмъ войскомъ изготовился къ походу и ожидалъ приказаній, въ Ногайскія же степи послалъ бы охотниковъ для *развѣдыванія*. Прибывшіе оттуда козаки извѣстили Кошъ, что Ногайцы съ сераскиромъ своимъ Ахметъ-Гирей-Султаномъ у рѣки Молочныхъ-Водъ кочуютъ, сѣно и хлѣбъ собираютъ, а въ дальнія степи пожаръ по лугамъ пускаютъ, дабы истребить тамъ подножные кормы, въ случаѣ вступленія Россійской арміи въ ихъ земли. Получивъ объ этомъ извѣстіе, графъ Вейсбахъ, для вящшаго поощренія войска Запорожскаго, прислалъ ему впередъ 2,000 руб. жалованья, 60 пуд. пороху и 40 пуд. свинца. Ходившимъ же въ степь для наблюденія за непріятелемъ, выдалъ по 20 р. на козака награды.

Между тѣмъ получены извѣстія, что Персидскій Тамасъ-Кули-Ханъ подъ Эриванью совершенно разбилъ и истребилъ Турецкую армію, гдѣ и самъ сераскиръ-паша лишился жизни. Императрица воспользовалась неудачею Порты и повелѣла фельдмаршалу Миниху немедленно открыть военныя дѣйствія. Въ это время возстановитель Запорожской общины графъ Вейсбахъ умеръ и похороненъ въ Кіевѣ; на его мѣсто назначенный командиромъ Украинской Линіи и Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-поручикъ *Михаилъ Леонтьевъ* получилъ въ свою команду авангардъ арміи и слѣдственно Запорожцевъ. Онъ тотчасъ съ 20,000 регулярнаго войска и 8,000 козаковъ Малороссійскихъ и Запорожскихъ, составлявшихъ его передовой корпусъ, отправился въ степь для поиска надъ непріятелемъ, а также для разоренія Ногайскихъ ауловъ и жилищъ.

Запорожцы объ открытіи этой компаніи были извѣщены слѣдующимъ ордеромъ знаменитаго Русскаго полководца графа Миниха:

«Уповая на вашу къ Е. И. В-ву вѣрность, не могъ оставить вамъ не объявить, что по Всемилостивѣйшему Ея И. В. соизволенію, нѣкоторое знатное число войскъ выступило въ Крымъ подъ командою г. генералъ-лейтенанта и кавалера Леонтьева, къ которому и отъ войска Запорожскаго, надѣюсь, по вашей вѣрности, довольное число войска дано будетъ. За что отъ Е. И. В. милостивѣйшею протекціею и пожалованіемъ оставлены не будете. А къ Ногайскимъ, Бѣлогородскимъ и прочимъ ордамъ, послать нарочныхъ добрыхъ и обыкновенныхъ [опытныхъ] и вамъ вѣрныхъ людей, которымъ [ордамъ] тайно объявить, чтобъ онѣ на помощь въ Крымъ не ходили, а поддались бы подъ Высочайшую Е. И. В. протекцію, при чемъ приняты будутъ съ Высочайшею Е. И. В. милостью и останутся при прежнихъ ихъ вольностяхъ и преимуществахъ [1]. А о нашемъ войскѣ какъ имъ, такъ и Крымцамъ объявлять, что оно не для чего въ Крымъ выступило, какъ только для обереженія своихъ границъ и отвращенія отъ похода хана Крымскаго; а онымъ ордамъ, ежели они Крымцамъ никакой помощи чинить не будутъ, никакихъ разореній, кромѣ склонности и ласки показано не будетъ. Буде же они за Крымцевъ вступиться похотятъ, то съ ними поступлено будетъ яко съ сущими непріятели. О чемъ чрезъ посланныхъ своихъ объявить имъ тайно. Однакожъ войску своему, кое выступитъ по вашей вѣрности въ походъ и за

[1]) Это предположеніе едва въ 1770 г. сбылось на самомъ дѣлѣ.

тѣмъ останется, надлежитъ отъ оныхъ ордъ крѣпкую опасность имѣть и ихъ движенія примѣчать и о томъ въ Цариченку ко мнѣ и къ реченному г. генералъ-лейтенанту писать какъ можно часто. А впрочемъ потребно отправленному отъ васъ войску поступать по ордеру и диспозиціи реченнаго г. генералъ-лейтенанта. Впрочемъ, обнадеживая васъ Высочайшею Е. И. В. милостію пребуду

«Вашъ доброжелательный
B. Ch. *Graf Münnich*».

Октября 3 дня 1735.
«Въ Полтавѣ».

Такимъ образомъ мы видимъ, что не смотря на всю дѣятельность умершаго графа Вейсбаха и Миниха, генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ выступилъ въ походъ не раньше Октября 1735 г. Въ противность мнѣнія Малороссійской старшины, которой онъ не любилъ, и которая совѣтовала не пускаться въ степь въ столь позднее уже время года, безъ довольнаго обезпеченія провіантомъ и фуражемъ, онъ немедленно перешелъ Днѣпръ и вступилъ въ степи сосѣднія съ Украинскою линіею. 3 Октября изъ лагеря на р. Кильчени [Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губерніи] писалъ онъ кошевому: «Я со всею арміею уже за границу къ р. Самарѣ приступилъ, а завтрешняго числа съ помощію Божіею далѣе пойдемъ и во исполненіе Высочайшаго Е. И. В. намѣренія въ Крымскую область маршировать будемъ». Войску же Запорожскому въ то же время приказывалъ:

1.

«Оставя въ Кошѣ своемъ нѣсколько изъ пѣхоты для охраненія и иждивенія своихъ козаковъ, а за тѣмъ

всѣмъ конно и пѣхотно выступить и у *Каменнаго затону*[1]], или гдѣ лучше усмотрѣть можете, къ намъ встрѣчью прибывъ, соединиться не замедлять.

2.

«Всего паче смотрѣть, чтобъ все войско Низовое Запорожское было въ лошадяхъ, ружьѣ и порохѣ исправно, дабы противъ непріятеля дѣйствіемъ въ состояніи быть могли, чрезъ чтобъ имъ къ бѣгу, а найпаче къ отпору охоты не подать, а тѣмъ интересу Е. И. В. вреды не показать.

3.

«Какъ вашему благородію г. кошевому атаману, такъ всему войску Низовому Запорожскому объявляется, чтобъ къ тому крайнее стараніе къ непріятельскому поиску имѣли, за что несумнѣнно Высочайшей Е. И. В. милости ожидать. Чрезъ чтобъ впредь отъ нихъ непріятелей къ показанію Е. И. В. подданнымъ обидъ и разоренія охота на многія времяна отнята быть могла».

4-го Октября Леонтьевъ перешелъ Самару и былъ уже внутри тѣхъ земель Запорожскихъ, которыя по трактатамъ 1711 и 1712 г. считались въ Турецкомъ владѣніи. Ногайцы, страшась встрѣчи съ регулярными войсками, перекочевали дальше къ югу, сожигая траву въ степи и безчисленными мелкими отрядами безпокоя огромную Русскую боевую линію, которой атаковать открыто не смѣли. Запорожцы, не смотря на медленный сборъ товариства, котораго часть занята была постройкою и укрѣпленіемъ Сѣчи, а другая гораздо большая, съ ранней весны еще, когда о войнѣ и слуху

[1]) *Каменный-Затонъ*, крѣпостца, бывшая на Днѣпрѣ противъ нынѣшняго Никополя, разоренная по Прутскому договору.

не было, разбрелась въ низовья Днѣпра и на «полевыя рѣчки» для рыболовства, выставили въ поле до 8,000 чел. конницы и пѣхоты, подъ начальствомъ кошеваго Ивана Малашевича. Едва успѣли они пройти нѣсколько дней пути къ югу, и между Рогачикомъ и Бѣлозеркою нѣсколько Ногайскихъ отрядовъ разогнать и плѣнныхъ захватить, какъ внезапная, ранняя зима застигла армію въ степи.

Запорожцы не страшились зимы, но по этой холодной пустынѣ, по грязи, съ измученными лошадьми, подвигались медленно для соединенія съ арміею, когда нагналъ ихъ курьеръ отъ Леонтьева съ слѣдующимъ печальнымъ извѣстіемъ: «По несчастію нашему, посѣщеніемъ Всевышняго Бога, уже чрезъ четыре дня великая застала непогода и захватила насъ здѣсь въ такомъ пустомъ мѣстѣ, что корму лошадямъ, такожъ и дровъ ничего не имѣется, да и воды мало есть. А какъ слышно, что и далѣе отсюда удобнаго къ тому довольству мѣста не имѣется, и я опасаясь, дабы не послѣдовало какъ людямъ, такъ и лошадямъ великой убыли, принужденъ со всею арміею назадъ отступить верстъ отсюда за 15 и стать лагеремъ, гдѣ довольствовать лошадей хотя соломою, пока Богъ дастъ къ маршу погоду. А ваше благородіе со всѣмъ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ изволите въ нынѣшнемъ вашемъ лагерѣ стоять неразлучно. А ко мнѣ В. Б. извольте при одномъ старшинѣ прислать 50 чел. козаковъ, да и В. Б. для свиданія и нѣкотораго совѣту извольте прибыть». [Изъ урочища Святоваго 17 Октября 1735 г.]. Нечего было дѣлать, козаки среди зимы и слякоти, въ степи остановились таборомъ, а между тѣмъ съ геодезіи

кондукторомъ отправлена была команда изъ 30-ти Запорожскихъ козаковъ, знающихъ всѣ урочища по Днѣпру и около пороговъ для снятія ихъ на планъ. На другой день генералъ Леонтьевъ, убѣдившись въ критическомъ положеніи арміи, далъ слѣдующій приказъ кошевому: »Хотя отъ меня вчерашняго числа и писано было, что я съ арміею Е. И. В. для лѣсной и травной выгодъ назадъ верстъ 15 отступилъ, гдѣ перемѣны нынѣшней погоды ожидалъ, но ничто не успѣваетъ, а еще болѣе снѣгъ, стужа, вѣтры наступаютъ, — за чѣмъ дабы въ арміи Е. И. В. знатнаго убытку не возпослѣдовало, назадъ возвратился въ Украину. Чего ради и В. Б. со всѣмъ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ изволите въ Кошъ свой по прежнему слѣдовать и тамъ въ крѣпкой отъ Татаръ осторожности быть, дабы злясь за вступленіе наше сюда чего противнаго показать не могли. Вмѣсто валу лежачимъ деревомъ и рогатками, какъ предъ симъ отъ покойнаго г. генерала и кавалера графа фонъ-Вейсбаха опредѣлено, Кошъ свой укрѣпить, и ежелибъ случилось отъ Татаръ съ чѣмъ къ вамъ присылка была и въ разговорахъ упоминали: за чѣмъ Россійское войско за границу ихъ вступило? на то можно имъ объявить и сказывать: будто вы увѣдали, яко они Татаре на ваше войско Запорожское непріятельски наступать хотѣли, а за тѣмъ Россійское войско не стерпя, къ защищенію вашего войска вступило, но усмотрѣвши, что того нѣтъ, паки назадъ возвратилось и по прежнему мирной трактатъ ненарушимо содержать будетъ. [18 Октября 1735 г.] [1].

[1]) Приведенныя здѣсь письма генерала Леонтьева столь оригинальны, что для военной исторіи Россіи считаемъ ихъ очень важными

Такъ кончилась кампанія 1735 г. Россійская армія изъ 28,000 состоявшая потеряла отъ холоду, болѣзней и всякаго роду лишеній болѣе 9,000 ч., не видавши еще ни одной части непріятельскаго войска. Такъ трудны были походы въ степяхъ нашихъ въ тѣ времена, такъ намъ близкія по годамъ, но такъ отдаленныя по сравненію силъ Имперіи и быта самаго края нашего.

Въ 1736 г. Россія формально объявила войну Турціи и главную команду поручила фельдмаршалу Миниху. Подъ его начальствомъ командовавшій генералъ Лассій, съ отдѣльнымъ корпусомъ пошелъ къ Азову, который, почти въ пепелъ обращенный Русскими ядрами, послѣ долгой осады ему сдался. Минихъ, этотъ *соколъ* Русской арміи, понималъ всю пользу Запорожской службы въ степной войнѣ и потому собралъ въ Лубнахъ кошеваго Ивана Малашевича и всѣхъ почти куренныхъ атамановъ, и по совѣщанію съ ними, поручилъ имъ выставить отрядъ въ 3,000 чел. конницы, отправить его въ Крымъ и вести свою древнюю козачью или партизанскую войну. Съ самаго начала весны пустились они туда, преслѣдовали Татаръ въ степи, обоимъ врагамъ равно извѣстной, узнавали о движеніяхъ Крымскихъ войскъ и давали о томъ знать арміи Миниха [которая, маневрируя со всѣми правилами современной тактики, шла очень медленно]; захватывали стада, «добывали *языка*», т. е. плѣнныхъ, и тѣмъ дѣятельно вспомоществовали войскамъ въ столь трудной

документами. Они служатъ мѣриломъ какъ могущества въ тѣ времена Турціи, такъ и того труднаго пути, который нужно было пройти нашему войску съ оружіемъ въ рукахъ и твердостью въ сердцѣ, чтобы достигнуть настоящей силы и славы.

и гибельной кампаніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Запорожцы вмѣстѣ съ Украинскими козаками [съ которыми былъ извѣстный Капнистъ] не оставляли и правильной войны и, по свидѣтельству историковъ, дѣятельно участвовали съ новоизбраннымъ кошевымъ Бѣлицкимъ, во взятіи приступомъ Порекопской-Линіи и другихъ мѣстъ въ Крыму. Увольненный же кошевый Иванъ Малашевичъ ходилъ съ охотниками, и у *Черной Долины*[1]] былъ Татарами окруженъ, но не только что спасся самъ со многими козаками, но еще и сотни плѣнныхъ Татаръ-Ногайцевъ къ Миниху представилъ. Послѣ взятія Перекопа Запорожцы, подъ командою генерала *Кейта* [родомъ Шотландца], посланы впередъ по дорогѣ къ Козлову. У *Каменнаго-моста*[2]], едва регулярныя войска изъ корпуса этого генерала позицію заняли, а козаковъ послали въ поискъ, какъ надъ рѣчкою *Самарчикомъ* козаки были встрѣчены Татарами подъ командою самаго Нурединъ-Султана; послѣ кровопролитнаго боя, Татаре были разсѣяны или истреблены, султанъ убитъ, его бунчукъ, большое знамя, съ многими плѣнными достались Запорожцамъ. Эта добыча отправлена къ Миниху, а козаки пустились дальше. Кромѣ того, по приказанію Миниха, они служили толмачами для арміи и ихъ вожатыми какъ въ битвахъ, такъ и при отысканіи воды, травъ и другихъ нужныхъ въ походѣ урочищъ. Къ сожалѣнію, о походѣ 1736 г. и дальнѣйшихъ, имѣемъ мало документовъ въ архивѣ нашемъ, но желая дать понятіе о трудностяхъ этой войны, въ которой погибало

---

[1]) Уроч. *Черная-Долина*, нынѣ станція на Перекопской почтовой дорогѣ (Днѣпровск. уѣзда Тавр. губ.).

[2]) На р. Каланчакѣ (тамъ же).

болѣе 30,000 челов. въ одну кампанію, приведемъ здѣсь небольшой отрывокъ изъ одной брошюры, изданной въ Одессѣ, подъ заглавіемъ: «*Записка о томъ, сколько я памятую о Крымскихъ и Турецкихъ походахъ*» [1]. Она, какъ видно изъ разсказа, писана очевидцемъ и участникомъ во всѣхъ трудахъ и подвигахъ этой кампаніи.

Фельдмаршалъ Минихъ, прибывъ по захожденіи солнца въ лагерь, командировалъ тотчасъ на помощь отправленнымъ впередъ отрядамъ генерала *Шпигеля* и полковника *Виттена*, окруженнымъ отъ Татаръ и Турокъ, генерала Леонтьева съ 4 полками. Леонтьевъ скоро настигъ ихъ, Татаре сдѣлавъ много вреда передовымъ отрядамъ, отступили и войска соединились. «Непріятель [говоритъ сочинитель *Записки*] находился въ двухъ верстахъ отъ нихъ, но скоро назадъ отступилъ, и перестрѣливаясь съ нашими легкими войсками [Запорожцами и Украинцами], раздѣлился потомъ вокругъ всего карре и продолжая симъ образомъ насъ обезпокоивать, старался всячески изнурить армію и походъ ея остановить, въ чемъ ему и удалось; потому что за потеряніе своей арміи почитали, еслибъ сдѣлалась хотя малая прорѣха, въ которую бы онъ въ карре ворваться могъ. По сей причинѣ маршировали мы весьма медленно: иногда въ обозѣ что нибудь изломается, или въ упряжкѣ хотя малое что повредится, то вся армія должна была остановиться: слѣдственно не можно было и 500 шаговъ перейдти, чтобъ паки не стоять полчаса и болѣе. Такимъ образомъ и при самыхъ малыхъ маршахъ не возможно было прежде 4 или 5 часовъ вечера въ

---

[1]) Она почерпнута изъ собственнаго архива князя М. С. Воронцова и издана С. В. Сафоновымъ, въ Одессѣ. 8°, въ 1836 году.

лагерь прибыть; солдатъ между тѣмъ солнечнымъ зноемъ и худою пищею весьма изнуряемъ былъ, а скотъ, будучи во весь день въ упряжкѣ, не меньше страдалъ и истощевалъ, потому что все онаго число ночью, и то только въ карре, травою, сколько оной тамъ было, питаться и часто цѣлые сутки и болѣе безъ воды быть принуждено было. Если кто, противу даннаго приказу, утомленную свою лошадь за рогатки выпуститъ, то уже та лошадь вѣрно непріятелемъ либо взята, либо ранена и къ употребленію негодною сдѣлана была.... Можно легко себѣ представить, что великій фрунтъ, будучи стѣсняемъ примкнувшимся къ нему багажемъ, въ прямой линіи всегда марршировать не можетъ; но оная иногда выгибалась, а иногда перерывалась; а дабы до сего не допустить, то во время маршу должно было безпрестанно выравниваться то къ правому, то къ лѣвому флангу, и такимъ образомъ солдатъ, дѣлая почти двойной маршъ, еще болѣе утомляемъ былъ. Со всею сею предосторожностію однажды нѣсколько Татаръ между Перекопомъ и Козловымъ, при переходѣ чрезъ неглубокою воду, сдѣлали въ линіи прорѣху.... Какъ скоро только голосъ до передняго фасу дошелъ: что непріятель назади въ обозъ ворвался, то всякій въ переднемъ фасѣ, за должность свою признавалъ назадъ стрѣлять, и такимъ образомъ стрѣляли по своимъ собственнымъ людямъ. Непріятель давно уже выгнанъ былъ, а стрѣльбы сей пресѣчь было невозможно и удивительно, что отъ сего безпорядка людямъ большаго вреда не приключилось. Рогатки необходимо нужны для безопасности лагеря и для доставленія въ немъ солдатамъ покоя, особливо въ такой землѣ, гдѣ вездѣ гладкое и ровное поле

и гдѣ ни фрунтъ, ни флангъ, ниже затылокъ лагеря ничѣмъ прикрыть не можно и гдѣ такой легкій и нерегулярный непріятель однимъ только всегдашнимъ треноженьемъ старается утомить своего непріятеля, а отъ сраженія и баталій вовсе убѣгаетъ и ничѣмъ къ тому понуждаемъ быть не можетъ. Можно было противу сего возразить, что и непріятель самъ чрезъ то утомляется и наконецъ сей образъ воеванія оставить долженъ; но если разсудить, что онъ къ сему треноженію употребить можетъ только 3-ю часть своего войска, отступя назадъ съ остальнымъ на нѣсколько верстъ отъ арміи, гдѣ кормитъ своихъ лошадей, самъ отдыхаетъ и имѣетъ свой покой другихъ смѣнить; а притомъ служитъ на конѣ, не почется ни мало ни о своемъ провіантѣ ни о подвозѣ онаго, находитъ пропитаніе свое въ оставленныхъ нами лагеряхъ, отъ падшихъ и за негодностью къ употребленію брошенныхъ лошадей и прочаго скота; знаетъ всѣ мѣста своей степи и потому въ водѣ никогда или весьма рѣдко нужду терпитъ, и въ такомъ случаѣ оной нуждѣ помогаетъ кобыльимъ молокомъ. Напротивъ того солдатъ идетъ пѣшкомъ, несетъ на себѣ не малую тягость, и часто когда лошади совсѣмъ изъ силы выбьются, часто самъ тащить долженъ телѣгу и свой провіантъ. Кромѣ хлѣба и воды, иной пищи не знаетъ; по недостатку въ дровахъ весьма рѣдко кашу себѣ себѣ сварить можетъ; въ лагерѣ безпрестаннымъ отъ непріятеля треноженьемъ, лишенъ сна и нужнаго покоя, а наконецъ всякими болѣзнями, яко: лихорадками, горячками и др. одержимъ будучи, здоровыхъ заражаетъ и такимъ образомъ цѣлую армію приводитъ въ несостояніе исполнять повелѣнія Монаршія».

Не смотря на всѣ эти трудности, Русскіе одерживали побѣды, которымъ едва ли были равныя въ тѣ времена. Но ихъ труды и побѣды были безполезны. Завладѣвъ почти всѣмъ Крымомъ, Минихъ отъ болѣзней или недостатка съѣстныхъ припасовъ лишился цѣлой трети своихъ войскъ и принужденъ былъ отступить къ Перекопу. Тутъ убѣдился онъ въ своемъ бѣдственномъ положеніи. Татаре истребили всѣ травы, стада, жилища, — а сами скрылись въ горахъ или въ извѣстныхъ имъ только балкахъ и степяхъ. Надобно было идти назадъ тѣмъ же страшнымъ, пустыннымъ, путемъ и остатки арміи въ сентябрѣ едва вести на зимнія квартиры въ Украинѣ. Въ слѣдъ за ними Запорожцы тоже сошли со степей за-Днѣпровскихъ и пустились въ Кошъ. Тогда Татаре и Ногайцы бросились по стопамъ арміи и не смотря на Украинскую-Линію, до самой границы Малороссійской пускали свои наѣзды. Слишкомъ позднее время не позволило войскамъ тронуться съ мѣста, Запорожцы слѣдственно были опять посланы въ погоню за ними, и большую часть, не смотря на гибель своихъ козаковъ, истребили. Запорожскія партіи [какъ сказано въ аттестатахъ товарища Поповичевскаго куреня *Афанасія Гуржея*] «немалыя Татаръ силы смерти передали, четыре прапоры и 4-хъ мурзъ плѣнили, изъ коихъ одного заколото. Оныхъ 3-хъ мурзъ къ фельдмаршалу Миниху, а прапоры въ Кошъ отправлено.»

Въ 1737 г. кампанія начата была тѣмъ, что по указу Порты Крымцы и Ногайцы, подъ начальствомъ самаго хана Фети-Гирея [сына Капланъ-Гирея I], перешли границу [по рр. Самарѣ и Кильчени]; разоривъ

Самарскія села, у Мишуринъ-Рогскаго ретраншамента, переправились чрезъ Днѣпръ и бросились въ Украину въ Полтавскій полкъ. Настигнутый ими отрядъ генерала *Лесли* былъ разбитъ и самъ генералъ погибъ. Но мы не смѣемъ писать исторіи этой достопамятной войны и потому принуждены оставить общія дѣйствія Россійскихъ войскъ, а упомянемъ только вкратце объ участіи въ нихъ Запорожцевъ. Въ 1737 г. армія была раздѣлена вторично на двѣ части, одна съ генераломъ Лассіемъ пошла въ Крымъ, а другая съ Минихомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ перешла Бугъ и направила путь къ Очакову. Кошевой Иванъ Малашевичъ, оставивъ въ Сѣчи судью Стефана Решетилу наказнымъ атаманомъ, съ частью товариства соединился съ арміею Миниха, а часть послалъ по прежнему въ Крымъ, гдѣ они спѣшась много помогали при взятіи Перекопа[1]. Кромѣ того, въ Сѣчи приготовляли дубы и лодки, на которыхъ пѣхота Запорожская отправлена была водою, для содѣйствія арміи со стороны Днѣпровскаго-Лимана, на Черномъ морѣ и даже на Дунаѣ маскированіемъ ея

---

[1]) *G. A. Halem. Vie du comte de Münich.* Paris, 1807. p. 94. Весьма лестное для Запорожцевъ о подвигахъ ихъ въ Крыму упоминаніе встрѣчаемъ также въ *Географическ. Словарь.* Часть II, стр. 18. «Нѣсколько тысячъ человѣкъ (Запорож. козаковъ) ходили въ 1736 г. съ фельдмаршаломъ графомъ Лассіемъ въ Крымъ и чинили арміи вспоможеніе при завоеваніи Перекопа, Козлова и ханской столицы Бахчисарая. За что фельдмаршалъ храбрые ихъ поступки при Дворѣ такъ выхвалилъ, что имъ присланы были отъ Е. В., вмѣстѣ съ милостивою грамотою, одинъ большой и четыре малыхъ штандарта, съ государственнымъ гербомъ, бунчукъ обшитый золотою парчею, серебряная позолоченная булава для кошеваго и другіе позолоченные серебреные и каменьями осыпанные знаки, также знатная сумма денегъ въ подарокъ».

дѣйствій, погонею за Турецкою гребною флотиліею и подвозомъ провіанта. Объ этомъ имѣемъ любопытный приказъ Ивана Малашевича, оставшемуся въ Сѣчи войску и намѣстнику своему судьѣ *Решетиль*, который приводимъ вполнѣ, не смотря на грубость слога, какъ образчикъ современной канцелярской козачей литературы. Мы надѣемся, что ученые взыскатели, трудящіеся надъ Русскимъ словомъ, съ любопытствомъ прочтутъ его.

«Мосце пане кошовый и всѣ куренные панове атаманы, ласкавые наши приятели и братія!

«Любо то [хотя] еще намъ кошевому въ здѣшнемъ походѣ его высокографское сіятельство генералъ-фельтмаршалъ о выходѣ нашей пѣхоты на дубахъ указу не объявлялъ, но въ томъ не будьте безпечны и завчасу [заблаговременно], жебы дубы были построены и пѣхота на поготови зоставала [старайтесь], ибо еще *суды* [судна] увесь чрезъ порогъ не переправленъ есть, а егда переправленъ будетъ, да и мы за тутешними войсками до Богу прибудемъ, то въ тотъ часъ надѣемся абы скоро указъ до васъ помянутаго господина фельт-маршала и до насъ кошеваго зайдетъ, жебы не отмовнѣ могли всѣми силами отъ Сѣчи пѣхоту высылать, также отъ стороны Крымской и Очаковской дубами, о непріпріятельскихъ обращеніяхъ провѣдуйте и до насъ войска знать доносьте. Къ томужь за тамошними командующими при регулярномъ Россійскомъ войску въ Сѣчи во всякомъ согласіи и послушенствѣ поступайте и чинно въ тамошнихъ дѣлахъ управляйтеся, указомъ Е. С. фельтмаршала и нашимъ войсковымъ о семъ васъ увѣщаемъ.»

«На маршу отъ *Камяноватой-Сугаклеи.* Іюня 8 1737 року.

Здѣсь должно обратить вниманіе на окончаніе этого «войсковаго указу». Кошевой проситъ Сѣчевое товариство жить мирно съ командирами регулярныхъ войскъ въ Сѣчи обрѣтавшимися и имъ повиноваться. Извѣстно, что до 1709 года эта часть Русской границы ввѣрена была Запорожцамъ и отъ того въ Кошѣ ихъ никто, кромѣ товариства жить не могъ. А здѣсь очевидно присутствіе Русскаго гарнизона въ Сѣчи. Это нововведеніе сдѣлалъ генералъ Леонтьевъ сей-часъ послѣ смерти графа Вейсбаха. Не любя Малороссіянъ и не раздѣляя расположенія графа къ Запорожцамъ, онъ въ началѣ кампаніи, подъ видомъ пособія Кошу, отправилъ Русскаго офицера съ баталіономъ войска, который въ 1735 г. былъ съ Запорожцами въ походѣ и съ ними же на зиму въ Сѣчь возвратившись, тамъ уже и остался. Съ 1736 же года Россійскій полковникъ или другой штабъ-офицеръ уже постоянно въ Сѣчи пребывалъ, командуя гарнизономъ новоустроеннаго въ Кошѣ укрѣпленія, которое въ послѣдствіи, въ системѣ южныхъ укрѣпленій, названо *Новосѣченскимъ ретраншаментомъ* [1]. Такіежъ военные посты поставлены въ Старой-Сѣчи, въ Богородицкомъ и Биркутскомъ форпостахъ и въ Переволочной; такимъ образомъ все теченіе Днѣпра отъ границы поселенія Слободскихъ полковъ или устья Орели, до центра Запорожья было занято регулярными войсками. Эта мѣра Запорожцамъ казалась и тягостною и обидною, но того требовала безопасность имперіи, ибо не смотря

[1]) См. на нашемъ планѣ *Новой-Сѣчи.*

на ихъ усердную службу, событія 1709 г. принудили правительство не вполнѣ имъ довѣрять.

Въ 1737 г. Русскія войска взяли Очаковъ, гдѣ Запорожцы, какъ видно изъ современныхъ реляцій, участвовали во всѣхъ битвахъ и походахъ, и отличались на приступѣ этой крѣпости. Но болѣе подробностей объ этой кампаніи мы не имѣемъ, хотя во многихъ аттестатахъ товариства упоминается о дѣятельномъ участіи онаго въ *Очаковскомъ* походѣ.

Въ 1738 г. Татаре, подъ начальствомъ одного изъ Ногайскихъ сераскировъ, въ началѣ весны опять пробрались до самой Украины, и опять въ погоню за ними пустились Запорожцы, подъ начальствомъ кошеваго Ивана Бѣлицкаго. Многіе изъ нихъ погибли отъ рукъ хищниковъ, но наконецъ Татаре были прогнаны. Съ выступленіемъ же самой арміи въ поле, Запорожцы въ командѣ Миниха перешли Бугъ и подвизались въ Очаковской области между этою рѣкою и Днѣстромъ, для маскированія Аккерманской и Бендерской крѣпостей, противу которыхъ главнокомандующій не могъ еще дѣлать никакихъ сильныхъ движеній. Войско Запорожское такъ долго было въ походѣ, что хотя терпѣло меньше, нежели регулярныя войска, какъ болѣе привычное къ своимъ степямъ и къ войнѣ съ Татарами, но лишилось цѣлыхъ сотней своей братіи и цѣлыхъ тысячъ своихъ лошадей въ этихъ безпрерывныхъ поискахъ за неуловимыми врагами. Оставшееся въ Сѣчи товариство начало роптать: война съ Турціею прекратила его торговлю и едва основанное хозяйство, квартированіе войскъ въ Украинѣ пресѣкло подвозъ хлѣба и припасовъ въ Запорожье; отъ Польши

ожидать было нечего. Сѣчь страдала отъ недостатка въ хлѣбѣ и отъ войны. Къ томужъ чума—обыкновенный сподвижникъ Турокъ, пробралась до самаго Коша и наполнила ужасомъ оставшуюся старшину и войско. Мы имѣемъ весьма любопытный документъ объ этомъ печальномъ состояніи войска и его негодованіи на старшину въ слѣдующемъ письмѣ, которое она получила въ походѣ.

«Мосци пане атаманъ кошовый Иванъ Бѣлицкій и все старшое и меньшее войска нашего З. Н. товариство, комонно [1] служащіе ласкавіе наши пріятели!

«Отзываемся къ вашмостямъ зъ належитымъ нашимъ уклономъ повторе и потрете, пишучи къ вамъ приятельско и просячи васъ, яко благодѣтелей своихъ, а особливо удивляемся всѣ при Кошѣ зостаючіе войска нашего старшее и меньшее товариство — за вашъ таковый неслушный [не нужный] теперешній походъ, ижь котораго впредъ сего никогда не могло бути таковаго походу, боячися минувшаго у насъ бывшаго повѣтрія, а другое послухати не вѣсть кого о нашемъ якобы разореніи и неувѣдомившись о Кошѣ: что чинится? и отойшли на тотъ бокъ Днѣпра, чего было и не потребно тамо заходити, и якъ намъ слышно, же ни отъ кого на то приказанія нашему войску тамо идти не было дано, а [вы] самохотно тамо отойшли. За що и теперь сего часу пишемо къ вамъ пане кошовый и васъ пановъ атамановъ просимо и всего товариства старшого и меньшого, дабы все отложивши,

---

[1]) *Комонно*, *комонникъ* буквально значитъ *конно*, *конный отрядъ*, но здѣсь значитъ *охотниками*, *партизанами* служить.

напрасно не пишучи еденъ къ другому, до Коша маршъ свой показовать могли. Чего не можетъ изъ стариковъ войска нашего Запорожскаго сего и сказати: дабы кошовый съ бунчукомъ и прочiими клейнотами по пустыхъ мѣстахъ или по редутахъ крѣпости могъ чинити, але завше повиненъ Коша смотрѣти. А то еще къ намъ пишете разъѣзды чинити и прочiе походы показуете водою и сухимъ путемъ, не располагаючи, якое теперешняго часу состоитъ время и о томъ не разсуждаете, что впредъ можетъ чиниться, ижъ непрiятель около насъ, навѣсомъ, навѣсомъ ходить. А развѣ вамъ не знать послѣдняго своего убожества при куреняхъ зостаючаго, а другое, чого Боже сохрани! и послѣдней *кучки* не утратилибъ и чести отъ старыхъ годовъ заслуженной, такожъ и клейнотовъ войсковыхъ дабы не утратить. А то за вашъ непотребнiй походъ и оставленiе Коша и на насъ старшину при Кошѣ зостаючую всѣ атаманы и все товариство, старшее и меньшее нарекаютъ за таковый непорядокъ, а особне [наединѣ] и бранятъ, якъ такожде не минаючи и вашихъ старшихъ годовъ. И теперешняго Ноября 20 присылаетъ къ намъ зъ Хортицы Е. П. генералъ-маiоръ *фонъ-Брадке*, дабы комоннаго и вооруженнаго войска нашего козаковъ 50 челов. прислано было къ Хортицкому острову для разъѣздовъ и для освѣдомленiя неприятельскаго, дабы нечаяннаго нападенiя не вчинилъ, то изволите вашмость о семъ къ Хортицѣ прямо отправлять, а при Кошѣ негдѣ вынайти таковыхъ козаковъ. О що просимо милостей вашихъ все сiе отложивши, добиватись отпуску до Коша, дабы не могли тамо настоящую зиму продолжать, а то

вашмости яко послали отъ себѣ послащовъ, то уже другихъ и не можно обобравши [избравши] послать. Можнобъ и по всякъ часъ добыватись, бо «кто торкае, тому и отчиняють». Сіе вашмостемъ предложивши, пребываемъ навсегда

«Вашихъ милостей доброжелательные приятели и братья *Филиппъ Похволитый* наказный кошовый и *Яковъ Тукало* судія со всѣми атаманами войска нашего Запорожскаго Низоваго, зъ товариствомъ».

Этотъ *Днѣстровый* походъ лежалъ на сердцѣ Запорожцевъ, какъ мы видимъ изъ этого оригинальнаго протеста, который они въ Ноябрѣ 1738 г. и послали къ кошевому Бѣлицкому, напоминая ему долгъ его: охранять границу, тогда особенно, когда и Минихъ со всею арміею ретировался еще въ Сентябрѣ на зимовку, а не оставаться въ разъѣздахъ. Сочинитель приведенной выше *Записки,* въ нѣсколькихъ словахъ обозначаетъ этотъ походъ». Мы остались, говоритъ онъ, при Днѣстрѣ только три дни, гдѣ одну только ночь острѣливали шанцами весьма утвержденный непріятельскій лагерь, но не бывъ въ состояніи оному сдѣлать поврежденій, предприняли отступной маршъ... Когда мы отступили, тогда не умедля Турки на сю сторону отъ своего караула послали часть войска, которая соединясь съ Татарами, безпрестанно на нашу арріергардію наступала. Лошади наши были столь худы, что до нѣсколько сотъ телѣгъ съ провіантомъ и офицерскимъ багажемъ въ арріергардѣ сожжено. Многія артиллерійскія аммуниціи въ землю закопаны, чтобъ

непріятелю въ добычу не достались, такъ что оный нашъ возвратный маршъ въ первые три недѣли подобенъ былъ ретирадѣ побитой арміи. . . . Напослѣдокъ возвратились мы не соверша ничего, съ вовсе разореннымъ багажемъ и упряжкою, къ нашимъ границамъ, гдѣ опять старались все то завести, дабы на будущее лѣто такой же маршъ предпринять» [стр. 27].

Послѣдній годъ войны или такъ называемый Запорожцами *Хотинскій* походъ 1739 г. былъ несравненно счастливѣе и блистательнѣе для Россійской арміи. Минихъ пустился уже другимъ путемъ, ибо первый чрезъ Малую-Россію, вовсе изнуренную, былъ невозможенъ и безполезенъ. Чрезъ южную Польшу пошелъ онъ къ Днѣстру, взялъ Хотинъ, занялъ Бессарабію, овладѣлъ Яссами и всею Молдавіею; оттуда намѣренъ былъ пуститься въ Буджакскую степь, для истребленія злѣйшихъ хищниковъ и наѣздниковъ Ногайцевъ Буджакскихъ [Едисанскаго и Джамбулатскаго колѣнъ], но Россійскій дворъ, видя отпаденіе или холодность своихъ союзниковъ, большую потерю людей и денегъ безъ малѣйшей существенной или политической пользы, спѣшилъ съ окончаніемъ войны, хотя Минихъ сильно тому противился. Въ это время Запорожцы ходили въ Крымъ въ командѣ фельдмаршала Лассія, и одинъ отрядъ ихъ подъ командою полковника Запорожскаго *Онисима Бѣлого* въ особенности отличился. По сказанію современниковъ, онъ то провелъ Русскія войска чрезъ Сивашъ, во время отлива и помогъ къ занятію Арабатской крѣпости. Другой отрядъ съ новымъ кошевымъ *Яковомъ Тукаломъ* участвовалъ въ упомянутомъ Хотинскомъ походѣ, ведя свою

обычную партизанскую войну; а Запорожская пѣхота на дубахъ пробиралась къ Дунаю, доставляла припасы для арміи, истребляла Турецкія галеры, однимъ словомъ продолжала ту же службу, «якая и зъ вѣковъ бувало»,—велась въ Запорожьи. Если вѣрить нѣкоторымъ писателямъ, что армія наша въ 4 года кампаніи лишилась до 100 тысячь ч., то можно повѣрить Запорожцамъ, говорящимъ, что войско потеряло тогда цѣлую половину своего товариства, а остальная половина, говоря языкомъ козачества, «голодная, босая и голая» возвратилась въ Кошъ, въ которомъ не было еще ни церкви [кромѣ походной], ни валу, ни даже хлѣба, ибо оставшіеся въ Сѣчи или поумирали отъ чумы, занесенной изъ Крыма, или питались однимъ провіантомъ, который генералъ *Кейзерлингъ* изъ милосердія давалъ изъ казенныхъ магазиновъ, учрежденныхъ на Днѣпрѣ: на Хортицкомъ островѣ, въ Богородицкомъ и другихъ мѣстахъ.

Такъ кончилась тяжкая 4-хъ-лѣтняя война, и миръ вскорѣ заключенный не могъ принесть большой пользы для Россіи, когда всѣ крѣпости и завоеванія надобно было отдать Туркамъ и ничего полезнаго не пріобрѣсть.

Мирный трактатъ, заключенный въ Бѣлградѣ 18 Сентября 1739 г. и ратификованный въ Декабрѣ того же года, былъ еще дополненъ при посредничествѣ Французскаго посланника маркиза *де-Вильневъ* договоромъ въ Ниссѣ 3-го Октября и утвержденъ окончательно въ Константинополѣ 28 Декабря 1739 года. Главнѣйшія статьи онаго были и самыя тягостныя для Южной Россіи. *Стат. III* требовала срытія Азова,

оставленія Таганрога въ развалинахъ, и положила, что Россія не будетъ имѣть флота на моряхъ Азовскомъ и Черномъ. *Ст. IX* постановила: «Торговля между Россіею и Турціею будетъ свободною, но Россіяне могутъ производить ее на Черномъ морѣ не иначе, какъ посредствомъ Турецкихъ кораблей». Эти двѣ статьи, казалось, разрушали всѣ надежды Русскаго кабинета, достигнуть цѣли, предположенной Петромъ Великимъ—завести флотъ и торговлю на этихъ водахъ,—ибо Азовъ и Таганрогъ, двѣ единственныя тогда Русскія приморскія точки въ здѣшнемъ краѣ, должны были разрушиться въ прахъ и самая земля названа была *барьерною*, т. е. *bonum nullius*. И въ самомъ дѣлѣ Турція была полнымъ владыкою Чернаго и Азовскаго морей, держала флотъ въ Хаджибеѣ, Аккерманѣ, у Кинбурна и Еникале, галерныя флотиліи на Днѣпровскомъ лиманѣ, Днѣстрѣ и Дунаѣ, какъ чуткіе стражи противу всякихъ покушеній такого грознаго сосѣда, какъ Россія, которой востокъ по преданіямъ уже боялся. Отъ того даже Запорожскія лодки, не смотря на все удальство Низовцевъ, не смѣли явно пробираться въ Черное море; отъ того козаки, искусные въ этомъ плаваніи, умѣвшіе обмануть бдительность Турокъ, «бывалые на Черномъ и Бѣломъ моряхъ», особенно уважались своею общиною. Торговля Русская на Черномъ морѣ еще не существовала, а если были какія нибудь торговыя сношенія съ Турціею, Очаковомъ и Крымомъ, то онѣ производились посредствомъ Запорожцевъ или чрезъ Запорожье, какъ мы это объяснили въ своемъ мѣстѣ. Но и этой торговлѣ Крымское правительство, по своему невѣжеству, зависти и

ненависти къ мужающейся Россіи, дѣлало неслыханныя затрудненія, хотя отъ нихъ терпѣли и собственные его доходы, ибо торговля съ Запорожцами, а чрезъ нихъ съ Россіею и Польшею, приносила Ханству большія выгоды. Только Румянцовскія пушки, 30 лѣтъ спустя, могли измѣнить это невыгодное положеніе наше на Югѣ, — но это время было еще далеко и скрывалось во мракѣ будущаго.

Но II-я статья дополнительной Нисской конвенціи, такъ важна для будущей судьбы и слѣдственно для исторіи Запорожья, что мы должны здѣсь представить ее во всей ясности и подробности. До Бѣлградскаго мира границы Русскія за Днѣпромъ были обозначены трактатами 1705 и 1711 г., и приходились на сѣверѣ нынѣшней Екатеринославской губерніи, почти у самой Украинской линіи. Такимъ образомъ весь прекраснѣйшій край, между этою линіею, лѣвою стороною нижняго Днѣпра, Сѣвернымъ Донцомъ и нынѣшнею межею Таврической губерніи, т. е. за-Днѣпровская часть Запорожскихъ земель [вся восточная половина Екатеринославской губ.] принадлежала *по трактатамъ* Турціи, но въ самомъ дѣлѣ войску Запорожскому, какъ первому ихъ обладателю [jure primi occupantis] и какъ они выражались «по *неразграниченію* оной». Турки не только никогда тому не противились, но даже дѣйствительно признавали ихъ тамъ владычество, обращаясь съ просьбами къ козачеству о дозволеніи Ногайцамъ пасти на степяхъ свои табуны и пр. Только въ тѣ времена между 1709—1733 г., сперва пагубное предательство Гордѣенки, Крымское иго и всѣ за ними послѣдовавшія бѣдствія, а послѣ съ 1733 по 1739 годъ

заботы объ основаніи Коша и военная дѣятельная служба, не дали Запорожцамъ довольно досуга, чтобы обдумать свое положеніе и воспользоваться формальнымъ объявленіемъ графа фонъ-Вейсбаха, въ предъидущей главѣ приведеннымъ, «что земля, на которой они селятся и Кошъ строятъ, ихъ собственная, что они въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій безпрекословно сю владѣютъ, и что въ это ни Россія, ни Порта, ни ханъ вмѣшиваться не должны». Благоразумная политика Русскаго кабинета воспользовалась этою оплошностью Вейсбаха и безпечностію Запорожцевъ, и Нисскою конвенціею опредѣлила Русскія границы на югѣ слѣдующимъ образомъ: «На восточной [т. е. на лѣвой] сторонѣ Днѣпра проведется прямая линія отъ источниковъ рѣки *Конскія-Воды*, впадающей въ Днѣпръ, до источниковъ рѣки Берды, изливающейся въ Азовское море. Такимъ образомъ границу между обѣими державами составлять будутъ: Конскія-Воды, упомянутая линія и Берда. Все находящееся на югѣ отъ сей черты будетъ принадлежать Турціи, а находящееся на сѣверѣ отъ оной Россіи» [1]. Это нынѣшняя межа Таврической отъ Екатеринославской губерніи. Вскорѣ послѣ того *инструментъ* [актъ], заключенный на Ингулѣ Русскими и Турецкими коммисарами 4 Ноября 1740 г., опредѣляетъ границу на лѣвой сторонѣ Днѣпра такимъ образомъ, что все Запорожье, за исключеніемъ только Гарду на Бугѣ, гдѣ была его Бугогардовая паланка, вошло также въ составъ Россійской Имперіи [2]. Такимъ

[1]) На приложенной картѣ эта граница обозначена надписью: *Граница 1740 года.*

[2]) Границъ 1705 или 1740 г. никто не мѣрилъ «въ натурѣ»,

образомъ вся Запорожская община со всѣми ея «владѣніями и Днѣпровыми вольностями» поступила, какъ по договорамъ Хмѣльницкаго съ Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ въ 1655 г. и слѣдовало, въ полное и непосредственное подданство Россіи, даже и по части земскаго владѣнія. Это ясно и съ точностью подтверждено Константинопольскою конвенціею, ратификованною 26 Августа 1741 года. На этомъ основаніи Кошъ Запорожскій могъ быть всегда уничтоженъ, по волѣ Монарха, что и случилось въ сорокъ лѣтъ послѣ его основанія, но тогда Запорожцы этого не понимали, а Россія такого событія не предполагала [1].

Въ это время печальная вѣсть достигла до этихъ отдаленныхъ концевъ Имперіи Русской: — Императрица Анна Іоанновна, которую столь благословили Запорожцы за дарованное имъ всепрощеніе и милости, скончалась въ 28 день Октября 1740 года.

отъ того линія на планахъ, изображавшая эту межу, проведена 6-ю или 7-ю верстами выше отъ устья оврага Ташлыкскаго въ Бугъ (близъ волости Константиновки), гдѣ былъ Запорожскій *Гардъ* и ихъ паланка. Этотъ оврагъ смѣшивали съ р. Ташлыкомъ (Чернымъ), которая впадаетъ въ Бугъ гораздо выше, за Ольвіополемъ.

[1]) Въ архивѣ князя М. С. Воронцова нашли мы *записку*, вѣроятно сочиненную его дѣдомъ канцлеромъ, въ которой сказано: «что хотя Запорожцы ссылаются на граммату *подтвердительную* на владѣніе ихъ землями, данную имъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, но такъ какъ Хмѣльницкій тогда уже былъ подданнымъ Россіи, то и не имѣлъ права *подтверждать* королевскія Баторіевы привиллегіи, безъ согласія Царскаго Двора.

ГЛАВА IV.

Царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны. Сношенія и споры Запорожцевъ съ Поляками. Начало гайдамацтва, Савка Чалый. Споры съ Татарами, пограничныя коммисіи съ Крымомъ.

1741—1749.

Благополучное возшествіе на престолъ въ 1741 году дщери Петра Великаго, было важною эпохою для Запорожья и всей Южной Россіи. Пространство времени между 1741 и 1762 годами было, можно сказать, золотымъ вѣкомъ Запорожской общины. Импе-ратрица Елисавета Петровна, первая изъ Монарховъ Россійскихъ обратила вниманіе на этотъ край, не съ оружіемъ въ рукахъ, а желая упрочить Россіи владѣніе тѣми странами, которыя прославились отъ доблестныхъ трудовъ и подвиговъ великаго Ея родителя, — гдѣ столько пролили крови и столько лавровъ снискали Русскія войска. Неудачные или малополезные походы Миниха и Лассія на Крымъ и Турцію, заставили отказаться до времени отъ дѣйствій наступательныхъ

и приняться за дипломатическую, кабинетную войну. Цѣлью всѣхъ дѣйствій этой великой Монархини было: осуществленіе желаній и надеждъ Петра Великаго — завладѣніе входами въ Черное и Азовское моря, а со временемъ, если Провидѣнію угодно будетъ, доставленіе Россіи права свободно плавать, по всѣмъ Турецкимъ морямъ и рѣкамъ. Всепрощеніе, дарованное Запорожцамъ Императрицею Анною Іоанновною, учрежденіе изъ нихъ живой и, можно сказать, непреоборимой границы со стороны дикихъ ордъ Ногайскихъ — было первымъ шагомъ къ этой великой цѣли, и большая часть дѣлъ Императрицы Елисаветы клонилась къ достиженію ея вполнѣ. Она достигла многаго, сдѣлавъ почти всю страну, которая была «пустынею Запорожскою» [какъ ее называли западные географы: déserts Zaporoviens], а теперь именуется «Новою-Россіею», Русскою землею. Хотя плоды трудовъ Ея были собраны немного позже, т. е. въ царствованіе великой Ея преемницы Императрицы Екатерины II, но основаніе положено было Елисаветою. О судобахъ и успѣхахъ этой части Россіи въ Ея царствованіе мы говорили въ другомъ мѣстѣ [1]], здѣсь мы займемся участью Запорожцевъ въ эту достославную эпоху.

Немедленно послѣ вступленія на престолъ Императрицы и учиненія Ей въ Кошѣ присяги на вѣрную и усердную службу, войско Запорожское отправило своимъ депутатомъ къ Ея престолу: бывшаго кошеваго, столь много служившаго общинѣ, Ивана Малашевича.

---

[1]) Въ исторіи Новороссійскаго края, которой первый опытъ, еще весьма неполный, напечатанъ мною въ Одессѣ въ 1836—1838 г., подъ заглавіемъ: *Хронологическое Обозрѣніе Исторіи Новороссійскаго края*.

Кошевымъ въ то время во второй разъ былъ Яковъ Тукало. Войско принося свое подданническое поздравленіе и, поручая себя въ милостивое попеченіе Монархини, просило: 1] болѣе положительнаго закона на счетъ получаемаго ежегодно денежнаго и хлѣбнаго жалованья; 2] на счетъ опредѣленія границъ со стороны Донскаго войска и Польскаго королевства; 3] милостиваго вниманія къ ихъ жалобамъ на пограничныя начальства Польскія и Крымскія. Изъ остатковъ переписки по сему предмету, мы заимствуемъ нѣсколько свѣдѣній о всѣхъ здѣсь упомянутыхъ предметахъ.

Самое важное обстоятельство было — опредѣленіе границъ, особенно со стороны Польши, ибо тамъ болѣе всего происходило безпорядковъ отъ непримиримой вражды, какая существовала между пограничнымъ дворянствомъ этой державы и Запорожцами. Начало этой вражды, какъ всѣмъ извѣстно, было въ событіяхъ XVII столѣтія; она произошла съ одной стороны отъ вѣро-нетерпимости Поляковъ-католиковъ, распространенія Уніи и неуваженія къ козачеству, которое дворянство Польши не хотѣло сравнять съ собою и называло черныю, *хлопствомъ*, не смотря на *клейноты шляхецтва* и гербы многихъ старшинъ, имъ пожалованные, и на грамматы королей изъ рода Ягеллоновъ, имъ дарованныя. Съ другой стороны горячая приверженность козачества къ православію, ненависть къ гонителямъ и утѣснителямъ, наконецъ присоединеніе всей почти Южно-Русской земли къ великому Царству Московскому и Всероссійскому — были причиною или тяжкихъ войнъ или безпрерывныхъ сосѣднихъ распрей. Хотя постепенно, съ теченіемъ времени и утвержденіемъ

гетманства Украинскаго подъ Русскимъ владычествомъ, причины къ спорамъ и враждѣ уменьшились, но дружбы и даже постоянныхъ, мирныхъ сосѣднихъ сношеній между Поляками и Запорожцами не было. Древніе законы имъ противные оставались во всей силѣ, не смотря на перемѣну обстоятельствъ, всякій Запорожецъ, прибывшій въ Польшу, рисковалъ или жизнію или свободою, если только отъ братьевъ-поселянъ, подобно ему православныхъ, защиты не находилъ. Эту вражду возобновили въ началѣ XVIII столѣтія интриги нѣкоторыхъ вельможъ, приверженцевъ Станислава Лещинскаго, которые, основываясь на приверженности козаковъ къ Мазепѣ и ложныхъ показаніяхъ Орлика, считали Запорожцевъ, во время Крымскаго ихъ періода, врагами Россіи и надѣялись на ихъ содѣйствіе противу арміи Императрицы Анны Іоанновны, въ Польшу посланной. Мы видѣли, какъ были ошибочны ихъ надежды, что первымъ дѣломъ графа Вейсбаха и Миниха, послѣ основанія Новой-Сѣчи, было отправленіе *«охоче-комонного»* отряда Запорожскаго товариства для разоренія имѣній, принадлежавшихъ вельможамъ и дворянству партіи Лещинскаго; досталось и Синявскимъ и Потоцкимъ и Свидзинскимъ и Красинскимъ и многимъ другимъ, особенно въ Подольскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ, объ чемъ память не исчезла доселѣ въ этомъ краѣ. Это ожесточило Поляковъ до крайности, не имѣя возможности вредить Русской арміи, они всякаго Запорожца, найденнаго въ Польшѣ или пойманнаго въ степи, предавали смерти, какъ грабителя и наѣздника.

Еще въ 1730 г. жаловались Запорожцы своему суверену хану Крымскому, что Поляки захвативъ до

300 ч. Запорожскихъ козаковъ, — которые, по торговлѣ или для свиданія съ родными, ходили въ Брацлавское воеводство, — всѣхъ ихъ умертвили, а имущество ихъ заграбили. Во время войнъ 1736—1739 не проходило году, чтобы подобныя происшествія не повторялись. Въ 1738 г. партія козаковъ Запорожскихъ, возвращавшаяся изъ Очаковскаго походу, въ числѣ 18 козаковъ, пустилась въ м. Стеблевъ [Подол. губ.] для покупки хлѣба. Поляки окружили ихъ, схватили и отвели въ Немировъ, гдѣ тамошній губернаторъ, отъ имени гетмана Потоцкаго командующій, всѣхъ ихъ повѣсилъ. Въ томъ же году другая партія Запорожцевъ въ числѣ 102 чел. козаковъ разныхъ куреней, зашла въ Уманскую губернію для торговли и покупки съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ Сѣчь тогда особенно нуждалась. Комендантъ Уманскій *Антонъ Табанъ* пригласилъ ихъ къ себѣ въ домъ «на кушанье» и тамъ хитростью отнявъ у нихъ оружіе и лошадей, всѣхъ ихъ публично на рынкѣ перевѣшалъ, 202 лошади, оружіе и все ихъ имущество, въ 3,000 руб. оцѣненное, заграбилъ. Въ 1739 г. Смилянскій губернаторъ торгующихъ тамъ козаковъ семерыхъ, Чигринскій тоже семерыхъ и Черкасскій двухъ смерти предали, по собственному суду и приговору, въ противность Гримултовскаго [1686] [1] договора между Россіею и Польшею, по которому всѣ подобныя дѣла должны были предаваться посредничеству довѣренныхъ отъ обѣихъ державъ коммисаровъ. Въ 1740 г. пять и въ 1741 г. четырехъ

[1]) Этотъ трактатъ заключенъ со стороны Польши воеводою Познанскимъ Гржимултовскимъ, въ подтвержденіе извѣстнаго Андрусовскаго (1667) договора, весьма выгоднаго для Россіи.

козаковъ въ Умани, Чигринѣ и Смилой повѣсили, такъ что съ 1733 по 1750 г. было повѣшено или замучено на колѣ Поляками Запорожцевъ 202, у нихъ заграблено 504 лошади, 29 воловъ, возовъ съ рыбою и товарами 78, а всего имущества на 27,000 руб.

На такія жалобы и претензіи Коша Запорожскаго, Польскіе пограничные губернаторы представляли и свои доказательства, что не проходило не только года, но даже мѣсяца, чтобы гайдамаки не нападали на Польскія села, замки и города, не предавали смерти помѣщиковъ, дворянъ и жидовъ, не жгли и не грабили ихъ имѣній. Хотя часть жалобъ и была справедлива, но Поляки всѣхъ гайдамакъ, даже изъ своихъ и Турецкихъ подданныхъ, называли Запорожцами, чтобы за нихъ отъ Россійскаго Двора получить вознагражденіе. На строгіе выговоры правительства за потворство и даже за посылку гайдамакъ въ Польшу и Крымъ, — Кошъ Запорожскій отвѣчалъ тоже, что въ послѣдствіи, въ 1749 году, говорилъ и Крымскимъ депутатамъ: «что всѣ такія безчинства причиняютъ не За-«порожскіе козаки, но такіе люди, кои ни въ Малой-«Россіи, ни въ войскѣ Запорожскомъ не служутъ и «уповательно, подъ претекстомъ Запорожскихъ коза-«ковъ сіе чинятъ Польскіе гайдамаки и гультаи [мо-«шенники], шатающіеся по степамъ и, кромѣ степа, «никакого пристанища себѣ не имѣютъ». Но нельзя не согласиться, что и Запорожцы въ этихъ разбояхъ и грабежахъ или просто гайдамацтвѣ участвовали, ибо во многихъ уголовныхъ допросахъ и приговорахъ находили мы, что «ватажкомъ» наѣздниковъ всегда или почти всегда, былъ Запорожецъ. Объ этомъ очень ясно

говоритъ Кіевскій генералъ-губернаторъ Леонтьевъ въ письмѣ своемъ къ кошевому *Семену Еремѣевичу*, въ 1742 г. изъ судей избранному въ атаманы: «Вамъ г. кошевому атаману и всему войску Запорожскому Низовому изъ посылаемыхъ отъ меня предложеній довольно извѣстно, коимъ образомъ у Е. И. В. съ блистательною Портою Отоманскою съ прошлаго 1739 году миръ возстановленъ и мирными трактатами и артикулами утверждено, дабы съ обѣихъ сторонъ вѣчно и ненарушимо то содержать и ничего нимало въ противность не оказывать, какъ того сосѣдственная приязнь требуетъ. Сверхъ же того купцамъ и всякаго чина людямъ Россійскимъ въ Турецкой и Турецкимъ въ Россійской областяхъ, со всякими ихъ товарами и промыслами быть позволено, безъ показанія малѣйшихъ обидъ и озлобленій. По которому свято установленному мирному трактату, купеческіе и прочіе люди изъ Турецкой области желающіе въ Запорожскую Сѣчь и внутрь Малороссіи прибываютъ, а Россійскіе въ ихъ область отбываютъ; а дабы то крѣпко и ненарушимо содержать, о томъ отъ Е. И. В. именными указами по всей Россіи публиковано и подтверждено. Но точію вы, не смотря на то мирное постановленіе и пренебрегая имянные Е. И. В. Высочайшіе указы, по своему легкомыслію и издревле обыклому своевольству, разсѣявшись по степямъ, Турецкимъ подданнымъ купцамъ, слѣдующимъ въ Россію обратно въ Крымъ и Татарамъ, кочующимъ въ степяхъ, неописанныя чините грабительства и озлобленія и приводите въ такое безпокойство, что принуждены они къ своему двору о тѣхъ нетерпимыхъ вашихъ наглыхъ обидахъ жалобу приносить;

ибо тѣ ваши весьма худые поступки и презрѣніе свято постановленнаго и ненарушимаго мирнаго трактата ни къ чему другому вырастаютъ, но къ единому оскорбленію Е. И. В. и общаго покоя. Къ томужь слѣдственно и въ Запорожской Сѣчи Крымскихъ купцевъ грабите и присланныхъ отъ хана Крымскаго посланцевъ до смерти убиваете, да и вѣрно-подданнымъ Е. И. В. слѣдующимъ изъ Крыма съ товарами и съ покупною солью, забывъ страхъ Божій и Е. И. В. высочайшій гнѣвъ, таковыяжь грабительства чинить отваживались».

Но если мы вполнѣ соглашаемся въ буйствѣ козаковъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ должны здѣсь объяснять, что было поводомъ всѣхъ этихъ безпокойствъ и въ чемъ онѣ состояли. Зная начало войска [или ордена] всегда вооруженнаго, вѣчно озлобленнаго противу заклятыхъ своихъ враговъ, особенно послѣ тяжкаго рабства, которое оно претерпѣло подъ Крымскимъ владычествомъ, послѣ обидъ, которыми терзали ихъ Поляки, Запорожцы и міромъ и каждый отдѣльно вовсе не считали постыднымъ или противузаконнымъ дѣломъ наносить всевозможный вредъ Крымцамъ, Ногайцамъ или «Ляхамъ.» Они даже хвастались этимъ какъ молодечествомъ, какъ подвигами достойными хвалы и знаменитыхъ именъ *Палывайки*, *Подковы*, *Палія* или *Сирка*, героевъ козачества. По ихъ мнѣнію [а это можно встрѣтить во всѣхъ ихъ преданіяхъ и пѣсняхъ], — всякій козакъ и всякая дружина, повстрѣчавшись въ степи отдѣльно или съ отрядомъ чужеземцевъ, должны были непремѣнно съ собою *по братски поздороваться,* т. е. попробовать обоюдной силы и отваги а тогда грабежъ

неминуемо слѣдовалъ за битвою. Къ томужь въ степи и по низовьямъ большихъ рѣкъ много скрывалось бездомныхъ *бурлаковъ* и бродягъ, которые вовсе къ Запорожью не принадлежали, на жительство въ предѣлахъ войска билетовъ не получали и даже отъ Запорожской старшины убѣгали; ихъ-то обыкновенно Запорожскіе или Польскіе ватажки гайдамацкіе набирали, когда пускались на грабежъ или разбой. Отогнать скотъ или табунъ, унести или насильно похитить имущество врага, особенно за границею, съ оружіемъ въ рукахъ, съ опасностію жизни и свободы, — это казалось дѣломъ достойнымъ пѣсень и славы [1]. Должно еще замѣтить, что Ногайскія орды, какъ почти совершенно дикіе, кочующіе народы, и слѣдственно въ жестокости несравненно превосходящіе Запорожцевъ, мало уважали законы о границахъ, которыхъ и знать не хотѣли. Хотя въ 1742 г. на основаніи трактатовъ 1739, 1740 и 1741 г. назначенные коммисары: Русскій генералъ-лейтенантъ *князь Репнинъ* и Турецкій *Хаджи-Ибрагимъ-Капиджи-Баша*, торжественно окончили разграниченіе Южной Россіи со стороны Крыма, опредѣливъ обоюдную межу отъ устья р. Конскихъ-Водъ въ Днѣпръ до устья р. Міусъ въ Азовское море [у Таганрога] и формальными *инструментами* [актами] размѣнялись, но Ногайцы объ

[1]) Поляки сами разсказываютъ, съ какимъ героическимъ равнодушіемъ переносили эти преступники страшныя свои казни. Одинъ среди пытки просилъ, чтобы ему позволили умирать съ его «люлькою» *трубкою*, въ знакъ, что онъ православный, а не раскольникъ: другой посаженный на колъ самъ командовалъ своею казнію и кричалъ палачамъ: «эй хлопци, паля не ривно иде», т. е. что колъ не прямо его прорѣзывалъ.

этомъ понятія не имѣли. Они всегда первые наѣзжали на Запорожскія земли, или вооруженною толпою переходили на ихъ поля и рѣчки для пастьбы скота и табуновъ, ссылаясь на древніе трактаты Турціи съ королями Польскими, а въ особенности на законоположенія утвержденныя на сеймѣ Іоанномъ Казиміромъ, въ 1659 г. имъ чрезъ Порту объявленныя, послѣ которыхъ происходившія перемѣны были имъ вовсе неизвѣстны. Все это подавало поводъ къ спорамъ и частію къ кровавымъ распрямъ между сосѣдями. Ханы Крымскіе Портѣ, а Запорожцы своему двору приносили жалобы на взаимныя своевольства, и это никогда не прекращалось. Кошевые и вся старшина усердно этимъ безпорядкамъ противились, и мы имѣемъ документы, что кошевый Василій Григорьевъ, по прозванію Сычь [Коршунъ], по всѣмъ степямъ преслѣдовалъ гайдамакъ и даже подсылалъ къ нимъ «добрыхъ людей» склонять ихъ къ раскаянію. Но разсѣянные или наказанные въ одномъ году, на слѣдующій новыми шайками являлись гайдамаки.

Причиною всего зла было безмѣрное пространство земель Запорожскихъ и слѣдственно невозможность строгаго надзора за «отступающими» изъ Сѣчи козаками, за сидящимъ уединенно по зимовникамъ или на рыбномъ, звѣриномъ и соляномъ промыслахъ «бадающимся» товариствомъ [добывающимъ себѣ хлѣбъ]. Послушаемъ очевидца козака Никиту Коржа, какъ онъ описываетъ подвиги гайдамакъ въ его время [1731—1775] бывшихъ: «Изъ женатыхъ или сидящихъ зимовниками козаковъ мало было преступниковъ, а холостые *сиромы* [*сиротки*, т. е. товариство] сей участи

больше подвергались, ибо *що у Лямы на рыбалиях*[1] или на звѣринной *загорюють* [заработають], то все то чрезъ пьянство и *прогайнують* [промотаютъ], и видя уже послѣ «що ничимъ похмелиться да и ни виткиль поживиться», зарабитки ушли, а гроши пропали, то тогда уже неизбѣжно простираются и до дальняго распутства и отваги самовольно. «А воля и отвага [по пословицѣ] або медъ пье, або кандалы тре». И когда уже сиромы доходили до такого состоянія, то неудержно сіи шалуны пускались великими шайками на добычу и начинали красть, грабить и убивать. Они грабили чумаковъ на великихъ *шляхахъ* [дорогахъ], дѣлали разбои надъ проѣзжими купцами и *драли* [обдирали] Ляховъ и жидовъ въ Польшѣ такъ сильно, что Ляхи отъ страху кидали домы и жилища свои и уходили «до лясу» [въ лѣса] во внутреннюю Польшу за Варшаву, а жиды безъ вѣсти пропадали и духу боялись Запорожскаго. Между сими шайками были *ватажки* [отъ сл. *ватага*] или атаманы и по ихнему еще назывались *характерники*, т. е. такіе волшебники, что ихъ никакое огненное оружіе, ни пуля, ни пушка умертвить не можетъ. И когда бывало дерутъ Ляховъ по великимъ и богатымъ дворамъ, въ коихъ хотя на сей случай въ осторожность и весьма великое бываетъ количество сторожей и вооруженныхъ часовыхъ, но ватажокъ такъ очаруетъ всѣхъ въ домѣ, что никто изъ нихъ не услышитъ и не увидитъ ни одного

[1]) «У Лямы на рыбаляхъ» буквально значитъ тянуть *лямы* (веревки) на неводахъ, а въ переносномъ смыслѣ работать на зарубежныхъ рыбныхъ ловляхъ въ Днѣпровскомъ, Бугскомъ и Тилигульскомъ лиманахъ, которые принадлежали въ то время Портѣ.

козака изъ его шайки, и тогда уже они берутъ что хотятъ и возвращаются въ Сѣчь [?], а потомъ *дуванятся* [*дуванъ,* раздѣлъ], т. е. дѣлятся добромъ: часть на козаковъ, часть на ватажка, а часть на курень [?]. По сему-то самому, якъ видно и нѣкоторые куренные атаманы дѣлали имъ поблажку, ибо не всякій ватажокъ, собравъ шайку, тайно ходилъ на добычь, но большею частію за вѣдомомъ куреня [?]. По той причинѣ, когда бывало собирается ватажекъ на добычь и проситъ у атамана [куреннаго] козаковъ, то куренный атаманъ приказываетъ ватажкови: «ну, братчику, глядыжъ, щобъ ты якого козака не утративъ, то тоди уже и до куреня не вертайсь». Ватажокъ, надѣясь на свое характерство, отвѣчаетъ атаману: «ни, батьку, будутъ вси цилы», и проч. Легко понять, что это *характерство* было ничто иное, какъ пособіе крестьянъ и козаковъ Польскихъ помѣщиковъ, которые ненавидѣли сами «Ляховъ» и считали Запорожцевъ за истинныхъ своихъ витязей, а гайдамакъ за героевъ.

Впрочемъ повторяемъ, что Поляки много давали поводу этимъ безпорядкамъ чрезъ своевольство богатыхъ помѣщиковъ Украинскихъ и ихъ прислужниковъ. Въ долговременное и мирное царствованіе Короля Августа III регулярное войско Польское почти не существовало, на границахъ командовали помѣщики-старосты, которые сами никогда въ имѣніяхъ не жили, а управляли тамъ чрезъ «губернаторовъ», т. е. управителей, съ званіемъ полковниковъ и пограничныхъ комендантовъ, туда посылаемыхъ. Такіе губернаторы и молодые дворяне считали единственнымъ средствомъ отличиться въ глазахъ своихъ соотечественниковъ и

соотечественницъ, прославившись храбростію и подвигами во время *подъѣздовъ*, т. е. погоней за гайдамаками. Эти «подъѣзды» были просто «наѣзды» на Запорожскія земли, хотя охотники доходили не болѣе какъ до вершинъ р. Ингула, боясь встрѣтить команды войсковыхъ асауловъ, или другіе большіе отряды. Въ 1742 г. Запорожцы доносили Сенату, что Польскіе отряды перешли границу въ отсутствіи полковника, бывшаго въ разъѣздахъ по Ингулу, захватили Бугогардовую паланку и тамъ трехъ козаковъ убили, 4 ранили, другихъ увели въ плѣнъ и зимовникъ полковничій разорили. Но по сношенію Русскаго двора съ Польскимъ, посолъ Польскій въ Петербургѣ, обозный великій Литовскій *графъ Огинскій* объяснилъ, что это нападеніе точно сдѣлано со стороны начальства Уманской губерніи, въ отмщеніе за наѣзды Запорожской партіи, которая ворвавшись въ м. Немировъ, принадлежащее гетману коронному Францу Потоцкому, схватила тамъ полковника Польской козачьей милиціи *Савку Чалого* и привезши въ Сѣчь смертной казни предала. Объ этомъ ватажкѣ и самомъ событіи нашли мы нѣсколько весьма любопытныхъ свѣдѣній, живо обрисовывающихъ тѣ времена, которыя долгомъ считаемъ сообщить читателямъ [1]].

Еще въ Маѣ 1735 г. графъ Вейсбахъ писалъ къ Запорожцамъ, чтобы они послали въ Польскую Украину для поимки «извѣстнаго вора Савки Чалого», который, будучи Запорожцемъ, гайдамачилъ по границѣ

---

[1]) Многія подробности о гайдамакахъ и о Савкѣ Чаломъ мы уже сообщили читателямъ въ книгѣ нашей подъ заглавіемъ: *Наѣзды Гайдамакъ на Западную Украину*, Од. 1845.

и пріобрѣлъ себѣ въ разбояхъ особенную славу. Этотъ гайдамацкій ватажокъ былъ приверженецъ Орлика и, выдавая себя *сотчестникомъ* короля Станислава Лещинскаго, съ шайкою воровъ и грабителей наѣзжалъ и разорялъ имѣнія помѣщиковъ партіи Саксонской и увѣрялъ, что онъ дѣйствовалъ по волѣ всего войска Запорожскаго. Чтобы оправдать себя отъ такого подозрѣнія, Запорожцы послали одного своего ассаула съ козаками въ Немировъ, зная, что тамъ чаще всего подвизался Савка Чалый,—но хитрый ватажокъ узналъ отъ своихъ товарищей о посылкѣ Запорожцевъ и, по обычаю гайдамакъ, скрылся въ Бессарабіи, только его ассаулъ *Василій Шумка* и 3 гайдамака изъ его шайки были пойманы и казнены. Всѣ другіе поиски были напрасны и Русское правительство вскорѣ объ этомъ забыло. Савка Чалый, видя, что его оставили въ покоѣ, навербовалъ новую шайку изъ Волоховъ, Цыганъ, Польскихъ поселянъ и десятка бѣглыхъ Запорожцевъ [которыхъ укрывалъ полковникъ Буго-Гардовый *Ихайко*] и пустился по прежнему грабить и разорять Польскія села. Между тѣмъ Лещинскій былъ сверженъ, его партія упала и присоединилась къ Августу III. Помѣщикъ Уманскій графъ Потоцкій, ближайшій сосѣдъ Запорожья, желалъ усердно мира и въ Польской Украинѣ, гдѣ были его и его роду безмѣрныя имѣнія, но благодаря Савкѣ Чалому никакого покоя надѣяться нельзя было. Тогда то, говорятъ, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы этого ватажка завлечь въ свои сѣти, и если не погубить, то сдѣлать полезнымъ для Польши. Однажды чрезъ Жидовъ узналъ онъ, что Савка съ однимъ только товарищемъ бываетъ въ Немировѣ,

гдѣ, не смотря на угрозы губернатора, явно пируетъ и веселится. Потоцкій самъ лично съ большою командою вошелъ въ домъ, гдѣ скрывался Чалый и, схвативъ его, предложилъ ему выбирать любое—или быть, какъ гайдамакъ и бунтовщикъ, посажену на колъ, или принять у него службу на выгодныхъ условіяхъ. Выборъ былъ не труденъ. Савка Чалый былъ опредѣленъ въ полки пограничной казачьей милиціи, порученъ королевскому покровительству и ему въ команду даны были помѣщичьи козаки съ тѣмъ, чтобы онъ воевалъ съ гайдамаками, а преимущественно съ Запорожцами, коихъ всѣ жилища были ему знакомы. Онъ такъ отличился въ этой службѣ, что въ первомъ наѣздѣ разогналъ команду Буго-Гардовой паланки, сжегъ церковь походную, зимовники и самый *Гардъ*, т. е. плотины между скалами на Бугѣ для лова рыбы Запорожцами учрежденныя, разорилъ. Этотъ подвигъ удостоился большихъ похвалъ въ Польшѣ, и Потоцкій пожаловалъ Чалому въ потомственное владѣніе с. *Рубань* и сравнялъ его съ другими своими козачьими полковниками. Но и Запорожцы не дремали. Наѣздъ Чалаго на ихъ земли, гдѣ его предокъ Яковъ Чалый [1696] былъ кошевымъ атаманомъ, а отецъ старикомъ куреннымъ, казался для нихъ тяжкимъ безславіемъ, ибо Поляки вездѣ разглашали, что Запорожцы грабятъ Запорожцевъ. Здѣсь документы прекращаются, а начинается сказаніе превосходной пѣсни, помѣщенной г. Срезневскимъ въ его Запорожской старинѣ [на 69 стр. ч. 1]. Какой-то *Игнатъ Голый* вызвался его отыскать и поймать: «я того пана Савву у руки поймаю», —обѣщалъ онъ торжественно, и получивъ на то

позволеніе, пустился «въ Лядчину». Въ это время не помышляя о бѣдѣ:

«Ой пье Сава въ Немирови,
Въ ляхивъ на обиди».

Вдругъ къ нему является гонецъ. «Что новаго»? спрашиваетъ Сава,—слуга отвѣчаетъ:

«Протоптана пане стежка
До вашего двора́» и—
«Споглядаютъ гайдамаки
Зъ за горы частенько».

Не смотря на то, Савва пируетъ, ѣздитъ, грабитъ и никого не боится. Однажды возвратясь домой, спрашиваетъ челяди: «что, все у насъ благополучно»? Слуги повторяютъ, что

«Все хорошенько»—но
«Выглядаютъ изъ за горы
«Козаки частенько».

Савва остается дома, приказываетъ принесть меду и пива, чтобы выпить за здоровье жены и новорожденнаго сына, а самъ сѣлъ, чтобы писать какія-то письма: но удивительное дѣло, онъ что-то тоскуетъ, а молодая жена, качая свое дитя, плачетъ и предчувствуетъ горе. Слуги бросились къ погребу, но:

«Тай не вспивъ-же хлопець
Зъ стины ключи зняты,
Ставъ *Игнатъ Голый* съ кравчиною
Вороты ломаты.

«Якъ видсуне, та панъ Сава
    Виконце (окно) видъ рынку;
А вже тіи гайдамаки
    Блукаютъ по синку».

Чалый не теряя духа, приглашаетъ незванныхъ гостей попировать съ нимъ и зоветъ ихъ въ кумовья, но Голый отвѣчаетъ:

«Ой булобъ тоби пане Саво
Гардъ не руйноваты,
Колы хотивъ Запорожцивъ
Въ кумы соби браты».

Сопротивленіе было невозможно: израненный, изколотый пиками, Чалый взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Сѣчь, гдѣ и былъ казненъ у столба кіями до смерти. Жена съ сыномъ ушла. Польское правительство въ послѣдствіи времени [кажется въ 1790 г.] отыскало сына, даровало ему дворянство и имѣніе въ Чигринскомъ староствѣ.

Этотъ немного романтическій эпизодъ отвелъ насъ на время отъ исторіи Запорожья, но онъ такъ хорошо изображаетъ взаимныя отношенія обѣихъ Украинъ: Западной и Восточной, что мы сочли его довольно существеннымъ историческимъ фактомъ. Теперь опять обращаемся къ своему предмету.

Главныя жалобы и претензіи Польскаго двора, а еще болѣе пограничныхъ вельможей-помѣщиковъ по поводу границъ Запорожья отъ Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ, основывались на томъ, что въ упомянутомъ выше разграниченіи между Турціею и Россіею въ 1740, 1741 и 1742 г. Польскіе депутаты не участвовали и что такимъ образомъ, у впаденіи р. Синюхи въ Бугъ, часть земель Польскихъ была захвачена. Русскій Дворъ, для сохраненія спокойствія, чрезъ генерала Леонтьева потребовалъ отъ Коша секретнаго свѣдѣнія: гдѣ именно шелъ Польскій рубежъ? Генералъ

Леонтьевъ поручилъ кошевому Якиму Игнатовичу: «расспросить тѣхъ изъ Запорожскихъ стариковъ, которые о границахъ, въ за-Днѣпровскихъ мѣстахъ находящихся, что знаютъ, и о томъ при случаѣ разграниченія съ Поляки сказать могутъ и слова ихъ записать обстоятельно... и оную записку прислать къ нему для отправленія въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ [3 Ноября 1744 г.]». Запорожцы составили по сему случаю въ 1745 г. столь оригинальный и столь замѣчательный документъ, что мы вполнѣ увѣрены во вниманіи къ нему читателей и списываемъ здѣсь ихъ «опись мѣстъ и урочищъ», во всей цѣлости.

1.

«Сказуютъ наши старики, кои еще отъ старинныхъ померщихъ козаковъ слышали, что граница зъ Поляками была по Случь [рѣка въ Волынской губ.], ибо и нынѣ козаки наши кажутъ, что всю Украину отъ Ляховъ обороняли вожди знатные, прозваніемъ: Барабашъ, Кудря, Наливайко, Обазинъ, Самусь и Палѣй; съ Запорожскими козаками и компанейскими, еднакожъ подъ державу Е. И. В. со всего голдовали [1] и служили; напослѣдокъ же, бывшій гетманъ [Мазепа] прогнавъ Ляхивъ за Случь въ Любарѣ [м. Вол. губ.], на Случи въ знакъ границы и могилу высыпалъ, дабы Ляхи въ Украину по сей бокъ Случи не втручались [wtrącali się вмѣшивались], а не толькобъ по симъ мѣстамъ, гдѣ нынѣ подданныхъ Е. И. В. не допускаютъ селиться [2].

---

[1]) *Голдовали*, съ Польск. *hołdować*, покланяться, быть подданными, вассалами.

[2]) Мы не можемъ не замѣтить, какъ имя Мазепы было тягостно для козачества; даже въ оффиціальныхъ бумагахъ оно его не упоминаетъ, а только даетъ подразумѣвать

2.

А еще за Богдана Хмельницкаго, Рѣчь-Посполитая Польская области Гетманской и войсковой, сегобочную Днѣпра Украину отъ Днѣпра до Днѣстра, да въ гору по самую Случь поступила [уступила] и вѣчнѣ пактами [pacta] утвердивши отдала, якоже и недавно предъ Шведскою баталiею, [Мазепа] «обоихъ сторонъ» гетманъ назывался.

3.

Городъ Терехтемировъ, который нынѣ подъ Поляками надъ Днѣпромъ, ниже Триполья обрѣтается, нашимъ Сѣчовымъ Запорожскимъ отъ давнихъ лѣтъ *шпишалемъ* [госпиталь] назывался и до насъ належалъ, въ якомъ бывало старые козаки и по случаю на якой войнѣ раненные и окалеченные [изувѣченные] тамо у шпиталѣ пробывали и у тамошнего перевозу и прочого доходу контендовались [contentare, довольствовались]. Также увесь Днѣпръ зъ горы отъ Келеберды внизъ зъ Переволочною зъ тамошнимъ Переволочанскимъ перевозомъ, рѣка Ворсклъ зъ млынами въ Полтавскомъ полку, якоже Кодаки и Самарь, со всѣми принадлежностями, до насъ же войска, даже до Очакова голдовали.

4.

«Поле, албо [или] степь узявши отъ Крылова, гдѣ рѣка Тясьминъ въ Днѣпръ упавъ, якоже давняго часу такъ и теперь до насъ же войска Запорожскаго займаючи по подъ *Чорнымъ лѣсомъ,* до Выси подъ Лебединъ, до Синюхи, гдѣ устье у Богъ рѣку упадаетъ, а по надъ Богомъ до самого лиману, гдѣ Бугъ подъ Очаковомъ въ Лиманъ увойшовъ, голдовало, гдѣ Ляхи не втручаются, но только партiями докучаютъ».

Изъ этого документа мы извлечь можемъ самое вѣрное обозначенiе Запорожскихъ Низовыхъ *владѣнiй*, особенно съ западной стороны Днѣпра, въ нынѣшней Херсонской губернiи. Въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ говорится вообще о границахъ обѣихъ Украинъ, въ 3-мъ — о знаменитомъ и древнемъ городѣ Трехтемировѣ, уступленномъ тогда Польшѣ и восточныхъ берегахъ Днѣпра, въ 4-мъ-же очень ясно опровергались притязанiя Поляковъ на стѣпи, лежащiя на лѣвой сторонѣ Буга по *Синюхѣ, Виси* и *Тясьминѣ*. На основанiи этого документа, себравшiеся съ Русской, Запорожской и Польской сторонъ коммисары, обозначили вновь границу, по упомянутымъ тремъ рѣчкамъ идущую, ту самую, которая служитъ теперь оффицiальною межею между Херсонскою, Подольскою и Кiевскою губернiями.

Другiе споры не столь важные, но не менѣе постоянные, неумолимые, начались въ это время на восточной сторонѣ Запорожскихъ границъ, съ Донскимъ козачьимъ войскомъ. Во время пребыванiя Коша Запорожскаго подъ Крымскимъ владычествомъ, Донцы, всегда опасные соперники Низовцевъ въ рыболовствѣ и судоходствѣ, — заняли оставленныя ими многiя угодiя по Калмiусу и Бердѣ, «полевыя» [т. е. мелкiя], рѣчки, гдѣ были ихъ звѣроловные притыны и наконецъ рыбныя ловли на берегахъ и косахъ Азовскаго моря. Это владѣнiе до 1740 года не было правительствомъ никому опредѣлено, и Донцы пользовались ими по правамъ давности [praescriptio]. Но по возвращенiи Запорожцевъ, съ дозволенiя Монарховъ, къ древнимъ своимъ пепелищамъ, по занятiи прежнихъ жилищъ и постовъ, они — естественно усѣлись на своихъ Калмiусскихъ

земляхъ и вытѣснили оттуда Донскихъ промышленниковъ и рыболововъ. Это не могло обойтись безъ обоюдныхъ споровъ и обидъ, наконецъ распрей и кровавыхъ насилій съ обѣихъ сторонъ. Когда извѣстіе объ этомъ достигло до Двора, Императрица Елисавета указомъ 10 Октября 1743 г. повелѣла коменданту крѣп. Св. Анны [на Украинской-Линіи] бригадиру *Вырубову*. разобрать на мѣстѣ взаимныя претензіи обоихъ войскъ и съ правосудіемъ опредѣлить имъ владѣнія: «въ лѣсахъ, въ степныхъ мѣстахъ и въ прочихъ угодіяхъ» по имѣющимся у нихъ письменнымъ документамъ. ежели имѣются, еслижъ таковыхъ документовъ нѣтъ, то на основаніи изустныхъ показаній старыхъ и знающихъ старшинъ и козаковъ. Тогда Запорожцамъ: «для ихъ довольства отвесть рыбныя и звѣринныя, ловли, такожъ степи и прочія угодья тѣ самыя, которыми они прежде, будучи подъ державою Россійскою [1650—1709], владѣли». Это разграниченіе продолжалось цѣлые три года, и едва въ 1746 г. было окончено. Тогда на основаніи указа отъ 30 Апрѣля т. г. было повелѣно: «Запорожцамъ владѣть за Днѣпромъ рѣками: Самарью, Волчими-Водами [р. Волчею], Бердою, Калчикомъ. Калміусомъ и прочими впадающими въ нихъ рѣчками и надлежащими къ тѣмъ рѣчкамъ косами и балками и всякими угодіями по прежнюю 1714 года границу. А отъ р. Калміуса [къ востоку] рр. Еланчикомъ, Кринкою, Міусомъ, Темерникомъ, даже до р. Дона владѣть должны Донскіе козаки. Такимъ образомъ р. Калміусъ или Калка назначена границею между двумя военными общинами.

Хотя разграниченіе между Донцами и Запорожцами

дѣятельно продолжалось особо присланнымъ инженернымъ штабъ-офицеромъ, и какъ мы сказали выше, утверждено окончательно въ 1746 г., но между обѣими козачьими общинами оставалось вѣчное зерно раздора отъ причинъ довольно маловажныхъ, пережившихъ однако весь бытъ Запорожья. Это были взаимныя притязанія на край, обоимъ войскамъ вовсе не принадлежавшій, — на берега и косы Кубанской стороны Азовскаго моря. Этотъ край, гдѣ нынѣ поселилось Черноморское [нынѣ Кубанское] войско, въ тѣ времена былъ совершенно пустъ; онъ принадлежалъ къ Крымскому ханству и назначенъ былъ для кочевья Кубанской орды Ногайцевъ, коихъ сераскиръ изъ роду Гиреевъ пребывалъ близъ м. Копыла на Кубани, въ урочищѣ *Аганлы*, а орда кочевала по всему теченію этой рѣки и по ея рукаву, называемому *Чернымъ-Протокомъ*, который впадаетъ въ Азовское море близъ с. Ачуева, о чемъ сказали мы въ своемъ мѣстѣ [1]. Запорожцы, построивъ дубы на устьяхъ Берды или Калміуса [гдѣ нынѣ города Маріуполь и Бердянскъ] цѣлыми толпами, безъ вѣдома Коша, пускались по Азовскому морю къ Ейскому-Лиману и тамъ избравъ себѣ полковника, старшину и атамановъ, строили шалаши и притыны и все лѣто занимались рыболовствомъ и звѣриною охотою. Ногайцы никогда туда не доходили и, хотя знали о пребываніи тамъ незванныхъ гостей чрезъ Донцевъ, которые, завидуя прибыли, получаемой отъ промысловъ на этихъ берегахъ, возбуждали опасенія въ Кубанскихъ Татарахъ: но противиться имъ не смѣли, а только чрезъ

[1]) Часть I. Глава I. Стр. 26—28.

своихъ сераскировъ доносили о томъ хану. Объ этомъ пребываніи на Кубанской сторонѣ и воспрещеніи тамъ жительства Запорожцамъ, мы нашли первое упоминаніе въ указѣ 1743 г. Октября 10, которымъ повелѣно было козаковъ Запорожскихъ съ Кубанскаго края выслать. Но когда это не помогло, Высочайшая граммата на имя кошеваго Василія Григорьева [Сыча] отъ 11 Іюня 1745 г. данная, строго повелѣвать, во избѣжаніе того, «чтобы Запорожскіе козаки не могли отвагою учинить проѣзжающимъ сухопутно и на судахъ какихъ обидъ, а Кубанскимъ людямъ въ рыбномъ отправленіи препятствія, а паче напрасныхъ ссоръ», построенные на Ейскихъ косахъ Запорожцами «шиши» всѣ сжечь и Запорожцамъ туда отправляться воспретить». Не смотря однакожъ на эти и другіе Высочайшіе приказы и строгость Коша, ватаги вольныхъ и бѣглыхъ людей въ самомъ Донскомъ войскѣ набираемыхъ, подъ предводительствомъ Запорожскихъ ватажковъ поселялись въ томъ краѣ и вели кровавую вражду за рыболовство съ Донскими козаками и Татарами. Самое замѣчательное по сему предмету дѣло мы упомянули въ главѣ VII первой части обозрѣнія нашего, когда Калміусскій полковникъ *Кишенскій* не только другихъ своей команды людей не удерживалъ, но называя себя «Міусскимъ» полковникомъ, самовольно входилъ въ Донскія земли и рѣчки и рыболовные станы учреждалъ. Его дерзости и обиды принудили Донскую старшину до того, что она Кишенскаго арестовала и въ Новочеркасскъ отправила, а ко Двору о семъ донесла, за что Запорожцы въ 1746 г. получили строгій выговоръ. Генералъ Леонтьевъ въ 1744 г. вторично писалъ кошевому Якиму

Игнатовичу, что на Кубанскихъ земляхъ Запорожцы пребываютъ, и что Ачуевскій Исмаилъ-Ага на Запорожцевъ жалуется и удовлетворенія требуетъ. Для рѣшенія этихъ новыхъ споровъ между обоими войсками, независимо отъ коммисаровъ, назначенныхъ для ихъ разграниченія, учреждена была въ Бахмутѣ слѣдственная коммисія, подъ предсѣдательствомъ полковника *Федора Рязанова*, въ которой назначены были депутатами Донскіе и Запорожскіе старшины. Сими послѣдними отъ войска избраны были: *Павелъ Кириллов*ъ, *Иванъ Водолага* и *Иванъ Домонтовичъ* Эта коммиссія еще въ 1749 г. дѣла своего не кончила, хотя цѣлыя сотни козаковъ Запорожскихъ къ допросамъ призывала.

Не смотря на эти жалобы, не разъ доходившія ко двору, Императрица Елисавета своихъ милостей не отказывала Запорожью. Такъ указомъ отъ 4 Августа 1742 положительно утвердила жалованье войску: серебреною монетою всѣмъ обще, какъ кошевому атаману, старшинѣ, куреннымъ атаманамъ, такъ и на все ихъ товарищество и на духовный чинъ, въ мирное и военное время» по 4,660 руб., по 1,000 четв. муки съ пропорціею крупъ, ежегодно. Равнымъ образомъ для облегченія ихъ торговыхъ сношеній съ восточною Украиною, слѣдственно и всею Россіею, Высочайшею граматою 16 Сентября 1742 г. [въ § 5] повелѣно: «Запорожцевъ, которые для своихъ нуждъ въ Малую Россію ѣздить будутъ, свободно чрезъ форпосты [на Украинской линіи] пропускать, а на Украинѣ безъ платежа *мостоваго* и *погребельнаго* [гребля, плотина] сбора; за товары же ихъ брать пошлины на общихъ правахъ». Товары эти были большею частью заграничные, ибо какъ

мы сказали въ своемъ мѣстѣ, Сѣчь была единственнымъ Русскимъ портомъ на Югѣ. Указъ же 1743 года Сентября 20 это милостивое распоряженіе распространяетъ на чумаковъ и даже на людей не торговыхъ, а просто конныхъ и пѣшихъ, идущихъ на *заработки*».

Не менѣе лестною для Коша было милостію пожалованіе Императрицею, по примѣру высокихъ своихъ предшественниковъ, войсковыхъ клейнотовъ, что по понятіямъ козачества считалось родомъ оффиціальной инвеститура, т. е. подтвержденія правъ личныхъ и земскаго владѣнія ихъ «вольностями».

Теперь обратимся къ гораздо важнѣйшимъ и болѣе частымъ пограничнымъ спорамъ и распрямъ, какими терзалось Запорожье, причиняя тѣмъ большія хлопоты и неудовольствія Русскому правительству. Мы говоримъ о взаимныхъ ссорахъ и претензіяхъ Татаръ Крымскихъ и Коша Запорожскаго. Онѣ вѣроятно существовали въ XVI и XVII стол., на сколько наши документы простираются, начались вновь съ 1730-хъ годовъ, — за право владѣнія землями по восточной сторонѣ Днѣпра, отъ Олешекъ до Лимановъ, — какъ обѣщанными имъ отъ хана Крымскаго и послѣ отданными Ногайцамъ. Споры эти отъ страху Крымскаго владычества были сперва довольно мирны и оканчивались жалобами Перекопскому «Оръ-бею» или даже ханскому дивану въ Бахчисараѣ, которые рѣшали дѣло всегда въ пользу Татаръ или свою собственную, требуя отъ козаковъ подарковъ и денегъ. Но коль скоро Запорожцы очутились подъ сѣнью Чернаго двухлаваго Орла, а въ собственности, когда война 1736—1739 г. дозволяли имъ, для пользы службы, безнаказанно

«чинить поискъ надъ Татарами», какъ врагами отечества, Запорожцы начали вымѣщать на нихъ всѣ свои *кривды*. Бѣлградскій миръ, формальное опредѣленіе Крымскихъ границъ и строгій надзоръ военныхъ командъ, расположенныхъ по редутамъ вдоль всего теченія нижняго Днѣпра — связали Запорожцамъ руки; община принуждена была искать мирныхъ прибылей отъ Татаръ посредствомъ мѣны и торговли. А если кто и желалъ *поохотиться* надъ Ногайцами, то развѣ тайно отъ Коша и старшины, гайдамацкимъ образомъ, — ибо гайдамацство изъ Польши перешло ко всему роду грабежа и разбоя; всякій воръ и всякій разбойникъ въ Запорожьи или Украинѣ называлъ себя гайдамакомъ и былъ судимъ столь же строго, какъ и эти преступники. Отъ того съ 1740-хъ г. возродились новыя зерна раздора и вражды между Запорожцами и Татарами. Крымское правительство, потерявъ много земель по Днѣпру и службу войска Запорожскаго, мстило ему тѣмъ, что воспрещало козакамъ ловъ рыбы въ степныхъ рѣчкахъ: Бѣлозеркѣ и Рогачику, въ лиманахъ Днѣпровскомъ и Бугскомъ, въ Тилигулѣ и пр. Для уменшенія козачьихъ доходовъ отъ перевозовъ, возстановило свою разоренную переправу въ Кызъ-Керменѣ, и тѣмъ Никитинскому чрезъ Днѣпръ перевозу подрывъ сдѣлало. Наконецъ, что всего было тягостнѣе, не смотря на трактати, Крымцы воспрещали Запорожцамъ, а еще болѣе Малороссіянамъ добывать самимъ соль на Кинбурнскихъ озерахъ, а требовали, чтобы промышленники платили за нее готовыми деньгами у Перекопскихъ. Всякій годъ съ 1740 по 1746 былъ обозначенъ новыми спорами, переписками, жалобами ко Двору Русскому

и къ Портѣ Оттоманской. Императрица многократно строгія грамматы посылала войску о воздержаніи себя отъ всѣхъ наглостей и обидъ Татарамъ, обѣщая что потери войска будутъ вознаграждены со стороны Турціи законнымъ образомъ. Кошевой Якимъ Игнатовичъ, не смотря на то, послалъ двухъ куренныхъ атамановъ: Корсунскаго *Павла Козелецкаго* и Васюринскаго *Ивана Шостака* съ приличною командою «*сидящихъ* въ Камянцѣ» козаковъ къ перевозу Кызъ-Керменскому, поставленному отъ хана Крымскаго, для спросу: «почему оной при Кызъ-Керменѣ перевозъ отъ Татарской стороны учрежденъ и маютъ ли отъ кого на то повелительные указъ или нѣтъ?» Людямъ же туда ѣдущимъ приказалъ подтвердить, чтобы на тотъ перевозъ не пускались. Когда Татаре, не смотря на то, поромовъ своихъ не сняли, Запорожцы жаловались въ Сенатъ «что у нихъ издревле въ Сѣчи и въ Никитинскомъ перевозы [чрезъ Днѣпръ] имѣются, куды все купечество изъ Россіи, изъ Крыму свои проѣзды съ пользою издревле имѣютъ, при которыхъ изъ ландмилицкой обрѣтающейся въ Сѣчи команды и караулъ стоитъ». Сенатъ хотя объявилъ, что ему неизвѣстно, что такое за мѣсто Никитино, но поручилъ Кошу уменьшить плату за перевозъ свой, и тогда купечество само собою къ нимъ обратится.

Такіе взаимные споры и претензіи между Ногайцами и Козаками рѣшались неоднократно то въ Крыму, то въ Сѣчи, особыми посланцами и коммисарами. Такъ въ 1739 г. Селаметъ-Гирей-Ханъ послалъ въ Сѣчь своего капиджи-агу съ толмачемъ Грузинцемъ *Сагалде* для полученія удовлетвореній, которыя слѣдовали Крымцамъ

за отогнанные козаками у нихъ лошади и рогатый скотъ. Въ 1744 г. взаимно посланы были депутаты Запорожскіе въ Крымъ для замѣны претензій своихъ на претензіи Татарскія и доплаты остальной суммы, а равно для наказанія одного Запорожца *Щербину*, который выданъ Кошу по волѣ Императрицы, для сужденія его по войсковымъ обычаямъ. Въ этомъ же году въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Ногайскій Джаумъ-Мурза съ многими Татарами напалъ съ оружіемъ въ рукахъ на Гардъ и большія тамъ разоренія учинилъ, подъ предлогомъ мщенія за укрывательство тамошнимъ полковникомъ 3-хъ Калмыкъ Русскихъ-подданныхъ, бѣжавшихъ изъ Ногайскаго плѣну. Взаимно Запорожцы, т. е. гайдамаки, безпрестанныя обиды и грабительства въ сосѣднихъ ордахъ: Едисанской и Джамбуйлуцкой дѣлали, чѣмъ безконечныя жалобы на Кошъ и даже на Россію навлекали со стороны Крыма и Турціи. Во всѣхъ бумагахъ нашихъ, того времени, нашли мы только два примѣра дружескихъ сношеній съ Крымомъ. Первый примѣръ былъ въ 1747 г. Селимъ-Гирей-Ханъ сынъ Капланъ-Гирея, чрезъ посланнаго своего Халиль-Булюкъ-Башу проситъ кошеваго *Павла Козелецкаго*, въ знакъ сосѣдственной дружбы, оказать ему услугу и приказать: «всѣхъ тѣхъ Татаръ, которые изъ Крыму уходятъ въ степь, шатаются, разбойничаютъ и отъ его гнѣва въ Польшу бѣгутъ, останавливать, убивать или живыхъ арестовавъ, къ нему отсылать». Проситъ также, чтобы Шагинъ-Гирея-Султана «который было на двухъ лодкахъ съ 18 служителями въ Польшу ушелъ и въ Городцѣ [Подол. губ., нѣкогда имѣніе Урбановскихъ] скрывался, но зимою по льду

хочетъ Бугъ перейти и чрезъ Запорожскія земли къ Черкесамъ или на Кубань пробраться, для возмущенія мира и тишины въ Крыму,—преслѣдовать по всему теченію Буга на Польской границѣ. Если попадется, то проситъ его схватить, и если онъ или его люди «противны будуть, на смерть убить, оружіе, коней, фанты [пожитки] и деньги пусть тѣ, которые ихъ словятъ или забьютъ, за трудъ себѣ возьмутъ, и о томъ никто не будетъ претендовать» [1]. Кошевой охотно то исполнилъ и всѣмъ пограничнымъ своимъ полковникамъ приличное далъ наставленіе. Въ томъ же году Калміусскій полковникъ *Марко Усъ* донесъ Кошу, что Крымскіе Ногайцы съ 60 табунами перешли границу и заняли степи Запорожскія по Бердѣ, Каратышу, Коротюку, Зеленой, Комышеватой и др. рѣчкамъ. Послѣ къ нимъ присоединились 7 Мурзъ и до 100 Татаръ Ногайскихъ съ отарами овецъ и чабанами и заняли луга по Калміусу до самой Бѣло-Сарайской косы, отъ чего козакамъ, особенно звѣроловамъ сдѣлали большое утѣсненіе, ибо гдѣ только Запорожцы «*желѣза* [trappes] на звѣря положатъ», Ногайцы добычу себѣ берутъ, а козаковъ не пускаютъ». Кошъ приказалъ полковнику: «ради вѣчно мирныхъ трактатовъ и сосѣдственной дружбы» Татаръ съ пастбищъ не сгонять, а ожидать въ тишинѣ и согласіи распоряженій высшей власти, которой о семъ донесено было чрезъ Кіевскаго генералъ-губернатора. Арсланъ-Гирей-Ханъ, преемникъ Селима, которому о томъ было писано изъ Кіева, охотно соглашался на сводъ Татаръ съ Запорожскихъ

[1]) Подлинной грамматы нѣтъ, только ужасный ея переводъ, сдѣланный или Грекомъ или Грузиномъ, сохранился въ нашемъ архивѣ.

земель, но просилъ, чтобы «козаки сами ихъ выгнали, ибо его Ногайцы вовсе не слушаются».

Но такія «сосѣдственныя» дружескія сношенія были рѣдки; напротивъ, взаимныя ссоры и неудовольствія почти ежегодно бывшія, въ 1747 г. такъ усилились, что наконецъ жалобы хана Крымскаго и Очаковскихъ сераскировъ дошли до свѣдѣнія самой Императрицы. Для разсмотрѣнія обоюдныхъ претензій Государыня повелѣла Кіевскому генералъ-губернатору Леонтьеву назначить коммиссію изъ двухъ Русскихъ чиновниковъ, нѣсколькихъ депутатовъ отъ Коша Запорожскаго и къ ней пригласить коммиссаровъ со стороны Крыма. Арсланъ-Гирей-Ханъ, по первому о томъ требованію, назначилъ съ своей стороны депутатовъ: Перекопскаго каймакана *Абдулъ-Хаджи-Ефенди*, обыкновеннаго пограничныхъ дѣлъ съ Запорожцами распорядителя, *Ширинъ-Гали-Мурзу* и *Мустафу Агу*. Съ ними вмѣстѣ присланъ былъ списокъ обидъ и потерь, претерпѣнныхъ Татарами отъ Запорожцевъ въ теченіе 1747 и 1748 годовъ. Изъ онаго было видно, что Запорожцы:

Татаръ и козак. *отурченныхъ* [ренегатовъ] убили		17	чел.
» » » »	поранили	9	»
» » »	увели съ собою насильно	7	»
Калмыковъ и Грузинъ [рабовъ] увели		3	»
Захватили:	лошадей	1175	шт.
»	рогатаго скота	260	»
»	верблюдовъ	13	»
»	овецъ	903	»

и на большую сумму разнаго имущества. Козаки съ

своей стороны представили обширные списки своихъ потерь и обидъ, какъ-то: разореніе Божьей церкви и паланки въ Гарду, умерщвленіе 18 и взятіе въ плѣнъ и на каторги 33 козаковъ, отгонъ скота, воровство лошадей, грабительство возовъ съ солью и пр.

Со стороны Русскаго правительства назначены депутатами: Кіевскаго гарнизона секундъ-маіоръ *Александръ Никифоровъ* [бывшій послѣ резидентомъ при ханѣ Крымскомъ] и комендантъ Новосѣченскаго ретраншамента капитанъ *Крицовъ.* Со стороны Запорожья избрано 8 депутатовъ, изъ которыхъ главные были: *Василій Григорьевичъ Сычъ,* бывшій кошевымъ и *Алексѣй Вербецкій,* бывшій войсковымъ писаремъ, остальные, по обычаю, изъ куренныхъ атамановъ. Изъ уваженія къ Царскому престолу, маіоръ Никифоровъ признанъ главою коммиссіи, — онъ слѣдственно всѣмъ распоряжался. Въ Мартѣ 1749 г. прибылъ онъ въ Сѣчь, ожидая тамъ Крымскихъ коммиссаровъ, которые по случаю ранней весны и слѣдственно жестокой распутицы, опоздали. 5 Апрѣля с. г. писалъ онъ къ кошевому *Якиму Игнатовичу,* что такъ какъ вскорѣ назначенные отъ Хана депутаты прибудутъ къ Запорожской границѣ, то и просилъ приказать Запорожскимъ депутатамъ: «къ начатію слѣдствія быть во всякой готовности и убранствѣ, такъ, дабы предъ Татарскими депутатами негнусны быть могли». Въ другомъ письмѣ своемъ проситъ Кошъ: «всѣхъ куренныхъ атамановъ призвавъ къ себѣ, приказать, дабы оные всякій въ своемъ куренѣ козакамъ, не исключая ни одного человѣка, накрѣпко подтвердили, дабы оные козаки, какъ будучи трезвые, такъ и въ шумствѣ, помянутымъ прибывшимъ

сюда ханскимъ депутатамъ и обрѣтающимся при нихъ Татарамъ въ лагерѣ и ходящимъ въ Сѣчи по рынкѣ, въ противность мирнаго трактата, ни малѣйшія обиды и озлобленій не оказывали и скверными и непотребными словами не бранили, — якоже того вѣчно сосѣдственная дружба чинить не позволяетъ».

8-го Апрѣля 1749 года Крымскіе депутаты, переправясь чрезъ Днѣпръ въ Никитинѣ, къ Сѣчи прибыли и совѣщанія немедленно начались. Къ крайнему удовольствію нашему, мы въ архивѣ Запорожскомъ нашли подробный «*журналъ* всѣхъ разговоровъ и преній» коммисіи, составленный такъ точно и столь хорошимъ Русскимъ языкомъ, какимъ многія наши присутственныя мѣста и въ столицахъ похвалиться не могли, а документъ писанъ почти за сто лѣтъ назадъ [1]. Чтобы дать понятіе о подобныхъ пограничныхъ съѣздахъ или конгрессахъ, тогда весьма частыхъ въ Россіи и во всей Европѣ, выпишемъ здѣсь два или три отрывка изъ упомянутаго журнала или *Записки*. Читатели извинятъ насъ за эти подробности, зная, что въ нихъ какъ въ зеркалѣ отражаются: время, дѣла и люди.

«Мѣсяцъ Апрѣль въ 8-е число.

«Какъ извѣстно учинилось, что опредѣленные отъ хана Крымскаго депутаты съ немалымъ числомъ Та-

---

[1]) Этотъ документъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: «*Записка* держанной при слѣдственной о обидахъ послѣдующихъ между Запорожскими козаками и Татарами коммисіи, какъ во время съѣздовъ съ Татарскими депутатами, и отъ кого разговоры содержались: Мая 31 дня 1849 г.». Онъ почти весь былъ напечатанъ въ Одессѣ въ 1841 году, въ статьѣ моей подъ заглавіемъ: *Сношенія Запорожья съ Крымомъ*.

тарами, перебравсь чрезъ Днѣпръ, въ Сѣчь слѣдуютъ, тогда для съѣзда на коммисію за Новосѣченскою крѣпостью поставлена палатка и тотъ же моментъ помянутые ханскіе депутаты съ Татарами къ Сѣчи приблизились и не подалеку отъ тоей палатки стали своею ставкою надъ рѣчкою Подпольною, на показанномъ мѣстѣ».

«Въ 9-е число.

«Поутру рано, секундъ-маіоръ Никифоровъ ко объявленнымъ депутатамъ посылалъ отъ себе толмача съ объявленіемъ, что онъ маіоръ съ опредѣленными: капитаномъ Кривцовымъ и Запорожскими депутатами-жъ желаетъ сего числа видѣться въ поставленной для коммисіи палаткѣ. Послѣ половины дня того-жъ числа секундъ-маіоръ, взявъ капитана Кривцова и опредѣленныхъ отъ войска Запорожскаго депутатовъ, пришли въ показанную палатку и дожидалися ханскихъ депутатовъ-же; а какъ скоро оные, по учиненной повѣсткѣ, прибыли, тогда по надлежащемъ комплиментѣ, трактованы [угощены] были чаемъ и пивомъ, а послѣ того секундъ-Маіоръ у нихъ спрашивалъ, что имѣютъ ли они отъ хана полное наставленіе, чтобъ по Запорожскимъ и Татарскимъ жалобамъ надлежащую, сосѣдственной ради приязни и дружескаго пребыванія, учинить раздѣлку, а сверхъ ихъ еще другіе съ ихъ стороны депутаты будутъ ли? На что они отвѣтствовали, яко отъ хана, чтобъ въ непродолжительномъ времени, сосѣдственной ради приязни, учинить съ Запорожскими козаками порядочную раздѣлку, такъ, дабы единожды всѣ тѣ донынѣ производимыя затрудненія пресѣчены быть могли, полное наставленіе дано. А окромѣ ихъ

другихъ депутатовъ не будетъ, точію нѣкоторые Татаре какъ Крымскіе, такъ и Ногайскіе съ своими жалобами прибыть имѣютъ; а каковые отъ хана и отъ сераскиръ-султана Буджацкаго въ Кіевъ предъ симъ реестры отправлены, таковые-жь у себя содержатъ, и наконецъ согласились, чтобы завтрешняго числа въ надлежащее время разсматривать жалобы и съ тѣмъ разъѣхались».

На другой день происходило совѣщаніе нѣсколько часовъ сряду и Крымскіе коммиссары, предложивъ свои претензіи, о Запорожскихъ слушать не хотѣли; отзываясь тѣмъ, что о томъ ханъ вовсе неисвѣстенъ и просили дать имъ толмача и писаря, для перевода реестра Запорожскихъ обидъ».

«Въ 12-е число.

Въ вечеру Татарскій толмачъ *Дюшенде* былъ у маіора и въ разговорахъ объявилъ, что ихъ депутаты желаютъ въ скорости раздѣлку учинить, точію сверхъ тѣхъ реестровъ, кои отъ Хана къ г. Генералу [Леонтьеву] отправлены, еще много жалобъ имѣютъ и оныя перевести желаютъ. А при томъ сказалъ: «много де въ Крыму злодѣевъ есть, знать ихъ не можно, и оные Татаре на Запорожцевъ затѣйно жалобы приносятъ, а ихъ депутаты принимая, дорогою въ особый реестръ писали; и который скотъ сами поѣли, или попадалъ, или другъ у друга крали, то и оный въ тотъ же реестръ вписываютъ; а о себѣ объявилъ, что онъ родился въ Астрахани и тамъ до возрасту своего шатался при сестрѣ своей, которая и нынѣ тамъ обрѣтается, а послѣ того бѣжалъ въ Крымъ и нынѣ живетъ въ Бахчисараѣ при Ханѣ. И оный толмачъ такъ по-Русски чисто говоритъ, какъ-бы сущой природной Россійской,

подобно какъ Нижегородцы въ разговорахъ рѣчи употребляетъ».

«Въ 25-е число.

...«Ханскіе депутаты, будучи въ сердцахъ и весьма неучтиво, а особенно Мустафа-Ага съ превеликимъ крикомъ отвѣтствовали [на претензіи Запорожскихъ козаковъ]: что казаками чрезъ 2 года ихъ Татаръ до смерти поколото и порублено и ранено до 600 челов., коихъ они никогда на улику привозить не хотятъ». И такъ, въ той азардности на представленнаго [въ доказательство] козака *Харька Шульгу* и смотрѣть не хотѣли. Отъ помянутыхъ же депутатовъ какъ секундъ-маіоромъ, капитаномъ Кривцовымъ, такъ и Запорожскими депутатами требовано о возвращеніи зафаченныхъ Татарами Запорожскаго козака *Марченка*, сына его и служителя, также и прочихъ, какъ въ Запорожскомъ реестрѣ точно показаны. И выслушавъ вышеописанное, показанные депутаты, по варварскому обычаю, умалчивая о всемъ томъ, соотвѣтствовали, якобы отъ Татаръ не малое число бѣжало Грузинцовъ и Калмыкъ и другихъ, воспріявшихъ ихъ законъ, а наипаче, предъ недавнимъ временемъ, бѣжалъ изъ Очакова отъ тамошняго капиджи-баши Грузинецъ, который находился при его конюшнѣ, и съ собою снесъ 300 червонцевъ. И нынѣ всѣ тѣ бѣжавшіе въ войскѣ Запорожскомъ обрѣтаются. И требовали о сыску и возвращеніи, а паче того, который отъ Капиджи-Баши бѣжалъ въ сторону ихъ, и притомъ привезенный изъ Очакова о жалобахъ реестръ объявили, а потомъ паки спрятали и по требованію секундъ-маіора не отдали...

Запорожскіе депутаты, а паче первенствующій *Василій Сычь,* бывшій уже кошевымъ атаманомъ и Алексѣй Вербецкій бывшій предъ симъ нѣсколько лѣтъ войсковымъ писаремъ, на то имъ отвѣтствовали, что и по Запорожскому реестру на ихъ Татаръ не малая претенція показана, яко-то Божья церковь [разграблена], убитыхъ козаковъ 18, да безвѣстно взятыхъ живыхъ яко и въ плѣнъ 33 чел. и проч. И обо всемъ томъ не ложно, но по самой истинѣ написано: чего для надлежитъ первѣе слѣдствіемъ и достойнымъ доказательствомъ оныя дѣла разобрать, а потомъ и заплаты требовать. На что ханскіе депутаты отвѣтствовали: что де ваша церковь самая дурныця [бездѣлица], а безвѣстно захваченные Татарами козаки гдѣ обрѣтаются, не знаютъ». На что секундъ-маіоромъ и капитаномъ Кривцовымъ и Запорожскими депутатами отвѣтствовано: что Божья церковь не дурныця и въ томъ они господа депутаты много ошиблись, которую, какъ и безвѣстно зафаченныхъ Татарами 33 челов. козаковъ, вмѣстѣ съ прочею Запорожскою на ихъ Татарскую претензію замѣнить невозможно. для того о церкви Божіей отъ Е. В. Кіевскаго генералъ-губернатора М. И. Леонтьева представлено въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, съ требованіемъ резолюціи. Потомъ реченные депутаты объявили, яко они той резолюціи дожидаться не будутъ и просили позволенія, дабы на ту сторону рѣки Днѣпра имъ переѣхать, помянувъ при томъ, яко начатаго дѣла, по объявленнымъ обстоятельствамъ, окончить имъ невозможно, къ томужь жить имъ здѣсь не безъ труда, якоже въ съѣстныхъ припасахъ, по здѣшней дороговизнѣ и въ прочемъ претерпѣваютъ нужду».

«Мая въ 30-е число.

«Вышеупомянутые ханскіе депутаты поутру рано лагерь свой перемѣнили и стали по тракту къ Никитинской заставѣ, разстояніемъ отъ Новосѣченскаго ретраншамента въ двухъ верстахъ».

Совѣщанія на 9 дней были прерваны. 9 Іюня толмачъ Крымскихъ коммиссаровъ опять прибылъ и объявилъ желаніе возстановить переговоры. Съѣхались опять. Крымцы споры свои и претензіи соглашались прекратить тѣмъ, чтобы претензію на претензію замѣнить и тѣмъ дѣло мирно окончить. Кошевой, посовѣтовавшись съ маіоромъ Никифоровымъ, созвалъ къ себѣ на сходку всю старшину и куренныхъ атамановъ 10 іюня, — и такъ рѣшили: предложеніе Крымскихъ коммиссаровъ принять и всѣ жалобы предать забвенію, со тѣмъ однакожъ, чтобъ Запорожскіе козаки, Татарами захваченные, коихъ похитители были извѣстны, въ Кошъ были возвращены. Наконецъ послѣ двухъмѣсячныхъ почти переговоровъ, коммисія окончилась слѣдующимъ образомъ:

«Іюня въ 15-й день.

«По утру рано, когда секундъ-маіоръ съ опредѣленными отъ Коша депутатами сошлись, тогда въ скорости и ханскіе депутаты тудажъ прибыли и во первыхъ письменныя обовязательства, съ ихъ стороны, первую о замѣнѣ, вторую о сысканіи козаковъ, въ слухъ, чрезъ сысканныхъ въ Сѣчи Запорожской Грековъ [которые читать и писать по Турецки знаютъ], чли: по выслушаніи которыхъ, и отъ стороны Запорожскихъ депутатовъ таковоежъ имъ прочтено и оными, подписавъ и приложа свои печати, размѣнялись.

«Тогожъ дня по полудни въ 3-мъ часу ханскіе депутаты, для отданія визиту были у кошеваго атамана, а потомъ у секундъ-маіора Никифорова и у первенствующаго депутата Василія Сыча и со всѣми обрѣтаючимися при нихъ Татарами отправились въ Крымъ къ Хану, а Очаковскіе Турки къ тамошнему пашѣ, и тако ни единаго человѣка какъ изъ Турокъ, такъ и изъ Татаръ въ Сѣчи Запорожской не осталось».

«Въ 16-й день (Іюня).

«Рано, вышеписанные ханскіе депутаты со всѣми обрѣтаючимися Турками и Татарами, въ Никитинѣ чрезъ Днѣпръ, войсковыми Запорожскими поромами, переправясь, отправились далѣе въ степь, по тракту къ Перекопу».

Такъ окончились на сей разъ взаимные споры Крымцевъ съ Запорожцами, чтобы вскорѣ возобновиться опять, — и подобныя коммиссіи, почти ежегодно, съ такою же торжественностью происходили до самаго почти 1769 г., т. е. войны съ Турціею». Въ это время произошли въ Запорожскихъ земляхъ столь важныя для войска событія, что должно, обратясь немного вспять, посвятить имъ особую главу.

ГЛАВА V.

Основаніе Русскихъ крѣпостей и военнаго поселенія на земляхъ Запорожскихъ. Споры о границахъ. Депутаціи.

1749—1757.

Въ опредѣленіи границъ Запорожскихъ земель и въ изложеніи послѣдствій Бѣлградскаго мира, мы описали во всей подробности Польскій рубежъ со стороны Запорожья, т. е. Новороссійскихъ степей, которыя Поляки въ то время называли *пустымъ*, *дикимъ полемъ* [dzikie pole]. Рубежъ этотъ съ небольшими только измѣненіями, опредѣлялся довольно тщательно: сперва рѣкою Синюхою, а послѣ рѣчками: Висью, Ирклейцемъ и Тясминою; эта граница называлась еще на картахъ того времени границею *Малой Тартаріи*, — ибо такъ называли географы XVII и XVIII стол. весь Новороссійскій край со включеніемъ Крыма и земли Ногайской. Въ самомъ началѣ царствованія Императрицы Елисаветы видно было, что Польша, а въ особенности пограничные владѣльцы-магнаты не преминутъ дѣлать притязаній на эти пустыни, не смотря на всѣ «коммиссіи пограничныя» и оффиціальныя опредѣленія рубежей. Мы сказали выше, что въ 1742 и 1743 г. подъ видомъ

преслѣдованія гайдамакъ и занятія части прибрежныхъ къ Синюхѣ земель. Польскіе отряды дерзали переходить границу, причиняли насилія Русскимъ подданнымъ, т. е. Запорожцамъ, даже въ Брацлавскомъ и Кіевскомъ воеводствахъ [около Звенигородки и Шполы], дѣлали значительныя воинскія приготовленія, которыя преувеличивала еще молва народная.

Между тѣмъ, Запорожцы, какъ мы сказали выше, подавали частые поводы къ неудовольствіямъ, и Русскій дворъ, какъ для усмиренія этой буйной общины, такъ и для спокойнаго владѣнія въ этой за-Днѣпровской Украинѣ, рѣшился принимать дѣятельныя мѣры. Онѣ начались съ 1741 г., когда кабинетнымъ указомъ Императрицы Анны, дозволено было бѣжавшимъ изъ Малороссіи и Великой-Россіи людямъ, скрывающимся въ Крымской и Молдавской областяхъ, а также въ Польшѣ, возвращаться безъ опасенія въ отечество и селиться на льготѣ въ степяхъ за-Днѣпровскихъ. Изъ этихъ людей, козаковъ и поселянъ устроились слободы: *Крыловъ* и *Андрусовка* около Тясмины при впаденіи ея въ Днѣпръ; у полуразрушенныхъ крѣпостей и редутовъ: *Усть-Самарскаго*, *Каменнаго-Острова*, *Ненасытенскаго* и *Биркутскаго*, а равно въ *Митуринъ-Рогъ* на Днѣпрѣ, близъ впаденія въ Днѣпръ рѣки Орѣли. Эти села немедлено были причислены къ Мало-Россіи, два первыя къ Миргородскому, а послѣднія къ Полтавскому полкамъ, хотя и находились на Запорожскихъ земляхъ, и Кошъ не сдѣлалъ никакихъ о томъ возраженій. Въ 1743 г. Миргородскій полковникъ *Капнистъ* испросилъ своимъ слободкамъ: Крылову и Андрусовкѣ, нѣкоторыя преимущества, и въ первомъ изъ нихъ учреждено *Сотенное*

правленіе, по примѣру другихъ мѣстечекъ Украинскихъ. Императрица, по представленію Малороссійскаго начальства, указомъ отъ 30 Октября 1743 г., между прочимъ повелѣла Сенату: «Въ за-Днѣпрскихъ мѣстахъ отъ непріятельскихъ незапныхъ набѣговъ устроить *крѣпости* въ пристойныхъ мѣстахъ, по тамошнему обыкновенію, и то строеніе возложить на Миргородскаго полковника Капниста». Этотъ достойный мужъ — лице довольно замѣчательное въ исторіи Украины, и мы сообщимъ здѣсь о его жизни и трудахъ нѣсколько подробностей.

Василій Капнистъ, родомъ Грекъ, при Петрѣ Великомъ начавшій службу въ Малороссіи, въ 1734 году открылъ похвальное свое поприще тѣмъ, что въ чинѣ сотника Слободскаго полка отразилъ отъ Изюмскихъ предѣловъ напавшихъ на тотъ краѣ Калмыковъ, подъ предводительствомъ ихъ хана Донъ-Дука-Онбо. Въ 1736 году онъ участвовалъ въ Крымскомъ походѣ Миниха и за особенное мужество пожалованъ Миргородскимъ полковникомъ. Въ 1738 г. сражаясь подъ знаменами фельдмаршала графа Лассія въ «Молдавскомъ походѣ» съ своимъ полкомъ захватилъ и разорилъ въ Бесарабіи укрѣпленный городокъ Сороку, обративъ въ пепелъ непріятельскіе магазины. Въ 1739 г. участвовалъ въ «Хотинскомъ походѣ» Миниха и за свои подвиги награжденъ нѣсколькими помѣстьями въ Малороссіи [1]. Въ 1743 г. началъ онъ приводить въ исполненіе волю Императрицы на счетъ постройки крѣпостей на Запорожской землѣ со стороны Польскаго рубежа, и первымъ такимъ городкомъ

[1]) Всѣ эти подробности заимствуемъ изъ III-й части *Исторіи Малороссіи* г. Бантышъ-Каменскаго, изд. 1842 года.

былъ *Ново-Архангельскій* шанецъ, на Синюхѣ, противъ главной Польской переправы чрезъ эту рѣку у м. Тарговицы, столь послѣ извѣстнаго въ исторіи; вторымъ — *Орловскій* шанецъ на Бугѣ [въ послѣдствіи названный «Екатерининскимъ», нынѣ Ольвіополь] у Запорожской усадьби Орла или Орлика, противу Польскаго мѣстечка, основаннаго Потоцкимъ и названнаго въ 1750 г. *Бугополемъ* или Богополемъ. Лишь только эти грубыя землянныя укрѣпленія начали воздвигаться, какъ Польскія пограничныя начальства взялись за оружіе и подъ предлогомъ погони за гайдамаками, безчинствовали въ Запорожьи. Они перешли Синюху у Тарговицы и по степямъ прибрались до вершинъ р. Мертвыхъ-Водъ, впадающей въ р. Ингулъ. Здѣсь они поставили свой лагерь и зимовники Запорожскіе, на рр. Корабельной и Ташлыкѣ бывшіе, разорили. Кошевой Милашевичъ еще въ 1743 году [какъ сказано выше] жаловался Кіевскому генералъ-губернатору Леонтьеву на это нарушеніе границъ, и Русское правительство немедля послало туда инженеръ-капитана *Елчанинова* для снятія на карту всего рубежа и съ этими доказательствами послало ноту въ Варшаву, требуя высылки съ Запорожскихъ земель Польскихъ командъ и наказанія своевольныхъ. Въ томъ же году одинъ изъ региментарей Польскихъ войскъ Украинской партіи [дивизіи] *Ксаверій Витославскій*, извѣщая Запорожцевъ о грабежахъ и разбояхъ гайдамакъ, которые большія опустошенія подѣлали въ с. Балабановцѣ и въ окрестностяхъ Гранова [Подол. губ.], Звенигородку [Кiев. губ.] совершенно разорили, и въ Саврани управителя убили; — приписываетъ это козакамъ и угрожаетъ своимъ

мщеніемъ [20 Мая 1743]. По донесеніи о подобныхъ угрозахъ Императорскому двору и полученіи отъ самаго Капниста требованія, чтобы число *закрытныхъ* [т. е. защищающихъ его работы] козаковъ было умножено, послѣдовалъ изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ указъ Императрицы [7-го Іюня 1744 г.], коимъ повелѣно для защиты заводимыхъ крѣпостей послать еще 1.000 чел. козаковъ, а къ рейментарю Витославскому написать; «чтобы онъ ни къ какимъ неприятствамъ «случая не подалъ... а буде съ ихъ Польской стороны «какое нападеніе учинится, въ такомъ случаѣ силу си-«лою отвращать и такой отпоръ учинитъ, чтобъ никому «къ подобнымъ нарушеніямъ счастливо продолжающа-гося мира, впредъ охоты не было». Твердость Русскаго правительства и бдительный надзоръ пограничныхъ властей удержали Поляковъ отъ дальнѣйшихъ наѣздовъ, и нѣсколько лѣтъ сряду одни только гайдамаки всеобщій миръ нарушали.

Въ началѣ 1745 года Императрица повелѣла Миргородскому полковнику Капнисту, вмѣстѣ съ Французскимъ инженеромъ подполковникомъ Русской службы *де-Бокcетомъ*, объѣхать и обозрѣть весь за-Днѣпровскій край и сочинить ему карту. Они это дѣло исполнили столь удачно и скоро, что въ Іюлѣ того же года карта была представлена Сенату и повержена на Высочайшее утвержденіе[1]. Это единственный документъ этого роду

---

[1]) Эта карта въ экземплярѣ, который отысканъ въ старомъ Сенатскомъ архивѣ, и скопированная въ 1751 г., такъ названа: «Генеральная карта отъ Кіева по рѣкѣ Днѣпру до Очакова и по степи до «Азова, съ показаніемъ Новой-Сербіи, со Слобоцкимъ козачьимъ поселеніемъ на Украинской Линіи и пр.»

намъ извѣстный. О приблизительной вѣрности географическихъ показаній де-Боксета можно судить потому, что Запорожцы во всѣхъ своихъ прошеніяхъ къ Высочайшему Двору, когда дѣло шло о границахъ, ссылались всегда на его карту.

Такъ оканчивалась первая половина XVIII столѣтія и 16-й годъ существованія Коша Запорожскаго въ Новой-Сѣчи, когда въ 1750 году послѣдовала важная перемѣна въ его управленіи. Со времени возвращенія въ Россію и слѣдственно главнаго начальства графа фонъ-Вейсбаха, Запорожское войско было подчинено, въ ближайшихъ и непосредственныхъ сношеніяхъ, Кіевскому генералъ-губернатору. Въ указѣ 19 Октября 1750 г. объявленномъ Сенату, сказано: «Повелѣли Мы Сѣче«вому Запорожскому войску съ ихъ атаманомъ и Ко«шемъ, такожде съ ихъ принадлежностями, быть въ «вѣдомствѣ у Нашего Малороссійскаго гетмана, какъ «то и въ прежнія времена до 1708 г. было». Съ этого времени титулъ: *Гетмана обоихъ береговъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ* сдѣлался болѣе дѣйствительнымъ, но въ отношеніи къ Низовому войску онъ все еще былъ только титуломъ. Хотя всѣ распоряженія высшей власти приходили въ Запорожье чрезъ универсалы гетманскіе, хотя войско оказывало особенное почтеніе имени и званію древняго главы козачества, но въ самомъ дѣлѣ оно въ границахъ своего Коша и края не слушало никого, кромѣ Царя и своей собственной старшины.

Въ это время у Запорожцевъ, на собственныхъ ихъ земляхъ появились гости, которыхъ они не звали, и сосѣди, которыхъ они никогда не ожидали. Ихъ появленіе имѣло сильное вліяніе на судьбы не только этого

войска, но и всего края, нынѣ справедливо названнаго «Новою-Россіею»; оно было началомъ той пользы, которой ожидало правительство отъ огромнаго края, принадлежавшаго Запорожцамъ, но который ни имъ, ни имперіи не приносилъ большихъ существенныхъ выгодъ.

Въ 1750 г. нѣсколько офицеровъ, Сербскихъ уроженцевъ, бывшихъ въ службѣ Нѣмецкой Императрицы Маріи Терезіи въ Венгріи, явились къ Русскому послу въ Вѣнѣ графу Бестужеву-Рюмину и предложили ему, что они и многіе другіе Сербы и Словене желаютъ по примѣру своихъ предковъ, служившихъ Петру Великому, войти въ службу Россіи и поселиться на всегда въ ея предѣляхъ. За то просили они земель къ хлѣбопашеству удобныхъ, гдѣ бы они и ихъ братія могли прочно водвориться, обѣщая составить изъ среды себя полки конные и пѣшіе, т. е. гусарскіе на подобіе Венгерскихъ и Пандурскіе. Графъ Бестужевъ пребывая въ Австріи зналъ о существованіи и пользѣ Сербско-Венгерской границы [confins militaires], содержимой поселенными гусарскими полками всегда съ большимъ противу Турокъ успѣхомъ, — и желалъ эту защиту пріобрѣсть для Россіи. Онъ донесъ о томъ Императрицѣ Елисаветѣ, которая весьма милостиво пріняла подобное предложеніе, много сходное съ тѣми великими предначертаніями, которыя она замышляла для пользы Южной Россіи. Она, въ слѣдствіе переговоровъ съ Императрицею Маріею Терезіею, рескриптомъ своимъ отъ 13 Іюля 1751 г. повелѣла послу своему, объявить Славянскимъ офицерамъ, главою которыхъ былъ полковникъ *Иванъ Хорватъ отъ Куртичъ*, что «не только онъ и другіе офицеры, но и сколько бы изъ нихъ Сербскаго народа въ

Россійскую Имперію перейтить похотѣло, всѣ оные, яко единовѣрные, въ службу и подданство Е. И. В. приняты будутъ». Въ Высочайшей грамматѣ, данной Императрицею гетману Разумовскому [9 Сентября 1751 г.] сказано, что для поселенія всѣхъ такихъ въ Россію приходящихъ людей, изъ которыхъ должны были составиться гусарскіе и пандурскіе поселенные полки, отвести должно въ Заднѣпровскихъ мѣстахъ, начавъ отъ устья р. Кагарлика [Бобринецкаго уѣз. Херсонской губ.] прямою линіею до верховья р. Тура [р. Туріи], а съ верховья р. Тура по устье р. Каменки, оть устья р. Каменки на верховья р. Березовки, на вершину р. Омельника [Александрійскаго уѣзда], и по оной внизъ даже до устья ея, гдѣ оная въ Днѣпръ впадаетъ, уступя отъ Польскихъ границъ на 20 верстъ. Всѣ эти рѣчки находятся на сѣверо-западныхъ Запорожскихъ степяхъ, въ той части, правду сказать, которая принадлежала имъ только номинально по преданіямъ, но дѣйствительно ими никогда не была обитаема, даже посредствомъ зимовниковъ. Это поселеніе вскорѣ дѣйствительно началось и жалованною грамматою, данною Г. М. Хорвату 1752 г. 11 Января, оно названо *Ново-Сербіею.* 10-мъ пунк. этой грамматы дозволено новопоселенцамъ «для обороны во всякомъ случаѣ отъ нападенія непріятельскаго» основать крѣпость земляную въ выгодномъ мѣстѣ; она въ 1753 г. въ самомъ дѣлѣ была основана и названа крѣп. Св. Елисаветы. Но этотъ военный постъ сдѣланъ уже за 20 верстною чертою прежде назначенною, ибо находился на вершинахъ р. Ингула болѣе нежели въ 50 верстахъ отъ сѣвернаго Польскаго рубежа [считая отъ р. Виси]; а вокругъ

оной, по причинѣ весьма малаго числа Сербовъ и другихъ иностранцевъ пришедшихъ съ Хорватомъ, учреждено было новое убѣжище для пришлецовъ, названное *Ново-Слободскимъ козачьимъ* поселеніемъ, для различія отъ Слободскихъ полковъ водворенныхъ въ XVII стол. Украинскими козаками, въ нынѣшней Харьковской губерніи. Такимъ образомъ одна часть земель Запорожскихъ была уже оффиціально занята правительствомъ и обращена въ военную область, правильно устроенную, съ Нѣмецкою дисциплиною и цѣлымъ рядомъ *шанцовъ*, т. е. земляныхъ укрѣпленій, для защиты юго-западныхъ границъ Имперіи. Въ то же почти время другая община *единовѣрцевъ*, большею частію за-Дунайскихъ Славянъ, подъ предводительствомъ Сербскихъ полковниковъ Австрійской службы: *Іоанна Шевича* и *Райка де Прерадовича*, послѣдовала примѣру Хорвата, прибыла въ Россію и просила принять оную въ подданство Императрицы и поселить вмѣстѣ съ ихъ братіею. Просьба ихъ принята. Указъ 1753 г. Мая 29 даетъ начальникамъ чины генералъ-маіоровъ, тѣже привиллегіи что и дружинѣ Хорвата и даруетъ на поселеніе земли съ другой стороны Днѣпра, за Украинскою линіею, между р. Сѣвернымъ Донцомъ и двумя рѣчками: Бахмутомъ и Луганью [т. е. въ Славеносербскомъ и Бахмутскомъ уѣздахъ Екатерин. губ.] Это второе поселеніе названное *«Славено-Сербіею»* устроено на тотъ же военный образецъ, что и Ново-Сербія, и назначено посредствомъ своихъ гусаръ и пандуровъ и укрѣпленныхъ селъ или ротъ [шанцевъ], къ охраненію юго-восточной границы Имперіи. Славяно-Сербское поселеніе сдѣлано тоже на земляхъ считавшихся Запорожскими еще ближе къ

ихъ центру, нежели Ново-Сербское, ибо постепенно доходило даже до вершинъ Самары, гдѣ уже начинались усадьбы и зимовники Запорожскіе, искони тамъ находившіяся.

Это двойное, правильное военное поселеніе заключило Запорожцевъ въ двѣ линіи ротъ и шанцевъ, мимо которыхъ за границу своихъ земель они не могли проходить иначе, развѣ чрезъ море или чрезъ Турецкія владѣнія. Легко вообразить себѣ удивленіе и страхъ войска Низоваго, когда гетманъ далъ знать Кошу о такихъ повелѣніяхъ Монархини, когда *догьзды* добрыхъ козаковъ убѣдили его, что Сербы и другіе иностранцы точно поселяются, строятъ села, домы и крѣпости, когда наконецъ полученъ строгій приказъ свести съ занятыхъ подъ Ново- и Славенно-Сербію земель всѣхъ тѣхъ козаковъ или *невѣдомыхъ* Кошу пришлецовъ, которые въ первой половинѣ XVIII стол. тамъ поселились. Въ 1754 г. уже все это водвореніе упрочилось такъ, что въ память столь важнаго событія выбита была въ Петербургѣ медаль съ надписью: *Nova Serbia Constituta* [1], и дано Новосербцамъ позволеніе почти неограниченное «выводить» и «выманивать» изъ за-границы [изъ Турціи и Польши] христіанское, а преимущественно православное народонаселеніе и принимать ихъ въ подданство и службу Россіи. Полковники: *Лупулъ Звѣревъ* и *Штеричъ* многія тысячи душъ Молдаванъ поселили такимъ образомъ въ сѣверной части нашихъ степей и дополнили понемногу премежутокъ, оставашійся между Новосербскимъ и Славяно-сербскимъ поселеніемъ, или

---

[1]) Ея изображеніе помѣщено въ 1-й части моего *Хронологическаго Обозр. Исторіи Новороссійскаго края.* Од. 1836 Ч. I. стр. 11.

какъ его звали «корпусомъ. Это составило въ послѣдствіи сѣверную часть нынѣшнихъ Херсонской и Екатеринославской губерній. Въ одно время съ крѣпостью Св. Елисаветы основанъ былъ на самой Польской границѣ, т. е. на р. Висе, близъ маленькаго озерка *Лонго* [longus], т. е. *долгаго*, именуемаго также Тресеги [топь, trzęsawiska], укрѣпленный городокъ, названный въ память Миргородскаго полковника Капниста, перваго *осадчаго* этихъ мѣстъ, *Ново-Миргородомъ*. Только малая часть Сербовъ въ ней поселилась, гораздо болѣе Болгаръ и Молдаванъ. Эти два городка были центромъ всей дѣятельности Новосербской, и съ ними Запорожье было въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, отъ чего мы и дожны были войти въ нѣкоторыя подробности при упоминаніи о нихъ.

Въ это время избранъ былъ войскомъ въ кошевые весьма замѣчательный человѣкъ, козакъ Рогѣевскаго куреня *Григорій Федоровъ*, по прозванію *Лантухъ*. О происхожденіи его ничего не знаемъ; онъ говорилъ о себѣ, что съ самыхъ малыхъ лѣтъ, т. е. «молодикомъ» принятъ въ войско Запорожское. Прозваніе его «Лантухъ» [большой мѣшокъ на муку], которое ему давали только Польскіе губернаторы и иностранцы, доказываетъ, что онъ былъ родомъ изъ Польской Украины. Онъ дѣлалъ всѣ кампаніи Миниха и Лассія въ званіи куреннаго атамана, и за особенную храбрость, благоразуміе и усердіе къ войску, къ которому онъ питалъ фанатическую любовь, былъ избранъ сперва войсковымъ старшиною, а наконецъ [кажется 1-го Января 1755 г.] кошевымъ атаманомъ. Онъ засталъ Запорожье въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и только онъ, своимъ

умомъ, упрямствомъ и распорядительностію могъ остановить еще на нѣсколько лѣтъ разрушеніе общины. Главною причиною недоумѣній и опасеній войска были многія Высочайшія повелѣнія Императрицы [1752 и 1753 г.], «чтобы всѣхъ тѣхъ своихъ жителей изъ Малороссіянъ, которые было поселились на земляхъ, назначенныхъ подъ Сербскія роты, свести оттуда, и впредь даже на службу въ войско Запорожское Малороссіянъ и др. Россійскихъ подданныхъ не принимать». Правительство, не довѣряя Запорожью, желало выходящими изъ Польши и Русской Украины поселянами, православнаго исповѣданія, дополнить ряды Новосербскаго корпуса, который, не смотря на блистательные проэкты и обѣщанія Хорвата и Шевича, весьма медленно наполнялся Сербами и другими ихъ соотечественниками. Для осмотра всего Запорожскаго края, размежеванія его со стороны Украинской линіи и ревизіи живущихъ на *вольностяхъ*, т. е. земляхъ войска Запорожскаго людей, отправлена была еще съ 1751 г. особая коммиссія, составленная изъ двухъ Малороссійскихъ чиновниковъ: асаула Полтавскаго *Якова Козельскаго*, сотника Китайгородскаго *Рудеика* и депутатовъ отъ Запорожья. Въ эту должность кошевой *Павелъ Ивановъ* 15 Августа 1752 г. назначилъ старшинъ: *Павла Кирилова*, *Григорія Лантуха* и *Петра Шафрановскаго*, придавъ къ нимъ многихъ Запорожскихъ стариковъ, давно въ Самарскомъ вѣдомствѣ живущихъ, для указанія границъ и урочищъ своей общины. Съ тѣмъ вмѣстѣ даны были имъ грамматы Богдана Хмѣльницкаго [1655], и царская [1688] на строеніе Старо-Самарской крѣпости или Богородицкаго ретраншамента. Малороссійское

начальство требовало высылки изъ Запорожья своихъ поселянъ, бѣжавшихъ изъ Полтавскаго, Миргородскаго и др. полковъ, которые, по недостатку земель на Украинѣ, чрезвычайно многолюдной, для снисканія хлѣба уходили въ Заднѣпровскія степи и, вольные люди, т. е. козачьяго званія, поступали въ войско, а «черносошные» въ «*подданство*» Запорожское. Говоря о географіи Низовой общины, мы указали уже, какое въ 1755 г. было положеніе оной. По требованію Малороссійской старшины, болѣе 100 семействъ изъ одного Кодака выслано за линію, хотя чрезъ то они лишались земель, т. е. хлѣба — но того требовали соперничество двухъ войскъ, матери Сѣчи и дѣтища его Малороссійскаго козачества. Съ другой стороны поселенные на Украинской линіи ландмилицейскіе полки и командиры оныхъ простирали свои притязанія на всѣ земли отъ линіи до р. Самары, хотя въ самомъ дѣлѣ, на основаніи подлинныхъ актовъ, т. е. Царскихъ жалованныхъ грамматъ, они могли требовать земель только до вершинъ р. Орели, т. е. нѣсколькихъ верстъ пространства, какъ въ упомянутой грамматѣ Царей Петра, Іоанна и Софіи ясно было сказано. Наконецъ новопоселенные около Бахмута Славяне, не довольствуясь богатымъ краемъ для нихъ назначеннымъ, жаждали новыхъ пріобрѣтеній, особенно частныхъ и такимъ образомъ съ своими земледѣльческими заведеніями, сѣнокосами, хуторами и «пасѣками» доходили до границъ Самарскаго вѣдомства, т. е. лучшей части Запорожья. Но и Запорожцы не были люди особеннаго хладнокровія, къ тому-жъ это было XVIII столѣтіе, которое на востокѣ Европы было еще ближе къ XVI и даже XV-му, т. е. царству насилія и оружія,

нежели къ дипломатической и изящной эпохѣ Людовика XIV и XV. Запорожцы, начавъ споры за свои земли на словахъ и бумагѣ, угрожали однакожъ поддерживать права свои оружіемъ противу незаконно *влазящихъ* въ ихъ *худобу* пришлецовъ. Въ эту затруднительную для Коша эпоху явился атаманомъ Григорій Лантухъ, оффиціально называвшій себя *Григоріемъ Федоровымъ*, по имени отца своего, какъ это водилось во всей Руси Православной.

О крѣпости Св. Елисаветы и о Новосербіи вообще Запорожцы имѣли какое-то горькое предчувствіе: что онѣ будутъ причиною ихъ гибели и отъ того ненависть къ новому поселенію утвердилась въ войскѣ и ничѣмъ уже устранена быть не могла.

Враги Россіи умѣли постройку крѣпости Св. Елисаветы, сдѣланной на собственной землѣ Русской, изобразить Турціи, тогда еще могущественной державѣ и которой вся Европа боялась, въ самомъ страшномъ для ихъ спокойствія видѣ, такъ что послѣ долгихъ переговоровъ въ Константинополѣ, Русскій Дворъ, по требованію Порты, долженъ былъ обѣщать, что эта крѣпость оставлена будетъ въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ 1754 году. Не смотря на то, Порта получала столь частыя вѣсти объ укрѣпленіи границы Русской на югѣ, что рѣшилась отправить въ Новосербію одного своего чиновника для удостовѣренія. По сношенію Русскаго посланника въ Константинополѣ *Обрѣзкова* съ оберъ-комендантомъ крѣп. Св. Елисаветы, бригадиромъ *Глѣбовымъ*, *Девлетъ-Али-Сеидъ-Ага*, уполномоченный отъ Порты, прибылъ въ эту крѣпость. осматривалъ всѣ работы и довольный какъ пріемомъ ему сдѣланнымъ,

такъ и своими наблюденіями, успокоилъ совершенно Порту донесеніемъ, что «начатая крѣпость хотя великаго пространства и сдѣлана крѣпко и надежно, но валы ея не высоки, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до двухъ аршинъ, а въ другихъ и менѣе. Минувшаго лѣта конечно ничего не работано и не прибавлено и стараются токмо сдѣланное сохранить, чтобы не развалилось. Новопоселянъ около ея множество, а лежитъ оная отъ Турецкихъ границъ въ самомъ близкомъ мѣстѣ, конской ѣзды прямою линіею 37 часовъ.» То же подтвердилъ и Очаковскій паша[1].

Кошевый Григорій Федоровъ былъ гроза гайдамакъ, которые, какъ мы сказали выше, съ 1750 г. уже не довольствовались простымъ разбоемъ или воровствомъ на дорогахъ, но вооруженною рукою нападали на враговъ и друзей въ ихъ жилищахъ, даже за границею, безъ всякаго различія и страха. Онъ вмѣстѣ съ войсковымъ асауломъ Петромъ Калнишевскимъ лично, съ большими командами и опытными куренными атаманами пускался въ степь, для ихъ преслѣдованія и истребленія. Онъ, можно сказать, на десять лѣтъ устранилъ это зло. Не смотря на столь большія услуги Григорія Федорова въ истребленіи гайдамакъ и водворенія мира въ степяхъ, онъ однакожъ подвергся не только подозрѣнію Правительства, но и самому суду за мнимое потворство гайдамакамъ. Въ 1754 г. войсковый асаулъ Петръ Калнишевскій, преслѣдуя грабителей,

[1]) Это весьма любопытное свѣдѣніе взято изъ двухъ писемъ Обрѣзкова отъ 1-го Августа и 1-го Ноября 1755 г., отысканныхъ покойнымъ Г. Н. Соколовымъ въ обрывкахъ архива кр. Св. Елисаветы и представленныхъ имъ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей.

нашелъ ихъ близъ Буга, укрѣпившихся на полуостровѣ среди камышей, пушками и засѣками, и не смотря на ихъ сопротивленіе, разбилъ, истребилъ большую часть, а остальныхъ разогналъ. Въ 1755 г. они собрались опять въ числѣ 100 чел. и ограбивъ многія Польскія села, скрылись въ балкахъ надъ рѣч. Громоклею. Всѣ поиски кошеваго Григорія Федорова были безуспѣшны, ибо они при малѣйшей тревогѣ уходили или въ Польшу или, переправясь чрезъ Бугъ, скрывались въ Буджацкихъ и Едисанскихъ степяхъ. Тогда онъ вздумалъ употребить противу нихъ мирныя средства Нѣсколько Запорожскихъ стариковъ подъ видомъ бродящихъ купцовъ пробрались изъ Сѣчи до р. Громоклеи и успѣли проникнуть даже въ убѣжище гайдамакъ. Тамъ пробывъ нѣсколько дней въ разговорахъ съ гайдамаками, отъ нихъ самихъ слыхали, что Кошъ напрасно гоняется за ними по безмѣрнымъ степямъ, гораздо лучше, еслибъ «вины ихъ были прощены и наказаніе отпущено», то они бы вернулись въ войско и спокойно жили по куренямъ; въ противномъ случаѣ угрожали разойтись въ чужіе краи на грабительство. Когда посланцы возвратились въ Кошъ, то отъ общей сходки всѣхъ атамановъ и войска отправлены были къ гайдамакамъ четыре куренныхъ атамана: Каневскаго—*Матвей Шкуратъ*, Левушковскаго—*Затковскій*, Минскаго—*Ядутъ* и Ирклевскаго—*Андрей Носачъ* [бывшій послѣ судьею], которые убѣдили этихъ бродягъ отъ своей преступной жизни отказаться и о принятіи ихъ въ войско написать прошеніе въ Кошъ. Прошеніе это писалъ бывшій въ Гардовой церкви іеромонахъ *Феодоритъ* и за всѣхъ ихъ подписался. Тогда уже съ атаманами всѣ гайдамаки въ Сѣчь

прибыли, и выполнивъ въ Сѣчевой церкви присягу: что впредь отъ разбоевъ и гайдамацтва воздерживаться будутъ, получили прощеніе и отданы по куренямъ. Кошевой кромѣ сего отобралъ отъ нихъ всѣхъ лошадей, большею частію заграбленныхъ въ Польшѣ, и отослалъ въ общественный табунъ. Такъ прошло около двухъ лѣтъ. Въ теченіи этого времени нѣсколько изъ раскаявшихся гайдамакъ, забывъ присягу, пустились опять на грабительство и, пойманные въ Ново-Сербіи, преданы были тамъ суду. Одинъ изъ злодѣевъ, надѣясь доносами избавиться отъ наказанія, разсказалъ о поступкѣ кошеваго и старшины такимъ образомъ, что Новосербское Начальство, вѣчный соперникъ Запорожья, обвинило Кошъ въ потворствѣ гайдамакамъ, раздѣлѣ съ ними добычи и принятіи подарковъ. По Высочайшей волѣ въ 1756 г. гетманъ Разумовскій приказалъ вытребовать въ Глуховъ кошеваго Григорія Федорова и его старшину: судью *Прокопа Донскаго,* асаула *Парфена Черпаго* и писаря *Дмитрія Романовскаго* для суда и отвѣта по обвиненію гайдамакъ. Между тѣмъ изъ нихъ писарь Романовскій, удалившись въ Межигорскій монастырь, тамъ умеръ, судья же Прокопъ Донской за дряхлостію лѣтъ и болѣзнію изъ зимовника своего тронуться даже не могъ, а потому только Григорій Федоровъ и Черный отправились въ Глуховъ. Должность кошеваго на это время была вручена Данилу Стефановичу Гладкому, который правилъ войскомъ и въ 1757. Императрица, Высочайшею грамматою 10 Апрѣля 1757 г. гетману данною, строго потребовала, чтобы это дѣло тщательно было изслѣдовано. Отвѣты кошеваго, исполненные истины и разума, доказали его невинность; — призванные же для

доказательства преступники, увидя кошеваго *батька*, главу войска въ видѣ отвѣтчика, раскаялись, — патріархальное почтеніе къ его власти и званію заставило ихъ забыть сдѣланное обвиненіе, и они всѣ показанія Григорія Федорова подтвердили, вину же единодушно приняли на себя. Такимъ образомъ генеральный судъ и гетманъ принуждены были все дѣло предать «на судъ Божій», и обвиненную старшину «съ честію» отпустить. Григорій Федоровъ по прибытіи въ Сѣчь принятъ былъ войскомъ съ истиннымъ восторгомъ и въ Январѣ 1758 году избранъ былъ въ 3-й разъ кошевымъ атаманомъ.

Теперь возвратимся нѣсколько вспять, дабы разсказать другія важныя для Запорожья событія. По случаю учрежденія Сербскихъ поселеній и происходившей объ этомъ переписки, кошевый Григорій Федоровъ доставилъ правительству довольно подробныя свѣдѣнія о состояніи военнаго Низоваго братства и его внутреннемъ устройствѣ. Для насъ это было первымъ источникомъ тѣхъ статистическихъ данныхъ о Запорожской общинѣ, которыя мы помѣстили въ I-й части обозрѣнія нашего. Кошъ Запорожскій доносилъ правительству, что войско, состоя изъ 13,000 товариства, постоянною военною и пограничною службою занятаго, не считая 15,000 другихъ жителей своей степи, терпитъ недостатокъ въ пропитаніи, какъ отъ скудости своего хозяйства, такъ и отъ затрудненій, встрѣчаемыхъ на Малороссійскихъ и Слободскихъ границахъ, при ввозѣ съѣстныхъ припасовъ для войска и отпуска его собственныхъ произведеній за границу. «Войско Запорожское, доносилъ онъ, изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ, да и въ сихъ степовыхъ мѣстахъ

малый оному родъ бываетъ»; — и просилъ: прибавки хлѣбнаго жалованья, т. е. ржаной муки, — и дозволенія «Запорожцамъ, яко вѣрноподданнымъ» привозить въ Сѣчь изъ Малороссіи припасы для внутренняго продовольствія и употребленія нужные, а взаимно и свою рыбную и звѣриную *добычь* и соль для *помьпу* и торговли, безпошлинно вывозить въ Польшу и Украину. Въ то-же время старшина рѣшилась повергнуть у Царскаго престола свое ходатайство: о рѣшеніи ихъ недоразумѣній на счетъ земель уже отобранныхъ подъ Новосербское поселеніе и утвержденіи за войскомъ того, что при немъ осталось, особыми Высочайше жалованными грамматами, какъ это «изъ вѣковъ» водилось въ Славянскихъ государствахъ. А потому кошевый Григорій Федоровъ, старшина войска, куренные атаманы и все войско «возъимѣло совѣтъ послать къ гетману нарочныхъ депутатовъ отъ Запорожья съ челобитною объ исходатайствованіи вышеупомянутыхъ высокихъ Е. И. В. милостей для войска Запорожскаго». Депутатами избраны были: бывшій въ 1757 году кошевымъ Данило Стефановъ *Гладкій*, войсковые старшины: *Петръ Калнишевскій* и войсковый писарь *Иванъ Чугуевецъ*. Въ данной имъ инструкціи поручено было испросить: 1] Безпошлиннаго пропуска изъ Малороссіи слѣдующихъ припасовъ: ржанаго *борошна* [муки] 10,000 четв., пшеничнаго 1,000 четв., пшена 5,000 ч., горѣлки Малороссійскихъ бочекъ 500, солодовъ ячныхъ [ячменныхъ] 200, меду прѣснаго ведерокъ Малороссійскихъ 1,000, сала свиннаго до 1,000 пуд., нитокъ на рыболовныя сѣти 4,000 пуд., полотна на рубашки 20,000 арш., китайки на кафтаны 4,000 штучекъ, сукна

разнаго цвѣта 4,000 арш., матерій разныхъ 2,000 арш. и прочаго нужнаго къ одѣянію, яко то зъ овецъ или рогатаго скота шкуръ, да судна [посуды] простаго, шерсти овечьей, пороху и свинцу, такожъ и ружья». А напротивъ того дозволить вывозъ своихъ собственныхъ промысловъ въ Малороссію изъ Запорожской Сѣчи въ одинъ же годъ рыбы: возовъ четверныхъ 1,500, соли 2,000 четв. возовъ; мягкой рухляди: лисичьихъ и вольчьихъ шкуръ 4,000, лошадей 1,000, рогатаго скота 1,000 штукъ», кромѣ подарковъ для монастырей, Глуховскихъ и столичныхъ пановъ. 2] О прибавкѣ на войско Запорожское хлѣбнаго и денежнаго жалованья. 3] О разсмотрѣніи по представленнымъ отъ войска граммматамъ правъ земскаго владѣнія въ этомъ краѣ, часть котораго уже отошла въ разное время въ Донское войско, подъ Сербскія и Ново-Слободскія поселенія, и дарованія на тѣ, которыя имъ окончательно признаны будутъ, Всемилостивѣйшей грамматы.

Депутація выѣхала изъ Сѣчи въ Маѣ 1755 г. и пробыла въ Петербургѣ болѣе года. Хотя успѣхъ ея дѣйствій не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, но мы должны обратить на нее особенное вниманіе, какъ на единственное средство судить о тѣхъ временахъ, о коихъ въ Русской литературѣ не имѣлось еще, или не сообщено публикѣ подлинныхъ и безпристрастныхъ *записокъ*.

Гетманъ Разумовскій усердно покровительствовалъ Низовому войску: его «представленіе» о нуждахъ Сѣчи Запорожской, какъ статистическій и камеральный документъ, столь показалось намъ интересно, что мы рѣшаемся предложить здѣсь изъ онаго довольно большой отрывокъ. По вопросу Сената: почему войско

Запорожское требуетъ прибавки хлѣбнаго и денежнаго жалованья, гетманъ отвѣчалъ: «Нынѣ войско Низовое Запорожское [въ 1756] довольно противъ прежняго пріумножилось и едныхъ Запорожскихъ козаковъ [кромѣ кошеваго и войсковыхъ старшинъ, куренныхъ атамановъ и другихъ старшинъ, канцелярскихъ, артилерійскихъ и прочихъ служителей, такожъ и козаковъ, отлучившихся въ далекія разстоянія] тѣхъ токмо, кои при куреняхъ въ наличности и не въ далекомъ отъ Сѣчи разстояніи находятся и коихъ атаманы вспомнить могли, показано болѣе 13,000 челов. И потому отпускаемаго понынѣ ежегодно на оное войско денежнаго и хлѣбнаго жалованья, именно 4,660 р., хлѣба: 1,000 четв. и крупъ 62 ч. и 4 четверичковъ, оказуется быть не довольно. Хотя въ бывшее военное время получали кошевые того войска атаманы по 600 р., судья, писарь и асаулъ войсковые по 300 р., атаманы по 40 р.; по нынѣ получаютъ кошевые по 50 р., старшина войсковая: судья по 40 р., писарь да асаулъ по 30 р., куренные атаманы, коихъ числомъ 38 челов. по 16 р., пушкарь да довбышъ по 7 р. 50. Полковники же, полковые писари, канцелярскіе и прочіе служители до сего времени онаго жалованья не получали. Нынѣжъ въ ономъ войскѣ и письменныхъ дѣлъ противъ прежняго состоянія въ довольномъ числѣ умножилось и безпрерывно продолжаются для того, что какъ отъ гетмана, такъ и отъ генеральной войсковой канцеляріи и отъ тайнаго совѣтника и Кіевскаго Вице - губернатора Костюрина весьма частыя чинятся, касающіяся къ Высочайшему интересу Е. И. В. предложенія и требуются исполненія. Сверхъ того и по тамошней пограничности,

такожъ между самими Запорожскими козаками многія случаются дѣла, чего ради для управленія тѣхъ дѣлъ, порядочнаго усмотрѣнія находящихся тамо въ разныхъ мѣстахъ командъ, какъ самому кошевому атаману, такъ и прочей старшинѣ всегда быть надлежитъ безотлучно и содержать канцелярію. По умноженіи въ Сѣчи Запорожской и надлежащихъ къ оной пограничныхъ отъ Турецкихъ и Крымскихъ областей мѣстахъ, письменныхъ дѣлъ,—канцелярскихъ служителей, которыхъ и прочіихъ чиновъ безъ опредѣленія имъ жалованья содержать въ добромъ порядкѣ, да и самому кошевому атаману съ войсковою и прочею старшиною и куренными атаманами такожъ и рядовымъ козакамъ получаемымъ нынѣ жалованьемъ и провіантомъ удовольствовать себѣ не могутъ. Тѣмъ болѣе, что они собственной своей экономіи не содержатъ и хлѣба не пашутъ; а хотя прежде сего довольствовалися нѣсколько и къ службѣ снабденіе имѣли рыбною и звѣриною ловлею, на имѣвшихся въ владѣніи онаго войска земляхъ и угодіяхъ производимою; однако не въ давнемъ предъ симъ времени и изъ тѣхъ ихъ земель и угодій, на которыхъ они тою ловлею пользовались, многія изъ ихъ владѣнія отойшли, яко то: приморскія Калміусскія косы Донскому войску, и нѣкоторыя земли подъ поселеніе, на той сторонѣ Днѣпра, за Ново-Сербіею Новослободскаго полку. А хотя около Турецкой границы степи къ ловлѣ способныя, принадлежащія войску Запорожскому и находятся, но и тамо за частыми отъ Татаръ нападеніями, оной ловли производить имъ невозможно, ибо Татаре часто на Запорожскихъ козаковъ нападая, убиваютъ самихъ, а

ихъ лошадей и скотъ грабятъ...: Многіе изъ Запорожскихъ козаковъ пользовалися и привозомъ въ Малую-Россію соли и прочихъ товаровъ, но нынѣ за взиманіемъ при новоучрежденныхъ въ Малой-Россіи пограничныхъ таможняхъ и съ оной соли и съ протечо, противъ прежняго платежа великой пошлины, тотъ промыслъ большое число Запорожскихъ козаковъ оставить принуждены. Чтожъ касается и до хлѣбнаго жалованья, то онаго также отпускается нынѣ не довольно. Оныхъ Запорожскихъ козаковъ въ самыхъ отдаленныхъ пограничныхъ отъ Крымской стороны или Турецкой области мѣстахъ пребываніе, для Высочайшаго Е. И. В. интересу небезпотребно есть, потому что прочимъ Россійскимъ подданнымъ, а особливо пограничныхъ же отъ Крымской стороны мѣстъ жителямъ дѣлаютъ прикрытіе: а особливо какъ въ послѣднюю бывшую съ Турками войну чинили, такъ и нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ чинятъ разъѣзды и о пограничныхъ обращеніяхъ и движеніяхъ развѣданіе. Да и какъ въ то бывшее военное время непріятель чинилъ наглое впаденіе въ Россійскія Е. И. В. границы, то случалось, что они такія непріятельскія нападенія отвращали и нѣкоторыхъ захваченныхъ непріятельми въ плѣнъ Россійскихъ подданныхъ, отбивали. Многіе изъ нихъ зная совершенно всѣ положенія тамошнихъ и Крымскихъ степныхъ мѣстъ, со времени вступленія въ бывшее съ Турками военное время Россійской арміи въ Турецкую область, находились у показанія оной арміи пути провожатыми. Нынѣ содержуютъ во всѣхъ тамошнихъ пограничныхъ мѣстахъ, яко то: въ Гарду надъ р. Бугомъ, въ Ингульцѣ, въ Самарѣ, Калміусѣ и въ Кодакѣ старшинъ

называемыхъ отъ нихъ полковниками, съ другою старшиною и съ командами изъ Запорожскихъ козаковъ, которые все то, что къ интересу Е. И. В. надлежитъ, наблюдаютъ и отъ нападеній предосторожность имѣютъ. Да и за Запорожскою Сѣчью у содержанія у Крымской стороны карауловъ обще съ Малороссійскими городовыхъ полковъ козаками находятся, особливо же въ Запорожскихъ степяхъ чинятъ разъѣзды».

Это усердное ходатайство гетмана Разумовскаго было милостиво принято Императрицею; она изъявила желаніе, чтобы просьба Запорожья была разсмотрѣна со всею справедливостію и снисхожденіемъ, — но воля Ея не скоро была исполнена.... Послушаемъ теперь какъ о своихъ хлопотахъ въ Петербургѣ писали въ Кошъ Запорожскіе депутаты, не подозрѣвая, что ихъ «листы» будутъ драгоцѣннымъ историческимъ матеріаломъ. «Дѣло наше производится такимъ образомъ: архивы съ половину разбили, только универсала [Хмѣльницкаго] еще не сыскали, а имѣютъ послать въ Москву послѣднюю старинную архиву осмотрѣть, а безъ того о земляхъ резолюціи не будетъ. Другіе обнадеживаютъ, что въ пользу нашу прежнихъ гетмановъ рѣчи есть [документы] подлинно, только неудовольствавши коллежскихъ [чиновниковъ] по нашему дѣлу опредѣленныхъ, правды не обьявлятъ. Почему мы хотя и нѣкоторыхъ по чести обдарили и отъ нихъ надѣемся помощи, только еще другихъ бòльшихъ надобно обослать и упросить. Для того вельможности вашей и всего войска покорнѣйше просимъ: не можноли футеръ [шубъ] черныхъ вильчурныхъ [бурокъ] три или двѣ, какъ возможно сыскать и прислать, ибо тутъ весьма въ

диковинкѣ; якіебъ мы отдали совѣтникамъ коллежскимъ, чего они желаютъ и наговоруютъ, а мы и свою едну уже туда сбули [спровадили]. Ибо безъ того крайне обойтись не можно, и говорить весело, не давши, не хотятъ» [С. П. б. 29 Августа 1755]. «О земляхъ справка понынѣ неокончена. Универсала Хмѣльницкаго ищуть; архивы здѣсь и въ Москвѣ пересматриваютъ и выписки дѣлаютъ: какими землями Запорожцы прежде владѣли и кто жаловалъ и когда? О слободахъ новыхъ также справку дѣлаютъ, по якія мѣста имъ дано селитись. О сгонѣ съ рѣчки Самоткани козачьихъ зимовниковъ мы тотъ же часъ въ коллегію представили, только пока не окончатъ выписки о землѣ, ничего не будетъ. И резолюція о той Самоткани и Домоткани будетъ тогда. Однакъ мы стараемся и просимъ указа, чтобъ пока совершится то дѣло, козаковъ съ тѣхъ мѣстъ не выгонено и разоренія не учинено. Только здѣсь дѣлается весьма не скоро, въ канцеляріи много держатъ, а въ докладахъ сенаторамъ и больше... Да и «вильчурами» не оставьте, бо тутъ не вдоволивши добра ничего не выходитъ. На кормъ съ коллегіи ничего не опредѣлено намъ и за тѣмъ усидѣть не на чемъ и свои поиздержуемъ, ибо въ подарунки по части коллежскихъ употребили, да еще будемъ давать. Умѣютъ здѣсь брать и червонцы. Для того мы взяли у пана полковника *Кирика Салтана* 50 р. денегъ на войсковый счетъ. Вельможность вашу и всего войска нижайше просимъ зъ скарбу войсковаго оные деньги ему полковнику отдать, ибо данные намъ зъ Коша деньги 260 р. сюда на прогоны да на гостинцы почти всѣ изойшли, а на зиму весьма много здѣсь денегъ надобно. Потому и принуждены

занять въ надежду войсковую, ибо самимъ кормъ тутъ всякій день рублемъ обойтись не можно, а зимою еще все дорогше будетъ. При томъ же и даровать всегда надобно тѣхъ, що дѣло наше правлятъ. Полковникъ [пріѣзжавшій за жалованьемъ] съ товариствомъ отправились со всѣмъ. Тутъ хорошо и все получили, токмо къ ручкѣ Государевой [хотя и старались съ полтора мѣсяца, а больше ждать не хотѣли] не удостоены. Однакожъ Высочайшая небывалая милость явленабъ, кушалибъ у стола Государевого и въ ручкѣ бъ были, какъ то гетманъ ясневельможный и господинъ вице-канцлеръ графъ Воронцовъ совѣтовали подождать, — только не скоро и сами времени того не знаютъ, а наши ожидать не пожелали» [1755 19 Сентября].

Не смотря на содѣйствіе гетмана и генеральнаго писаря *Безбородка*[1]. 1755-й годъ почти оканчивался, а дѣла Запорожцевъ не двигались впередъ. 22 Декабря т. г. писали они въ Кошъ: «Его Высокопреподобіе Г. Духовникъ Е. И. В. отецъ *Павелъ* просилъ насъ Запорожской Низовой *щуки* зимней, просольной, изъ Коша какъ возможно выписать и притомъ приказалъ свое святое благословеніе Вельможности Вашей и всему войску написать, которое чрезъ сіе восписуя, покорнѣйше просимъ постараться бочокъ двѣ доброй щуки мало просольной приказать, ежели можно достать и на одноНарныхъ подводахъ до Глухова прислать до ассаула артиллеріи Кологриваго, а онъ изъ маетностей отца Духовника сюда пришлетъ. Особливожъ къ Е. С. Алексѣю

[1]) Бывшаго послѣ канцлеромъ и свѣтлѣйшимъ княземъ Россійской Имперіи.

Гр. Разумовскому писать же и кланяться ему одною бочкою, а другую отцу духовнику; ибо и Графъ той щуки желаетъ весьма и напоминалъ чрезъ отца духовника. А стараться чтобъ онѣ поспѣли сюда на великій постъ.... А они будутъ весьма довольны и чрезъ такое малое дѣло къ войску нашему патроны и мылостивы всегда будутъ. А такіе оба высокіе и сильные персоны что по нихъ большихъ никого нѣтъ, и ежели такимъ не услужить, то нѣгдѣ намъ и милости искать».

Насталъ и 1756 г., а дѣла Запорожцевъ еще были едва въ началѣ. 17 Января т. г. писали они: «При случаѣ сей кіевской почты поклонъ нашъ нижайшій воспиcуя, объявляемъ: живы и здоровы, а по дѣламъ мучимся, день на день перевертаютъ, все справки.... Хотя мы и просили много, непринято и такъ намъ сидѣть тутъ Богъ зна дока будетъ. О Сербскихъ и Слободскихъ земляхъ въ скорости будутъ разсужденіе дѣлать». Въ припискѣ добавлено: «Въ правительствующемъ сенатѣ состоялся прошедшаго года въ декабрѣ указъ приставу таможенному, чтобъ на перевозахъ ни съ кого по Днѣпру ничего не брато ни по едной копейки за перевозъ, а содержать тѣ перевозы изъ казны Государевой. Соли Крымской свободный вывозъ узаконенъ въ Малороссію, только съ пошлиною по 10 коп. съ пуда и запрещенія уже не будетъ». Но вотъ опять новыя явились для нихъ препятствія. «Въ 19 день сего Генваря по прошенію Е. Я. г. гетмана состоялся именный за собственною Височайшею рукою указъ: быть всему Запорожскому войску, Малой Россіи зъ гетманомъ въ высокоправительствующемъ Сенатѣ и перенесутъ экспедицію Малороссійскую и нашу всю въ Сенатъ и для

того пока тамъ осмотрятся и перенесутся, послѣдовала и намъ въ дѣлѣ остановка и сказали обождать. Однакъ слава Богу что такъ учинилось, ибо и отъ Коллегіи Иностранной все дѣло наше не миновалобъ было Сената и тамъ бы двойная справка слѣдовала, а нынѣ въ главномъ правленіи будетъ ввесь конецъ, хотя не скоро, только съ пользою. О чемъ старатись имѣемъ и зачнемъ съ сенатскими обознаваться. Только бѣда, что нѣчимъ дарить, ибо самимъ и кормиться нѣчимъ. Жалованья не даютъ, а своихъ сколько было все къ содержанію привели, ибо всякого надобно принять, еще и дать. А здѣшніе пріемы таковы, что рублевикомъ одного человѣка не принять, ибо необходимое: — напитки, весьма и не сказанно дороги, да и всѣ харчи [припасы] не дешевы. Богъ зна какъ мы до году пробудемъ здѣсь». [22 Января 1756 года].

Это опредѣленіе подчиненности и Украины и Запорожья Сенату, вмѣсто министерства иностранныхъ дѣлъ, дало очень ясно почувствовать козачеству и Городовому и Низовому, что Русскій Дворъ рѣшился окончательно считать ихъ не вассалими своими, а подданными, на равнѣ со всѣми Русскими, какъ это было и въ самомъ дѣлѣ. Любопытенъ слѣдующій отрывокъ изъ письма кошеваго Григорія Федорова къ депутатамъ просившимъ вѣсти съ родины изъ Сѣчи: «Вывозу изъ Крыму изшедшаго лѣта и осени соли и вина, по причинѣ установленнаго тарифа весьма мало было, ибо на таможняхъ взимаютъ зъ ведра подлаго вина по 40 коп., а лучшаго по 60 коп. и ежели будетъ везти 100 вед., то взимаютъ 60 руб. А отъ соли Крымской четвернаго воза по 8 и по 10 руб. взимаются жь. Здѣсь же въ

Сѣчи вина око [3 бутылки] за привозомъ съ Крыму по 5., а зъ погребовъ по 8 коп. въ продажу пускается. Соли же Крымской возъ четверной можно здѣсь въ Сѣчи купить за 7 руб.». Это довольно замѣчательныя статистическія цифры. 1 Апрѣля 1756 г. депутаты, потерявъ всякое терпѣніе, «съ плачемъ» писали въ Кошъ: «Хотя мы всѣмъ сенаторамъ кромѣ меньшихъ прилежно докучаемъ и пороги побили ходячи, и устне и письменно разными документы просили, однако поспѣшества нѣтъ и скорой отправки, все обѣщаются, а дѣломъ ничего не явятъ.... Вѣстей новыхъ никакихъ тутъ не слыхать. Рѣка Нева стоитъ еще, однакъ зима начала кончаться, снѣгъ недавно пропалъ. Что у васъ происходитъ, просимъ насъ извѣстить, ибо мы отъ скуки да отъ хлопотъ всякій день безполезныхъ и проволочекъ отрады мало имѣемъ, однако крѣпимся, доколь силы».... Но едва кончили свое горькое посланіе, какъ получили извѣстіе, что дѣло ихъ рѣшено. Вотъ приписка къ упомянутому письму: «Сегодня дѣло наше выслушано и рѣшено сенаторами. Подлинно благодаримъ Бога; чтожь опредѣлено, знать не можно, пока не подпишутся на бѣломъ опредѣленіи сенаторы. Сказать секретарю никогда не можно, а только секретарь знаетъ». Наконецъ 6 Іюня писали уже рѣшительно депутаты: «Въ 1-й день сего Іюня по дѣлу нашему резолюція выйшла и съ великимъ трудомъ и старательствомъ мы испросили вычитать, въ которой повелѣно: въ просьбахъ нашихъ учинить *еще* справки, а именно: къ дачѣ грамматы на остальныя земли описать чрезъ посланныхъ отъ ясневельможнаго [гетмана] съ крѣпости Св. Елисаветы и изъ Сѣчи депутатовъ: — всѣ

жилища Запорожскія, рѣчки и урочища. А о Самарѣ тожъ, сколько тамъ Малороссіянъ и откуда пришли и всѣхъ залинейныхъ людей описать и представить Сенату. О прибавкѣ казны на войско взять отъ Я. В. мнѣніе, за непоказаніемъ еще отъ Коша всему войску числа. Таможни велѣно ѣстные и питейные припасы безспорно въ Сѣчь и изъ Сѣчи рыбу и звѣря пропускать. О соли не надѣемся милости, яко заграничный товаръ и крѣпко за то стоятъ, да еще и первѣйшіе. Егда востребуютъ депутатовъ и козаковъ къ описи земель и жилищъ войсковыхъ, просимъ немедленно послать и постараться чтобъ то скоро учинено; и о томъ описаніи не сумнѣваться войску ничего, понеже оно слѣдуетъ дабы знать Сенату на какія именно мѣста и урочища пожаловать войску граммату и живутъ ли въ тѣхъ мѣстахъ козаки. Для того покорно совѣтуемъ В. В. и всему войску въ хорошихъ мѣстахъ по рѣкамъ въ Ингулѣ и вездѣ въ пустыхъ мѣстахъ позволить зимовниками селиться. Не худобъ чтобъ распространить далѣе и не всѣ тѣ мѣста явились бы порожніе, понеже тутъ многіе тѣмъ нарекаютъ: въ Запорожьи земли пустой много» и хотятъ Слободской народъ селить Днѣпромъ, тольkобъ не за Хортицкій островъ».

Вскорѣ Высочайшая граммата отъ 10 Іюня 1756, данная гетману Разумовскому, рѣшила ходатайство Запорожскихъ депутатовъ, почти въ томъ смыслѣ какъ писали они въ своемъ донесеніи отъ 6 Іюня. Въ отношеніи торговли правительство сдѣлало важныя для нихъ облегченія, дозволивъ привозить въ Сѣчь и другія мѣста всѣ для продовольствія и одежды нужные имъ предметы и отпускать въ Малороссію и Польшу свои

собственныя произведенія, скотъ и мягкую рухлядь. На счетъ же соли, какъ товара заграничнаго въ Крыму добываемаго, сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: «привозу въ Малороссію соли и другихъ заграничныхъ товаровъ безпошлинно дозволить не слѣдуетъ, ибо то будетъ интерессамъ Е. И. В. противно». Главною причиною этого полу-отказа было учрежденіе новыхъ таможенъ на южныхъ границахъ Имперіи, директору которыхъ *Шемякину* правительство отдало ихъ въ откупное содержаніе на 6 лѣтъ. Одно только весьма достойно вниманія, — это замѣчаніе на счетъ грамматы на земли Запорожскія. Сенатъ признавъ, что ни универсала Хмѣльницкаго 1655, ни Царской грамматы 7196 [1688] годовъ, въ архивахъ не отыскано и сомнѣваясь. чтобы Запорожцы до самой Переволочной землями владѣли, такъ говоритъ: «Когда гетманъ Богданъ Хмѣльницкій съ народомъ Малороссійскимъ подъ высокославную державу Россійской Имперіи въ подданство пришелъ, въ то время всѣ городы, села и деревни и оное войско Запорожское состояли въ одной дирекціи гетманской и между Малою Россіею и войскомъ Запорожскимъ границы не имѣлось; но гдѣ имѣлись не занятыя поселеніемъ пустыя земли и лѣсныя угодія, тамо какъ Запорожскимъ, такъ и Малороссійскимъ козакамъ, въ пристойныхъ мѣстахъ: пасѣки держать, рыбу и звѣрей ловить было не возбранно, а къ Сѣчи Запорожской въ то время никакихъ мѣстъ и селеній особливыхъ не бывало». На этомъ основаніи повелѣно чрезъ обоюдныхъ депутатовъ: «всѣмъ Запорожскимъ землямъ и угодьямъ учинить описаніе и положа на карту, представить въ Правительствующій Сенатъ, а на принадлежащія

къ ихъ безспорному владѣнію земли и угодья съ обстоятельнымъ описаніемъ къ дачѣ имъ грамматы, учинить формуляръ».

Таковъ былъ конецъ этой любопытной депутаціи, о которой столько подробностей рѣшились мы представить читателямъ. Депутаты, съ позволенія гетмана, въ половинѣ Іюля 1756 г. отпущены на Запорожье. Войско, желая вознаградить главу депутаціи Данилу Гладкаго за его труды и потери, на общей войсковой радѣ, бывшей 1 Января 1757 избрало его вторично кошевымъ атаманомъ.

ГЛАВА VI.

«Описаніе» земель Запорожскихъ. Новые споры за границы. Вторая депутація ко Двору Императрицы Елисаветы.

1757—1761.

Высочайшая граммата, данная въ 10-й день Іюня 1756 г. гетману Разумовскому, повелѣвая,—для разрѣшенія недоумѣній о земскомъ владѣніи Запорожья, сдѣлать фармальное *описаніе* ихъ земель, — положила на время конецъ пограничнымъ спорамъ и даже распрямъ между Низовымъ войскомъ и Новосербскимъ поселеніемъ. Гетманъ, отпустивъ домой депутатовъ, приказалъ Кошу немедленно исполнить волю Монаршую и назначилъ отъ Малороссійскаго войска двухъ чиновниковъ для присутствованія въ коммиссіи, которая займется межеваніемъ и разборомъ взаимныхъ претензій древнихъ и новыхъ обитателей степи. Въ Запорожьи уже по этому случаю произошли большіе хлопоты, ибо Новосербское начальство, пользуясь своимъ пребываніемъ въ самомъ отдаленномъ отъ столицы краѣ, и желая похвалиться распространеніемъ поселенія

въ странѣ, дѣйствительно пустой, но ему не подвластной, мало заботилось о правахъ или притязаніяхъ Запорожья и выдавало «открытые листы» [1] на основаніе хуторовъ или селъ, безъ малѣйшаго вниманія на мѣстность, избираемую *осадчими*. Такимъ образомъ вторая линія поселенія и такъ называемый «Ново-Слободскій козачій полкъ», составленный уже не изъ иностранныхъ Славянъ, а изъ поселянъ Польскихъ, Украинскихъ Молдованъ и раскольниковъ, водворялась далеко за чертою, которая съ 1752 г. считалась законною границею между Запорожцами, первыми обладателями степи и новѣйшими ея поселенцами. Въ 1754 и 1755 годахъ, т. е. не болѣе какъ въ три года послѣ основанія перваго камня Новосербскихъ усадьбъ, уже нѣкоторые чины Слободскіе заняли прекрасныя земли вблизи Великаго и Малаго Ингула по обѣимъ сторонамъ двухъ небольшихъ рѣчекъ: Самоткани и Домоткани [Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Екатериносл. губ.], гдѣ издревле были такъ-называемые Верхо-Днѣпровскіе зимовники Запорожскіе. «Ново-Слобожане» сначала довольствовались только временнымъ владѣніемъ земли, не обижая первыхъ поселенцевъ, т. е. Запорожцевъ; но послѣ поощряемые своими офицерами, большею частію бѣжавшими изъ Бессарабіи Греками и Молдаванами, рѣшались на насилія, такъ что около 1756 г. уже многіе зимовники Запорожскіе были или упразднены

[1]) Мы нашли одинъ такой «открытый листъ» или «указъ», выданный въ 1757 г. осадчику *Андрею Гридину* (раскольнику) на основаніе усадьбы на р. Чертомлыкѣ, въ уроч. *Лысыя-Горы*. Нынѣ это прекрасная волость (того же имени) въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губ.

вовсе, или заняты людьми, принадлежащими къ Новой-Сербіи. Обѣ стороны считали себя правыми. Запорожцы, кромѣ давности владѣнія, еще считали эти зимовники необходимыми, какъ аванпосты, противу гайдамакъ, скрывавшихся въ степяхъ порубежныхъ съ Новосербіею. Взаимно комендантъ кр. Св. Елисаветы и генералъ Хорватъ увѣряли, что именно тѣ самые зимовники служили пристанищемъ бродягамъ и гайдамакамъ и считали необходимымъ учредить тамъ разъѣзды не изъ Запорожской команды Бугогардоваго вѣдомства, но отъ Слободскаго козачьяго полку, которымъ командовалъ тогда полковникъ *Адабашъ*, зять перваго основателя онаго, полковника Лупула Звѣрева. Но въ самомъ дѣлѣ обѣ стороны хотѣли удержать за собою земли по упомянутымъ двумъ рѣчкамъ, близкимъ къ Днѣпру и къ многолюдной Малороссіи, которыя, кромѣ большихъ земледѣльческихъ выгодъ, нужны были для Новосербскаго начальства, чтобы линію своихъ поселеній, начавъ отъ устья Синюхи, уперетъ на Днѣпрѣ поближе къ порогамъ. Это предварительное объясненіе мы сочли нужнымъ, чтобы понять дальнѣйшій разсказъ нашъ о тѣхъ неслыханныхъ спорахъ, всегда упорныхъ и даже непримиримыхъ, которые начались въ это время между двумя сосѣдями и были причиною сперва большихъ хлопотъ, а послѣ и самой гибели для Запорожской общины.

Осенью 1756 г. гетманъ назначилъ отъ себя коммиссарами: бунчуковаго товарища *Федора Левенца* и Полтавскаго сотника *Григорія Штепу*, прося коменданта кр. Св. Елисаветы бригадира Алексѣя Глѣбова, распорядиться съ своей стороны какъ о назначеніи депутатовъ

отъ своего поселенія, такъ и о командированіи геодезиста, т. е. инженернаго офицера для руководства описаніемъ земель Запорожскихъ, разграниченіемъ обѣихъ областей и снятіемъ всего этого за-Днѣпровскаго края на карту, для представленія Монархинѣ. Запорожцы съ своей стороны должны были назначить и депутатовъ и старожилыхъ козаковъ, которые бы могли быть путеводителями въ степяхъ глухихъ и безграничныхъ, имъ только однимъ хорошо извѣстныхъ.

Въ то время дѣла не дѣлались такъ скоро, какъ нынѣ, да и сообщенія были труднѣе. Едва въ Мартѣ 1757 г. Малороссійскіе коммиссары дали знать о своемъ назначеніи и готовности къ отъѣзду, а равно и о томъ, что желая начать межеваніе со стороны Новой-Сербіи, они поѣдутъ прямо въ ея столицу, кр. Св. Елисаветы; вѣроятно, считая эту крѣпость съ Русскимъ гарнизономъ, безопаснѣе для себя стана Запорожскаго. Кошевой Данило Стефановичъ отвѣчалъ имъ, что депутатами давно отъ войска назначены: бывшій въ 1756 г. Кошевой Григорій Федоровъ *Лантухъ*, войвые старшины: Николай Тимофеевичъ *Косапъ* и Иванъ *Чугуевецъ* а 80 чел. стариковъ козаковъ Запорожскихъ назначены «понятыми» для показанія урочищъ и границъ войска. Въ началѣ Мая 1757 г. Малороссійскіе коммиссары уже были въ Новосербіи, а Запорожскіе пустились въ дорогу. Въ особенной инструкціи, 21 Мая 1757 на радѣ опредѣленной, было имъ приказано: § 1. «Ѣхать въ степь и какъ описаніе земель начнется, командѣ Запорожской [т. е. вожатымъ] велѣть, чтобы они показывали: гдѣ издавна Запорожскіе козаки зимовниками сидѣли и въ коихъ рѣчкахъ добычь рыбную

имѣли и при какихъ степахъ и урочищахъ звѣриную ловлю отправляли, и до тѣхъ мѣстъ велибъ и наименьшіе признаки показывалибъ». § 2. «При томъ и тѣ мѣста объявлять, кои нынѣ *насажены* людьми, а онѣ были Запорожскія, да и нынѣ еще новопоселяемаго Слободскаго полку жители въ какія мѣста и лѣса вступаютъ и споръ зъ войскомъ ведутъ. А по Домоткани и по другимъ рѣчкамъ тѣ всѣ мѣста обводить, гдѣ Запорожскіе козаки прежде зимовниками сидѣли и сѣнокосы свои имѣли». § 4. «И вести вамъ «описателей» таковыми мѣстами, гдѣ пристойно жилища и другія угодія имѣются, а по пустымъ балкамъ и безводнымъ мѣстамъ не водить и къ описанію оныхъ, яко ни въ какое употребленіе таковыя мѣста не годятся, не объявлять, чтобъ и на карту положены не были».

Получивъ такое наставленіе и команду, Запорожскіе депутаты отправились въ путь,—но до кр. Св. Елисаветы на сей разъ не доѣхали. «Вчерашняго числа, писали они въ Кошъ, надъ вечеръ въѣзжаючи въ Базавлукъ [т. е. къ зимовникамъ на этой рѣчкѣ] надъ мосткомъ встрѣли депутата межеванія нашего сотника *Штепу*, которой объявилъ намъ, что къ описанію земель и чертежу господинъ бригадиръ Глѣбовъ геодезиста и инженеровъ не далъ и не имѣется ни отъ коль, всѣ въ раскомандировкѣ и велѣлъ имъ и письмомъ сообщилъ: ѣхать въ домы, ибо о семъ онъ еще отписку учинитъ въ высокую команду, а о чемъ неизвѣстно. И потому они принуждены разъѣхаться; бунчуковый *Левенецъ* въ домъ свой, а онъ Штепа въ Сѣчь по своимъ и по гетманскимъ особливымъ дѣламъ; а намъ возвратиться, яко

не отмѣнно и слѣдуетъ, совѣтовалъ, что мы видя, сейчасъ трактовать въ Сѣчь принуждены, да и сотникъ ѣдетъ». [24 Мая 1757 г.]

Правду сказать, Новосербское начальство не слишкомъ желало разбора поземельныхъ своихъ правъ, а напротивъ старалось о распространеніи селеній своихъ въ степи, хотя бы на земляхъ Запорожскихъ. Потому усердно ходатайствовало, чтобы и Новослободскую линію переложить еще на 20 верстъ въ глубь степей, т. е. на 40 отъ Новосербской 1752 г. границы. Бригадиръ Глѣбовъ и генералъ Хорватъ не скрывали этого намѣренія, ибо считали его полезнымъ для блага Имперіи. Но Запорожцы видя, что военное поселеніе съ обѣихъ сторонъ нижняго Днѣпра распространяясь, сжимаетъ ихъ въ болѣе и болѣе тѣсныя границы, подобно дикимъ Сѣверной Америки, считали свою гибель неизбѣжною, если образованная часть Имперіи съ ними соприкоснется. Отъ того они твердо стояли на своихъ поземельныхъ притязаніяхъ и въ Январѣ 1758 г. внесли новую просьбу къ гетману объ отправленіи ко Двору новой депутаціи для испрошенія у Е. В. тѣхъ милостей, о которыхъ ходатайствовали уже въ 1755 и 1756 годахъ; — въ особенности же, чтобы обратить вниманіе всегда къ нимъ милостивой Монархини на ихъ жалобы и претензіи сосѣдей. Съ дозволенія гетманскаго, на общей войсковой радѣ избраны депутатами войсковые старшины: *Павелъ Кириловъ* и *Петръ Калнишевскій* —бывшіе судьи, и *Артемій Васильевъ*, бывшій послѣ Чугуевца войсковымъ писаремъ [1]. Кошевымъ въ это

---

[1]) Весьма замѣчательно, что по случаю этой депутаціи, отъ которой войско ожидало большихъ милостей, общая войсковая рада 16

время былъ опять Григорій Федоровъ Лантухъ. Подлинной инструкціи, данной этой депутаціи, въ архивѣ нашемъ не оказалось, но изъ переписки ея съ Кошемъ мы видимъ, что они должны были просить: 1] О прибавкѣ хлѣбнаго и денежнаго жалованья. 2] Объ освобожденіи отъ платежа пошлинъ на Малороссійскихъ таможняхъ. 3] О пожалованіи войску артиллеріи. 4] Обкновенно повторяемое ходатайство: о пожалованіи граммать на владѣніе землями, — и вмѣстѣ съ тѣмъ о неотдачѣ впредь ни подъ какое новое поселеніе принадлежавшаго имъ края. Главнѣйшею же цѣлію депутаціи, какъ можно судить изъ ихъ писемъ, было, кромѣ 4 пункта, еще пріостановленіе и даже отмѣна *описанія* земель ихъ, а о разграниченіи Запорожскихъ, Новосербскихъ и Новослободскихъ владѣній по картѣ составленной въ 1740-хъ годахъ, инженеръ-полковникомъ *Дебоксетомъ*, которую Запорожцы считали весьма правильною и справедливою.

Кажется, что депутаты отправились изъ Сѣчи въ Іюлѣ 1758 г.; они везли съ собою, по обычаю того времени, гостинцы изъ плодовъ своей торговли или внутренней промышленности. Главнѣйшіе состояли изъ 30 верблюдовъ [часть которыхъ назначена была для представленія Высочайшей фамиліи], кофе, рыбы и сафьяновъ, «на ралецъ и поклонъ» знатнѣйшимъ свѣтскимъ и духовнымъ сановникамъ. Ихъ ожидали многія неудовольствія и недобрыя вѣсти. Началось тѣмъ, что на Переволочной таможнѣ за верблюдовъ, хотя

Марта 1758 г. бывшая, опредѣлила: «на издержки депутаціи сдѣлать со всего войсковаго подданства: козаковъ (женатыхъ) посполитыхъ, дѣленныхъ и недѣленныхъ, тяглыхъ и пѣшихъ» сборъ денегъ по обычаю.

они по увѣренію Запорожцевъ уже «здѣшняго содержанія» и не на продажу, а «въ презентъ высокимъ персонамъ» отправлялись, взыскано съ нихъ довольно значительную пошлину. Прибывши же въ Петербургъ узнали, что и на войско представлены отъ Новосербцевъ и Донцевъ многія жалобы на гайдамацтво и взаимныя пограничныя обиды; что комендантъ крѣп. Св. Елисаветы просилъ прибавки земли подъ Ново-Слободское поселеніе; наконецъ оберъ-директоръ таможенъ *Шемякинъ*, которому Правительство отдало на откупъ таможенный сборъ, представилъ комерцъ-коллегіи, «чтобы судовъ иностранныхъ съ Бѣлаго и Чернаго морей съ бакаліею, винами и прочими товарами въ Сѣчь Запорожскую не пропускать, подъ ложнымъ предлогомъ, что купцы Запорожскіе за недостаткомъ товаровъ и денегъ съ тѣхъ судовъ товаровъ забирать не могутъ, а купцы иностранные къ нимъ приходящіе, якобы просили, чтобы имъ торгъ въ Черкаскѣ [т. е. Новочеркаскѣ на Дону] имѣть, а не въ Сѣчи».

Не смотря на всѣ эти противу войска предубѣжденія, депутація нашла въ столицѣ милостивый пріемъ и покровительство. 15 Января 1759 г. доносили они кошевому [1]: «...Трижды уже вашей Вельможности писали мы, что во дворецъ Государевъ, такожъ и господамъ верблюды, рыбы, кофе и проч. при письмахъ В. В. отданы, и Ея И. В. и Ихъ Имп. Высочества всемилостивѣйше самоустно, такожъ и господа В-й В-и и всему войску благодарить изволили». Но въ то-же время прибавили они, что «Гг. сенаторы и Я. В. Г.

[1]) Большая половина переписки объ этой депутаціи пропала; мы помѣщаемъ только частицу, которая уцѣлѣла.

Гетманъ не малой гнѣвъ на весь Кошъ, а паче на старшину и куренныхъ атамановъ имѣютъ за то, что де злодѣевъ, грабителей шляховыхъ и другихъ пакостниковъ не искореняете, да и другихъ непорядковъ не выводите и чрезъ то Россійскимъ подданнымъ и сосѣдственнымъ народамъ: Турецкимъ, Татарскимъ и Польскимъ, такожъ Новосербцамъ и Слобожанамъ и Малороссіянамъ въ границахъ Россійской, Турецкой и Польской, на степу и въ другихъ мѣстахъ обиды несносные причиняютъ, разбиваютъ, грабятъ, крадутъ скотъ и пр. и людей умерщвляютъ изъ Запорожскихъ козаковъ гайдамаки, за что и претензіи на войско Запорожское многія имѣютъ. Особенно же за то, что кошеваго и прочихъ старшинъ самовольно въ радахъ, хотя и исправны тѣ старшины въ дѣлѣ бываютъ, безъ всякой ихъ винности и безъ вѣдома гетманскаго отставивъ, иныхъ бьютъ нехристіанско, чего нигдѣ въ свѣтѣ да и у самыхъ варваровъ не чинится, и если все это не исправится, то отъ Е. И. В. войску Запорожскому Высочайшій гнѣвъ и немилость послѣдуетъ».

И въ самомъ дѣлѣ выборы 1 Января 1759 г. ознаменовались не только безпорядками, но и неистовствами. Нѣкоторые изъ прощенныхъ гайдамакъ взбунтовали грубую толпу и объявили, что они болѣе Григорія Федорова за его строгость не хотятъ имѣть кошевымъ. Когда же старики, заслуженные войсковые и полковые старшины тому воспротивились, пьяная толпа бросилась на нихъ, била ихъ и едва жизни не лишила. Не смотря ни на какія убѣжденія, выборы въ этотъ день не состоялись. Вскорѣ однакожъ, когда горячія головы, поуспокоились, старшина на сходкѣ рѣшилась уступить

толпѣ, самъ Федоровъ подалъ голосъ въ пользу другаго кандидата. Бывшій въ 1758 г. войсковымъ судьею *Алексѣй Бѣлицкій*, козакъ старый и заслуженный, происходящій изъ Польской дворянской фамиліи [Бѣльскихъ, Bielskich], отъ которой онъ былъ похищенъ еще въ младенчествѣ, избранъ кошевымъ, *Демьянъ Терентьевичъ Старый* судьею, а *Филиппъ Ивановъ* войсковымъ асауломъ. Писаря не перемѣнили потому, что былъ въ Петербургѣ.

Не смотря на покровительство гетмана Разумовскаго, и даже генералъ-прокурора князя Трубецкаго, ходатайство Запорожцевъ, по обычаю, шло очень медленно. Хотя они многократно представляли Сенату, что Запорожскихъ козаковъ подъ ружьемъ болѣе 13,000 имѣется, а всѣхъ поселенныхъ въ Новосербіи и въ Слободскомъ полку 4000 душъ не будетъ, ибо отъ разныхъ злоупотребленій разноплеменныхъ офицеровъ, много за-Дунайскихъ Славянъ воротились назадъ, а Польскіе Украинцы перешли въ Запорожье и заселили близъ Днѣпра старыя урочища: на Романовой могилѣ [нынѣ с. Романово] и Каменское; — мнѣніе однакожъ генерала Хорвата и командовавшаго въ крѣп. Св. Елисаветы Федора Юста восторжествовало. Высочайшій указъ отъ 10 Марта 1759 г. повелѣлъ, въ исполненіе граммааты 1756 г. Апрѣля 1-го, послать изъ находящихся при Сенатѣ геодезистовъ, инженеръ-прапорщика *Ивана Исленьева*, приказавъ ему при Запорожскихъ, Малороссійскихъ и отъ управленія крѣп. Св. Елисаветы депутатахъ, сдѣлать непремѣнно всѣмъ Запорожскимъ землямъ описаніе и снявъ этотъ край на карту, представить оную Е. И. В. для дачи войску Низовому просимой грамматы «на владѣніе».

По другимъ предметамъ, депутація еще и въ Апрѣлѣ рѣшенія не видѣла. «Что касается, писали они, до прибавки жалованья, артиллеріи и о пошлинахъ, то послѣ святокъ воскресенскихъ обѣщались резолюцію учинить, а въ якой силѣ резолюція послѣдуетъ, Богъ вѣсть. Довольно извѣстно въ Кошѣ есть, что всегда здѣсь господа обѣщаютъ хорошо дѣлать, да мало такихъ есть, что обѣщаннымъ добромъ довольны бываютъ». [1 Апрѣля 1759]. Депутаты просили кошеваго и старшину, чтобы они прислали пару отличныхъ карыхъ жеребцовъ въ подарокъ князью Т..... и присовокупили, что и «камординъ [камердинеръ] Его С-ва Михайло Степановъ В-у В-ть съ товариствомъ проситъ: коня якого хорошенького ему прислать, а онъ обѣщался князя по нашимъ нуждамъ и имѣючимся по дѣламъ войсковымъ, докладывать, якожь всегда то и дѣлаетъ».

Такимъ образомъ едва 10 Мая т. г. послѣдовала Высочайшая граммата на имя гетмана Гр. Разумовскаго, которымъ милостиво приняты нѣкоторыя ходатайства Запорожцевъ. 1. Жалованья денежнаго прибавлено 2,000 руб. въ годъ; 2. Въ прибавокъ къ войсковой артиллеріи 3 чугунныхъ пушки со всѣмъ приборомъ и аммуниціею дарованы и 3. Покупный въ Малой Россіи хлѣбъ и другіе *харчевые* и питейные припасы въ Сѣчь Запорожскую для собственнаго употребленія, также изъ Сѣчи Запорожской въ Малую-Россію, собственнаго ихъ промыслу всякую рыбу и мягкую рухлядь, до будущаго о томъ распоряженія пропускать безпошлинно дозволено.

Между тѣмъ и самъ Хорватъ въ Петербургъ прибылъ и хлопоталъ, чтобы командира Новослободскаго

козачьяго поселенія полковника Адабаша смѣнили и какъ его команду, такъ и крѣп. Св. Елисаветы ему одному подчинили. Но на это не послѣдовало Монаршаго соизволенія. 15 Мая писали въ Сѣчь депутаты: «Г. Бригадиръ Матвѣй Артемовичъ *Муравьевъ* комендантомъ въ крѣп. Св. Елисаветы посланъ, очень хорошъ показался и къ войску Запорожскому въ приятствѣ склоненъ. Обѣщался войску услуги оказывать. Г. Гудовичъ[1] войско Запорожское ему г. бригадиру очень рекомендовалъ и просилъ, чтобы онъ яко сосѣдъ съ войскомъ поступалъ ласкаво. Мы его съ квартиры г. Гудовича и проводили... Ясневельможный [гетманъ] къ войску весьма милостивъ, по всѣмъ просьбамъ войсковымъ въ Сенатъ доставляетъ домогательство, съ требованіемъ на все рѣшенія». Въ другой разъ писали: «Г. Василь *Гудовичъ* призвавши насъ къ себѣ говорилъ: Его И. Высочество Петръ Федоровичъ Великій Князь, Запорожскихъ коней, какой нибудь масти хотя бы и лысыны были, да толькобъ росливые, хорошіе, ногами крѣпкіе, бѣгучіе и весьма непужливые, лѣтъ въ 5, 6 или 7, а не старѣе и смирные, двоихъ, во время бытія его у стола, повелѣлъ достать». И просилъ онъ г. Гудовичъ писать о непремѣнномъ сысканіи таковыхъ двохъ лошадей, какою нибудь цѣною, хотя до 100 руб. или болѣе. Наше дѣло, слава Богу, въ конецъ [кромѣ описи земли] приходитъ. Полковникъ Куликовскій [пріѣзжавшій за жалованьемъ] отправится вскорѣ отсель, въ ручки Ея И. В. и Ихъ И. Высочествъ 8 Августа въ Петергофѣ былъ». [14 Августа 1759 г.].

---

[1]) Василій Андреевичъ *Гудовичъ*, бунчуковый товарищъ, начальникъ походной гетманской канцеляріи.

Депутаты остались въ Петербургѣ до начала 1760 г. и исключая отказа на счетъ неотвода земель въ степи подъ новыя поселенія, получили все, о чемъ просили. Сенатскій указъ отъ 25 Января 1760 г. далъ знать Запорожцамъ чрезъ Кіевскую губернскую канцелярію, что впредь «изъ Малой-Россіи въ Сѣчь Запорожскую [т. е. во все Запорожье] свободно: сукна, шелковыя матеріи, китайку, снурки, косы, ярь [мѣдянку], канфару, галунъ, ножи, бритвы и ножницы, такожь хлѣбъ, бараны и овцы живыя, овчины, шерсть, сало и масло постное пропускаться будутъ, безъ взятія пошлинъ, дабы, сказано въ указѣ, и оное Запорожское войско, яко подданные Е. И. В. общею съ прочими Россійскими подданными, Высочайшею Е. И. В. милостію пользоваться могло», — лишь бы товары эти за границу отъ нихъ не отпускались; 2] оружіе, порохъ, свинецъ и ружейные кремени покупать Запорожцамъ только для собственнаго употребленія, а отъ себя за границу въ чужія земли упомянутыхъ товаровъ не отпускать и не продавать, яко вовсе къ отпуску запрещенныхъ предметовъ; 3] привозъ въ Малую-Россію изъ Сѣчи Запорожской рыбы, мягкой рухляди и пригонъ лошадей и рогатаго скота и все что есть ихъ собственнаго продукта и промыслу, имѣть имъ безпошлинно; 4] за соль, какъ товаръ иностранный изъ Крыму и Польши привозимый, пошлину платить; 5] ѣздить Запорожцамъ изъ Сѣчи для покупки припасовъ и товаровъ дозволено за одними пашпортами кошевыхъ атамановъ, «ибо взятіе пашпортовъ отъ коменданта [Новосѣченскаго], они Запорожцы себѣ за обиду и нестерпимое огорченіе поставляютъ»; наконецъ 6] изъ

Кіево-Межигорскаго монастыря на духовный чинъ въ Запорожской Сѣчи въ священнослуженіи пребывающій, муки ржаной и прочихъ хлѣбныхъ припасовъ 30 четв. пшена 10 четв., хлѣбнаго вина 2 бочки, холста 1,000, арш., да изъ Запорожской Сѣчи въ тотъ монастырь рыбы четверныхъ 10 возовъ всякій годъ отпускать безпошлинно, ибо тотъ монастырь состоитъ внутри Малой-Россіи».

Въ это время въ Сѣчи, отъ неизвѣстной причины произошелъ сильный пожаръ, отъ котораго 14 куреней совершенно сгорѣли и даже церкви и всему Кошу истребленіе грозило. Императрица, узнавъ объ этомъ, повелѣла: въ пособіе войску выдать 1,000 пуд. желѣза изъ запасовъ, имѣвшихся въ Днѣпровскихъ укрѣпленіяхъ и 1,000 бревенъ изъ заповѣдныхъ лѣсовъ. Изъ переписки по этому случаю мы видѣли, что въ массѣ подареннаго желѣза было много якорей, гвоздей и др. корабельныхъ вооруженій, нѣкогда припасенныхъ Петромъ Великимъ и брошенныхъ въ томъ краѣ послѣ событій 1711 года.

Теперь обратимся немного назадъ къ началу 1759 г., когда Высочайшая воля въ указѣ 10-го Марта изображенная, достигла до Коша Запорожскаго. Не смотря на всѣ желанія войска и хлопоты ихъ депутатовъ, надобно было непремѣнно начать *описаніе* [1] земель какъ своихъ, такъ и занятыхъ новымъ поселеніемъ на степи. По распоряженію гетмана. Кошъ Запорожскій назначилъ немедленно отъ себя депутатами тѣ же лица, что

---

[1]) Запорожцы съ ужасомъ и страхомъ смотрѣли на это *описаніе*; они его называли *отписаніемъ* или *приписаніемъ*; и письму давали значеніе слова *присвоенія*, *завладѣнія* ихъ собственностью.

и въ 1757 г., а именно: бывшаго кошеваго Григорія Федорова, старшинъ: Николая Тимофѣевича Косапа и вмѣсто Чугуевца, который изъ войсковыхъ писарей перешелъ въ Государственную службу съ чиномъ штабъ-офицера, войсковаго старшину *Никиту Самбока*, придавъ имъ 38 козаковъ [по одному съ каждаго куреня] старожиловъ, знавшихъ всѣ земли войска Низоваго и всѣ урочища прежде и нынѣ ими обитаемыя. 13 Августа они уже были готовы и новою инструкціею снабжены. Ожидали только въ Сѣчь Малороссійскихъ депутатовъ: Полтавскаго полковаго обознаго Андрея *Руновскаго* и Полтавскаго сотника *Григорія Штепу*, а также обѣщаннаго изъ Петербурга геодезиста Исленьева, которые въ началѣ Августа въ крѣп. Св. Елисаветы прибыли и въ Сѣчь оттуда отправились. Крѣпостное начальство своихъ коммиссаровъ еще не назначало, ибо коммисія должна была начать свои дѣйствія со стороны Запорожья. Такъ какъ и это *описаніе* полнаго успѣха не имѣло и пограничныхъ споровъ не прекратило, то мы считаемъ лучше привесть здѣсь нѣсколько писемъ депутатскихъ въ Кошъ, чтобы показать, какимъ образомъ въ томъ вѣкѣ производились дѣла столь важныя, какъ законное утвержденіе земскаго владѣнія цѣлыхъ областей, необходимое для пользы не только общинъ военныхъ, тамъ жившихъ, но и для спокойствія всей Имперіи.

Вотъ первое найденное нами письмо ихъ: «Сего 25 [Августа] въ Каменку на ночь прибыли, гдѣ какъ для себя и лошадей, такъ паче для исправленія г. геодезисту дѣла, 26 ч. отдохъ имѣли, а сего числа въ надлежащій путь до Ингульца о полдни выѣхали. По

сказкамъ г. геодезиста отъ Сѣчи до Камянки [гдѣ въ 1710 г. Сѣчь была] снято [на карту] верстъ прямою линiею до 70». [27 Августа 1759]. 29 Августа коммиссары дошли до уроч. *Бѣлыхъ-Криницъ* и просили присылки: «горѣлки, вина Крымскаго и рыбы не такъ для «насъ, какъ для постороннихъ персонъ». Кошъ предписалъ Бугогардовому полковнику: «Гг. депутатовъ, когда въ его вѣдомство прибудутъ, опровадить съ честью и козакамъ отъ всякаго шинку по полкварты горѣлки, а рыболовнымъ ватагамъ отпускать имъ рыбы вырѣзуба, сколько надобно» [1]. 11 Сентября коммиссары доносили, что за непогоднымъ временемъ до Синюхи не доѣхали, но въ скорости тамъ будутъ, только встрѣчаютъ затрудненiе продолжать свое дѣло отъ неприбытiя Малороссiйскихъ и Слободскихъ депутатовъ и просили наставленiя отъ Коша: «естли эти депутаты замедлятъ, то долго ли ихъ ждать, а притомъ если Слободскiе депутаты скажутъ, что и сверхъ прежнихъ 20 верстъ далѣе селиться указъ имѣютъ, какъ имъ поступать?» Малороссiйскiе депутаты Штепа и Руновскiй едва въ Октябрѣ въ Сѣчь прибыли, обѣщая вмѣстѣ съ Запорожскими провожатыми чрезъ Саксагань и Зеленую [рѣчки] къ Слободской грани отправиться. Эти двѣ рѣчки должны были оканчивать Слободскiй рубежъ, но командиръ этого поселенiя непремѣнно хотѣлъ дойти до Днѣпра и оспариваемый у нихъ уголъ земли, между вершинами мелкихъ рѣчекъ Самоткани и Домоткани, до самаго Мишурина-Рогскаго редута, гдѣ два упомянутыя выше въ Запорожьи основанныя села:

---

[1]) О снабженiи Запорожскою рыбою «высокихъ особъ» имѣемъ много писемъ отъ кн. Долгорукаго и др.

Каменка и *Романково* [съ 400 избами] находились, желалъ къ своему округу присоединить.

Наконецъ послѣ долгой переписки бригадиръ Муравьевъ и генералъ-маіоръ Юстъ, командующіе въ крѣп. Св. Елисаветы, назначили и своихъ депутатовъ: Астраханскаго гренадерскаго полка поручика *князя Волконскаго*, Новослободскаго полка обознаго *Михалчи* и сотниковъ: *Чечеля* и *Авраменка*, да одного сержанта геодезіи въ помощь прапорщику Исленьеву. Казалось, всѣ препятствія устранялись, но уже глубокая осень началась, а Запорожскіе депутаты вотъ что писали въ Кошъ: «28 Сентября на ставкѣ у рѣчки Плетеннаго-Ташлыка были [т. е. у самаго Слободскаго рубежа], а Малороссійскихъ депутатовъ еще нѣтъ. Мы близъ *Юсковой-Табановой слободы*, которая называется *Добрянка*[1]] при Синюхѣ, на устьѣ р. Сухаго-Ташлыка стояли мало не двѣ недѣли, ожидая Елисаветскихъ депутатовъ. Откуда за ними къ бригадиру дважды съ нарочнымъ писали и на то въ отвѣтъ дважды получили письмо съ объявленіемъ скорой присылки депутатовъ, но только не дождались. Почему принуждены мы ѣхать къ крѣпости и нынѣ состоимъ подъ крѣпостью не въ дальности. 2 Октября въ Субботу были у бригадира [коменданта], кушали, показался приятенъ, сказывалъ, что у него депутаты готовы: обозные сотники Чечель, Авраменко и др. Только говоритъ: «можно сихъ безъ Малороссійскихъ выслать». Мы объявили, что и безъ нихъ можно. А сего 4 числа къ бригадиру писали съ нарочнымъ писаремъ, требуя немедленной депутатовъ

---

[1]) *Добрянка*, нынѣ богатая волость на устьѣ рѣчки Сухаго-Ташлыка въ Синюху, Бобринецкаго уѣзда, Херсонской губерніи.

присылки, объявляя-жъ, что Малороссійскіе депутаты уже были въ Сѣчи и оттоль къ намъ слѣдують, противъ коихъ и нарочные отъ насъ посланы. Думаемъ мы возвращаться до Ташлыка-Сухого, а оттоль ѣхать по грани до Днѣпра. По части досадно, однакъ еще держимся... поговариваютъ до весны оставить, но только противно мы на то домогаемся. Того числа 2 въ Субботу, какъ мы у него [коменданта] были на кушаньи, по просьбѣ нашей пріѣздилъ онъ вмѣстѣ съ нами въ нашу ставку съ офицерами. Принимали его и другихъ присланныхъ виномъ. Они во всемъ были благодарны, довольны и веселы. Бригадиръ охотникъ былъ бы веселиться, но по части боленъ, а наша ставка отъ крѣпости верстъ до 5». [4 Октября 1759] [1].

---

[1]) Видно, Запорожцы, какъ демократическаго правленія община, и самой старшинѣ своей не довѣряли, ибо видимъ, что подобно Французскимъ représentants du peuple, во время революціи 1790—1796, послали къ депутатамъ въ степь двухъ старшинъ: *Василія Пишмича* и *Данила Табанца* «для провѣданія» и вотъ ихъ по возвращеніи «доѣздное» донесеніе.

«Опредѣленный г. Григорій Федоровъ въ депутаты и командою мѣрялъ землю до Чорного Ташлыка, а оттоль оставя мѣрити, назадъ съ 4 дни прибылъ въ Ингулъ, гдѣ и нынѣ на Ингулѣ при устьѣ Камянки съ командою находится. А между тѣмъ былъ съ козаками въ бригадира на кушанѣ, и при томъ кушанѣ за атамана кошоваго и войсковыхъ старшинъ и тамошнюю команду пили и отъѣхали съ честью. Его бригадира съ другими чинами и *Быковымъ* (оберъ-аудиторомъ) позвавши, полную честь отдалъ. Потомъ требовали отъ бригадира письменно: присылки депутатовъ отъ Слободской стороны; почему оные депутаты полковый Слободскій обозный, да сотниковъ два: Чечель да Авраменко, да князь Волохонскій, знаючій геозейстное (геодезійское, т. е. землемѣрство) дѣло, высланы. И при съѣздѣ требовалъ Федоровъ отъ депутатовъ указа: по якіе мѣста велѣно слободамъ селиться и землею (владѣть)? Но они указа не объявляя сказали,

Не смотря на эти учтивости, крѣпостное начальство твердо держалось своихъ претензій, а Муравьевъ съ Запорожцами вовсе не церемонился, какъ мы видимъ изъ слѣдующаго письма депутатовъ. Упомянувъ о назначеніи коммиссаровъ отъ кр. Св. Елисаветы, они продолжаютъ: «Съ пріѣзду ихъ къ намъ въ команду, разговоры съ нашими депутатами были таковы, дабы отъ Новосербской грани, имъ Слобожанамъ, по указу Сенатскому, дать замли на 20 верстъ. Г. бригадиръ до того насъ не допускаетъ и оные депутаты и обозный безъ приказу его бригадира, чрезъ данное имъ наставленіе, отводить не хотятъ, и не малое осердченіе [показываютъ] понеже сами собою, безъ нашихъ депутатовъ и до пріѣзду нашего описанія, земли до своего

что «такія слободы поселились по высокому велѣнію, а землею владѣть и селиться по какія мѣста не знаемъ» — а объявили словесно, что де: «мы по данному отъ бригадира наставленію имѣемъ къ слободамъ на землѣ черту отъ *Мигейскаго-Ташлыка* по вершины *Камышеватой-Сугаклеи*, по *устье Каменки*, которая въ Ингулъ впадае, по *Зеленой*, *Коммисаркѣ*, что впадае въ *Жовту* (р. Желтую), положить и на *Самоткани* козацкіе зимовники: *Макара* Платниревскаго (курен. козака) и Копеловцевъ согнать». Крѣпко спорились оніе депутаты, а по мнѣнію господъ депутатъ, по оные урочища около 70 верстъ будетъ отъ гранѣ Сербской и между тѣмъ г. Федоровъ онимъ депутатамъ отказуя говорилъ, что смѣрить отъ Сербской грани *Слободамъ* (принадлежащимъ къ кр. Св. Елисаветы) земли на двѣ милѣ и грань положитъ. И написалъ письмо къ бригадиру, что намѣренъ мѣрить слободамъ отъ сербской грани на 2 милѣ; съ которымъ письмомъ писаря къ оному бригадиру и отправилъ. Якого писаря въ крѣпости за договореніе обстоятельные рѣчи за караулъ велѣлъ взять, который не знать: пущенъ или нонынѣ содержится? А мы нижайшіе съ даннымъ отъ Федорова рапортомъ отъѣхали въ Сѣчь, а команда на крѣпость при устьи означенной Камянки резолюціи ожидаетъ». *Подписали*: «Товариство куреней: Переяславскаго *Василь Пишмичь*, да Донскаго *Данило Табанецъ*».

полку грань положили: до устья *Каменки*, которая въ Ингулъ бѣжитъ, да на устье *Зеленой* и *Коммисарки*, которыя подлежатъ прямою чертою по Днѣпру. Съ чего видячи мы таковыя ихъ самихъ безъ указа Сенатскаго въ землѣ нашей упорства, немалую признаемъ себѣ обиду. Сегожъ Октября 7-го письменно къ нему, г. бригадару отъ насъ сообщено, что весьма оною чертою и отъ того, что не дозволено отъ нихъ мѣрять земли, обидимы остаемся; [съ чѣмъ] посыланъ былъ писарь Андрей Семеновъ [Говстикъ], котораго по сердцамъ, прочитавъ письмо, подъ караулъ взять приказалъ, который и до днесь содержится». [8 Октября 1759 г.]. Причину такого поступка коменданта депутатъ Григорій Федоровъ такъ объясняетъ въ письмѣ своемъ: «Когда въ ставку Запорожскую обозный Михалчи съ своимъ товарищемъ для совмѣстнаго описанія границъ прибыли, онъ обозный данный ему ордеръ и притомъ вмѣсто инструкціи росписаніе объявилъ, а на томъ росписаніи написано сверху: «въ секретѣ содержать», — изъ котораго росписанія усмотрѣли мы, что написанныя въ немъ урочища весьма несходно противу сенатской грамматы [съ которой и я при себѣ копію имѣю] для того, что оною повелѣно на 20 верстъ Слободскому народу селиться, а потому *росписанію*, какъ они нынѣ *разъѣзды* чинятъ сугубо и больше противъ того Высочайшаго опредѣленія можетъ быть, для чего я по отъѣздѣ онаго обознаго писалъ къ г. бригадиру: «что хотя отъ онаго обознаго слыхалъ и будучій при мнѣ писарь тое росписаніе *видълъ*, что по тѣмъ урочищамъ не слѣдуетъ мнѣ иттить, для того что граммата сенатская повелѣваетъ Слободскому здѣшнему

полку селенія имѣть на 20 верстъ, а по нашему знанію тѣхъ мѣстъ и урочищъ, положеніе отъ Сербской границы больше 40 верстъ и далѣе состоитъ;— письмомъ, которое послалъ съ писаремъ, просилъ объявить указъ, подлинноль по тѣ мѣста, которыя въ росписаніи означены, велѣно подъ Слободское селеніе принять? «При чемъ я и устно писарю велѣлъ о томъ же указѣ, чтобъ съ нашей стороны не сомнѣвались, Е. В. г. бригадиру донесть и просить оный указъ показать». На что онъ, будучи тогда въ квартирѣ Пермскаго полку у полковника Гурьева, ввечеру отказалъ: «я самъ указъ». Когда же далѣе писарь того же указа потребовалъ, съ тѣмъ договоромъ: «что еслибъ тотъ указъ войску Запорожскому вѣстимъ былъ, то уже противиться никакъ не можно; а ежели того указа съ нашей стороны не знатимутъ, то чтобъ далѣе не учинилося драчи [распрей] потому, что наши всѣ здѣшнія мѣста за свои почитаютъ, да и въ грамматѣ и въ присланныхъ къ гг. комендантамъ кр. Св. Елисаветы указахъ означено всѣ тѣ мѣста подъ Запорожскимъ владѣніемъ; или точно сказать, что всѣ Запорожскія земли, на коихъ Новая-Сербія и Слободскій полкъ поселились, велѣно описать». Напротивъ тѣхъ рѣчей г. бригадиръ разгнѣвался и велѣлъ писаря взять подъ караулъ» и пр. [11 Октября 1759 г.]. Муравьевъ въ своемъ поступкѣ оправдывался тѣмъ, что писаря арестовалъ за дерзкую угрозу, что «Запорожцы будутъ драться за свои земли», и говорилъ, что если мнѣніе Запорожцевъ депутатами не измѣнится, то онъ хочетъ съ описаніемъ земель обождать до весны, а между тѣмъ сенату о томъ представить. Нечего было дѣлать. Кошъ,

боясь Монаршаго гнѣва, не только удовлетворенія за обиду имъ сдѣланную не отыскивалъ, но еще бѣднаго писаря наказалъ.

Между тѣмъ зима рано началась, степи покрывались снѣгомъ, рѣки и рѣчки наполнились водою. Всѣ сообщенія были очень затруднительны. Малороссійскіе депутаты, вмѣсто обѣщаннаго срока въ Іюлѣ мѣсяцѣ, прибыли въ Сѣчь въ Октябрѣ, и не доѣхавъ до Новосербіи по случаю осенняго времени, воротились назадъ за Днѣпръ. Выведенный изъ всякаго терпѣнія геодезистъ Исленьевъ донесъ сенату, что онъ описалъ всѣ Запорожскія земли, лежащія отъ Сѣчи до Слободскаго рубежа, но при однихъ Запорожскихъ депутатахъ. Сенатъ, по Высочайшей волѣ, грамматою 19 Января 1760 приказалъ описаніе это устранить и начать новое при всѣхъ депутатахъ, какъ въ указѣ 1759 г. повелѣно было, и описать земли по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра, даже и на Крымской сторонѣ «если тамъ Запорожскія усадьбы имѣются». Исполнено ли было наконецъ это описаніе?—въ архивѣ нашемъ свѣдѣнія не имѣется [1]. Видимъ только изъ донесенія Кодацкаго полковника *Ивана Ичанскаго* [6 Ноября 1759] и многихъ жалобъ Коша къ гетману: «что Ново-Слободскаго полку сотники съ большею командою и своимъ полковымъ обозимъ сдѣлали сами собою разъѣзды и отвели рубежемъ отъ рѣчки Саксагани съ урочища *Житловой-Балки* прямо на могилы *Близнецы*, а отъ тѣхъ отрѣзали всѣ вершины Сурскія, со всѣми балками

[1]) Въ одной запискѣ, видѣнной нами въ архивѣ князя Воронцова, нашли мы упоминаніе, что *описаніе* и снятіе на планъ земель Запорожскихъ не состоялось, «не по винѣ войска».

и байраками и провели оный рубежъ до Днѣпра выше с. Романковаго до крайняго зимовника козачьяго куреня Батуринскаго *Байдака*»: т. е. весь почти нынѣшній Верхне-Днѣпровскій уѣздъ. Сотники Слободскіе всѣмъ жителямъ своихъ слободъ: Пушкаревскаго и Глинскаго, приказали въ байраки въѣзжать и дрова рубать, а если Кодацкой поланки старшина или козаки оному будутъ противиться, то ихъ арестовать вооруженною рукою и въ крѣп. Св. Елисаветы отправлять.

Въ это время случилось въ Запорожьи одно событіе, быть можетъ, неважное, но очень живо характеризующее обычаи и понятія этой замѣчательной общины, особенно то глубокое благоговѣніе, которое они имѣли къ церкви и церковнымъ обрядамъ. Въ концѣ Апрѣля 1759 г. вмѣстѣ съ дубами, обыкновенно приходящими на низъ Днѣпра, прибылъ изъ Кіева, по этой рѣкѣ, бывшій въ С. Петербургѣ инокъ Св. Аѳонскія горы *Анатолій*, епископъ Милитійскій и изъявилъ желаніе остаться нѣкоторое время въ Сѣчи Запорожской. Онъ привезъ съ собою усердную рекомендацію архимандрита Кіево-Межигорскаго монастыря и паспорты Русскихъ властей. Пробывъ въ Запорожьи нѣсколько мѣсяцевъ, служилъ въ Сѣчевыхъ церквяхъ литургію со всѣмъ епископскимъ велелѣпіемъ, а Запорожцы на свой счетъ изготовили ему архіерейское облаченіе, митру, панагію и все къ священнослуженію нужное. Но святѣйшій сvнодъ, получивъ о томъ извѣстіе, далъ знать чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ гетману Разумовскому, что хотя епископъ Анатолій, по нѣкоторымъ политическимъ обстоятельствамъ и получилъ дозволеніе пребывать въ Сѣчи, но что онъ святѣйшаго

Сѵнода не получилъ вовсе дозволенія священнодѣйствовать въ Россійскихъ церквяхъ, тѣмъ болѣе, что то и достоинству Кіевской митрополіи, отъ которой зависѣла Сѣчевая церковь, было противно. О томъ же писалъ къ кошевому Алексѣю Бѣлицкому *Арсеній*, митрополитъ Кіевскій, объявляя и тѣ важныя причины, за которыя это духовное лице подверглось церковному осужденію и запрещенію. И свѣтское и духовное начальства требовали, чтобы иноку Анатолію воспрещено было впредь священнодѣйствовать и даже приказано удалиться изъ Сѣчи. Отвѣтъ по этому случаю Коша Запорожскаго, данный гетману, такъ любопытенъ, что мы представляемъ отрывокъ онаго читателямъ. Кошевый, донося о исполненіи приказаній высшей власти, такъ объясняетъ пребываніе этого епископа въ Сѣчи. «Когда епископъ Анатолій въ Сѣчь Запорожскую прибылъ и имѣлъ отправляться отсель на корабляхъ въ Царьградъ, то я съ старшиною войсковою, съ стариками и атаманами куренными и всѣмъ войскомъ, по желанію крайнѣйшему всего здѣшняго общества, которое по удаленности отъ архіерейскихъ престоловъ многіе и никогда еще не видѣли архіерейскаго служенія, по горячности жъ природно-православной, любя и содержуя при Кошѣ Запорожскомъ благолѣпіе святой церкви и всегдашнее святое чинослуженіе наблюдая, просили онаго преосвященнаго Анатолія въ здѣшней церкви литургисать. Почему онъ хотя много отговаривался, однакъ по прилежному войсковому прошенію, какъ въ разсужденіи отъѣзду своего морскимъ путемъ, такъ и общественное войсковое христолюбивое прошеніе исполняя, соборно литургисалъ. Чѣмъ все просто-

народное Низовое войско довольствовалось. По граничности жъ сему городу, яко пріѣзжихъ и иностраннаго народа довольно было, въ прославленіи Божіемъ, въ похваленіи, знатная польза пріобрѣтена была.» [24 Декабря 1759 г.]. Исполняя волю Монаршую, Кошъ не допустилъ болѣе епископа Анатолія къ богослуженію, но отпуская его въ Петербургъ, по собственной его просьбѣ, писалъ къ гетману и къ главнѣйшимъ сановникамъ имперіи, прося объ оставленіи этого епископа навсегда въ Сѣчи и о дозволеніи ему служить въ Запорожскихъ церквяхъ для наставленія паствы, въ такой отдаленной пустынѣ обрѣтающейся. Архіерейское же облаченіе на память въ Покровской Сѣчевой церкви долго сохранялось. Анатолій въ началѣ 1760 г. оставилъ Кошъ и чрезъ Украинскую Линію отправился вторично въ Петербургъ.

Въ томъ же году явилась было надъ Запорожьемъ гроза, которая наполнила страхомъ не только этотъ край, но и всю Россію. Въ Августѣ 1760 г. разнеслись вдругъ въ Малороссіи и на Украинской Линіи печальные слухи, что въ Сѣчи Запорожской, имѣвшей безпрестанныя сношенія съ Крымомъ, Буджакомъ и другими Турецкими провинціями, появилась моровая язва. Эта вѣсть страшная и теперь, когда наука карантинныхъ осторожностей и охраненія общественнаго здоровья такъ уже хорошо извѣстна, а въ то время казалась посланіемъ бича Божія.

27 Сентября кошевой Алексѣй Бѣлицкій увѣдомилъ коменданта Ново-Сѣченскаго ретраншамента, «что съ 24 по 27 число т. м. четыре козака послѣ тяжкой горячки на Сѣчевомъ базарѣ померли и что онъ имѣетъ

свѣдѣніе, якобы и въ Крыму какая-то опасная болѣзнь появилась». Почему комендантъ и Кошъ извѣстивъ о томъ немедленно всѣ пограничныя власти, они приказали базары и лавки позапирать, дубовъ и лодокъ съ Крыму и Очакова идущихъ въ Запорожье не пускать и послать вѣрнаго человѣка на «Крымскую сторону», узнать достовѣрнѣе о ходѣ «этой опасности». Находившійся въ это время въ пограничной съ Татарами коммисіи депутатомъ, бывшій кошевый Григорій Федоровъ донесъ Кошу: что и въ Никитинѣ цѣлый домъ, а въ «Камянномъ базарѣ» одинъ чумакъ скоропостижно въ половинѣ Сентября умерли. Онъ совѣтовалъ принять строгія мѣры и рекомендовалъ, какъ знахаря по части чумы, стараго рыбака Рогѣевскаго куреня козака *Лахмана*. Паническій страхъ, объявшій Запорожье, былъ столь великъ, что въ Кодакѣ и въ его окрестностяхъ «весь народъ, по словамъ полковника, такъ былъ возмущенъ, что и всѣ промыслы свои, т. е. шинки, продажу хлѣба и прочаго остановилъ». 26 Октября депутатъ Запорожскій Иванъ Чугуевецъ изъ «Камяннаго-Базару», гдѣ была съ Татарами конференція, писалъ по секрету въ Кошъ: «Сей ночи въ Никитиномъ іеромонахъ начальникъ умеръ, болѣлъ четыре дня; вчерась же козаковъ 2 умерло, также немного болѣли, и не безсумнительства есть; только здѣсь нѣкому было осмотрѣть. Мы бережемся, никого съ Никитинцевъ къ себѣ не пущаемъ и сами не ходимъ». 17-го Октября Кошъ писалъ въ Кіевскую губернскую канцелярію, что Сѣчевой школы *уставщикъ* іеромонахъ *Леонидъ* донесъ ему, что въ училищѣ нѣсколько дѣтей страдаютъ «горячими болѣзнями» и трое изъ нихъ скоро и умерли. Но

приписывалъ какъ болѣзнь, такъ и смерть ихъ невыгодному и тѣсному помѣщенію для школы, въ которой болѣе 100 учениковъ постоянно находится, въ томъ числѣ много постороннихъ малолѣтнихъ дѣтей, еще къ прибрежному на большой рѣкѣ воздуху не привыкшихъ; для чего онъ и приказалъ всѣхъ школьниковъ вывести въ другое выгоднѣйшее помѣщеніе за рѣчкою Подпольною, куда 17 Октября дубомъ были и переправлены и вскорѣ получили облегченіе.

Между тѣмъ, свѣдѣнія, полученныя изъ Крыму, что тамъ почти вездѣ самая смертоносная свирѣпствовала язва, были причиною, что Кошъ рѣшился закрыть даже пограничную съ Татарами коммисію, дабы прекратить всѣ сообщенія съ ханствомъ и берегами Днѣпра. Надобно было принять самыя строгія и самыя обширныя мѣры, для пресѣченія дороги этому злу во внутренность имперіи, а потому, по согласію съ гетманомъ, командиръ Украинской Линіи, генералъ-лейтенантъ графъ *Петръ Девіеръ* окружилъ Сѣчь Запорожскую особою цѣпью кордоновъ изъ Линейскихъ Ландмилицейскихъ полковъ; также на всѣхъ перевозахъ и мостахъ Запорожскихъ, ведущихъ въ Крымъ, Турцію и во внутрь Россіи, поставлены были караулы и карантины. Зима, очень суровая вскорѣ наставшая, произвела для Запорожья новыя бѣдствія, прекративъ подвозы всѣхъ припасовъ продовольственныхъ и всякую торговлю и промыслъ до такой степени, что правительство должно было выдавать для войска хлѣбъ изъ своихъ военныхъ магазиновъ по Днѣпровскимъ укрѣпленіямъ находящихся, чтобы предупредить голодъ въ этомъ краѣ. Примѣромъ бѣдствія можетъ быть

слѣдующее донесеніе Самарскаго полковника въ Декабрѣ 1760 г., «что въ зимовникѣ какого то козака на лѣвомъ берегу р. Самары, недавно *чумаковавшихъ* въ Крыму 6 челов. молодиковъ, скоропостижно умерло. Живущіе въ другихъ зимовникахъ козаки, узнавъ о семъ, сбѣжались въ его усадьбу и какъ хуторъ, такъ и умершихъ козаковъ сожгли, а хозяина и оставшихся въ живыхъ чумаковъ выгнали въ степь. Одного изъ нихъ очень больнаго писарь Самарской паланки нашелъ въ лѣсу и распросивъ о случившемся, раздѣвъ его, нашелъ на тѣлѣ всѣ признаки чумы. Паланка немедленно закрыла всѣ торги въ Новоселицѣ, поставила караулы и въ ближайшей форпостъ Богородицкій къ коменданту дала знать». Видя угрожавшую опасность и неопытность, да и небрежность Запорожцевъ, гетманъ присылалъ имъ въ наставленіе копію съ карантинныхъ распоряженій Петра Великаго, изданныхъ въ 1718 г. по случаю бывшаго въ Миргородскомъ полку въ с. Максимовкѣ повѣтрія и копію граммать Императрицъ Елисаветы и Анны. На ихъ основаніи въ Запорожьи весьма строго исполняли правила Петра Великаго, которыми повелѣвалось: «а буде гдѣ [отъ чего Боже сохрани!] явится моровая язва, изъ тѣхъ мѣстъ жителей высылать въ пустые и вдаль отъ жилыхъ мѣста, а тѣ заповѣтренныя жилища со всѣми пожитки и съ скотомъ и лошадьми жечь; и ежели изъ тѣхъ, или чрезъ заповѣтренныя мѣста, будутъ присылатись съ курьеры или чрезъ почту какія письма, тѣ принимать чрезъ огонь и переписывать по дважды, и списки отсылать куда надлежитъ, а курьеровъ и иныхъ пріѣзжихъ не пропускать, но удерживать до указу въ тѣхъ мѣстахъ,

а иныхъ и возвращать въ тѣ мѣста, откуда кто пріѣхалъ».

Къ счастію для благосостоянія Запорожья и спокойствія Россіи, по указу Сената командированъ былъ изъ Кіевской губерніи пребывавшій въ Васильковскомъ форпостѣ пограничнымъ докторомъ *Вольдемаръ Ломанъ*, очень умный и усердный человѣкъ. Онъ въ половинѣ Декабря, по обнаженнымъ степямъ пробрался до Сѣчи съ двумя лекарями и нѣсколькими учениками и осмотрѣвъ внимательно какъ больныхъ, такъ и умершихъ, сейчасъ измѣнилъ весь ходъ карантинныхъ предосторожностей. Во-первыхъ онъ убѣдился, что исключая нѣкоторыхъ чумаковъ, умершихъ на Крымской дорогѣ, ни въ Сѣчи, ни въ селахъ ея вѣдомства вовсе чумы не было. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ: Октября, Ноября и Декабря умерло тамъ всего 46 чел., большею частію отъ горячки, пьянства и золотухи, которыхъ лечить козаки не хотѣли, прибѣгая къ знахарямъ и колдунамъ, а не къ лекарю Фигнеру, жившему въ Новосѣченскомъ ретраншаментѣ. Другая причина смертности былъ паническій страхъ, чрезъ который, не смотря на жестокую зиму, всѣхъ больныхъ, на основаніи карантинныхъ постановленій 1718 года, которыя дурно понимали, выгоняли въ поле, дурно одѣтыхъ, оставляя безъ призрѣнія и помощи, такъ что стужа и голодъ убивали цѣлые десятки несчастныхъ, вовсе не пораженныхъ чумою. Потому докторъ Ломанъ, донеся объ этомъ высшей власти, просилъ кошеваго Алексѣя Бѣлицкаго публиковать во всемъ Запорожьи: «что по благодати Божеской, въ Сѣчи и въ Крыму благополучно и чтобъ они радовались и Богу моленія приносили и безъ страху

жили, и когда будетъ кто боленъ, чтобъ ихъ не выгоняли и сами отъ нихъ не разбѣгались, но ему доктору давали знать, дабы больные пользованы быть могли». [31 Декабря 1760 года].

Эти благоразумныя мѣры были причиною, что гетманъ въ Январѣ 1761 г. приказалъ карантины въ Малой-Россіи и на малыхъ дорогахъ уменьшить, а наблюдать осторожность только близъ большихъ городовъ и по главнымъ трактамъ, ведущимъ внутрь Имперіи. 23-го Января с. г. самъ докторъ Ломанъ, считая присутствіе свое въ Сѣчи излишнимъ, испросилъ конвой съ *перначемъ*, для безопасности отъ гайдамакъ и простился съ Запорожцами, которыхъ очень полюбилъ и между которыми, за спасеніе ихъ отъ страха и бѣдствій карантиннаго оцѣпленія, оставилъ добрую по себѣ память. Окончательно карантинъ снятъ вокругъ Сѣчи и на форпостахъ только въ Февралѣ 1764 года.

Такъ избавились благополучно Запорожцы отъ угрожавшаго имъ бѣдствія. Они спокойно возстановили свою службу и промыслы и наслаждались миромъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду,—какъ вдругъ ужасная вѣсть повергла ихъ въ величайшую горесть. Прибывшіе изъ Кіева и Глухова курьеры дали знать, что великая Монархиня, особенная покровительница Малороссійскаго и Запорожскаго козачества, Императрица Елисавета Петровна окончила свое земное поприще 25 Декабря 1761 г. Она передала свой прародительскій престолъ и великое Русское Царство супругу Великой Екатерины, Петру III.

Кратковременное царствованіе Императора Петра

III не имѣло никакого особеннаго вліянія на судьбу Запорожья и въ Сѣчевомъ архивѣ мы не нашли никакой переписки съ того времени, кромѣ нѣсколькихъ паспортовъ, данныхъ благочестивымъ инокамъ съ Св. Аѳонской горы или Русскихъ знаменитыхъ обителей, которые посѣщали Низовой край для сбора благочестивыхъ приношеній въ пользу церкви. Но вступленіе на престолъ Императрицы, Его супруги, составляетъ начало важнѣйшаго и, можно сказать, послѣдняго періода въ исторіи этого знаменитаго военнаго общества.

ГЛАВА VII.

Секреты Коша Запорожскаго. Сношеніе съ Крымомъ.

Прежде нежели изложимъ судьбы Запорожья въ достославное царствованіе Императрицы Екатерины II, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей на одну страницу лѣтописи нашей, о которой мы уже намекали въ I-й части книги нашей, въ главѣ о службѣ Запорожскаго войска. Это скромная, но весьма полезная въ свое время служба козаковъ «по секретамъ» Коша Запорожскаго. Мы займемся этимъ вопросомъ съ большою подробностью по той въ особенности причинѣ, что документы наши вполнѣ сходные съ «воеводскими вѣстовыми отписками», на которыя теперь было обращено вниманіе нашихъ историковъ [1]] и могутъ служить источникомъ для исторіи

[1]) Въ Іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» 1885 года (стр. 365—417) помѣщена весьма любопытная статья подъ заглавіемъ: «Воеводскія вѣстовыя отписки XVII вѣка, какъ матерьялъ для исторіи Малороссіи». Авторъ ея, Г. Н. Оглоблинъ, считаетъ ихъ, и весьма справедливо, серьезнымъ источникомъ для исторіи Русскихъ пограничныхъ сношеній.

пограничныхъ сношеній Южной Россіи съ своими сосѣдями. «Секреты» Коша Запорожскаго заключаются въ спасенныхъ нами отъ гнили и разрушенія 5 связкахъ или «дѣлахъ» и состоятъ болѣе чѣмъ изъ сотни распоряженій высшей власти и отвѣтовъ Запорожской старшины. Предлагаемъ здѣсь тѣ изъ нашихъ документовъ, которые мы считаемъ наиболѣе сходными съ упомянутыми выше «отписками» XVII столѣтія. Періодъ времени, обнимаемый этими бумагами, составляетъ около 20 лѣтъ; но, къ сожалѣнію, переписка первой половины этого періода очень неполна.

«Секреты» Коша Запорожскаго были послѣдствіемъ требованій современнаго начальства, т. е. гетмана Малороссіи, войсковой генеральной канцеляріи, Кіевскаго генералъ-губернатора, изрѣдка командующаго войсками на Украинской линіи и начальниковъ въ Новосербскомъ поселеніи, какъ напримѣръ генерала Хорвата. Требованія писались въ одинаковой почти формѣ, въ родѣ слѣдующихъ двухъ.

14-го Января 1755 г. гетманъ приказываетъ Кошу:

«При нынѣшнихъ въ Турціи сумнительныхъ обстоятельствахъ, для примѣчанія происхожденій и обращеній въ сосѣдствѣ, тотъ часъ отправить нарочныхъ надежныхъ людей, подъ приличнымъ претекстомъ, и имъ велѣть всѣми образы о тамошнихъ обращеніяхъ провѣдывать секретно, и что извѣдано будетъ, о томъ доносить Кошу, а Кошъ намъ или въ генеральную канцелярію рапортовать».

9-го Февраля того-же года Кіевскій вице-губернаторъ Г. М. Костюринъ писалъ Кошевому Григорію Федорову:

«Особливо стараться чрезъ посыланныхъ, подъ приличнымъ претекстомъ, надежныхъ и бывалыхъ людей въ Крымъ и Очаковъ развѣдывать о тамошнихъ обращеніяхъ и о томъ почаще доносить, ибо того Высочайшій Его Императорскаго Величества интересъ требуетъ».

Хотя послѣ побѣдъ Петра Великаго положеніе Россіи уже было не то, что въ періодъ, обнимаемый «воеводскими отписками» [1625—1790 г.], но на рубежѣ Имперіи: въ Малороссіи, Запорожскихъ владѣніяхъ, донскихъ станицахъ и Новосербіи, постоянная опасность враждебнаго намъ сосѣдства ощущалась и продолжала ощущаться почти до конца XVIII столѣтія. Намъ грозили своими подъѣздами и интригами съ одной стороны Турція, все еще могущественная и полудикая держава, напускавшая на насъ подвластныхъ ей Татаръ, кочевавшихъ на рубежахъ нынѣшняго Новороссійскаго края, съ другой—Польша, въ которой королевская власть безъ народнаго уваженія, безъ арміи и денегъ, безчинства и развратъ магнатовъ, разнузданность мелкаго дворянства, а еще болѣе фанатизмъ католическаго духовенства, не только производили внутри государства невообразимый хаосъ, но и причиняли сосѣдямъ, а особенно Россіи, безчисленныя хлопоты. Не имѣя средствъ и охоты сдѣлать нападенія на наши новыя поселенія, Запорожскія паланки и Новосербію, польское правительство и пограничные помѣщики подущали и подкупали Татаръ, Волоховъ и всякую сволочь безпокоить наши зимовники, селенія и даже «роты» Новосербскаго и Новослободскаго поселеній въ нынѣшней Херсонской губерніи. Вотъ почему наше

правительство имѣло необходимость знать положительно, что дѣлается за нашими польскими и турецко-татарскими рубежами, и за отсутствіемъ настоящихъ дипломатическихъ агентовъ, обращалось къ Запорожскому Кошу, какъ ближайшему органу для полученія такихъ свѣдѣній и справокъ. Правда, въ Константинополѣ въ это время были уже наши постоянные резиденты, сперва статскій совѣтникъ Неплюевъ, а потомъ надворный совѣтникъ Обрѣсковъ, въ Крыму и Молдавскихъ государствахъ были гласные и негласные агенты, какъ поручикъ *Никифоровъ* и *Певядомскій* [въ 1750—60 годахъ[, а послѣ Путивльскій купецъ *Шестаковъ*; но какъ первые не имѣли большаго вѣса въ глазахъ султана, такъ вторые въ глазахъ хановъ, когда къ послѣднимъ посылались французскіе агенты, въ родѣ барона *де-Тоттъ* и *Пейсонеля*, съ богатыми денежными подарками и приличною свитою [1]. Отъ того наше правительство, для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о своихъ порубежныхъ сосѣдяхъ и ихъ намѣреніяхъ, употребляло тѣ-же пріемы и такихъ-же дѣятелей, что и за 100 лѣтъ предъ тѣмъ, именно «развѣдчиковъ», и довольствовались ихъ показаніями или отписками. И вѣроятно донесенія Запорожцевъ были вѣрны и добросовѣстны, ибо въ 5-ти связкахъ дѣлъ, между сотнями бумагъ мы не нашли ни одного упрека или выговора, сдѣланнаго опытнымъ и надежнымъ развѣдчикамъ.

«Секреты» Коша Запорожскаго начинаются со времени возвращенія Запорожцевъ изъ турецкаго въ

---

[1]) О Пейсонелѣ мы уже говорили въ I-й части книги нашей (стр. 220); о баронѣ де-Тоттъ, консулѣ и спутникѣ Крымъ-Гирея будетъ сказано въ III-й части нашей лѣтописи.

русское подданство. Кіевскій генералъ-губернаторъ, графъ фонъ-Вейсбахъ, которому Россія обязана возвращеніемъ «славнаго войска Запорожскаго Низоваго», съ первыхъ-же дней водворенія Запорожцевъ на древнихъ ихъ пепелищахъ, поручаетъ имъ развѣдывать о намѣреніяхъ Турокъ и Татаръ. Вотъ что читаемъ мы въ ордерѣ его отъ 19 Апрѣля 1734 года, на имя кошеваго Милашевича:

«По полученнымъ свѣдѣніямъ чрезъ Польскихъ обывателей гор. Дубоссаръ [1], Крымскій ханъ Капланъ-Гирей [сынъ Селимъ-Гирея] собирается выступить изъ Каушанъ [2] и со всею почти своею ордою Буджакскою переправляется чрезъ Днѣстръ, но еще неизвѣстно, куда оная орда имѣетъ идти: въ Крымъ-ли и оттуда въ Персію, ибо, какъ я предъ симъ имѣлъ извѣстіе, что большая часть Татаръ, которые были въ Каушанѣ, получили отъ Порты указъ, чтобы идти въ Персію чрезъ Царь-Градъ, и якобъ уже часть оныхъ перешла за Дудай, или въ Польшу [3] противъ нашего войска, или-же противъ вашей Запорожской Сѣчи, чтобы вамъ, Запорожскому войску, за переходъ изъ стараго мѣста [Алешекъ] на новое учинить какую злость. И ежели оная орда пойдетъ въ Польшу, то противъ ей обрѣтающемусь тамъ отъ войскъ Его Императорскаго Величества корпусу велѣно съ нимъ поступать, яко съ непріятели и стараться, чтобы ихъ разогнать; а ежели оная орда имѣла бы идти къ вашей Запорожской

---

[1]) *Дубоссары*, городокъ Херс. губ. Тираспольскаго уѣзда.

[2]) *Каушаны*, с. въ Бессарабіи, близъ Бендеръ.

[3]) Въ Польшу тогда вступила было русская армія, подъ начальствомъ генерала Лассія, въ помощь союзнику нашему Августу II.

Сѣчи и намѣрена какое учинить нападеніе, то вы со всѣмъ своимъ войскомъ изволите въ такомъ случаѣ поступать съ нею, какъ съ непріятелемъ и учинить имъ знатный воинскій отпоръ. Для того изволите приказать всякими мѣрами заподлинно провѣдывать, и какъ увѣдано будетъ, что оная орда чрезъ рѣку Бугъ переправилась и пойдетъ не въ Крымъ, но къ Сѣчи, то о томъ изволите тотчасъ дать знать чрезъ нарочныхъ Бѣлгородскаго коннаго полку къ полковнику *Дунину*, стоящему въ м. Медвѣдевкѣ, чтобы онъ къ вамъ въ Сѣчь на сикурсъ съ своею командою противъ той орды шелъ, въ Переволочну, къ маіору *Шишкевичу* и потому-жъ требовать отъ него сикурсу, и къ тому м. Переволочнѣ отправить съ Низовыхъ Запорожскихъ козаковъ 100 человѣкъ конныхъ, которые-бы, прибывъ туда, явились у г. генералъ-маіора Гейна, ибо оному генералу велѣно отъ Украинской линіи, со всею опредѣленною командою, слѣдовать къ Переволочнѣ и тамъ, перебравшись за Днѣпръ, стоять съ ожиданіемъ прибытія посланныхъ отъ васъ означенныхъ 100 человѣкъ козаковъ, и присовокупя ихъ къ себѣ и полковника Дунина съ конницею, слѣдовать къ вамъ въ помощь противъ Татарской орды и вмѣстѣ чинить надъ Татарами знатный поискъ, а козаки имѣютъ быть до Сѣчи приведены».

Въ слѣдующемъ 1735 году тотъ-же гр. Вейсбахъ отъ 10 мая писалъ тому-же кошевому слѣдующее:

«Извѣстился я чрезъ присланнаго отъ вашего благородія козака, зовомаго *Москове*, будто вы ему наказывали и мнѣ донести о Ногайцахъ, яко они чрезъ ваше благородіе изъявили охотное желаніе въ высокой

Его Императорскаго Величества протекціи быть. Чему я хотя не такъ склоненъ [вѣрить] нахожусь, для того, что отъ васъ о томъ никакого письменнаго виду нѣтъ, однако принужденъ отозваться симъ: такъ-ли есть или нѣтъ? и на какомъ основаніи произошло? меня въ непродолжительномъ времени увѣдомить, а ежели вправди отъ нихъ [Ногайцевъ] желаніе есть, то весьма оное содержать въ тайности, дабы со стороны Турціи до времени увѣдать и намъ за разрывъ миру почесть не могли».

Хотя отвѣта Запорожскаго Кошеваго на этотъ запросъ мы и не нашли, но усматриваемое изъ самаго запроса столь невѣроятное въ то время желаніе Ногайцевъ, 34 года спустя, именно въ 1769 г. вполнѣ оправдалось. Графъ Панинъ во время первой нашей противъ Турокъ войны [1769—1775 г.] обращался по тому-же предмету къ Запорожцамъ и пользовался ихъ услугами для вывѣдыванія намѣреній ногайскихъ ордъ, которыя дѣйствительно въ 1770 году, въ числѣ болѣе 12,000 душъ обоего пола, перешли подъ Русскую державу.

Развѣдыванія за посредствомъ Запорожскаго Коша, о заграничныхъ похожденіяхъ продолжались и въ последующіе годы. Кошевой Семенъ Еремѣевичъ 10 Мая 1742 года доноситъ генералу Кейту, вѣроятно командующему на Украинской линіи, «что козаки, ходившіе въ Крымъ за солью, видѣли и слышали, «что ничего не чуть того, щобы ихъ [т. е. Татаръ] войска уже рушали, а въ Перекопи-то ихъ малолюдно находится. Токмо Иманъ, который при озерѣ соляномъ зостаетъ, допытывался: чего ради зъ Малороссіи купцы и люди не пропущаются въ Крымъ? — и говорилъ такъ: чи

не замышляетъ ли чего еще Россія на нихъ въ задоръ идти? А потомъ тоже Иманъ говорилъ, что слышно [у насъ у Татаръ], же будто Россійскія войска по Днѣпру приходятъ и чего ради? то ему сказали: же нѣтъ такихъ войскъ, и не надѣемся всячески. *Не такое время*, что-бы осматривать полки»[1].

Развѣдыванія не прекратились со смертію Вейсбаха, вполнѣ довѣрявшаго Запорожцамъ. Въ ордерѣ новаго Кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева къ кошевому Василію Григорьеву [15-го Ноября 1746]. читаемъ:

«Отъ посланника въ Константинополѣ *Неплюева* извѣстился я о заключеніи у Турокъ съ Персіянами мира и что потому бывшіе въ той сторонѣ европейскія [турецкія] войска во свояси возвращаются. А понеже легко статься можетъ, что бендерской и хотинской гарнизоны прибавятся, для того нужно чрезъ имѣющихся пріятелей по часту развѣдывать, что вдоль Днѣстра и въ Крыму происходитъ, толь найпаче, что Порта повелѣла Хану быть въ Константинополь, сказываютъ де для полученія обыкновенно даваемаго Ханамъ почетнаго халата, но подлинная ли это причина призыву его — неизвѣстно».

Чѣмъ дальше, тѣмъ эти развѣдки становились правильнѣе и чаще. Изъ Коша отправлялись нарочитые развѣдчики, которые по возвращеніи своемъ представляли болѣе или менѣе обстоятельныя донесенія, носившія названіе «доѣздныхъ доношеній». Первое такое доношеніе относится къ 1755 году Посылаемъ былъ въ Крымъ, подъ видомъ купечества, козакъ *Василій*

---

[1]) И точно, это было печальное для Россіи время возврата, по Бѣлогородскому договору, Азова и Таганрога туркамъ.

Похила, по слухамъ о новомъ султанѣ въ Турціи, и вотъ что доносилъ Кошевой о результатѣ сего посольства:

«Сего января 8-го числа [1755] онъ Василь Похила съ товарищемъ *Василіемъ Зубенко*, подъ образомъ продажи пушнаго товару, изъ Сѣчи отлучился и прибылъ въ Никитинъ[1]], и тамо отъ переводчика *Ф. Семенова* получилъ Россійскій Императорскій билетъ. Здѣсь поживъ по 12-е число генваря, по причинѣ великой стужи и морозовъ, въ Крымъ ѣхалъ съ превеликою трудностью, также за неимѣніемъ на Крымскомъ степу, да и по селамъ лошадямъ корму, и едва токмо, милостію Божіею, къ Перекопу сего же генваря 19-го числа доѣхали. Коль скоро къ Башнѣ пріѣхали, то оной башни смотрители ничего не спрашивали за большимъ морозомъ, стужею и метелицею и во внутрь Перекопа пустили. Куды пріѣхавъ стали въ хану́ и тамо пробыли 6 день. Турки, Татары, Греки и Русскіе купцы, къ намъ по торгу изъходили, а Турки и Татары спрашивали: кто старшина въ Сѣчи? а потомъ сказывали: «слышно де намъ всѣмъ въ Крыму, что его Императорское Высочество Велики Князь Петръ Федоровичъ на Россійскій престолъ вступилъ и для того во всемъ государствѣ тако-же и въ Сѣчи Запорожской пушечная пальба была.» Напротивъ чего онъ Василь Похила отвѣтствовалъ, что такого извѣстія не слышно, а извѣстно подлинно, что Богъ даровалъ ихъ Императорскимъ Высочествамъ первороднаго сына, благовѣрнаго Государя и Великаго Князя Павла Петровича, и для того радостныя торжества были. Они же Турки и

[1]) «*Никитинъ перевозъ*» на татарскую сторону — нынѣ Никополь, Екатеринославской губерніи и уѣзда.

Татары при этомъ объявили, что въ Царь-градѣ новый великій султанъ Османъ престолъ Турціи принялъ, и указалъ Крымскому Хану Арсланъ Гирею по прежнему Ханомъ быть. Для чего предъ пріѣздомъ въ Перекопъ Запорожскихъ посланцовъ, съ 17 на 18 января, Капиджи-Паша съ тѣмъ указомъ и со всѣмъ ханскимъ уборомъ, яко то: соболею шубою, шаблею, ножемъ и прочими вещами отъ него султана великаго слѣдовалъ въ Бахчисарай съ ассистенціею провожатыхъ 40 янычаръ Царьградскихъ, да Татаръ Джамбуйлукскихъ 100 чел. Только ночью въ Перекопъ выѣхавъ и переночевавъ, 18 дня генваря выступилъ съ Перекопа рано, которому честь отдавали: была въ городѣ пушечная пальба 6-ю выстрѣловъ, а отъ янычаръ съ ружейнымъ провожаніемъ. Янычары же для полученія жалованія великаго, обѣщаннаго отъ ихъ новаго султана, съ Карасева [Карасу-Базара], Бахчи-Сарая, Кефы, Козлова и съ прочихъ мѣстъ собирались къ своимъ ордамъ въ Перекопъ, коихъ уповательно до 600 человѣкъ будетъ. А приготовленій и обращеній и намѣреній [враждебныхъ] никакихъ не слышно. Не только у Перекопа, но и у Бахчисарая такой большой снѣгъ, что не малое число скота и даже людей погибло.»

Слѣдующее за симъ донесеніе Кошеваго Григорія Федорова гетману и въ Кіевъ относится къ тому же году. Въ немъ читаемъ:

«Войсковой толмачъ и кантаржей [хранитель вѣсовъ] *Василій Лазаревъ* донесъ Кошевому, что Перекопскаго гарнизона Янычары: Арпатъ-Али и Ахметъ-Баша, прибывшіе въ Сѣчь Запорожскую по купеческому промыслу, между разговорами съ находящимся при Сѣчи

же по купечеству, братьямъ своимъ, Туркамъ и Татарамъ Крымскимъ словесно объявили, что посыланные Крымскаго Арсланъ-Гирея Хана сынъ, сераскиръ султанъ, съ другими двумя султанами, съ войскомъ до 40.000 [?] или болѣе: Крымскихъ, Буджацкихъ, Едисанскихъ и Киргизскихъ Татаръ на Кабардинскихъ черкесовъ, для войны за ихъ черкесовъ къ Хану Крымскому непокорность, тамо въ черкесской сторонѣ всѣ пропали, и мало кто оттудова ушелъ, да и султаны живы ли или нѣтъ? не слышно. По такой причинѣ Крымскій Ханъ, съ своимъ веизиромъ и мурзами, въ немалой печали находится, такъ что и говорить къ себѣ иныхъ не допускаетъ. А разглашеніе де по Крыму учинено, якобы Россійскіе солдаты, купно съ черкесами будучи и нарядясь въ черкесскую одежу, такову побѣду надъ Татарами учинили [9-го Мая 1755 г.].»

Въ этомъ донесеніи слѣдуетъ отмѣтить то любопытное обстоятельство, что въ Сѣчи находились и къ нимъ по купечеству свободно приходили Турки и Татаре и торговали подъ надзоромъ переводчика и кантаржея, т. е. смотрителя вѣсовъ на базарѣ и, вѣроятно, сборщика пошлинъ и податей.

17 Мая текущаго года Кошевой не мало удивилъ Кіевское и Малороссійское начальство слѣдующимъ показаніемъ козаковъ, которые были посылаемы къ Хану съ письмами:

«4 Мая, въ бытность ихъ въ Бакчисараѣ на квартирѣ въ ѣздномъ дворѣ, пріѣхавшій съ Буджакъ съ мурзою Волошинъ, между разговорами ихъ, объявилъ, что Крымскіе мурзы и прочіе ихъ старшины въ немаломъ сожалѣніи находятся, что въ Россійской имперіи

дѣлается новый городъ *Елисаветъ* и потому домогательство чинить будутъ, чтобы разоренный Россійскимъ государствомъ Турецкій городъ Азовъ, паки коштомъ Россійской-же Имперіи издѣланъ былъ. Ежели же по такому ихъ домогательству не сдѣлается, то яко-бы въ прійдучую сего 1750 года осень розмиръ [т. е. нарушеніе мира] будетъ.»

Такъ зорко слѣдила Турція за мѣрами, которыя наше правительство принимало въ видахъ защиты нашихъ границъ, а одною изъ такихъ мѣръ было въ то время поселеніе Сербовъ и другихъ славянъ въ нынѣшней Херсонской губерніи и учрежденіе крѣпости св. Елисаветы.

Въ томъ же году, и кажется въ послѣдній разъ, встрѣчаемъ извѣстіе о бывшихъ бѣглецахъ-сообщникахъ Мазепы и Орлика, которые въ 40 лѣтъ послѣ Полтавскаго пораженія искали еще покровителей въ Крыму и Польшѣ. Вотъ показаніе козака Запорожскаго *Василія Романовскаго*, по возвращеніи изъ Крыму, куда онъ посылаемъ былъ съ цѣлью развѣдыванія объ интригахъ оставшихся еще въ живыхъ этихъ измѣнниковъ, 6 Декабря 1755 года.

«По отправленіи меня въ Крымъ, прибывши я въ городъ Бакци-Сарай, съ имѣющимся у меня къ продажѣ купеческимъ товаромъ, взявъ даннаго братомъ моимъ, войска Запорожскаго войсковымъ писаремъ, Дмитіемъ Романовскимъ, по совѣту г. маіора Ферцова [1]], осетра, къ пребывающимъ тамъ въ Бакцисараѣ двумъ человѣкамъ *Федору Мировичу* да *Федору Иванову* сыну

---

[1]) Комендантъ Ново-Сѣченскаго ретраншамента.

Нафимовскому, пошедши въ ихъ квартиру, изъ вышеписанныхъ единому токмо Мировичу поклонъ отдалъ и того осетра вручилъ, и вѣдая, что якобы у его Мировича имѣются въ Малороссіи родственники, при томъ объявилъ, яко де было у мене отъ реченнаго писаря Романовскаго къ врученію ему Мировичу письмо, а въ томъ письмѣ другое съ Малороссіи переданное, а отъ кого именно — отъ родственниковъ его Мировича или отъ кого другого, не зналъ, но на пути, якобы при разграбленіи меня гайдамаками, тое письмо потеряно. Почему я передалъ ему отъ такихъ родственниковъ письмо и картелюшекъ, писанный моею рукою, при печати его Мировича, которое письмо и картелюшекъ при семъ сообщаю. Будучи по нѣскольку разъ въ ихъ Мировича и Нахимовского квартирѣ на кушаніи, между разговорами они мнѣ объявляли: «имѣютъ де они свое жительство въ польской области, въ пожалованной польской области коронньмъ гетманомъ Потоцкимъ ему Мировичу селѣ, называемомъ *Грабичъ*, состоящомъ подъ Хотинымъ, да сверхъ того отъ бывшаго великаго султана позволительный листъ имѣли, дабы имъ отъ господаря волошского жалованье денежное давано было. По умертвіи-же султана, жалованья денежнаго отъ господаря не стали давать, и затѣмъ они въ Бакцисарай прибыли, дабы тотъ листъ нынѣшнимъ великимъ султаномъ о выдачѣ по прежнему жалованья потверждено было, который листъ вмѣстѣ съ Мурзацкими фирманами въ Цареградъ и посланъ. При отъѣздѣ-же моемъ Мировичъ объявилъ, имѣютъ де они [измѣнники] желаніе, чтобы войско Запорожское Низовое отъ Россійскаго государства отвратить и привернуть до Хана

Крымскаго, и сію рѣчь его вельможности пану Кошевому и другимъ стариннымъ козакамъ велѣлъ объявить. Егда-же войско Запорожское къ тому ихъ желанію соизволитъ, тобъ г. Кошевой упевнялъ ихъ вѣрностію и письменно имъ-бы далъ знать. Ежели-же къ тому войска Запорожскаго желаніе и произволеніе не будетъ, то предъ симъ Запорожскимъ козакамъ ноги вмѣсто красныхъ чоботъ, также и головы Россіяне обдирали, а нынѣ уже войско Запорожское въ конецъ истребить хотятъ, для чего вновь по сей сторонѣ Днѣпра городы, яко-то Елисаветъ и прочіе подѣланы, и уже войско Запорожское все въ мѣшокъ убрано; токмо-же еще, чтобъ тотъ мѣшокъ завязать, Россіяне способу не избрали».

Такое полусерьезное и полукомичное политическое сообщеніе крамольниковъ надѣлало не мало тревоги и въ Кіевѣ и въ генеральной войсковой канцеляріи, а потому строго воспрещено козакамъ имѣть какія-либо сношенія съ измѣнниками, а письма ихъ, если будутъ, не распечатывая, пересылать немедленно Кіевскому вице-губернатору Костюрину.

Польскій рубежъ въ это время, какъ кажется, мало безпокоилъ наше правительство, вслѣдствіе крайняго ослабленія польскаго государства: отъ того въ числѣ «Секретовъ» Коша Запорожскаго встрѣчаемъ весьма немного посылокъ за польскій рубежъ и довольно рѣдко оттуда приходили даже пограничныя вѣсти. Но вотъ образчикъ весьма оригинальнаго донесенія съ этого сосѣдства.

Полковникъ Перевезской паланки, наблюдавшій за соляными и рыбными промыслами на «косахъ», т. е.

устьяхъ Днѣпра и Буга, *Якимъ Лелекъ* доноситъ Кошу слѣд.:

Текущаго августа 1 числа [1756 г.] я своего писаря *Данила Малиновскаго* на косы въ разъѣзды посылалъ, и тотъ, возвратясь, мнѣ объявилъ, что онъ тамъ отъ приходячихъ съ польской области [Украины] за рыбою ватажанъ слыхалъ, что тамо въ Польшѣ всѣхъ по своимъ «губерніямъ» [т. е. помѣщики въ своихъ имѣніяхъ] людей въ козачество насильно приводятъ, а хто весьма убогъ, то своимъ ружьемъ и прочимъ припасомъ снабдѣваютъ. А особенно отъ Польскаго человѣка слыхалъ, что коронный Польскій гетманъ [вѣроятно Потоцкій Иванъ] орды Ногайской султановъ 4 затягъ и нынѣ тѣ султаны два въ м. Палѣевомъ озерѣ, а два въ гору р. Буга на вершинѣ р. Чигаклея въ Копанкѣ [1]] яко бы съ немалымъ войскомъ стоятъ. Къ тому-жъ и отъ Запорожскихъ нашихъ козаковъ, кои въ Прогнояхъ [2]] за солью были, слыхалъ, что прошлаго іюля остатнихъ чиселъ Польскій посолъ чрезъ Очаковъ и Кинбургъ къ Хану Крымскому ишолъ и дѣвицу весьма нарядную и хорошую реченному Хану въ презентъ везъ; почему я съ старшиною доумѣваю, что тотъ Польскій посолъ къ Хану Крымскому не для чего другого, какъ только чтобы еще больше орды просить, пошелъ.»

Кромѣ приведенныхъ доселѣ свѣдѣній нарочитыхъ, оффиціальнаго, такъ сказать, происхожденія въ дѣлѣ развѣдыванія о «заграничныхъ обращеніяхъ» правительство

---

[1]) «Палѣево-озеро» м. въ Херсонской губерніи, Ананьевскаго уѣзда, на р. Выси; с. Копанка на р. Чигаклеѣ, впадающей въ Бугъ.

[2]) *Прогнои* — соляныя лужи на Кинбурскихъ пескахъ, гдѣ устраивались небольшіе промыслы.

наше пользовалось и свѣдѣніями случайными, получавшимися отъ возвращавшихся изъ Татарской и Турецкой неволи, а такихъ плѣнниковъ, при частыхъ и въ то еще время набѣгахъ Татаръ на за-Днѣпровскую Малороссію и въ особенности на Западную Украину было очень много. Когда плѣнники сами по себѣ, или по сношеніямъ правительства или Коша Запорожскаго освобождались отъ плѣна, ихъ допрашивали въ Кошѣ и полученныя отъ нихъ свѣдѣнія, политическаго характера, представляли по начальству. Вотъ образчикъ такого донесенія отъ Кошеваго Григорія Федорова командующему на Украинской линіи генералу князю Кантеміру:

«Сего 1755 г. февраля 20 дня, вышедшій изъ неволи, съ Турецкой области, невольникъ Иванъ Даниловъ сынъ показалъ, что родился онъ Польской области въ с. Капустинѣ [Кіевской губерніи] и взятъ Татарами въ неволю, въ тотъ часъ, когда Медвѣдовку брали [будетъ тому назадъ годовъ 18], гдѣ будучи въ неволѣ служилъ у Ногайца въ с. Делегіолъ [на р. Тилигулъ], именемъ Машбета, пасучи скотъ чрезъ всю свою у него бытность, а нынѣшнею зиму по тому боку р. Бугу, въ урочищѣ р. Чичаклеи, былъ съ отарою [стадомъ овецъ] Машбета, гдѣ и Ногайцевъ для сбереженія, а отъ чего, не знаетъ, было болѣе 2.000, между коими командирами были: Капланъ-Мирза, Уразъ-Мурза, да чабанскій Мурза. Будучи между Ногайцами, онъ не однажды слышалъ, какъ они хвалились, что якъ де наступитъ новый султанъ, то на будущее лѣто на Запорожскія вольности и въ пограничныя мѣста они намѣрены вдарить, что они у покойнаго султана уже

просили позволенія идти за ясыромъ [ловить плѣнныхъ], но султанъ не позволилъ.» Плѣнникъ еще показалъ, что «слѣдуючихъ, лежачимъ по надъ Богомъ шляхомъ [дорогою], въ Сѣчь Запорожскую на 5 возахъ, для продажи пшена, людей христіанъ 5 человѣкъ Ногайцы порѣзали, пшено и 10 воловъ забрали». Буго-гардовый полковникъ прибавилъ къ сему показанію, что и «ему его козаки докладывали, что видѣли близъ Чичаклеи двухъ Запорожцевъ, которыхъ Ногайцы зарѣзали».

Донесенія этого рода составлялись на основаніи допросныхъ рѣчей плѣнниковъ. Изъ нихъ извлекались свѣдѣнія, имѣвшія какой либо интересъ для правительства; но въ нихъ находимъ извѣстія, любопытныя въ другихъ отношеніяхъ, а потому приводимъ здѣсь одинъ изъ такихъ документовъ въ подлинномъ видѣ, съ вопросами, какіе предлагались плѣннымъ и отвѣтами, какіе отъ нихъ получались.

1759 года февраля 2 явившіеся въ Кошъ ушедшіе изъ Татарскаго плѣна 4 человѣка показали слѣдующее:

Вопросы: Какъ васъ зовутъ и гдѣ вы родились?

Отвѣты: 1] Зовутъ меня *Юріемъ*, а чей сынъ, не знаю, потому что малолѣтнимъ въ плѣнъ взятъ. Родился я въ Грузинской землѣ, въ городѣ Червенъ [?]. Въ неволѣ находился 25 лѣтъ у Татаръ, мнѣ лѣтъ 33.

2] Меня зовутъ *Мейметомъ Кимличекъ* [калмычекъ]; родился въ Россійскомъ городѣ Астрахани. Малолѣтнимъ украденъ Татарами, и былъ въ неволѣ у Татаръ до сего времени, лѣтъ мнѣ даютъ 25.

3] Зовутъ меня Татарскимъ именемъ *Шуре*, родился въ Малой Россіи, малолѣтенъ взятъ въ плѣнъ, а въ какомъ городѣ именно, не знаю; и былъ у Татаръ

въ плѣну до сего времени; законъ [вѣру] содержалъ такую, какъ и они, когда жъ съ прочими невольниками христіанами, каковъ выше писанъ Гурженинъ [Грузинецъ] Юріемъ сойдусь, то крешчусь, а больше о вѣрѣ христіанской ничего не знаю; мнѣ лѣтъ отъ роду 25.

4] Зовутъ меня *Али Кимличекъ* [калмычекъ]. Родился въ Россійскомъ городѣ Астрахани, взятъ въ плѣнъ въ то время, какъ вышеписанный Меййметъ. Отъ роду мнѣ 29 лѣтъ.

Вопросъ: Гдѣ вы именно въ плѣну были, изъ коего и какъ бѣжали, и что съ собою унесли и давно ли?

Отвѣтъ: Были мы въ плѣну у Татаръ, живутъ онѣ не подалеку отъ Очакова въ степу, пять братьевъ, прозываются они *Бейсаджи*; какъ бѣжали сего числа 9-го, прямо пришли къ Ингулъ рѣкѣ, до козаковъ, откудова и въ Сѣчь приведены; а хозяйскаго ничего не унесли.

Вопросъ: Будучи тамо, слыхалиль или видѣли, нѣтъ ли гдѣ какихъ ордъ въ собраніи, а Едисанскіе Татаре снова съ Ханами обходительно ли живутъ, и нѣтъ ли у нихъ теперь какихъ споровъ и бунтовъ и за что?

Отвѣтъ: Будучи мы тамъ, отъ многихъ тамошнихъ жителей слышали и вездѣ эхо носится, что Крымскій новый Ханъ зимуетъ въ Бендерѣ и опасается въ Крымъ ѣхать, для того что Волосскаго народа правитель великому султану жаловался на Хана, за учиненное Волохамъ разореніе и смертное убійство, и боится, что за то у Турокъ войною штрафованъ будетъ. Онъ ожидаетъ весны, а по веснѣ когда нападутъ на него, то имѣетъ намѣреніе подъ защищеніе въ Россійскіе границы уйти.

Вопросъ: Вы сюда за чѣмъ бѣжали?

Отвѣтъ: Мы сюда бѣжали для полученія совершеннаго православія и христіанской вѣры, и жить здѣсь желаемъ.

Примѣчаніе Коша: Въ куренѣ поповичевскомъ остались служить.

Возвратимся опять къ «доѣзднымъ» или «пріѣзднымъ доношеніямъ». Они такъ разнообразны по своему содержанію, такъ много мелкихъ свѣдѣній содержатъ въ себѣ, что трудно поддаются какой либо группировкѣ, и мы по необходимости должны приводить ихъ, держась лишь порядка времени. Вотъ напр. «приѣздное доношеніе товарища Каневскаго куреня *Василія Похиловскаго* [1]], яснѣе и полнѣе другихъ опредѣляющее какъ цѣль развѣдокъ, такъ и самый процесъ собиранія нужныхъ свѣдѣній и трудность добыванія ихъ.

«По отправленіи нашемъ въ Сѣчи генваря 8-го дня въ Крымскую сторону, для провѣданія ихъ намѣреній и дѣйствъ и прочихъ знатныхъ разговоровъ, то мы только и ѣхали что до Каменнаго [2]], а въ Каменномъ насъ заразъ и захватила великая вѣтряная да снѣжная фортуна [буря], которая насъ не пустила съ Каменнаго 3 дня, а четвертаго дня хотя мы и поѣхали, однакожъ на силу за цѣлый день доѣхали на ночь въ Мамайсуру [3]], и тако даже до самаго Перекопа, съ великимъ бѣдствомъ ѣхали. Егда же приѣхали въ Перекопъ

[1]) По ветхости документа годъ не уцѣлѣлъ, но полагаемъ 1754 г., ибо говорится о вступленіи на престолъ Османа, который воцарился именно въ 1754 г.

[2]) Каменка или «Каменный базаръ» на Днѣпрѣ (въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи) была *Кошемъ* въ 1711 г.

[3]) *Мамай-Сура*—Татарскій аулъ, въ Ногайскихъ степяхъ (Таврической губерніи, Днѣпровскаго уѣзда).

генваря 19-го дня, то насъ въ баштѣ ихъ баштовые уряды, за великимъ вѣтромъ и морозомъ, ни о чемъ не спрашивали, но велѣли намъ ѣхать въ городъ и по ихъ обыкновенію стать въ хану́ [гостинномъ дворѣ]. И до онаго хану́ пришло за нами много Турковъ и Татаръ, и которые между ихъ грамотные были, то осматрували нашъ Императорскій билетъ и зѣло тому удивлялись, что ихъ Турецкими литерами выписанъ и почтили насъ за купцовъ, и взяли съ насъ свой баштовой доходъ, и того дня много съ нами разговорились. Такожъ они и по всякъ день до насъ для разговоровъ приходили и перве насъ испрашивали о нашей войсковой старшинѣ: и кто де у васъ Кошевой, кто судья, кто писарь, и прочее-жъ. А потомъ паче всего испрашивали насъ о нашемъ государствѣ, что будто имъ вездѣ въ Крыму извѣстно учинилось, что якобы новый Государь принялъ престолъ и вездѣ о томъ въ Россіи, такожъ и въ Сѣчи пушечная пальба была. А больше мы отъ нихъ о нашемъ государствѣ никакихъ рѣчей не слышали. Между тѣмъ стали они намъ похваляться: «теперь де у насъ въ Стамбулѣ новый великій султанъ Османъ падишахъ и сказуютъ, что хорошъ человѣкъ, усъ ему долгій, лѣтъ въ 30, и оный новый падишахъ всему Турецкому янычарству велѣлъ дать великое жалованье, и того ради въ Перекопъ съ Козлева [Евпаторіи], съ Карасева [Карасу-базара], съ Бахцисарая, съ Кефы [Ѳеодосіи] и прочихъ городовъ Крымскихъ все Турецкое войско пріѣхало до Перекопской орты [отряда], сподѣваючись оное жалованье получить, только-жъ они того жалованья уже болѣе двухъ недѣль ждали, да еще не получили, и о томъ жалованьи

до моего прiѣзду никакого не было извѣстiя. А когда мы въ Перекопъ прiѣхали, то напередъ насъ, съ 17 по 18-е генваря, ѣхалъ съ Цареграда великiй Турецкiй старшина, нѣякiйсь Капиджи-баша, и онъ въѣхалъ въ Перекопъ ночью, а когда ѣхалъ съ Перекопу, то ему все Турецкое янычарство велику честь отдавали, и пушечная пальба была, и при немъ шло Турецкаго войска до 40 ч., а Татарскаго войска до 100 ч. Оный Капиджи-баша отъ своего падишаха везъ Крымскому хану грамоту, дабы имѣлъ по прежнему надъ Крымомъ владѣнiе, и притомъ везъ ему шубу, шаблю и прочее по ихъ обыкновенiю. А послѣ того мы извѣстились отъ нихъ и о посланномъ Татарскомъ войскѣ [1], что теперь имъ великая тамо нужда состоитъ, яко то, что оно мало что побѣждено отъ черкесъ, а еще отъ сей зимы великой много у нихъ коней пропало да и самымъ Татарамъ нѣкоторымъ ноги поотмерзали, а нѣкоторымъ руки, а иные, сказуютъ, и въ смерть померзли. А отъ такой нужды много ихъ оттуда бѣжало, съ коихъ бѣжавшихъ поймано было въ Перекопѣ болѣе 20 человѣкъ, и вкидали ихъ въ тюрьму, а 6 человѣкъ старшинъ ханъ велѣлъ повѣсить. А намъ съ Перекопу въ Бахцисарай и въ Кефу отнюдь невозможно было ѣхать, едино затѣмъ, что тамо снѣгъ зело превеликiй, что и дороги не знать, а другое затѣмъ, что по оному тракту вездѣ въ Татарскихъ селахъ весьма невозможно сѣна ниже единаго стебла купить, ни соломы, ни оброку, ни хлѣба. А въ Перекопѣ единъ конь за сутки изъѣсть сѣна за 5 гривень по недовольству, а какъ

---

[1]) Противъ непокорныхъ горцевъ Кавказскихъ.

по довольству дать, то можетъ изъѣсть за 7 гривенъ или за 8.

«А о мирному тракту, или чтобъ гдѣ готовлено въ Крымскихъ городахъ воинскихъ запасовъ, мы о томъ ни отъ Турковъ, ни отъ Татаръ, ни отъ прочихъ купцовъ ниже одного слова не слыхали».

Русскимъ пограничнымъ властямъ, въ виду всегдашней враждебности Татаръ и ихъ внезапныхъ набѣговъ, нужно было имѣть постоянно свѣдѣнія о томъ, что происходитъ у нихъ на мѣстѣ, чтобы по ихъ перекочевкамъ, сборамъ и запасамъ, а иногда по случайно оброненнымъ въ разговорѣ словамъ заключать о ихъ настроеніи, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ относительно пограничныхъ нашихъ владѣній и принимать соотвѣтственныя тому мѣры. И наши власти не только пользовались всякимъ удобнымъ для сего случаемъ, но придумывали и изыскивали нарочито такіе случаи, и если разъ удавалось имъ добыть такія свѣдѣнія чрезъ кого либо посланнаго подъ предлогомъ купечества, то въ другой разъ отправляемъ былъ курьеръ съ письмомъ и въ то-же время и даже главнымъ образомъ для развѣдокъ. Такъ въ Сентябрѣ 1758 года генералъ Юстъ посылалъ въ Очаковъ сотника Ново-Слободскаго полка Василія Кошевенка съ письмомъ къ сераскиру, а вмѣстѣ для вывѣдки о тамошнихъ «похожденіяхъ». Сотникъ, воротившись, донесъ слѣдующее:

«11-го Сентября изъ крѣпости св. Елисаветы выѣхалъ и ѣхалъ на Сѣчь Запорожскую, съ даннымъ къ лучшему препровожденію изъ Сѣчи козакомъ, по надъ Днѣпромъ до Перевѣзки, а оттуда на Косы Запорожскія, а съ Косъ въ Дубу переправленъ чрезъ

Лиманъ въ Очаковъ, и по переправѣ приведенъ отъ янычаръ, кои для осмотрѣнія по берегу стоятъ, къ Имаму, т. е. секретарю Очаковскаго паши, который представляемый ему пашпортъ, данный отсюдова, осмотря, объявилъ чрезъ толмача, что его Кошевенка самого, хоть онъ и съ письмами присланъ, до паши не допустятъ, и взявъ письма отъ генерала Юста, самъ до паши понесъ, а его самого внутрь крѣпости не допустили, а показана имъ была квартира за городомъ. И въ разговорахъ тотъ секретарь спрашивалъ: сколько здѣсь, по границѣ, войска Русскаго имѣется и для чего?—Онъ Кошевенко объявлялъ ему, что нѣсколько его имѣется, точію не для чего инаго, токмо для искорененія гайдамацкаго; почему онъ секретарь все его объясненіе за изрядное и дружественное почелъ. Въ Очаковѣ онъ Кошевенко находился 3 дня, а въ 4-й, принявши отъ паши письмо въ отвѣтъ генералу Юсту, переправился на сю сторону дубомъ и прямо степью ѣхалъ до здѣшней [Елисаветинской] крѣпости. А будучи въ Очаковѣ, вывѣдалъ, что 1] въ Очаковѣ и около онаго, также при р. Березани состоятъ самые военные [Ногайцы], а кибитки ихъ съ женами и дѣтьми на Польской границѣ къ р. Кодыма, всего до 20.000, что онъ самъ видѣлъ: которая орда самое м. Дубоссаръ и не малые 3 села разорили и что у тамо живущихъ людей, гдѣ живутъ и Турки и Волохи имѣніе и скотъ и все, что съискать могли, заграбили, а людей, которые противились, били и до смерти; 2 Крымскаго Татарскаго войска не мало съ Кинбура чрезъ Лиманъ въ Очаковъ судами возятся и намѣрены съ Бѣлогородскою [Буджакскою] ордою баталію имѣть и за

причиненные Туркамъ и Волохамъ обиды и притѣсненія отмстить, и самую орду въ послушаніе хану привести; 3] городъ Очаковъ починенъ, а къ тому еще изрядно построенъ земляной валъ вокругъ прежнихъ и около онаго полисадникомъ весь обставленъ, Турокъ же или Янычаръ, военныхъ людей, кромѣ тамошняго гарнизона, не имѣется. О прибытія туда Турецкаго войска не слышно, кромѣ только, что туда изъ Царьграда военныхъ запасовъ, яко-то пороха и пуль, 2 корабля великіе привезли, и еще подъ городомъ не выгруженные стоятъ; 4] показанная Бѣлгородская орда, какъ онъ отъ живущихъ въ Очаковѣ Волоховъ, надежныхъ людей, а особливо отъ православнаго одного попа Василія, якой въ бытность его Кошевенка въ здѣшней сторонѣ, доброжелательства ему оказывалъ, слышалъ, яко оная орда точно намѣрена была подвергнуться подъ протекцію Россійской имперіи, почему де она немалыя обиды Туркамъ и Волохамъ причиняетъ и сильно ихъ разоряетъ; 5] въ Татарской сторонѣ между Крымскими и Бѣлгородскими Татарами не малыя смятенія происходятъ; сему дѣлу начатіе за то стало, яко Бѣлгородскій султанъ бралъ себѣ у мурзъ Татарскихъ женъ и дочерей, а отъ Турокъ и Татаръ здѣшней сторонѣ [Русской] противнаго ничего не имѣется и желаютъ впредь быть въ смиренности.»

Иногда нашимъ властямъ приходилось посредствомъ нарочитыхъ посланцевъ провѣрять полученные другими путями слухи. Такъ, въ томъ-же 1758 г. до Русскихъ властей дошелъ слухъ, что новый ханъ Крымъ-Гирей, характера безпокойнаго и предпріимчивый, собираетъ всѣ средства, чтобы произвести нападеніе на

наши границы. Чтобы узнать коварныя его затѣи, былъ посылаемъ козакъ Василь Швидкій, и вотъ добытыя имъ свѣдѣнія, о которыхъ доносилъ по командѣ Кошевой.

«Во время прибытія его въ Очаковъ [въ Январѣ 1759 г.] отъ переводчика Очаковскаго, къ здѣшней сторонѣ извѣстнаго пріятеля, Грека Юрія Григоровича слыхалъ, что Едисанская орда съ ханомъ Крымскимъ намѣревались на Россійскіе границы, на крѣпость св. Елисаветы, на Сѣчь и на прочія новопоселяемыя слободы напасть. Къ якому своему злому намѣренію уже совершенно и изготовились и лошадей кормили, однако великій ихъ падишахъ такъ хана Крымскаго, яко и Едисанскую орду отвратилъ. Но сего же года въ Февралѣ, при отъѣздѣ своемъ, онъ Швидкій отъ Бахчисарайскихъ жителей, которые въ Сѣчи Запорожской, по купечеству, много разъ живали, слышалъ, что Ханъ паки съ ордами при Каушанахъ состоитъ и на Польскія границы и даже противъ Порты разореніе чинить намѣреваетъ.»

Какъ на особенность въ выборѣ лицъ, которымъ поручались политическія развѣдки о положеніи дѣлъ въ Крымскомъ ханствѣ, можемъ указать на посылку съ такою цѣлію изъ Новосербіи священника Іоанна, въ сообществѣ съ однимъ гусаромъ. Объ этомъ фактѣ узнаемъ изъ копіи Высочайшей грамматы гетману Разумовскому, присланной 30 Іюня 1759 года изъ генеральной войсковой канцеляріи въ Кошъ. Посланные, возвратившись, показали слѣдующее:

«Крымъ-Гирей ханъ съ 60 Мурзаками и нѣсколько тысячъ Татарскаго войска на долинѣ близъ с. Копанки,

на р. Чигаклеи [1]], стоитъ и у Буджацкой и другихъ Ногайскихъ ордъ хлѣбъ и скотъ беретъ, и что къ нему отъ Порты присланъ указъ что-бы онъ отправился по прежнему въ Крымъ и былъ бы въ ономъ ханомъ, а притомъ ему присланъ Турецкій кафтанъ и сѣдло; за то, чтобы онъ пограбленное въ Хотинской раѣ [2]] все пополнилъ и полоненныхъ людей, въ Польшу ушедшихъ, сыскавъ, возвратилъ. Почему отъ хана посланъ въ Польшу Мурза съ требованіемъ объ отдачѣ ушедшихъ изъ Ганщины [ханскихъ владѣній] Волоховъ, съ тѣмъ, ежели добровольно не отдадутъ, то намѣренъ Ногайскихъ Татаръ для взятія ихъ послать. Еще они увѣдомились, яко изъ Царьграда идетъ Турецкое войско при 12-ти пашахъ, которое, по прибытіи къ Дунаю, остановилось и намѣрено чрезъ эту рѣку дѣлать мостъ.»

5-же Іюня съ тою-же цѣлію посылаемъ былъ за Польскій рубежъ Слободскаго полку хорунжій *Григорій Балка*, который по возвращеніи доставилъ такія свѣдѣнія:

«Во время бытности его въ Польскомъ городѣ Тульчинѣ [3]] видѣлъ онъ укрывающагося тамъ султана Галагу [Калгу, ханскаго сына], который въ прошломъ 1758 году бунтовалъ противъ Буджкаской орды и разорялъ Волощину [Бессарабію], за что велѣно было отъ

[1]) Херсонской губерніи, Ананьевскаго уѣзда.

[2]) Раія — мѣстность съ христіанскимъ населеніемъ: до 1830 года Хотинскій уѣздъ въ Бессарабіи называли *раіею*.

[3]). М. *Тульчинъ*, Подольской губерніи, принадлежавшее и принадлежащее до сихъ поръ гр. Потоцкимъ, наслѣдникамъ Калиновскихъ и Сѣнявскихъ; командиры придворной его «*хоругви*» или гвардіи назывались *полковниками*.

Оттоманской Порты его султана поймать, для учиненія ему казни. Чего онъ опасаясь, пребываніе имѣетъ съ находящимись при немъ 7 Мурзаками и 150 Татарами въ томъ городѣ Тульчинѣ, въ маетностяхъ графа Потоцкаго, воеводы Кіевскаго, въ домѣ придворнаго полковника *Гуровскаго*, отъ котораго оной султанъ и Мурзаки съ Татарами въ харчевыхъ припасахъ довольствуются за данныя тому полковнику отъ султана деньги. Въ другихъ же городахъ, яко то: Крыловѣ, Немеровѣ и Могилевѣ, Татарскаго собранія не имѣется, чего онъ Балка самъ нигдѣ не видалъ, такъ и ни отъ кого не слыхалъ, о нападеніи же на Россійскія границы никакого слуху не имѣется, да и прибывшіе въ Тульчинъ изъ Польскаго города Бершадъ знакомые ему козаки объявляли, что и въ томъ городѣ Бершадѣ таковыхъ собраній не слышно».

А вотъ политическіе слухи съ Дону, отъ войсковаго атамана. Онъ прислалъ въ Кошъ полученный имъ рапортъ отъ козака Федора Кутейникова отъ 6 августа 1759 года, любопытный по извѣстіямъ о Некрасовцахъ.

«Минувшаго іюля 1 дня посланъ былъ я съ 4 человѣками, подъ приличнымъ претекстомъ, съ письмомъ къ Кубанскому сераскиру Саадетъ-Гирей-султану, и пріѣхалъ я 7 числа іюля къ упомянутому сераскиру по сей сторонѣ Кубани, вверхъ по рѣчкѣ Аганлы, находящемуся тамо въ кочевьяхъ съ аулами. А на другой день, по допускѣ, подалъ сераскиру В. В. письмо при засвидѣтельствованіи вашего поклона, съ желаніемъ содержанія, въ силѣ свято пребывающаго мирнаго трактата, сосѣдственной дружбы. Напротивъ чего и онъ

сераскиръ благодарилъ, и на слова мои и на письмо В. В. получилъ я такой отвѣтъ: «что онъ съ прикащика козака Попова пошлину хотя и взялъ, то потому, что съ пріѣзжающихъ съ Кубани къ Черкасскому[1]) съ товарами купцовъ въ Темерниковской таможнѣ немалая пошлина нынѣ берется». И тако въ ожиданіи отправленія пробылъ я при немъ сераскирѣ при той рѣчкѣ Аганлы и при скочеваньи его оттуда съ аулами въ близости къ Капулу [Копылю] на р. Кубани, у Черной Протоки, всего 26 дней. А потомъ 1 числа сего августа, съ письмомъ отъ его сераскира, отправился и пріѣхалъ къ Задонской заставѣ 6 числа благополучно. А что я, въ осторожность Высочайшаго Е. И. В. интереса, о Кубанскомъ обращеніи развѣдалъ, о томъ В. В. доношу. 1] При Кубанскомъ сераскирѣ, на упомянутой рѣчкѣ Аганлы и съ перекочеванья его оттуда съ рѣки Кубани къ рѣченной Черной Протокѣ, аульныхъ Кубанскихъ народовъ кибитокъ, какъ я на свои глаза видѣлъ, находилось болѣе 2000 на р. Аганлы, а при Черной Протокѣ не болѣе 300 и съ тѣмъ послѣднихъ кибитокъ тотъ день, какъ я отправленъ, т. е. 1 числа августа, большая часть распущена для убранья къ зимнему времени хлѣбовъ и сѣна, а за тѣмъ осталось при сераскирѣ только кибитокъ 40, коихъ сераскиръ при Черной Протокѣ оставя, поѣхалъ самъ съ чел. 50 въ свое жилище; помянутые же аулы имѣлись при сераскирѣ въ тѣхъ мѣстахъ такимъ большимъ собраніемъ болѣе потому, что у него съ бывшимъ до его правленія

[1]) *Старо-Черкасская* станица — главная усадьба въ то время Донскаго козачества. Р. Темерникъ впадаетъ въ Донъ у Ростова на Дону; *Капыль*, *Черный-Протокъ* — урочища въ Кубанской землѣ.

Кубанскимъ сераскиромъ Крымъ-Гирей султаномъ, такъ и Богадыръ-Гирей султаномъ, кочующими внизъ по Кубани, близъ сераскирскаго кочевья, чрезъ призываніе помянутымъ Крымъ-Гиреемъ Ногайцевъ, состоитъ большое несогласіе, за котораго Крымъ-Гирея и Богадыръ-Гирей султанъ стоитъ. И по наклонности къ сераскиру Крымъ-Гирею нескрытно на Кубани говорятъ, что сераскиръ Саадетъ-Гирей желаетъ съ аульными своими Татарами, называемыми *Китай*, *Кондравцами*, *Кипчаками*, для жительства въ Крымъ перейти и тотъ переходъ учинить будущею весною. Ради чего и нарочнаго отъ себя Татарина, называемаго Сеферъ, въ Крымъ къ хану отправилъ, 31 числа іюля, съ напоминаніемъ, чтобъ онъ подвластныхъ Татаръ своихъ на переходъ въ Крымъ уже склонилъ. 2] Отъ Некрасовскихъ измѣнническихъ козаковъ, особливо отъ ихъ толмача *Якова* [родомъ Малороссіянина, Переяславскаго полку], перешедшаго на Кубань съ нѣкоторыми Запорожскими козаками еще въ то время, какъ они подъ вѣденіемъ Крымскаго хана были, извѣстно, что де и они Некрасовцы будущею осенью въ Крымъ по таковомужъ, на Кубани всегда буваемому несогласію, а при томъ, что отъ нѣкоторыхъ Кубанскихъ мурзъ, берущихъ у нихъ все потребное, частые имъ обиды бываютъ, перейти желаютъ. Къ чему де и отъ Крымскаго хана имъ дозволено, а по переходѣ поселиться и жить приказано имъ въ Крыму близъ города Балыкли [Балаклавы]. А чтобъ имъ въ переходѣ туда отъ Богадыръ-Гирея султана,

[2]) О бѣгствѣ съ Дону Некрасовскихъ козаковъ, Игнатъ-козаками называемыхъ отъ Татаръ, сперва на Кубань, а послѣ въ Крымъ, см. статейку мою въ журналѣ Министерства Внут. Дѣлъ за 1846 годъ.

какъ онъ явно удержать ихъ хвалится, какого вреда не было, то послали они Некрасовцы въ Крымъ къ хану нарочныхъ стариковъ, 4 чел., для исправленія о препровожденіи ихъ до Крыму сераскиру Саидетъ-Гирей султану указа. 3] Отъ Калмыцкаго хана Дундукъ-Баши, такожъ и отъ Кабарды посланцевъ на Кубани нынѣ никого нѣтъ».

Секретная переписка Коша 1760, 1761 и 1762 годовъ потеряна, а съ 1763 и 1764 годовъ сохранены только немногія и то разрозненные бумаги и даже листы. За время войны съ Пруссіею имѣется небольшое «дѣло», съ надписью на заглавномъ листѣ: *«О завоеваніи Прусскаго королевства»*, но въ немъ лишь копіи реляцій о битвахъ и побѣдахъ нашей арміи; переписки-же о «секретахъ» этого времени встрѣчаемъ очень мало. Въ числѣ оффиціальныхъ бумагъ такого рода мы нашли переводъ цѣликомъ или только въ извлеченіи изъ какого-то частнаго письма, какъ-бы придуманнаго въ насмѣшку надъ Пруссаками. Письмо это вывезено, вѣроятно, для свѣдѣнія Коша, кѣмъ нибудь изъ участвовавшихъ въ кампаніи Запорожцевъ, которыхъ цѣлые отряды были въ Прусскомъ походѣ. Въ немъ очень ярко рисуется трудное положеніе Пруссаковъ, терпѣвшихъ пораженія отъ Русской арміи, и мы поэтому приводимъ здѣсь его текстъ.

«Экстрактъ листу изъ Берлина отъ 14 августа [1758 или 1759 г.].

«Вы, любезный мой пріятель, весьма разумно издѣлали, что выѣхали отсюда въ Гданскъ [Данцигъ], а мы здѣсь, послѣ потерянной послѣдней баталіи, въ великомъ страхѣ находились, но нѣсколько успокоились

было королевскимъ листомъ, въ которомъ Его Величество писалъ, что онъ самъ противъ Россіянъ стоитъ и насъ отъ нихъ защищать хощетъ.

«Вчера въ половинѣ 8 часа по утру пріѣхалъ сюда курьеръ съ радостнымъ извѣстіемъ, что Е. В. нашъ король атаковалъ Россіянъ съ такимъ успѣхомъ, что мы чрезъ 2 часа вѣдомости о совершенной побѣдѣ надъ нашимъ непріятелемъ ожидать имѣли. Радость о семъ была у насъ всеобщая, вездѣ слышны восклицанія, весь народъ выбѣжалъ изъ города, дабы ожидаемаго повсечасно курьера предъ городомъ принять; 100 человѣкъ поставлено было въ готовности для препровожденія его въ городъ. Я еще никогда не видалъ на улицахъ столько людей, сколько вчера было.

«Но радость наша не долго продолжалась, и намъ потому тѣмъ прискорбнѣе было, что мы увидѣли простого егеря вмѣсто другаго курьера, въ исходѣ двенадцатаго часу предъ полуднемъ къ намъ пріѣхавшаго; онъ былъ вѣстникомъ несчастливаго окончанія баталіи. Мы отъ того пришли въ великое смущеніе, но всѣ еще больше въ уныніе приведены были, какъ дворъ со всѣми министрами, съ великимъ поспѣшеніемъ въ Магдебургъ уѣхалъ. По радостныхъ восклицаніяхъ слышны были уже только печальныя стенанія, о пораженіи нашемъ больше сомнѣнія не было, хотя стараніе прилагалось то отъ насъ скрывать.

«При всемъ томъ мы нѣсколько утѣшились, услыша, что король въ добромъ здравіи; мы съ трепетомъ ожидаемъ вскорѣ нашей судьбины.

«Можетъ быть чрезъ два дни Россіяне или Австрійцы насъ здѣсь посѣтятъ. Да будетъ намъ Господь

помощникъ! Всѣ отсюда бѣгутъ, гдѣ кто себѣ безопасность найтить можетъ. Баталія, сказуютъ, была прежестокая, уронъ нашъ невѣроятно великъ: ретирада была столь скоропостижная, что едва не вся безъ остатка наша артиллерія непріятелю въ добычу оставлена; подъ королемъ, говорятъ, лошадь убита, а другая ранена, конница особенно много претерпѣла, многіе полки почти совсѣмъ истреблены. — При всемъ же томъ великіе побѣги изъ арміи солдатъ наше несчастіе еще больше умножаютъ».

О какой именно «баталіи» говорится здѣсь, опредѣлить трудно: въ восьми ордерахъ войсковой канцеляріи упоминается о 6 сраженіяхъ и о 2-хъ совершенныхъ побѣдахъ. Король, о которомъ такъ часто упоминается въ письмѣ, былъ никто иной, какъ Фридрихъ Великій — первый полководецъ XVIII столѣтія, до появленія Наполеона I-го. Извѣстно, что небольшая сравнительно Русская армія, съ незнаменитыми даже генералами, сломила разстроенныя силы Фридриха Великаго; взяла Кольбергъ, Кенигсбергъ, заняла Берлинъ «и все Прусское королевство», которое по волѣ Императрицы Елисаветы Петровны поручено «въ управленіе Русскому генералъ-губернатору».

Въ нѣкоторой связи съ приведеннымъ письмомъ по предмету извѣстій стоитъ сообщеніе Кошеваго Григорія Федорова въ генеральную [Малороссійскую войсковую канцелярію о движеніи Прусскихъ войскъ въ Польшу.

«Сего марта [1763 г.] 12 дня получилъ я въ Кошѣ отъ пріятеля съ Польской области писменное извѣстіе, такого-же и прибывшее сюда симъ временемъ съ

Польши-жъ по промысламъ шляхетство безъ закрывательства объявляло, что якобы Прусскій король находится нынѣ въ Польшѣ съ многою арміею и по многихъ мѣстахъ Польши свое войско разставилъ и многочисленные заготовляетъ провіанты и фуражи, по крѣпостямъ же и городамъ Польскимъ на башняхъ приказалъ гербы свои поставлять и намѣренъ де якобы Польскою короною совсѣмъ владѣть. Къ чему де и все знатнѣйшее Польское шляхетство его допустить и за короля принять, а своего короля [Августа III], съ сихъ резоновъ, что будто-бы оной король Россіи земли и людей по р. Случь отдалъ, отъ короны отрѣшить желаютъ и намѣрены. И тотъ де король Польскій, иные говорятъ, отъѣхалъ въ Саксонію, и другіе, что якобы въ Россіи находится».

Столь странное на видъ извѣстіе имѣетъ однако-же историческое основаніе. Въ 1763 году Россія была уже въ дружбѣ съ Пруссіею, и чтобы охранить себя отъ безпорядковъ, распрей и волненій въ Польшѣ, по случаю удаленія короля Августа III и попытокъ партіи Чарторыйскаго къ возведенію на Польскій престолъ Станислава Лещинскаго, заключила съ нею, «декларацію» [31 марта 1763 г.] о поддержаніи въ Польшѣ *избирательнаго* монархическаго правленія и о недозволеніи избранія въ короли Лещинскаго. Во исполненіе этого договора Русскія войска вступили тогда въ Литву, а Прусскія въ Великопольскія области; но Кошъ, какъ видно, мало былъ посвященъ въ дипломатическія тайны и доносилъ лишь о томъ, что доходило до его слуха.

Закончимъ наше перечисленіе «Секретовъ Коша Запорожскаго» приведеніемъ еще слѣдующаго рапорта

Кошеваго въ гетманскую канцелярію, писаннаго въ Августѣ того же 1763 года:

«Сего числа чрезъ прибывшихъ изъ Крыму Запорожскихъ козаковъ за подлинно увѣдомлено въ Кошѣ, что ханъ Крымскій съ Каушанъ чрезъ Очаковъ на Перекопскую сторону переправился и на встрѣчу ему сынъ его Сераскиръ-султанъ, въ Едичкульской ордѣ состоявшій, предъ симъ дней за 3 выѣхалъ въ Едичкульское кочевье къ Очакову [1]. Ханъ же, переѣхавъ изъ Перекопа прямо, не заѣзжая въ города Крымскіе, поѣдетъ въ Дерчь [Керчь], при которомъ и селеніе народное есть при морю, не подалеку состоящее отъ Еникули крѣпости, гдѣ чрезъ морское гирло на Кубанскую сторону имѣется перевозъ, будетъ же ли онъ на Кубанскую сторону переправляться, или тамъ стоять, точно неизвѣстно. Да тѣ-жъ прибывшіе козаки объявляютъ, яко извѣстно въ Крыму, что подлинно ханъ имѣетъ намѣреніе много войска на Черкесы на Кубанскую сторону отправить, для чего учиненъ отъ него указъ, чтобъ Ногайцы были во всякой готовности къ тому походу, который коль скоро съ хлѣбами и сѣнами тѣ орды уберутся, заразъ и послѣдуетъ. А причина сего похода, что Черкесы, по ханскому опредѣленію ясыра [плѣнныхъ], котораго онъ отъ нихъ требовалъ, сверхъ такого числа, якое они прежде имъ давали, не даютъ. По сколько-жъ въ тотъ походъ со всякой орды будетъ опредѣлено людей, нынѣ неизвѣстно».

Приведенный документъ представляетъ тотъ интересъ для исторіи и географіи нашего края, что въ немъ

[1]) Кочевья Ногайцевъ Едичкульской орды занимали за Днѣпромъ степи нынѣшняго Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи.

упоминается о Керчи, Еникале и переправахъ чрезъ Керченскій проливъ къ Таманскому полуострову Кубанской области. Кавказскіе горцы, бывшіе вассалами хановъ, платили имъ подать «ясыромъ», т. е. плѣнниками, а этихъ плѣнныхъ они добывали наѣздами на наши-же поселенія. Итакъ, «ясыръ» отъ насъ шелъ въ Крымъ съ разныхъ сторонъ.

Предложенные нами документы оправдываютъ сказанное нами выше о сходствѣ «Секретовъ Коша Запорожскаго» съ «воеводскими отписками», собранными г. Оглоблинымъ въ государственныхъ нашихъ архивахъ. Судить объ относительной ихъ важности не беремся; скажемъ только, что собранныя нами извѣстія, при всей ихъ мелочности, отрывочности и неполнотѣ, въ общемъ своемъ видѣ утверждаютъ насъ въ той мысли, что Запорожье сослужило и въ этомъ отношеніи своему правительству вѣрную службу. Мы видимъ, что простые козаки, безъ всякаго жалованья и вознагражденія, исполняли то дѣло, которое теперь ведутъ въ иныхъ формахъ Русскіе консула на востокѣ, и что ихъ «доѣздныя» донесенія были не менѣе полезны для государственной службы, особенно если принять во вниманіе положеніе порубежныхъ съ нами государствъ, трудность сообщеній и простоту лицъ, облекаемыхъ въ такое дипломатическое званіе, хотя и мелкихъ размѣровъ.

Быть можетъ всѣ эти подробности многимъ покажутся не занимательны, но для насъ мѣстныхъ изыскателей, разрабатывающихъ матеріалы для исторіи Новороссійскаго края, онѣ весьма важны и въ отношеніи географіи степи и въ отношеніи нѣкоторыхъ показаній

о Ногайцахъ, о которыхъ мы доселѣ почти ничего не знаемъ. Но самое любопытное свѣдѣніе доставили намъ разсказы козаковъ о происшествіяхъ въ Буджацкой ордѣ, распряхъ ея съ ордою Едисанскою и пр., объ этомъ мы должны присовокупить нѣсколько подробностей.

23 Іюня 1758 г. въ Запорожьи узнали, что между двумя главнѣйшими Ногайскими ордами: Буджацкою и Едисанскою произошли большія смуты и даже кровопролитныя распри; что Едисанцы совершенно возмутились, разбили Буджаковъ и самаго даже Сераскира схватили. Въ Сентябрѣ т. г. отъ самаго Халимъ-Гирея хана Крымскаго полученъ былъ въ Кошѣ ярлыкъ, слѣдующаго содержанія:

«Вѣдомо вамъ да будетъ, что я нынѣ слѣдую, по высочайшему указу, съ Крымскимъ войскомъ на Едисанскихъ Ногайцевъ, которые высочайшему его султанскаго величества указу учинили противность. Ежелибъ кто изъ оныхъ преправясь чрезъ Бѣлу-рѣку [1], прибылъ къ вамъ, то таковаго въ силу заключеннаго между обоими имперіями трактата, по прибытіи къ вамъ, все у него отобрать, а къ намъ его голову прислать прошу. О недопущеніи такожъ оныхъ въ Россійскую землю всѣмъ обрѣтающимся на заставахъ офицерамъ дать знать, о томъ я высокопочтенному Кіевскому губернатору писалъ, о чемъ въ скорости, чаю, онъ вамъ и самъ объявитъ. Намѣренъ я былъ свое послать войско и въ тотъ степь, которой между рѣкою Бугомъ и Очаковомъ лежитъ, дабы помянутыхъ

[1]) *Бугъ*, по-Турецки *Акъ-Су*, бѣлая рѣка. Этотъ ярлыкъ переведенъ 1758 г. *Ильею Муратовымъ*, переводчикомъ на Никитинской заставѣ въ Запорожьи.

измѣнниковъ не пропустить, но опасаясь того, что упомянутый степь близъ Россійской границы и вашего Запорожья лежитъ, дабы посланное наше войско или вашимъ козакамъ или и прочимъ Россійскимъ людямъ не сдѣлало какихъ обидъ, для того изъ предосторожности оставя при себѣ наше войско, по дружески васъ просимъ, дабы вы приказали, для пресѣченія такимъ измѣнникамъ путей, на тотъ помянутый степь и на Россійскую границу, своихъ послать козаковъ и караулы: отъ вершины Буга рѣки даже до устья его, а по Днѣпру даже до Кизикермена учредить, не опасуясь при семъ ничего, что эта земля Турецкой есть области».

Ханъ Крымскій пріятель вашъ».

Подпись на печати: «Ханъ-Халимъ-Гирей, сынъ Саадетъ-Гирея-Хана».

Другимъ письмомъ отъ 24 Сентября на имя «своего пріятеля» кошеваго Григорія Федорова ханъ просилъ, чтобы войско Запорожское для переправы его арміи, за недостаткомъ судовъ въ Очаковѣ и у Кизикермена дозволило нанять у низовыхъ рыболововъ 150 дубовъ и лодокъ за приличную плату, увѣряя, что войска его никакого вреда имъ не сдѣлаютъ.

Эти письма, слухи о движеніи Крымскихъ войскъ, опасенія отъ Ногайцевъ, заставили Правительство разослать агентовъ изъ Запорожья и Новосербіи, чтобы узнать какъ о причинѣ смутъ, такъ и о движеніи хана Крымскаго и его противниковъ Ногайцевъ. Изъ такихъ донесеній мы узнаемъ почти весь ходъ этого важнаго въ то время событія.

Одною изъ главныхъ обязанностей великихъ вассаловъ Порты: Крымскаго хана, господарей Молдавскаго, Валахскаго и др. было доставленіе извѣстнаго количества хлѣба, масла и др. съѣстныхъ припасовъ для продовольствія Константинополя. Халимъ-Гирей-Ханъ, не смотря на жестокую зиму и претерпѣнныя отъ того потери Ногайцевъ — народа беззаботнаго, лѣниваго и кочеваго, слѣдственно всегда бѣднаго—вмѣсто обыкновеннаго доселѣ налога: по 10 левовъ [$2^1/_2$ р. сер.], по 4 кило пшеницы и по двѣ яловицы со всякаго казана или семьи, забралъ въ самомъ началѣ своего владычества почти вдвое, чтобы показать свое усердіе къ «высокому порогу». Это возбудило противъ него неудовольствіе народа, а еще болѣе мурзъ. Это неудовольствіе еще болѣе усилилось, когда онъ назначилъ двухъ своихъ сыновей: *Саадетъ-Гирея* и *Крымъ-Гирея* султановъ, перваго Кубанскимъ, а втораго Ногайскимъ, т. е. Едисанскимъ, а послѣ Буджакскимъ сераскирами. Оба султана употребили все, чтобы сдѣлать имя Гиреевъ ненавистнымъ въ этомъ народѣ. Запорожцы, бывшіе въ 1758 г. на Кубани, видѣли, что тамошній сераскиръ съ небольшимъ своимъ дворомъ и немногими кибитками кочевалъ близъ Копыла подъ защитою Черкесской старшины тоже изъ рода Гиреевъ, а мурзы Кубанскіе и болѣе 2,000 кибитокъ этого народа кочевали на устьи Кубани и никакого повиновенія и сношеній даже съ нимъ не имѣли. Ханъ сдѣлалъ измѣненіе: Крымъ-Гирея съ братомъ его Казы-Гиреемъ послалъ на Кубань и въ Черкесію, а Саадетъ-Гирея въ Буджакъ. Но это не помогло. Въ Буджакѣ дѣйствія сераскира превзошли всякую мѣру жестокости; не только

онъ грабилъ все Ногайское имущество, но безчестилъ ихъ женъ, а дѣтей продавалъ въ рабство; наконецъ разорялъ села татарскія и христіанскія не только въ Молдавіи, но даже на Польской границѣ. Братья его въ Черкесіи и на Кубани дѣлали то-же. Тогда Ногайцы посредствомъ своихъ мурзъ, а другіе думаютъ, что и интригами безпомѣстнаго Султана Крымъ-Гирея, сына Девлетъ-Гирея хана, скрывшагося въ Румеліи, возбужденные, подняли знамя бунта, не пустили хлѣба, который Молдавія и Бессарабія хотѣли послать въ Константинополь, и отказались отъ повиновенія хану и даже Портѣ. Едисанцы толпами бросились къ Очакову, съ намѣреніемъ взять эту крѣпость, такъ что паша принужденъ былъ вооружить христіанъ: Волоховъ, Грековъ и даже бывшихъ тамъ Запорожскихъ купцовъ, чтобъ защитить свою твердыню. По волѣ Порты, ханъ Халимъ-Гирей выступилъ съ 20,000 Крымцевъ изъ Перекопа, а паша Румелійскій посланъ въ Молдавію. По сказанію Запорожцевъ, Буджакскіе и Ногайскіе [Едисанскіе] Татаре бросились на Мультанскую [Молдавію] землю, разорили ее, и взяли болѣе 5,000 чел. въ плѣнъ; это было причиною, что господарь, спасаясь отъ Татаръ, искалъ убѣжища въ Венгріи со всѣмъ дворомъ и боярами. Послѣ того они опустошили Валахію и взявъ ясыромъ болѣе 3.400 чел. со всѣмъ ихъ имуществомъ и скотомъ, увели въ свои Буджацкія села. Въ числѣ плѣнниковъ было и 20 Польскихъ купцовъ, торговавшихъ желѣзомъ и косами въ Измаилѣ. «Отъ Турецкаго султана [говоритъ агентъ] приказано Мультанской и Волосской земли пашамъ итти въ Татарскія и Буджакскія села и чтобъ кто

могъ изъ своего имущества опознать, все Волошскимъ людямъ возвращать, а за другое деньгами заплату чинить. А бывшему при Портѣ Турецкому Визирю султанъ приказалъ голову отсѣчь за то, якобы чрезъ его факцію въ Татарской сторонѣ смятеніе воспослѣдовало. Ханъ Крымскій, переправясь чрезъ Бугъ, пошелъ въ Бѣлгородскую землю [Буджакъ] и пребываетъ въ *Каушанахъ* [1]), стараясь всѣми силами мятежъ успокоить, и для того повелѣваетъ пограбленное имущество и полоненный народъ возвращать въ свои мѣста. Почему ханъ послалъ сейменовъ [2]), главныхъ офицеровъ до гетмана [головы] Дубоссарскаго, съ тѣмъ дабы и онъ своего старанія прилагать не оставилъ. Бывшій ханъ *Али-Гирей* [Арсланъ-Гирей] съ своими сынами ушелъ за долину подъ названіемъ *Бабадагъ* [3]) надъ море [Черное] до нѣкотораго города, отколь его, по ихъ обыкновенію, взять уже не можно, развѣ самъ оттудова пожелаетъ выйти. Также и Ногайскихъ [т. е. Едисанскихъ] Татаръ бывшій въ 1758 г. султаномъ [сераскиромъ], Мубарекъ-Гирей до Румеліи моремъ — [до коихъ мѣстъ надобно отъ Царѣграда моремъ же ѣхать 6 дней] — ушелъ, по той причинѣ, что онъ чинилъ Татарамъ великія обиды, бравъ у знатныхъ мурзаковъ женъ и дочерей, и убилъ одного знатнаго мурзака, прозваніемъ *Бекъ-Мурза-Кадилши-Дели-Гіолъ-Мурзу* въ собственномъ его домѣ. Почему Буджацкіе и Ногайскіе Татаре взбунтовались и даже нынѣшняго хана они намѣрены до весны только держать и ханомъ почитать, а весною

---

[1]) Селеніе близъ Бендеръ въ Бессарабіи.

[2]) *Сеймены*, *Сейманъ* или *Секбанъ*, тѣлохранитель.

[3]) *Бабадагскій* округъ въ Болгаріи, гдѣ крѣпость с. и.

другого выбравъ, отъ Порты на смѣну просить. Въ Волошской же землѣ и нынѣ народъ въ великомъ смятеніи находится. Отъ чего многіе знатнымъ числомъ уходятъ въ Польскую землю, отколь ихъ Татаре силою брать намѣрены».

Желаніе Татаръ сбылось; Порта, узнавъ о смятеніи въ Ногайскихъ земляхъ и слабости Халимъ-Гирея, отозвала его изъ Крыму, а на его мѣсто назначила того самаго Крымъ-Гирея, сына Девлетъ-Гирея, ханомъ, который былъ тайною, но главною причиною всѣхъ безпокойствъ. Объ этомъ новомъ ханѣ будетъ еще не разъ говориться въ нашемъ повѣствованіи. Калга Халимъ-Гирея, Хаджи-Гирей султанъ съ 7-ю мурзами и 150 Ногайцами ушелъ въ Польшу, гдѣ помѣщикъ г. Умани графъ Францъ Потоцкій ихъ принялъ и содержалъ въ Тульчинѣ на свой счетъ, о чемъ мы уже сказали выше.

Вотъ еще нѣсколько наивныхъ донесеній Запорожскихъ агентовъ: «Слышно еще, говорили они, что Ногайскихъ и Буджацкихъ Татаръ 40,000 [!?] въ свои мѣста не возвратились; они, какъ сказываютъ, пошли въ горы Волошскія для грабительства, а другіе больше сказываютъ, что къ Прусскому королю. Надъ которымъ войскомъ главнымъ командиромъ паша, а другой прозваніе имѣетъ Мамбетъ-Мурза. Сколько въ прошломъ 1757 и 1758 г. Турками и Татарами въ пограничныхъ Польскихъ мѣстахъ и селахъ покупаемо было хлѣба, оный былъ отправляемъ на корабляхъ въ Пруссію. Прусскій король Оттоманской Портѣ великій пріятель и Порта желаетъ, чтобы онъ Русскія войска побѣдилъ». [1759 г. 29 Января»].

Такъ слухи о войнѣ Россіи съ Пруссіею и о другихъ политическихъ событіяхъ доходили до Запорожцевъ или Татаръ и такими свѣдѣніями, иногда очень оригинальными, довольствовалось пограничное начальство. О Крымъ-Гиреѣ слышно было, что онъ прежде всего пустился въ Буджакъ и тамъ провелъ зиму для усмиренія кочевьевъ. Запорожскій старшина Тимофей Строчъ, бывшій въ Каушанахъ и Копанькахъ, видѣлъ при ханѣ, сказано выше, французскаго посланника, т. е. консула и о томъ далъ знать кошевому. Но объ этомъ ханѣ, послѣднемъ изъ Крымско-Татарскихъ богатырей, будемъ говорить въ слѣдующихъ главахъ нашей лѣтописи.

ГЛАВА VIII.

Вступленіе на престолъ Императрицы Екатерины II. Крымъ-Гирей. Учрежденіе Новороссійской губерніи и межевые споры.

Извѣстіе о благополучномъ возшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II получено въ Запорожьи Іюля 1762 г. На другой день въ Сѣчевой Покровской церкви, въ присутствіи слишкомъ 13.000 козаковъ, старшины и духовенства, совершено было торжественное моленіе о здравіи и долголѣтіи Монархини и Ея Наслѣдника В. К. Павла Петровича. По окончаніи богослуженія, войсковый писарь прочиталъ громогласно Высочайшій манифестъ отъ 20 Іюня, которымъ Императрица объявляетъ, что «по благости Всемогущаго Бога и по желанію всѣхъ сыновъ Россійскихъ воспріяла Она престолъ» — и тогда кошевой, старшина, куренные атаманы, сѣчевое и пріѣзжее духовенство, военные чины ландмилицейскаго гарнизона Новосѣченской крѣпости, купечество сѣчеваго базара и всѣ козаки, при Кошѣ бывшіе, по куренямъ, принесли отъ души присягу на вѣрность подданства и преданность

великой Русской Самодержицѣ. Но такъ какъ многіе козачьи дружины были въ отсутствіи—однѣ по службѣ на границахъ, другія въ числѣ 4,000 чел. въ закрытныхъ командахъ близъ Буга, для наблюденія за Едисанскими и Буджацкими Ногайцами, остальныя, наконецъ, на рыбныхъ ловляхъ и по зимовникамъ, на весьма обширномъ пространствѣ,—то Кошъ распорядился о приведеніи ихъ къ присягѣ на мѣстѣ. А потому войсковой асаулъ Василій Пишмичъ отправленъ былъ съ священникомъ и присяжными листами: на низъ Днѣпра, въ Гардъ и по зимовникамъ для приведенія къ присягѣ всѣхъ безъ исключенія чиновъ Низоваго войска. Такимъ образомъ все Запорожье узнало о вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины и Кошъ, пославъ къ гетману и въ Кіевъ списки совершившихъ вѣрноподданническую присягу, доставилъ намъ возможность судить о его составѣ въ 1762 году.

Въ рапортѣ, имъ представленномъ, показано, что

1.	Въ Кошѣ къ присягѣ приведено старшины и войска	13,427
2.	Въ Калміусской паланкѣ	674
3.	Въ Бугогардовой	427
4.	Въ Перевѣзской или Ингульской	282
5.	Въ Самарской: товариства	2,323
	Въ » поженившихся козак.	1,021
6.	Въ Кодацкой: товариства	840
	Въ » женатыхъ козаковъ	1,291
	Всего	20,281 ч.

козаковъ, не считая подданства войсковаго, ибо поселянамъ всѣхъ названій поимянно присягать не велѣно.

Изъ этой краткой вѣдомости видно, что въ течсніе 8 лѣтъ съ 1755 по 1762 г. народонаселеніе Запорожья усилилось, ибо самыхъ козаковъ холостыхъ, т. е. товариства прибавилось болѣе нежели 3,000 человѣкъ.

Въ то-же время Кошевое начальство приглашено было, подобно другимъ козачьимъ обществамъ къ участію въ торжествахъ Коронаціи, совершившейся въ томъ-же году, въ Москвѣ 12 Сентября. Кошевымъ былъ уже, въ первый разъ, Петръ Калнишевскій и онъ со всѣми войсковыми старшинами, куренными атаманами депутатами отъ войска, явились въ Москву и милостиво были приняты Государынею и наслѣдникомъ престола В. К. Павломъ Петровичемъ[1]. Кошевой удостоился награды золотой медали [«портрета» Государя, какъ называли ея козаки] на Андреевской лентѣ, а Высочайшая граммата отъ 2 Іюля 1763 года пожаловала войску, по примѣру Августѣйшей предшественницы Государыни Елисаветы Петровны «Клейноты», а именно: булаву, знамя, бунчукъ, печать, перначъ, пару литавровъ, четыре значка и трость, которые изъ Сената вручены бывшему Кошевому Григорію Федорову съ знаменами и куренными значками вновь отдѣланными, для торжественнаго доставленія ихъ въ Сѣчь Запорожскую. Мы имѣемъ одинъ только документъ объ этомъ предметѣ, именно письмо Кошеваго старшинѣ, посланное съ нарочнымъ на встрѣчу Гр. Федорову и отвѣтъ его къ новому Кошевому Петру Калнишевскому: «Симъ нашимъ писаніемъ В. В. объявляю: что мы имѣемъ намѣреніе завтрешняго дня [4 Сентября

[1]) Къ сожалѣнію, все почти «дѣло» объ участіи въ коронаціи Запорожскихъ чиновъ потеряно и остались лишь только полуистлѣвшіе обрывки.

1764] неотмѣнно быть съ пожалованными войску Запорожскому Низовому съ Высочайшей Е. И. В. милости клейнотами въ Кошъ и В. В. передаемъ на волю на счетъ встрѣчи и торжества».

Въ слѣдъ затѣмъ Кошъ занялся важнѣйшими для войска вопросами: угрозами съ Татарскаго рубежа Крымъ-Гирея-Хана и вновь порожденныхъ межевыхъ распрей на Сербской границѣ. Начнемъ съ грознаго еще Крыма.

Крымъ-Гирей, — сынъ Девлетъ-Гирея-Хана, сверженнаго съ престола въ 1725 году и вмѣстѣ съ малолѣтними сыновьями сосланнаго на заточеніе въ Румелію, былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государей Крыма. Онъ явился въ то время когда совершенно упавшее ханство, управляемое слабыми, часто стариками-ханами, клонилось къ разрушенію само собою, безъ всякой посторонней причины. Крымъ-Гирей, 40 лѣтъ отъ роду, вступая на престолъ, казался Портѣ дерзкимъ вассаломъ, отъ того только терпимымъ, что его храбрость, предпріимчивость и чрезмѣрная строгость нужны были для возстановленія порядка въ Крыму, одной изъ главныхъ житницъ Константинополя. Еще болѣе нуженъ былъ онъ, какъ повелитель Ногайцевъ, пограничной стражи противу Русскихъ, которыхъ Порта какъ бы по инстинкту особенно страшилась. Для Крыма это было яркое, хотя и мимолетное явленіе прежняго энергическаго наѣздническаго быта, послѣдній феноменъ этого неимовѣрнаго зрѣлища, какое представляли «Крымъ и Орда» въ теченіе почти трехъ столѣтій. Предупреждаемъ читателей, что мы будемъ говорить о Крымъ-Гиреѣ и вообще о Крымѣ,

преимущественно изъ Запорожскихъ источниковъ, что-бы повтореніемъ всѣхъ извѣстныхъ фактовъ не сдѣлать разсказа нашего еще утомительнѣе.

20 Октября 1758 г. козакъ Корсунскаго куреня *Иванъ Незнай*, возвратясь изъ Крыму, объявилъ Кошу, что будучи въ началѣ Сентября въ Перекопѣ по купечеству, видѣлъ, что вышедшее было съ ханомъ [Халимъ-Гиреемъ] Крымское войско на Едисанскихъ Ногайцевъ, возвратилось и чрезъ Перекопъ шло въ домы свои дней съ шесть, «со всѣми своими клейнотами и знаменами». Хана при немъ не было, а слышно было, что ханъ лишенъ своего сана и остался за Днѣпромъ; а на его мѣсто присланъ будетъ другой изъ Цареграда. Главный толмачъ, возвратясь съ войсками въ Перекопъ, тамошнихъ кантаржей [вѣсовщиковъ] и толмачей лиша чиновъ въ тюрьмы сажалъ; а Турки говорили: «слава Богу, что хана отставлено, впредь будетъ мирно и тихо». Въ тотъ же день получено письмо отъ Перекопскаго каймакана Салихъ-Аги, который извѣщая кошеваго Григорія Федорова объ отставленіи Халимъ-Гирея и вступленіи въ правленіе новаго хана Крымъ-Гирея, просилъ сдѣлать вездѣ извѣстнымъ, что смятеніе бывшее въ Крымскихъ областяхъ миновалось, войска возвратились назадъ и что торговцы могутъ опять со всею безопасностію торговать въ Крыму.

Крымъ-Гирей и его качества были очень хорошо извѣстны въ Турціи и Русскій резидентъ въ Константинополѣ, статскій совѣтникъ *Обрѣзковъ* въ депешѣ своей, писанной шифрами къ Кіевскому оберъ-коменданту Лопухину, извѣщаетъ, что новый ханъ человѣкъ предпріимчивый и отважный, что въ одномъ письмѣ своемъ

похвалился предъ Портою: «Запорожскихъ козаковъ въ такое состояніе привесть, что впредь Татары отъ нихъ обезпокоиваемы не будутъ». Въ другомъ письмѣ Обрѣзковъ присовокупляетъ, что Крымъ-Гирей нраву безпокойнаго, величеватъ, предпріимчивъ и къ повелѣніямъ Портѣ невеликое уваженіе имѣетъ», что онъ ищетъ добраго претекста, чтобы отъ переѣзда изъ степи въ Крымъ отказаться. Вотъ свѣдѣнія, привезенныя посыланнымъ отъ Г. М. Юста сотникомъ Новослободскаго козачьяго полка *Тавровскимъ*: «Нынѣшній ханъ Грымъ-Гирей опредѣленъ въ Крымъ не по указу Султанскому, но отъ самаго Едисанскаго народа, который вызвалъ его изъ ссылки, которую онъ заслужилъ будучи еще султаномъ, отъ бывшаго падишаха, за свои своевольства. Теперь [въ Апрѣлѣ 1759 г.] оный ханъ находится въ с. Копанкѣ и въ Крымъ ѣхать по причинѣ тамошнихъ Турокъ [Янычаръ] и Татаръ опасается, которые на него не малую вражду имѣютъ по причинѣ той, что онъ съ тѣми Едисанцами въ прошломъ [1758] году Волошину и Мультанщину разорилъ. Недавно и изъ Цареграда отъ Турецкаго Султана о бытіи ему ханомъ, когда уже онъ самими Едисанцами былъ избранъ, присланъ указъ. При томъ въ презентъ прислана ему лошадь верховая со всѣмъ къ ней убоﾭромъ, Турецкій кафтанъ и шабля подъ золотомъ и денегъ 40.000 червонцевъ [!] съ нарочнымъ знатнымъ старшиною, капиджи-башою. Почему онъ ханъ намѣреніе было взялъ, чтобъ въ Крымъ со всѣмъ перебраться, для чего туда женъ своихъ и нѣкоторый экипажъ уже было отправилъ, но потомъ раздумалъ: тѣхъ женъ и экипажъ, по имѣющейся на него отъ Крымцевъ

злобѣ, дабы оные чего не учинили, паки къ себѣ возвратилъ».

Вскорѣ, однакожъ, по донесенію Ингульской паланки, узнали, что «находящаяся ниже Очакова на р. Тилигулѣ [Одесскаго уѣзда] Орда съ ханомъ начала переходить чрезъ Очаковъ на Крымскую сторону Апрѣля середнихъ чиселъ, а самъ ханъ переправился изъ Очакова въ Кинбурнъ Апрѣля 29. Орды съ нимъ перешло, какъ говорятъ, 5,000 ауловъ, т. е. кибитокъ, она идетъ скоро, не престанно, денно и нощно». Пріѣхавшій же изъ Перекопа нарочно туда посыланный войсковый толмачъ *Иванъ Швыдкій* разсказывалъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ ханъ Крымскій Крымъ-Гирей 6 Мая торжественно въ Перекопъ входилъ, имѣя до 27.000 войска, предшествуемый присланнымъ отъ Порты капиджи-башею со свитою и почетнымъ его знаменемъ.

Донесеніе Ингульской паланки вскорѣ оправдалось: опасенія хана на счетъ Крымцевъ и приверженность его къ Ногайцамъ обнаружились тѣмъ, что онъ часть Буджаковъ перевелъ въ сѣверныя степи Тавриды. Это ему давало средства съ одной стороны усилить свое вліяніе и власть въ враждебномъ ему ханствѣ, съ другой умножало пограничную стражу отъ Запорожцевъ, не менѣе ему опасныхъ. Объ этомъ важномъ для Запорожья событіи 19 Мая 1759 г. посланъ имъ слѣдующій ярлыкъ къ кошевому Алексѣю Бѣлицкому: [1]

[1]) Оригинальный ярлыкъ имѣемъ у себя; переводъ, присланный изъ Крыма Русскимъ резидентомъ, сдѣланъ на Польскомъ языкѣ. До сихъ поръ мы не можемъ удостовѣриться, о какой *Желтой* рѣчкѣ говоритъ онъ: о Сары-Гёлѣ, впадающей въ Тилигулъ, близъ с. Тащино (Одесск. уѣзда), или о Сары-Ярѣ, рѣчкѣ Аккерманскаго уѣзда близъ м. Тузлы, въ Бессарабіи.

«До сего времени жившіе на Жолтыхъ-Водахъ [Сары-Су или Сары-Гёлъ] близъ города Бендеръ за-Днѣстровскіе наши Ногайцы, именуемые Едичкулъ-Аулы, по надобности переведены сюда и опредѣляется имъ для жительства мѣсто отъ мѣстечка Рогачика, даже до Кизикермена [1]. Въ соблюденіи же Высочайшихъ кондицій [т. е. Бѣлградскаго мира] тѣмъ Ногайцамъ и ихъ мурзамъ крѣпко подтверждено, чтобы вашимъ козакамъ обидъ и никакихъ наглостей не чинить. Взаимно и вы, когда получите извѣстіе, что эти Ногайцы по Днѣпру зимовниками своими жить «скоты плодить» и землю пахать будутъ, то такимъ же образомъ всѣмъ куреннымъ атаманамъ и ихъ подчиненнымъ козакамъ на крѣпко подтвердить: въ соблюденіи обоюднаго между имперіями мирнаго трактата, о нечиненіи обидъ и сохраненіи между собою согласія».

Это поселеніе на берегахъ Днѣпра противу Запорожской Сѣчи и лучшихъ ея владѣній, самаго безпокойнаго племени Ногайскаго, было началомъ новыхъ и безконечныхъ распрей, ссоръ и даже преступленій, ибо и тѣ и другіе имѣли десятки равныхъ негодяевъ, жившихъ разбоемъ, грабительствомъ и кражею скота. Крымъ-Гирей зналъ, что надѣливъ Запорожье такою занозою, онъ внутри Крыма будетъ спокоенъ. Въ дѣлахъ Запорожскихъ мы находимъ, что съ этого времени Едичкульской орды каймаканъ, а иногда даже сераскиръ изъ рода Гиреевъ, былъ родъ пограничнаго начальника и распорядителя пограничныхъ дѣлъ, вмѣсто употреблявшагося доселѣ Перекопскаго дыздаря

---

[1]) Нынѣ Берислав. *Рогачикъ* въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи.

или каймакана. Съ этого времени чрезъ него уже Запорожцы сносились съ ханомъ въ случаѣ какихъ нибудь споровъ или взаимныхъ претензій. Другая мѣра была увеличеніе соляной платы или пошлины на Перекопскихъ озерахъ. Крымъ-Гирей приказалъ иманамъ или приставамъ Перекопскихъ соляныхъ промысловъ продавать мѣру соли, ходившую въ 10 коп., по 20 коп.; а озерный возъ, вмѣсто 4 руб., по 6 р. 50 коп. На жалобу о томъ Коша, что соляная торговля понесла отъ того убытки, ханъ ярлыкомъ, въ Іюнѣ 1759 г. писаннымъ, отвѣчалъ, что цѣна соли прежняя была установлена еще отцемъ его Девлетъ-Гиреемъ-Ханомъ, когда Крымскіе башлыки ходили хорошо, а теперь они очень понизились отъ употребленія, а потому онъ вычеканивъ новую монету, которая потребовала увеличенія цѣны соли, дабы она сравнялась съ цѣною монеты, какая была предъ Девлетъ-Гиреѣ. Впрочемъ, въ послѣдствіи на угрозу Коша, что онъ запретитъ солевозамъ ѣздить въ Крымъ, ханъ, опасаясь упадка своихъ доходовъ, цѣну эту измѣнилъ и вмѣсто 6 р. 50 к. назначилъ 5 руб. за большой озерный возъ соли.

Другою мѣрою во вредъ торговлѣ Запорожской, а слѣдственно всей полуденной Россіи, было ханское воспрещеніе: судамъ Запорожскимъ проходить въ море мимо Очакова и заграничнымъ идти по Днѣпру въ Сѣчь. Онъ приказалъ Очаковской таможнѣ не пропускать въ Сѣчь торговыхъ судовъ, идущихъ съ Чернаго моря и Архипелага, а возвращать назадъ въ море, съ требованіемъ, чтобъ они шли въ Козловскую пристань въ Крыму. Судамъ же Запорожскимъ не позволялъ иначе торговать въ Очаковѣ, какъ перегружая свои товары

на Очаковскіе тумбазы или суда. Твердость кошеваго Григорія Федорова и фирманы султанскіе не помогли, и Крымъ-Гирей явно показывалъ, что онъ желаетъ быть поборникомъ и Россіи и Запорожья; неоднократно даже просилъ у Порты позволенія сдѣлать наѣздъ на Новую-Сербію, но Диванъ его удерживалъ, не желая еще нарушать мирныхъ сношеній съ Россійскою имперіею. Наконецъ должны мы для окончанія свѣдѣній нашихъ о Крымъ-Гиреѣ замѣтить, что онъ приказалъ починить Перекопскій ровъ и валы, перевелъ изъ Кубани часть Кубанскихъ Ногайцевъ [Киргизовъ] и поселилъ ихъ отъ Молочныхъ-Водъ до Перекопа. Это последнее обстоятельство тѣмъ замѣчательно, что въ 1783 г., когда Россія заняла Крымское ханство и всѣ Ногайскія орды ушли въ Буджакъ, одни Киргизы остались тамъ въ числѣ только 198 кибитокъ.

Такъ мы дошли опять до 1762 г., который оставили, чтобы дополнить разсказъ нашъ о Запорожьи всѣми до него касающимися событіями. Теперь пойдемъ далѣе въ хронологическомъ порядкѣ.

Императрица Екатерина II, вступивъ на Россійскій престолъ, вскорѣ познакомилась съ великимъ своимъ государствомъ, поняла его нужды, высчитала его внутреннія силы и средства, разгадала блистательную его участь. Ея царствованіе начало для всей Россіи знаменитѣйшую эру ея быта, но и на эту частицу Имперіи, которую мы называемъ теперь «Новороссійскимъ краемъ», Она обратила самое тщательное и, можно сказать, родительское вниманіе, давшее ему новую жизнь и новыя силы. Многими милостивыми манифестами и указами [2 Декабря 1762 г., 22 Іюля 1763 и мн. др.],

Она призвала поселенцевъ отъ всѣхъ государствъ Европы. Цѣлыя тысячи трудолюбивыхъ Славянъ, Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, Италіанцевъ перенесли въ Россію свое хозяйство, образованіе, художества или просто трудолюбіе, и основали, одни колоніи въ степяхъ Южной и Восточной Россіи, какъ бы въ новомъ мірѣ; другіе, фабричные и ремесленные станки по городамъ. Такимъ образомъ должны были разшириться и тѣ поселенія, которыя были основаны на земляхъ Запорожскихъ, и слѣдственно перейти далеко за границу, проведенную было въ 1750 годахъ между Слободскимъ полкомъ и войсковыми угодіями. Это крайне огорчало Запорожцевъ, не хотѣвшихъ ни уступать земель, вовсе имъ впрочемъ не нужныхъ, ни видѣть близъ себя такихъ сосѣдей, какъ Сербское и Слободское военныя поселенія.

Вступленіе на престолъ Императрицы Екатерины и слава, которая ей предшествовала, подали Запорожцамъ добрую надежду, что, наконецъ, тяжкіе ихъ межевые споры будутъ окончены. Со всеподданнѣйшею о томъ челобитною пустился ко Двору Монархини кошевый Григорій Федоровъ съ войсковымъ писаремъ Иваномъ Глобою, однимъ изъ *разумнѣйшихъ* лицъ въ Запорожьи Петръ Калнишевскій отправился паломникомъ въ Кіевъ для поклоненія св. мощамъ и для свиданія съ давнимъ благодѣтелемъ и защитникомъ войска Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Иваномъ Глѣбовымъ. Этотъ сановникъ, будучи еще командиромъ войскъ въ Новосербіи, первый окончилъ споры пограничные, отъ чего межа на границѣ обѣихъ областей положенная долго называлась *Глѣбовскою-Линіею*, и теперь какъ

главный командиръ Новосербскаго поселенія все еще покровительствовалъ Запорожцамъ. Но его участіе не могло уже помочь имъ.

Главнымъ характеромъ вѣка Екатерины II, если такъ можно выразиться, было стремленіе къ единству, централизаціи властей и уравненію обязанностей и правъ во всѣхъ частяхъ государства Русскаго. Одинъ тому примѣръ мы представить можемъ здѣсь, какъ намъ близкій и хорошо извѣстный. Въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ, исключая Запорожья, Русскія поселенія, вмѣстѣ съ иностранными военными колоніями, занимали узкую хотя и длинную полосу на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ этого края, было 5 отдѣльныхъ управленій а всего 30,000 душъ об. п. народонаселенія, зависѣвшихъ, правда, отъ Кіевскаго генералъ-губернатора, но который пребывалъ въ 500 или 600 верстахъ отъ его подчиненныхъ. Такимъ образомъ Бахмутскій козачій полкъ, Украинская Линія съ ландмилицейскимъ корпусомъ, Славеносербія, управленіе к. Св. Елисаветы и Новослободское поселеніе — имѣли всякое особыхъ начальниковъ и командировъ, которые всѣ безъ исключенія были въ открытой враждѣ съ Запорожцами, ибо всѣ старались о распространеніи своего вѣдомства на счетъ принадлежностей Низоваго войска, подъ предлогомъ, что земли эти пусты и не заселены. Императрица Екатерина, до свѣдѣнія которой дошли многія жалобы на генералъ-лейтенанта Хорвата и другихъ начальниковъ военныхъ поселеній, рѣшилась узнать поближе этотъ новый Русскій міръ. Генералъ-поручики: князь Мещерскій и Мельгуновъ были посланы въ за-Днѣпровскія мѣста, чтобы узнать истину. Они убѣдились, что хотя

на Хорвата взнесены были многія клеветы, но одно было весьма очевидно, что полки его: гусарскій и пандурскій и четвертой части не имѣли обѣщанныхъ чиновъ, а обширный край, болѣе 2,500 квадр. верстъ имѣвшій пространства, назначенный для Новой-Сербіи, который теперь составляетъ самую лучшую и богатую часть Херсонской губерніи, былъ почти пустъ; что шанцы и села едва были основаны, хотя болѣе 1,000.000 р. на нихъ издержано; что, наконецъ, многіе переселенцы, особенно заграничные, ушли обратно домой, а Украинцы, бросивъ гусарскую службу, зачислились въ Запорожье. Нѣкоторые даже, избѣгая военно-пограничной службы, уходили въ Очаковскую область, предаваясь подъ покровительство хановъ Крымскихъ или Едисанскихъ сераскировъ и тамъ основывали города и села. Такъ основались: Балта на Кодымѣ, Голта на Бугѣ, Бобринецъ, Ананьевъ, Палѣво-Озеро и др. Для приведенія этого обширнаго края въ надлежащее устройство, возстановленія въ немъ порядка и хозяйства, Императрица, указомъ 11 Іюля 1763 г. назначивъ Мельгунова командиромъ ландмилицейскаго корпуса и Украинской Линіи, поручила ему Новосербское и Новослободское поселенія въ главную команду, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ военной коллегіи. Онъ, слѣдственно, вступилъ въ сношенія съ Запорожьемъ и какъ добрый хозяинъ, желая самыхъ мирныхъ связей съ сосѣдами, писалъ къ кошевому Григорію Федорову, что Е. И. В. желаніе и повелѣніе есть, чтобы «пребывающему нынѣ и впредь выходящему на оныя мѣста народу ввесть и установить жизнь порядочную и спокойную, отвратить всѣ бывшія тому неудобности,

препятствія и затрудненія, каковыя причиною были въ неуспѣшномъ умноженіи способнымъ онаго народомъ». Для окончанія же, если возможно, всѣхъ споровъ и недоразумѣній онъ желалъ опредѣлить съ точностію границы Запорожскихъ и ему подвѣдомственныхъ земель и просилъ Кошъ прислать свѣдущаго по этой части старшину къ назначенному отъ него инженеръ-маіору Седякину, которому съемка и описаніе всего края были поручены» [1763 г. 3 Сентября].

Кошъ, видя, что ему никакъ нельзя было избавиться отъ этого ненавистнаго ему *описанія*, послалъ на линію въ Богородицкій ретраншаментъ двухъ своихъ полковниковъ: *Нещадима* и *Голуба* полковаго старшину *Андрея Семенова* по прозванію *Товстика* и команду стариковъ, знающихъ хорошо всѣ земли, рѣчки и урочища, «гдѣ издревле Запорожцы зимовниками сидѣли». Но въ то-же время врожденная грубой и полудикой общинѣ тревожность и недовѣрчивость восторжествовала. Уже нѣсколько лѣтъ сряду монахи Кіево-Межигорскаго монастыря, — съ которыми Запорожцы сохраняли самыя тѣсныя сношенія и чрезъ которыхъ они узнавали, что дѣлалось въ Россіи; — и сами и чрезъ поженившихся въ Малороссіи бывшихъ Сѣчевиковъ пересылали имъ вѣсти въ Сѣвера и предсказывали, что если войско само не измѣнится въ своемъ составѣ, не сдѣлаетъ важныхъ и добровольныхъ уступокъ, то гибель его неизбѣжна. Русское правительство, вполнѣ постигая важность обладанія южными своими областями и усиливая постепенно политическое и внутреннее свое могущество, для собственнаго своего благоденствія, для сохраненія мира съ безпокойными

сосѣдями, не могло терпѣть въ своихъ предѣлахъ столь буйнаго и столь непокорнаго общества, какъ Запорожскій военный орденъ. Но козачество, не измѣняясь вовсе въ своихъ понятіяхъ и учрежденіяхъ, не постигая преобразованій гражданственности, которыя столь быстро измѣнили внутренній и внѣшній видъ Россіи, — всякую мѣру правительства къ упроченію благоденствія своихъ областей считало нарушеніемъ древнихъ правъ и привиллегій, нарушеніемъ «Днѣпровыхъ вольностей».

Движимые этимъ духомъ Запорожцы собрались 2 Апрѣля 1763 въ общую войсковую раду и по долгихъ совѣщаніяхъ, согласно съ требованіями большинства, т. е. *черни* войска, опредѣлили: «такъ какъ извѣстно сдѣлалось, что Слободскіе поселенцы опять перешли за свои границы, и близъ Запорожскаго Гарду за 50 верстъ отъ ихъ рубежа водворились, построили тамо домы и землянки изъ войсковаго лѣсу, хлѣбъ пашутъ и сѣно косятъ; то на основаніи Высочайшихъ указовъ, которыми въ Запорожскія дачи чужимъ людямъ входить не дозволено и вошедшихъ оттуда выслать приказано, — впредь никого на Запорожскія земли не допускать, а Гардовому полковнику дать ордеръ, чтобы такихъ противниковъ и *самовольныхъ* поселенцевъ «выслать изъ войсковыхъ дачъ и жилья ими построенныя, особливо что по надъ Синюхою и Бугомъ рѣками близъ чужихъ границъ находятся, разбросать. А какіебъ тамъ жители были, то не приключая имъ и на одну копѣйку убытку и ни какой обиды, отправить ихъ въ дачи Слободскаго поселенія».

Къ нечастію для Запорожцевъ, столь безрасудное

приказаніе Коша было исполнено съ послушаніемъ и усердіемъ. Бугогардовый полковникъ *Демянъ Семеновичъ*, по прозванію *Деркачъ*, съ перначемъ въ рукахъ, предшествуемый своимъ значкомъ и съ 12 козаками, отправился въ чертѣ Слободской, а оттуда слѣдуя по межѣ новаго поселенія прибылъ къ заведеннымъ на Запорожской землѣ селищамъ въ урочищахъ: *Лысой-горѣ* на р. Черномъ-Ташлыкѣ, и *Песчаномъ-броду*[1] и спросилъ у жителей, откуда они туды явились и за чѣмъ живутъ въ этихъ мѣстахъ? Осадчій перваго села Андрей Гридинъ показалъ билетъ, выданный ему еще въ 1757 г. изъ управленія крѣп. Св. Елисаветы, дающій ему право селить выходящихъ изъ Польши и Молдавіи людей православнаго исповѣданія и раскольниковъ, подъ главною командою Слободскаго полка. Полковникъ Деркачъ билетъ этотъ отобралъ, всѣхъ жителей выгналъ, а избы въ обоихъ селахъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы они не могли служить убѣжищемъ для гайдамакъ и Татарскихъ чабановъ, разбросавъ, сжегъ со всѣмъ имуществомъ въ нихъ бывшимъ.

Командующій регулярными войсками въ крѣп. Св. Елисаветы и на форпостахъ расположенными, генералъ *Василій Нарышкинъ* донесъ объ этомъ происшествіи Сенату, а отъ коша потребовалъ чрезъ нарочно посланнаго Новослободскаго полковаго судью *Бутовича* объясненій. Въ Петербургѣ это происшествіе сочли настоящимъ бунтомъ и потребовали въ Сенатъ

---

[1]) Нынѣ двѣ огромныя волости Новороссійскаго военнаго поселенія (Херс. губерніи). Лысая-Гора находится въ 57, а Песчанный-Бродъ въ 80 верстахъ отъ Буга, но вѣроятно Запорожцы считали въ *прямомъ направленіи*, а не по дорогѣ, которой, быть можетъ, тогда не было.

пребывавшаго тогда въ Москвѣ кошеваго Григорія Федорова для отвѣту о такомъ противузаконномъ произшествіи, тѣмъ болѣе, что Запорожскій полковникъ похвалялся и самый Орловскій шанецъ сжечь, имѣя будто бы на то отъ своего начальства позволеніе. Кошевой ничего не зналъ объ этомъ, а потому Высочайше повелѣно чрезъ нарочныхъ отъ гетмана и отъ кошеваго посланныхъ, дѣло это разобрать, а полковника арестовавъ отправить въ Глуховъ для суда. Запорожцы хотя полковника Деркача изъ Гарду удалили, но въ защиту его и свою послали обширную всеподданнѣйшую челобитную, съ жалобою на угнетеніе ихъ со всѣхъ сторонъ отъ «грядущихъ» на ихъ земляхъ поселеній, такъ что вскорѣ, по ихъ словамъ, войску ни рыбныхъ ловель, ни пчельниковъ, ни хуторовъ не останется. Эту челобитную послали они въ Москву къ Григорію Федорову, поручая ему защитить полковника, исполнившаго свято данное ему приказаніе. По указу Императрицы, гетманъ послалъ въ Сѣчь компанейскаго полковника ***Мойсея Кодинца*** для разсмотрѣнія этого дѣла и вообще для прекращенія претензій и споровъ между Запорожцами и Слобожанами. Но это не помогло ни мало. Кошевой Григорій Федоровъ, видя неудачу во всѣхъ дѣлахъ войска, да и свою немощь, по причинѣ преклонныхъ лѣтъ, вліяніе на войско новаго атамана Петра Калнишевскаго, въ концѣ этого года, немедленно по возвращеніи изъ С.-Петербурга, отъ должности своей отказался и уже ее болѣе принимать не хотѣлъ.

На новый годъ 1764-й войско было въ большомъ недоумѣніи: всѣ немного благоразумные козаки желали

Калнишевскаго, но его не было въ Сѣчи, а потому партія простонародія восторжествовала и въ кошевые избранъ немощный 80-ти лѣтній старикъ *Филиппъ Федоровъ*, атаманъ Каневскаго куреня. Это былъ одинъ изъ самыхъ старыхъ сѣчевиковъ, еще въ малолѣтствѣ *пришелъ* на Запорожье въ *Старую-Сѣчь*, бывшую тогда на Чертомлыкѣ, молодымъ козакомъ служилъ въ Алешковскомъ Кошѣ и уже куреннымъ атаманомъ въ кампанію Турецкую 1736 и 1737 годовъ. Первымъ его дѣломъ было стараніе къ скорѣйшему окончанію *безконечныхъ* споровъ съ своими за-Днѣпровскими сосѣдями — Едичкульскими Ногайцами. Временный между ними миръ далъ возможность завести столь дружескія сношенія, что каймаканъ Едичкульской орды Муратъ-Ага, имѣвшій свою ставку на *Горькихъ-Водахъ* [Аджиголѣ] [1]) дозволилъ Запорожскимъ козакамъ строить на свой счетъ мосты въ Крымской степи, на рѣчкахъ Бѣлозеркѣ и Рогачикѣ, чрезъ которые шли всѣ обозы за солью къ Перекопскимъ озерамъ, даже взимать въ пользу Коша довольно важную плату. Но вскорѣ званіе кошеваго сдѣлалось для него весьма тяжкимъ бременемъ отъ усилившихся споровъ и вражды съ новыми поселенцами.

Въ это время по проэкту генералъ-поручика Мельгунова, разсмотрѣнному въ особомъ комитетѣ, въ которомъ графы Петръ и Никита Панины, генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа, графъ Чернышевъ и Кіевскій генералъ-губернаторъ Глѣбовъ участвовали, указы 22 Марта, 11 Іюня и 22 Іюля 1764 г. положили

[1]) Аджи-Гелъ, р. и лиманъ въ Одесскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи.

прочное основаніе управленію и порядку новой области, учрежденіемъ *Новороссійской губерніи* изъ всѣхъ разнородныхъ частей новаго поселенія [1]. Новая Сербія вмѣстѣ съ Ново-Слободскимъ полкомъ и крѣп. Св. Елисаветы названа Елисаветинскою, а Славеносербія съ Украинскою Линіею, Бахмутскимъ полкомъ и другими меньшими водвореніями, наименована Екатерининскою провинціею; обѣ вмѣстѣ составляли упомянутую губернію, подъ начальствомъ генералъ-поручика Мельгунова, главнаго ея командира. Это учрежденіе было новымъ источникомъ споровъ съ Запорожьемъ, уже столь ѣдкихъ и упорныхъ, что имъ и конца не видно было. Теперь кромѣ постоянной вражды и неудовольствій, со стороны Елисаветинской провинціи, явились новые споры за Днѣпромъ, за земли между рр. Самарою и Орелью съ начальствомъ Славяносербскаго округа и Украинской Линіи. Эти послѣдніе споры начались еще въ 1744 году.

Еще при Петрѣ Великомъ большія земли на правой сторонѣ р. Орели, въ краѣ почти совершенно пустомъ и для жизни опасномъ, были пожалованы Малороссійскимъ старшинамъ изъ роду *Кочубеевъ* и др., которые по немногу заводили тамъ хутора и села. Кромѣ монастыря *Нефорощанскаго* [нынѣ упраздненнаго], существовавшаго съ начала XVII столѣтія, были тамъ мелкія мѣстечки: *Орликъ*, *Царицанка*, *Китай-городъ*,

---

[1]) Такъ впервые и оффиціяльно явилось имя *Новой-Россіи*. Въ проэктѣ весь этотъ край желали наименовать *Екатерининскою* провинціею, но Императрица Екатерина сама назвала его «Новороссійскою губерніею».

Мачки и др.[1]. Когда въ 1731 г. Украинская-Линія и Ландмилицейское поселеніе близъ Орели устроилось, жители упомянутыхъ здѣсь мѣстечекъ и другихъ селъ Полтавскаго полка, не имѣя довольно земли для скотоводства и хлѣбопашества, перенесли большіе хутора за Линію, т. е. на лѣвую сторону Орели на томъ основаніи, что эти земли былы пусты [bonum nullius], и что ни Запорожцы, ни Турки, ни Татаре границы своей въ тѣхъ мѣстахъ посредствомъ пикетовъ или шанцевъ не обозначили. Послѣ Бѣлградскаго мира, это водвореніе считало себя упроченнымъ, ибо земли ихъ сдѣлались землями Русскими. Но съ 1744 г., по примѣру Миргородскаго полковника Капниста и Полтавскіе полковники просили у гетмана и въ Сенатѣ, чтобы жители зашедшіе въ степи за-Днѣпровскія были возвращены во свояси, ибо они, пребывая вдали отъ своей полковой старшины, отъ всѣхъ повинностей удалялись. По представленію о томъ Царичанскаго и Китай-городскаго сотенныхъ правленій, послѣдовалъ о томъ, наконецъ, универсалъ гетманскій; на его основаніи Запорожскій Кошъ чрезъ пограничнаго старшину объявилъ зашедшимъ въ ихъ земли людямъ, чтобы они немедленно съ наступленіемъ весны удалились за Линію. Когда же это переселеніе не исполнилось, тогда послалъ войсковаго старшину *Андрея Порохню* съ полковникомъ Самарской паланки объѣхать со всевозможнымъ вниманіемъ всю Запорожскую границу, отъ Орели до Сѣвернаго-Донца и оттуда до впаденія Калміуса въ Азовское море, и

[1]) Мѣстечки: Нефороща, Орликъ, Царичанка, Китай-городъ, Маячка (Полтав. губ. Кобылякскаго уѣзда), существуютъ доселѣ подъ тѣми же именами.

объѣздъ этотъ сдѣлать *писъменно*, дабы онъ могъ служить межевымъ документомъ для грядущихъ временъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ долженъ былъ неослабно наблюдать, чтобы люди, къ войску Запорожскому не принадлежавшіе, не оставались на его земляхъ. Но на самомъ дѣлѣ это ни спокойно, ни даже справедливо исполнить не было возможно. Многіе Китай-городскіе, Маячскіе и другіе жители, равно какъ и поселяне Нефорощанскаго монастыря, видя въ этомъ переходѣ совершенное для себя разореніе, подали въ Кошъ писменное объявленіе, предлагая скорѣе сдѣлаться подданными войска, нежели лишиться всякаго достоянія, ибо за Линіею у нихъ уже ни клочка земли не осталось, отданной еще въ 1730 гг. тамошней полковой и сотенной старшинѣ. Легко догадаться, что Запорожцы немедленно ихъ принимали, и такимъ образомъ устроилась третья паланка *Орельская*, имѣвшая земли и селенія отъ Орели до Самары. Такимъ образомъ села: *Комырщина*, *Пушкаревка*, *Тупаловка*, *Перещепино*, *Могилевъ* и еще нѣсколько другихъ сдѣлались Запорожскими. Туда же посланы были козаки, желавшіе сѣсть зимовниками на Самарѣ, за тѣснотою въ этой паланкѣ, которую надобно уже было раздѣлить на двѣ: Сѣверную или *Самарскую* и Южную, т. е. *Протовчанскую*, такъ называемую отъ р. *Протовчи*, гдѣ было множество прекрасныхъ зимовниковъ, хуторовъ и пчельниковъ [пасѣкъ] Запорожскихъ.

Начальство Новороссійской губерніи смотрѣло на эти домашнія распоряженія Запорожья совсѣмъ иначе. Командиры Екатерининской провинціи, не знавшіе ни края, ни земскихъ правъ Коша, надѣялись округлить свой край, посредствомъ земель между Орелью и

Самарою, чтобы такимъ образомъ широкою полосою соединиться съ Елисаветинскою провинцiею у Днѣпра. Посему посланный для снятiя на карту инженеръ-маiоръ Седякинъ и его офицеры далѣе Орели и ѣхать не могли, ибо Запорожцы не только ихъ провожать не хотѣли, но еще говорили: «не ѣздите, за степь не ручаемся». Отсюда цѣлый рядъ новыхъ распрей, а за ними жалобъ въ Сенатъ и ко Двору Е. В., такъ что 1763 и 1764 годы прошли въ бумажной войнѣ новой губернiи съ Запорожьемъ, которое обвинялъ Мельгуновъ въ насильственныхъ дѣйствiяхъ, отнятiи вооруженною рукою селъ и земель, гайдамацтвѣ и т. п. Когда Мельгуновъ самъ объѣзжалъ Украинскую Линiю и былъ въ сосѣдствѣ Запорожья, посылалъ къ нему Кошъ старшину съ просьбою назначить время и мѣсто для личнаго свиданiя и объясненiя съ кошевымъ, но по словамъ нарочныхъ, генералъ «такъ скоро ѣздилъ, что его и догнать нельзя было», т. е. видѣть не хотѣлъ Запорожья.

Для насъ, изыскателей Русской старины во всѣхъ ея частяхъ, эти споры и взаимныя претензiи сдѣлали важную услугу. Мы получили вопервыхъ прекрасный, очень оригинальный и подробный документъ о границахъ Запорожья на восточной сторонѣ Днѣпра, который такъ любопытенъ, что мы его сохранили вполнѣ для читателей[1]. Кромѣ того мы узнали пространство и народонаселенiе всѣхъ почти паланокъ Запорожскихъ, которыхъ въ 1764 г. уже было не 5, какъ въ 1755, а 8, какъ это подробно изложили мы въ географическомъ и топографическомъ описанiи Запорожья.

---

[1]) См. въ приложенiяхъ подъ 1764 годомъ.

Вообще говоря, для всей восточной Украины 1764 годъ былъ очень важенъ тѣмъ, что въ это время исчезла и послѣдняя тѣнь ея республиканскаго козачьяго управленія. Манифестомъ 10 Ноября 1764 г. санъ и власть гетманская упразднена въ Малороссіи. Графъ Разумовскій оставилъ службу и въ уединеніи оканчивалъ жизнь. Управленіе Малороссіею вмѣстѣ съ войскомъ Запорожскимъ поручено храброму генералу графу Румянцову, котораго отецъ Александръ Румянцовъ былъ уже однажды штатгалтеромъ, т. е. намѣстникомъ Украины. Въ Запорожьи было одно укрѣпленное урочище на Днѣпрѣ, называвшееся въ память этого сановника *Александръ-Шанцемъ* [1], и тамъ иногда было пребываніе Ингульской паланки.

Мы должны, щадя терпѣніе читателей, пропустить безъ вниманія пограничную коммисію съ Татарами въ 1764 г. бывшую и безпрестанныя сношенія и споры съ Ногайцами, которыхъ число увеличилось у Днѣпра переводомъ изъ Кубани и Буджака части колѣна *Оракъ-Оглу*, что еще болѣе усилило грабежъ и взаимныя насилія между обоими берегами Днѣпра. Но должно перейти немедленно къ 1765 году.

Однимъ изъ важнѣйшихъ событій этого года для Запорожья было избраніе въ 1 день Января войсковой старшины. Престарѣлый Филиппъ Федоровъ отъ званія кошеваго отказался, «поблагодарилъ за панство», по выраженію козачьему, и удалился на покой въ пустынно-Самарской монастырь, основанный и содержимый Запорожцами. Оттуда онъ еще въ случаѣ нужды являлся

---

[1]) Въ 1778 г. у этого «Александръ-Шанца» былъ основанъ нынѣшній Херсонъ.

въ Кошѣ, въ качествѣ коммисара по пограничнымъ дѣламъ съ Крымомъ и на войсковыя секретныя сходки, но вообще избѣгалъ службы, и о совершенномъ увольненіи просилъ даже графа Румянцова, какъ главнаго командира войска, но согласія его не получилъ. На его мѣсто войсковая большая рада избрала почти единогласно кошевымъ Петра Калнишевскаго, бывшаго нѣсколько разъ эсауломъ и однажды судьею войска Запорожскаго. Это было замѣчательное лицо въ исторіи этого войска. Хотя въ куренныхъ спискахъ Кущевскаго куреня онъ былъ записанъ подъ именемъ *Петра Калнижа*, но мы знаемъ навѣрно, что онъ происходилъ изъ козачьяго, и дворянскаго званія Малороссійскаго, изъ Лубенскаго полка. Но подобно всѣмъ Запорожцамъ дворянскаго происхожденія, онъ скрывалъ свое имя и родъ, пока не сдѣлался кошевымъ. Достовѣрно то, что его племянница была замужемъ за хорунжимъ Лубенскимъ Стефаномъ Вертильякомъ, а сестра за какимъ-то *Лукьяновичемъ* изъ с. Троцивки [1].

Въ 1763 г. построилъ онъ церковь въ Лохвицѣ въ 1768 г., въ Кіевѣ въ Межигорскомъ монастырѣ, во имя Св. Петра и Павла, а въ 1770 въ Ромнахъ; въ то же время послалъ къ Іерусалимскому патріарху для храма Гроба Господня богатые церковные сосуды. Въ сравненіи съ своими предшественниками, онъ, не смотря на незнаніе грамоты, что было необходимымъ условіемъ кошевскаго званія, былъ довольно образованъ, смѣтливъ и самаго непреклоннаго характера. Онъ съ

---

[1]) Потомки Вертильяка живутъ доселѣ; одна отрасль ихъ роду имѣетъ имѣніе въ Херсонской губерніи и уѣздѣ, близъ урочища на Мѣловомъ-Оврагѣ, гдѣ «Каменская-Сѣчь была».

удивительнымъ искуствомъ зналъ современныхъ ему людей и еслибы политическія происшествія 1770 годовъ не уничтожили нужды въ Запорожскомъ войскѣ, онъ бы на долго спасъ эту знаменитую общину. Зная, что недостатокъ въ хлѣбопашествѣ былъ главною причиною той зависимости, въ которой находилось войско отъ пожалованія казною провіанта, онъ всѣ усилія употребилъ на умноженіе селъ, хуторовъ и зимовниковъ, требуя, чтобъ новые поселенцы непремѣнно пахали землю и сѣяли рожь. Онъ переманилъ многихъ Молдаванъ и Болгаръ изъ Новой-Сербіи, Польши и Буджака и поселилъ ихъ въ Кодацкой паланкѣ близъ пороговъ. Ихъ атаманами были переводчики, взятые изъ ихъ же сословія. Но о Калнишевскомъ будемъ еще говорить обширнѣе и не однажды.

Другіе съ нимъ вмѣстѣ избранные старшины были: *Павелъ Флоровичъ Головатый*, куренный атаманъ Шкуринскаго куреня — войсковымъ судьею, и *Иванъ Глоба*, бывшій писаремъ на перевозахъ и въ паланкахъ и, своимъ умомъ, познаніями и смѣтливостію пріобрѣвшій имя «самаго умнаго козака въ войскѣ», — войсковымъ писаремъ. Эту должность вмѣстѣ съ кошевымъ, онъ сохранилъ 10 лѣтъ сряду, чего до сихъ поръ въ Кошѣ «изъ вѣку вѣковъ не бувало».

Въ этомъ году въ Августѣ мѣсяцѣ генералъ-поручикъ Мельгуновъ увольненъ, а на его мѣсто командиромъ Новороссійской губерніи назначенъ былъ генералъ-поручикъ Яковъ *фонъ-Брантъ*. Этотъ новый сосѣдъ Запорожья былъ одинъ изъ самыхъ упорнѣйшихъ противниковъ и преслѣдователей войска. Бывшій комендантъ кр. Св. Елисаветы Г. М. Александръ *Исаковъ*

управлялъ съ губернаторскою властiю Елисаветинскою провинцiею и поселенными полками на западной сторонѣ Днѣпра.

26 Августа с. г. по Высочайшей волѣ отправленный для разграниченiя между Россiйскою Имперiю и Польшею со стороны Запорожья, генералъ-маiоръ *Александръ Бибиковъ,* просилъ Запорожье доставить ему «справедливыя и вѣрныя извѣстiя, какими землями войско Запорожское до нынѣ издревле владѣло къ Польской сторонѣ и до которыхъ мѣстъ предѣлы или рубежи того владѣнiя состояли; равно о всѣхъ стародавнихъ вольностяхъ и мѣстахъ, гдѣ войско Запорожское всякое удовольствованiе, какъ въ лѣсахъ, такъ въ звѣриныхъ и рыбныхъ ловляхъ и соляныхъ промыслахъ себѣ получаетъ изстари». Бибиковъ просилъ также прислать копiи съ древнихъ царскихъ и королевскихъ грамматъ, доказывающихъ права войска на владѣнiе землями, а равно и показанiя о томъ старожиловъ. Кошъ Запорожскiй представилъ ему копiю универсала гетмана Богдана Хмѣльницкаго [1655] и переводъ универсала короля Польскаго Михаила [1670], въ которыхъ изложены довольно подробно всѣ владѣнiя Запорожскiя, но въ письмѣ своемъ отъ 20-го Октября 1765 г. присовокупилъ, что въ сходкѣ *стариковъ* свѣдѣнiя эти были собраны и по показанiю «бывшихъ кошевыхъ: Григорiя Федорова, Алексѣя Бѣлицкаго и Филиппа Федорова и бывшихъ судей: Павла Кирилова, Николая Косапа, Федора Стуконога, Демьяна Терентьева, Мойсея Сухого и другихъ выходитъ достовѣрное показанiе, что границы войска идутъ отъ р. Синюхи до устья Тясьмина»,

слѣдственно по тому рубежу, откуда началось Новосербское поселеніе.

По этому случаю генералы: Бибиковъ, а вскорѣ и Исаковъ, прибыли въ Запорожье и посѣтили Сѣчь. Ихъ пребываніе такъ занимало и даже льстило Запорожцамъ, что правящій тогда Кошемъ войсковый судья *Павелъ Головатый* писалъ къ пребывавшему въ Петербургѣ кошевому: «г. генералъ-маіоръ и кавалеръ Бибиковъ, опредѣленный отъ Е. И. В. *къ разводу* съ Польшею границы, пріѣзжалъ въ Кошъ и былъ съ 24 по 26 Августа; при семъ объявлялъ именный указъ и требовалъ письменно отъ войска дачи ему съ привиллегій, ежели есть, на старинныя въ Польшѣ войсковыя владѣнія, копій, — на что ему отвѣтствовано, что тѣ привиллегіи содержаніемъ и храненіемъ, *по здѣшнему обычаю*, находятся у перваго здѣшняго командира кошеваго атамана, который теперь въ отсутствіи находится въ Петербургѣ.... Послѣ сего, истекшаго Сентября 25 пріѣзжалъ сюда генералъ Исаковъ и былъ не больше въ Сѣчи какъ съ 3 часа, приходилъ въ Кошъ и посѣщалъ курени, и принимаемы оба по возможности. Оба кажется съ наружи очень добрые. Исаковъ ласкалъ, что для войска во всемъ радъ служить. О смежныхъ спорахъ говорилъ и совѣтовалъ обождать, не дѣлать обывателямъ безпокойствъ и заборовъ до резолюціи о земляхъ на просьбы здѣшнія; и скоро отсель выѣхалъ въ Никитино, гдѣ ночевалъ и рано отъѣхалъ. Говорилъ, что онъ заѣзжалъ смотрѣть Хортицкій островъ и Ненасытецкой порогъ и туда единъ ѣхалъ очень скоро. Видно что пріѣздъ сей не заключаетъ ли какого проэкта»? [Октября 23 1765 г.].

Когда Русскіе коммиссары прибыли въ Орловскій шанецъ, то узнали, что Польскіе депутаты не будутъ ранѣе весны 1766 г. — 28 Мая того года. Польскій пограничный коммиссаръ Костюшка-Сехновецкій, съ однимъ знаменемъ, 2 значками, съ 50-ю Уманскими козаками, 2 трубачами и литаврами въ Польское мѣстечко Торговицу прибылъ, а 29 ч. былъ съ визитомъ у Россійскихъ коммисаровъ, генераловъ Бибикова и Веймарна. На другой день Русскіе коммиссары взаимно были у Костюшки, и опредѣлили начать дѣла съ 30 ч. Мая. Вскорѣ прибыли туда же и Малороссійскіе коммиссары «въ большомъ числѣ козаковъ и хорошемъ убранствѣ, чтобъ предъ Ляхами стыда не было» [какъ доносилъ о томъ Кошу Бугогардовой полковникъ]. Другой Польскій коммиссаръ *Хоецкій* прибылъ вмѣстѣ съ большою командою въ новоустроенное мѣстечко Богополь противъ Орловскаго шанца и спросилъ дозволенія осмотрѣть земли Запорожскія до р. Мертвыхъ-Водъ, для повѣрки привезенныхъ имъ древнихъ картъ. Хотя это позволеніе имъ и было дано, но Поляки внутрь Запорожья не пустились, и какой успѣхъ имѣла эта пограничная коммисія, неизвѣстно. Быть можетъ, страхъ чумы, появившейся тогда со всею жестокостію въ Крыму, заставилъ всѣхъ депутатовъ спѣшить убраться по домамъ, или въ мѣста болѣе безопасныя. Достовѣрно только то, что до 1781 г. между Польшею и Россіею съ этого рубежа разграниченія не было.

Въ заключеніе этой главы мы должны привесть здѣсь одинъ документъ, хотя не имѣвшій связи съ исторіею Запорожья, но весьма важный для исторіи всего Новороссійскаго края, какъ говорящій объ одномъ

урочищѣ, на которомъ въ 30 лѣтъ послѣ явился городъ, давшій новую жизнь этой части Имперіи. Это отрывокъ изъ упомянутыхъ уже «секретовъ Коша Запорожскаго» и заключенный въ рапортѣ къ графу Румянцову:

«Посыланный отъ Коша за Бугъ рѣку въ Каушаны къ хану Крымскому Селимъ-Гирею [1]) съ письмами, войсковый толмачъ *Константинъ Ивановъ*, возвратясь [30 Іюня] по развѣдываніямъ въ Каушаны, услыша подлинно, что хана Крымскаго тамо нѣтъ, поручилъ тѣ письма *въ третьемъ Куяльнику*, лежащему не подалеку отъ Днѣстра, Едисанской орды Сераксиръ-Султану Адиль-Гирею, сыну Селимъ-Гирея-Хана, который имѣетъ тамъ ставку; — отъ имѣющихся же при семъ толмачей извѣстился, что ханъ Крымскій въ самомъ исходѣ Мая посланъ въ Царьградъ сухопутно, съ необширною ассистенціею, по указу Порты, съ которымъ «прибѣжалъ» отъ Порты нарочный Капиджей-Баша. Съ нимъ ханъ поѣхалъ и скоро ожидается въ возвратъ. Особливо-жъ тѣ толмачи ему открыли, что они сумнѣваются, не будетъ ли въ Крымъ присланъ отъ Порты другой ханъ, ибо прежній позванъ къ Портѣ неизвѣстно для чего. Съ Куяльника-жъ Ивановъ возвратясь съ отвѣтными отъ Султана письмами проѣхалъ до Очакова помежъ кочевьями всѣхъ ауловъ. За Очаковомъ же, по направленію къ Бѣлгороду [Акъ-Керману] въ 60 верстахъ отъ Очакова при морѣ дѣлается крѣпость,

---

[1]) Въ 1764 г. Порта такъ уже боялась Крымъ-Гирея, что смѣнила его и сослала въ Родосъ. Крымъ-Гирей повиновался безъ малѣйшаго даже возраженія. На его мѣсто назначенъ Селимъ-Гирей III, сынъ Фети-Гирея-Хана, низложеннаго въ 1736 г.

коя наименована *Ени-Дуня*, т. е. *Новый-Свѣтъ*. Прежде же было тамъ село и именовалось *Куджабей* [Качибей, Хаджи-бей]. Оная жъ крѣпость зачалась дѣлаться сего году изъ весны, а дѣлаютъ ту крѣпость Волохи, на которую возятъ камень изъ степи, съ рѣчекъ и балокъ околичныхъ».

Такъ въ первый разъ встрѣчаемъ упоминаніе о Хаджибеѣ и крѣпости *Ени-Дуня*, построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Одесса [приморскій бульваръ этого города], въ то время, когда Русское могущество болѣе и болѣе усиливалось на югѣ, и хотя медленно, но твердыми, основными шагами приближалось къ Черному морю. Страхъ этого могущества заставилъ Турокъ оградить берега моря и тогда вновь отстроены крѣпости: Кинбурнская, Очаковская, Енидуньская, здѣсь упомянутая, Аккерманская и Измаильская.

ГЛАВА IX.

Двѣ замѣчательныя депутаціи ко Двору Императрицы Екатерины II.

1765—1767.

Учрежденіе Новороссійской губерніи, т. е. соединеніе въ одну правильную область нѣсколькихъ отдѣльныхъ и разнородныхъ частицъ Русской колонизаціи въ Запорожскихъ степяхъ, не только не оправдало ожиданій и желаній великой Монархини, на счетъ спокойствія этой страны, — но еще умножило неудовольствія на границахъ, ожесточило обѣ стороны. Причина тому была самая простая. Со стороны Запорожцевъ — упорная и отчаянная защита того, что они считали своею собственностію, противу его *описанія*, т. е. какъ они полагали, занятія новопоселенцами; со стороны Новороссійскаго начальства — желаніе отличиться предъ правительствомъ умноженіемъ народонаселенія въ пустынѣ, которую они считали почти своимъ завоеваніемъ. «Новая-Россія» была столь-же далека для нашей столицы, какъ Новая-Испанія или Перу отъ Мадрида; отъ того иногда тамъ происходили дѣла, какихъ никогда

не ожидало и не желало наше правительство. Къ тому-жъ географія Россіи была въ младенчествѣ, и многіе почтеные чиновники, не только въ столицахъ, но даже въ Кіевѣ и. Глуховѣ, были увѣрены, что на всемъ пространствѣ нашихъ степей не было не только города, но даже ни одного села или деревушки. Самъ даже Румянцовъ до 1767 г. плохо зналъ этотъ край, какъ мы это увидимъ въ послѣдствіи. Когда въ 1765 г. онъ объѣзжалъ всѣ Малороссійскіе полки и былъ въ Кременчугскомъ шанцѣ, причисленномъ къ Новороссійской губерніи, въ Запорожье, которое казалось «ultimæ Thulæ» Россіи, онъ не заглянулъ; хотя войско посылало къ нему на встрѣчу трехъ куренныхъ атамановъ съ письмомъ: «поздравляя съ пріѣздомъ въ здѣшніе краи и съ уклономъ», но къ посѣщенію своей Палестины никакъ его не убѣдило.

Въ концѣ 1764 г. обѣ стороны стояли, можно сказать, подъ ружьемъ; войсковый старшина *Порохня* просилъ тысячной козачьей команды для удержанія при-Орельскихъ земель. Начальство Украинской Линіи называло его атаманомъ гайдамакъ и угрожало поступать съ его пикетами и разъѣздами, какъ съ разбойниками. Въ такомъ положеніи было Запорожье, когда кошевымъ единогласно избранъ былъ Калнишевскій. Онъ усердно взялся за кормило правленія и 10 лѣтъ не выпускалъ его, и оставилъ свою должность только съ паденіемъ «славнаго войска Запорожскаго».

3-го Января 1765 г. большая войсковая *рада*, собравшись на площади у церкви послѣ литургіи, сдѣлала слѣдующій приговоръ:

«Мы всѣхъ куреней атаманы со всѣмъ куреннымъ

товариствомъ, съ стариками и молодыми добросовѣстными козаками и старшина и все войско, выбравъ *Петра Ивановича Калнишевскаго* паки къ командованію надъ войскомъ Запорожскимъ, по общимъ войска просьбамъ ѣхать къ Высочайшему Двору приговорили, для испрошенія Высочайшей Е. И. В. милости о нижеслѣдующемъ:

«Какъ по полученному извѣстію и изъ Генеральной канцеляріи ордеру, при коемъ и копія Высочайшей грамматы приложена [1], Самарь рѣку съ прочими угодьями [т. е. земли между Орелью и Самарью] на поселеніе *другихъ народовъ отписываютъ;* намъ же всему войску отдаленнымъ оставаться, то для перемѣны такого распоряженія, съ изготовленнымъ отъ насъ прошеніемъ, объявленнаго г. кошеваго отправить принуждены, въ надеждѣ, что онъ къ исходатайствованію полезной резолюціи стараніе употребитъ...

«Извѣстно эхомъ, что въ Малую Россію на мѣсто гетмана Малороссійскаго имѣетъ быть *Коллегія* [2] и оной въ команду мы войско отданы. Если за подлинно такъ, то, что подъ оною быть намъ не весьма сходственность, оному г. Калнишевскому дозволяемъ: чтобы подъ командою той коллегіи не быть, а найдоваться подъ иностранною коллегіею,—Е. И. В-ву просьбу подать и стараться.

---

[1]) 1764 г. 22 Іюля о Славеносербіи.

[2]) По этому случаю разсказываютъ на Украинѣ слѣдующій анекдотъ: «Теперь кажутъ, войско будетъ подъ *Коллегiею*», говорилъ козакъ своему куренному атаману,—«а кто такая, батьку, тая *Коллегiя*»?—«Кто его знае», отвѣчалъ важно атаманъ, «мабуть сестра Царици, або жинка якого Гетмана».

«Сверхъ вышеписаннаго дозволяется въ другихъ общественныхъ нуждахъ, по разсмотрѣнію, прошенія подавать, искать и стараться, а мы во всемъ общественно спомогать и тутъ въ Кошѣ къ защищенію войсковыхъ вольностей совѣты прилагать имѣемъ и не отступать. Для чего, во увѣреніе твердости, въ заключеніе вышеписаннаго, всѣ обще атаманы и все товариство, такожъ старики и старшины войсковые на семъ [приговорѣ] при общемъ круговомъ собраніи подписуемся».

Избранный такимъ образомъ въ ходатаи войска Запорожскаго, Петръ Калнишевскій везъ съ собою всеподданнѣйшую челобитную, которая стòитъ того, чтобы мы привели здѣсь нѣсколько оригинальныхъ изъ нея отрывковъ, во всей простотѣ ихъ слога и выраженій. «Множественнѣйшія лѣта, писалъ Кошъ, вѣрноподданное Е. И. В. войско, оставаясь подъ державою короны Польской [1], издревле пріобрѣтенными ревностными и неутомимыми службою труды, съ утвержденія привиллегіями оной короны: землями, рѣчками и разными угодьями, спокойно безъ всякаго и малѣйшаго препятствія владѣли. Съ такими-жъ точно землями и угодьями оно оподдалось подъ державу Всероссійскаго престола, при жизни вседражайшаго Е. И. В. прадѣда Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, Самодержца Всероссійскаго. Права войска ясно видны изъ универсала гетмана обѣихъ сторонъ [Днѣпра] и войскъ Запорожскихъ Богдана Хмѣльницкаго, на

---

[1]) *Корона Польская*, дипломатическое выраженіе для означенія Польши: оно произошло отъ того, что это государство раздѣлялось на *Корону*, т. е. собственно Польшу, и Литву.

владѣніе спокойное и безпрепятственное ввѣкъ землями и угодіями, войску Запорожскому Низовому даннаго въ Бѣлой-Церквѣ, въ 1655 году Января 15, въ подтвержденіе грамматы найяснѣйшаго короля Польскаго Стефана Баторія, въ року 1576 Августа 20-го войску пожалованной. Каковыхъ грамматъ копіи Сенату представлены, да и въ архивѣ [Малороссійскомъ] Е. И. В. довольнѣйшіе въ достовѣрность виды суть». Далѣе изложивъ всѣ жалобы свои на Новосербское, а послѣ Новороссійское начальство, войско представляетъ, что не только весь край, взятый подъ Новую Сербію и Слободскіе полки, оно потеряло, но что уже поселеніе идетъ дальше и дальше, занявъ далеко за Слободскою межею земли, «начавъ отъ Мигейскаго острова [на Бугѣ] по вершинамъ Мигейскаго-Ташлыка до Лысыхъ-Горъ, отголь по вершинѣ Корабельной, да по вершинамъ рр. Помочной и Грузкой [1]] и четыре байрака, называемые *Бешь-Байраки* [2]]». Оно высчитываетъ свои услуги Россійскому государству: «и въ какихъ службахъ и походахъ за Всероссійскій Е. И. В. престолъ знайдовалось, не щадя въ оныхъ во всѣхъ нужныхъ случаяхъ живота своего,—засвидѣтельствовать можетъ находившійся во время Турецкой войны [1736—1737] фельдмаршалъ Минихъ, а напреди того старинныя записи и реляціи». Наконецъ Запорожье обращается къ великодушію и всегдашней къ войску благосклонности

[1]) Рѣчки: *Помочная* или *Помощная* и *Грузская* въ западной части Бобринецкаго уѣзда Херсонской губерніи. Мигейскій островъ близъ селенія т. н. принадлежитъ помѣщику В. П. Скаржинскому.

[2]) *Бешь-Байраки*—урочище, теперь прекрасное селеніе, основанное и устроенное И. И. Фундуклеемъ (Бобринецкаго уѣзда).

Россійскихъ Монарховъ: «блаженныя и вѣчной славы достойныя Государыни Императрицы Анна Іоанновна и Елисавета Петровна, Е. И. В. вселюбезнѣйшія тетки, въ Высочайшихъ своихъ всемилостивѣйшихъ грамматахъ къ войску Запорожскому Низовому насланныхъ, да и Е. И. В. всемилостивѣйше обнародывать изволили: обѣщаясь войско Запорожское Низовое содержать въ особливой матерней милости»,— и проситъ: «*отнисываемыя* теперь на поселеніе *другихъ* рѣку Самарь съ землями, рѣчками и угодіями по р. Орель при всѣхъ нашихъ вольностяхъ Богомъ и дражайшими Е. И. В. предками святоутвержденныхъ, оставить въ спокойномъ и ненарушимомъ войска Запорожскаго владѣніи; отшедшія-жъ подъ Новую-Сербію, что нынѣ Новороссійская губернія и Слободское при крѣпости Св. Елисаветы поселеніе войску Запорожскому возвратить, и всѣ войска Запорожскаго Низоваго старинныя земли, Высочайшею всемилостивѣйшею грамматою утвердить». [4 Генваря 1755].

Далѣе эта челобитная заключала въ себѣ почти тѣ же неисполнимыя просьбы, что и прежнія другими депутаціями приносимыя ходатайства, т. е. уничтоженіе Ново-Сербіи, или другими словами уничтоженіе 15-тилѣтнихъ заботъ правительства [съ 1740 по 1765 г.], о заселеніи безлюдныхъ и опасныхъ, вновь пріобрѣтенныхъ послѣ Бѣлградскаго мира земель, и укрѣпленіи южныхъ границъ со стороны Турціи. Но Запорожцы этого не постигали, да и размышлять такъ не хотѣли, считая себя лучшимъ оплотомъ пограничнымъ, нежели Новосербскія и другія военныя поселенія въ этомъ краѣ. Посмотримъ, какую участь имѣла эта новая

депутація, руководимая козакомъ, умнымъ, усерднымъ и проницательнымъ.

Калнишевскій оставилъ Кошъ въ управленіи войсковаго судьи *Павла Флоровича Головатаго*, а самъ съ войсковымъ старшиною *Василіемъ Пишмичемъ*, войсковымъ писаремъ *Иваномъ Глобою*, большою свитою и *гостинцами*, пустился въ дорогу. Первое письмо его въ Кошъ было изъ Кіева, куда онъ прибылъ 30 Января и гдѣ должно было ожидать *отправки*, т. е. формальнаго дозволѣнія ѣхать въ столицу, получить подорожную на подводы и прогонныя деньги. Онъ извѣщалъ товариство объ учрежденіи новыхъ гусарскихъ поселенныхъ полковъ, изъ которыхъ *Самарскій* гусарскій должно было поселять «за *Славеносербіею*», т. е. ближе къ Днѣпру, слѣдственно почти у р. Самары. Но съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ, чтобы Порохня съ твердостію защищалъ новыя паланки Орельскую и Протовчанскую, и чтобы, для дѣйствительнаго занятія этихъ земель, козаки Запорожскіе селились зимовниками по обѣимъ сторонамъ Днѣпровскихъ пороговъ. [3 Февраля 1765]. Второе письмо было изъ Москвы: «Воспisуя вамъ [писалъ онъ къ судьѣ] и всему обществу мой приятнѣйшій уклонъ, желаю на всегда благополучія и здравія, а притомъ объявляю, что со всѣми благополучно прибылъ въ Москву Марта первыхъ чиселъ, и какъ здѣсь такъ и въ Глуховѣ слыхалъ отъ многихъ, якобы войско Запорожское поручено въ вѣдомо графу Петру Александровичу Румянцову, въ главные командиры надъ Малороссіею, на мѣсто графа — гетмана опредѣленному, и по причинѣ той я у его графа Румянцова былъ, только жъ чтобъ войско ему опредѣлено, отъ его

не слыхалъ. Полтавскаго полка Ворскльскія и Орельскія сотни опредѣлены подъ Новороссійскую губернію, равно такъ какъ и Кременчугъ и Власовка, и жить будутъ на такихъ основаніяхъ, какъ были подъ Малороссіею». [10 Марта 1765].

Это извѣстіе о подчиненіи войска Запорожскаго начальнику Малороссіи было естественнымъ послѣдствіемъ манифеста, отъ 10 Ноября 1764 г., которымъ гетманскій чинъ на Украинѣ былъ упраздненъ. Судья Головатый донесъ кошевому, что объ этомъ графъ Румянцовъ далъ уже знать войску своимъ ордеромъ, требуя, чтобы новыхъ выборовъ не происходило, а до указу оставались бы: кошевымъ Григорій Федоровъ и прежняя старшина; но войско, хотя очень боялось столь храбраго генерала, какъ Румянцовъ, считая его приказъ, неоснованный на Высочайшей грамматѣ, противный правамъ своимъ и привиллегіямъ, выборовъ своихъ не отмѣнило. Впрочемъ и самъ Румянцовъ въ томъ не настаивалъ, увидя вскорѣ, какъ милостиво сама Императрица принимала «вѣрныхъ своихъ подданныхъ» кошеваго Калнишевскаго и его дружину. Но это обстоятельство усилило страхъ и опасенія древней Низовой общины.

Депутація прибыла въ Петербургъ въ вербную Субботу, а 30-го такъ писала въ Кошъ: «На другой день праздника Воскресенія Христова, по представленію правящаго должность генералъ-прокурора *Князя Вяземскаго*, да оберъ-каммергера Шереметева, представлены были мы Е. И. В. всемилостивѣйшей Государинѣ и учиня благодареніе за милости войску удостоились быть въ ручки. Ея Величество о тамошнихъ обращеніяхъ

спрашивать изволила, отвѣтствовано: что все съ сторонними сосѣдами благополучно. На третій же день у Павла Петровича въ ручки были. Въ недѣлю [воскресенье] Ѳоминую челобитье отъ насъ подано, которое докладывано было всемилостивѣйшей Государынѣ сего Апрѣля 10., а по докладу отдано разсматривать Никитѣ Ивановичу Панину, генералу Чернышеву, та князю Вяземскому; и хотя надежда большая къ нашему общему благополучію видится, но какая по разсмотрѣніи резолюція сдѣлается? Богъ вѣсть! Вы во всѣхъ по Кошу дѣлахъ не оставляйте имѣть крѣпкаго воздержанія, чтобъ отнюдь стороннимъ и между собою никакихъ худостей не слѣдовало... ибо здѣсь отъ нѣкоторыхъ нашихъ ненавистниковъ и не-бывалое произносятъ съ плевелами, чѣмъ бы укорить и преодолѣть». [30 Апрѣля 1765]. Кошевой упоминаетъ здѣсь о постоянномъ соперничествѣ начальниковъ Новороссійской губерніи, съ которыми они вели тяжкіе межевые споры, необходимо враждебные.

Запорожцы не унывали еще, ибо депутаты много разъ писали въ Кошъ: «Наше прошеніе не въ сенатѣ, но по повелѣнію Всемилостивѣйшей Государыни въ Государевомъ дворцѣ разсматривается, куды и насъ еденъ разъ призывано и планы представляли и спрашивали о нашихъ всѣхъ земляхъ, и мы имъ объясняли настояще. Только еще никакой резолюціи нѣтъ, а сказываютъ, что скоро выйдетъ и обнадеживаютъ особою Высочайшею милостію, на которую намъ всѣмъ надѣяться надлежитъ, а мы всѣ силы къ доставленію войску желаннаго прилагаемъ. Вы жъ ни о чемъ не сумнѣвайтесь и будьте надежны, что милость Божія и

Монаршая всегда съ нами». Кошевой повторяетъ, чтобы козаковъ поощрять къ поселенію зимовниками на земляхъ войсковыхъ, отъ устья р. Богатой [въ Орель] вверхъ по надъ Орелью, да въ *Бешъ-Байракахъ* и друг. мѣстахъ, т. е. въ краѣ, присвоиваемомъ Новороссійскою губерніею, подъ предлогомъ, что онъ пустопорожній [7 Іюня 1765 года]. Другой разъ уже въ Августѣ писали въ Кошъ депутаты: «Въ коммисіи, которая при дворцѣ по нашему дѣлу, Гг. Никита Ивановичъ Панинъ съ товарищи, какъ намъ представили планы и мы обьясняли имъ свои земли: сколько Сербскому поселенію, Донскому войску и при разграниченіи съ Поляками и Турки отошло и нынѣ отходитъ и въ остаткѣ есть; — то напротивъ того, они, узнавъ съ того великія наши разоренія и дознавъ, что она земля истинно войсковая, сказали и обнадежили, что: «особая съ вашимъ войскомъ Монаршая милость сдѣлается». Будетъ же сіе или нѣтъ, безъ настоящаго конца знать не можно». Самая Монархиня оказывала Запорожской депутаціи свою благосклонность, какъ это видно изъ письма ихъ отъ 1 Сентября сего года. «Здѣсь, въ Петербургѣ верстъ за 30, подъ Краснымъ-Селомъ былъ лагерь, въ коемъ изволила стоять квартерою милостивая Государыня и были: гвардія вся, напольные полки, Донскіе козаки и гусаре и имѣли съ другою дивизіею, которая вдаль за 8 верстъ стояла, экзерцицію, въ присутствіи всемилостивѣйшей Государыни, гдѣ и мы, по дозволенію Е. В., верхи на лошадяхъ ѣздили, гдѣ съ милости Монаршей на свои лошади получили сѣно и овесъ. Когда лагерь кончился, мы Е. В. поблагодаривши, въ Питеръ возвратились».

Впрочемъ дѣла Запорожскія подвигались столь-же медленно, какъ и въ прежніе годы, ибо ни Кошъ своихъ требованій, ни правительство своихъ проэктовъ оставить не хотѣли. Проэкты Глѣбова, Мельгунова, Румянцова имѣли цѣль самую патріотическую. Императрица видѣла въ нихъ оживленіе, заселеніе и слѣдственно оплодотвореніе безлюдныхъ степей Запорожскихъ, богатыхъ отъ природы, но остающихся почти впустѣ, по системѣ козачьяго владѣнія [кочевыми куренями или посредствомъ зимовниковъ], только для скотоводства, рыбной ловли, пчеловодства и звѣринаго промысла, безъ хлѣбопашества, которое было для нихъ трудно, да и воспрещаемо обычаями. Запорожцы, напротивъ, владѣя почти двумя губерніями, отъ потери участка своихъ земель, равнаго двумъ нынѣшнимъ уѣздамъ [1]], считали себя утѣсненными, хотя на одинъ зимовникъ приходилось иногда по 20 верстъ земли. Правительство желало упразднить Украинскую линію уже вовсе не нужную, а построить крѣпости ближе къ югу, на нижнемъ Днѣпрѣ, Самарчикѣ, Бердѣ и Синюхѣ. Это вооруженное и грозное сосѣдство пуще всего пугало Запорожцевъ. Такая дипломатическая борьба древняго и новаго порядка вещей въ Новороссійскомъ краѣ, ясно видна изъ слѣдующаго «секретнаго» письма депутаціи на имя судьи Головатаго.

«Получившіи сіе письмо призвать Алексѣя Бѣлицкаго, Филиппа Федоровича, Павла и Ратька Старыхъ, Николая Тимофѣевича, Андрея Ляха и протчіихъ двоихъ

[1]) Тамъ нынѣ часть Херсонскаго и Александрійскаго (Херсон. губ.), и часть Верхнеднѣпровскаго и Павлоградскаго уѣздовъ Екатеринославской губерніи.

или троихъ человѣкъ, и прочитавши, велѣть содержать въ такомъ секретѣ, чтобы отнюдь никому ни въ куреняхъ и нигдѣ не объявляли.

«Прошлаго Августа 25 дня по учиненной повѣсткѣ были мы во дворцѣ и, въ собраніе къ Никитѣ Ивановичу Панину, графу Захару Григорьевичу Чернышеву и князю А. А. Вяземскому, впущенъ былъ изъ насъ я самъ, гдѣ по многимъ разговорамъ, отъ Н. И. Панина объявлено, что земля Запорожская, на которой Новая-Сербія и Елисаветинское поселеніе, войску отдается, по прежнему, а на поселеніе Сербовъ по р. Самарь ввесь [край], а отъ Орели гребень озмется, и съ правой стороны Запорожцы, а съ лѣвой стороны Новосербцы владѣть будуть. За что весьма много было споровъ. и не допускано и прошено, съ чѣмъ и разошлись. На другой же день, 26 Августа паки въ общее вышеписанныхъ господъ собраніе были впущены я и писарь войсковый, гдѣ на столѣ разложенъ былъ всѣхъ Запорожскихъ земель планъ, который разсматривали и хотя они желали, чтобъ на поселеніе Новосербцовъ по Самарь рѣку [земли] взять, однакъ по спорамъ и многимъ разговорамъ опослѣ сказали, что только по *Прутовую границу* [1]], т. е. половину гребня между Самарью и Орелью, такъ что въ Самарь впадающія рѣчки Запорожцамъ, а въ Орель впадающія Сербскому владѣнію, ибо [говорили министры], «та земля хотя была ваша, но во время Прутовой границы, осталась она въ Россійскомъ владѣніи. На устьяхъ Самари, Терси и

---

[1]) Т. е. границу, опредѣленную трактатомъ, заключеннымъ на Прутѣ 12 Іюля 1712 г. Она показана на приложенной здѣсь картѣ, на восточной сторонѣ Днѣпра и названа «*Границею 1712 года*».

Бычка построятъ крѣпости и будутъ въ нихъ великороссійскія команды, которыя кромѣ въ крѣпости никакого около поселенія, также и ни до чего дѣла имѣть не будутъ. Только для пастьбы тѣхъ командъ скота на всѣ четыре стороны отвесть надобно около каждой крѣпости по двѣ версты. Запорожцамъ же отъ Прутовой границы вся Самарь и за Самарью степь по старому какъ есть». — «А какъ же не такъ! [имъ говорено], то Новосербцы останутся на старомъ мѣстѣ, а крѣпости безъ всего въ вышеписанныхъ мѣстахъ строиться будутъ. Нельзя быть, чтобъ отъ состоящихъ въ крѣпостяхъ обидъ Запорожцамъ не было, понеже и отъ Елисаветской крѣпости терпятъ немалыя разоренія»; — такъ отъ нихъ отвѣтствовано: — «что обидъ никакихъ отъ стоящихъ [въ крѣпостяхъ] и Линіи отъ крѣпости до крѣпости такой, какъ *стара* и никакой не будетъ, кромѣ однихъ розъѣздовъ. А если де вы о обидахъ сумнѣваетесь, такъ для розъѣздовъ опредѣлите Запорожскихъ козаковъ, которые, будучи въ розъѣздахъ, не дадутъ своей братіи козакамъ никаковыхъ обидъ причинять». Мы того не похотѣли, и хотя споры за крѣпости имѣли, однакъ видимъ, что въ томъ ничего не успѣемъ. За отшедшія Донцамъ земли и косы ничего не говорили, за скоростію ихъ къ Цесаревичу Павлу Петровичу отходу, а какъ съѣздъ будетъ и насъ къ этому потребуютъ, такъ еще за то говорить будемъ. Въ 27 же день, Августа 3-го г. Чернышевъ, который при нашей коммисіи отъѣхалъ въ Москву въ свои вотчины и будетъ тамъ 29 дней. За чѣмъ можетъ быть и дѣло наше остановилось теченіемъ». [4 Сентября 1765].

Эта медленность болѣе и болѣе увеличивалась. Запорожцы утѣшали себя какъ могли. Кошевой писалъ войску: «Вы должны быть увѣрены въ томъ, что милость Монаршая, какъ нынѣ есть, такъ и всегда съ войскомъ будетъ; а что нескорое окончаніе дѣла и нашъ отсель выѣздъ медлится, то всякому сіе знать можно, яко въ такихъ правительствахъ не одно только наше дѣло, да и наше дѣло въ малыхъ не считается и потому требуетъ при разсмотрѣніи его многихъ объясненій и доказательствъ. Для котораго за надобнымъ и послано». [18 Октября 1765]. Въ то же время кошевой особо писалъ къ судьѣ, который видя, что гордіевъ узелъ споровъ и распрей ежегодно увеличивается, хотѣлъ было оставить судейскую свою должность и управленіе Коша, слѣдующее весьма энергическое посланіе: «Что вы на правленіи въ Кошѣ до моего пріѣзда мною оставлены, отъ меня репортовано вездѣ и не только тамошніе пограничные генералитеты, но и тутъ господа большіе про васъ извѣстны. Да и самая Всемилостивѣйшая Государыня при пріѣздѣ моемъ спрашивала: кому войско и граница поручена»? то я объявлялъ: — что «судьи войсковому Головатому». Въ наступающій Новый годъ вы не сдѣлайте того, чтобъ отъ правленія увольняться, ибо если захотите сдѣлать, то крайнее войску и намъ безславіе нанесете и дѣло нынѣ хорошо текущее испортите; что за бѣдныхъ сиротъ ни на кому Богъ взыщетъ, какъ только на самихъ васъ. Чтобъ же войско вамъ перемѣну въ нынѣшнемъ плачевномъ времени не схотѣло дѣлать, хотя не надѣюсь, однако писалъ къ старикамъ». [18 Октября 1765].

Но вотъ 1765 годъ уходилъ, зима жестокая настала, а депутаты все еще «сидѣли» въ Петербургѣ, утѣшаясь то надеждами успѣха, то вѣсточками съ роднаго Запорожья. Судья Головатый въ письмѣ своемъ говорилъ: «Зима, вельможный Пане, здѣсь была очень тяжела, холодна и чрезъ-мѣру съ большими снѣгами. Въ исходѣ Ноября такая здѣсь была снѣжная стужа, что въ здѣшнихъ мѣстахъ народа на дорогахъ померзло не мало; съ тѣхъ поръ снѣгъ большой лежалъ, даже до половины Февраля». [7 Апрѣля 1766]. Эта зима въ простонародьи Запорожскомъ перетолкована такъ, что «вѣрно Москали сюда будутъ, бо за ними всегда и зима въ степь приходитъ». Между тѣмъ для окончанія Запорожскихъ дѣлъ вызваны были ко двору и сосѣди Запорожья: «Изъ Украины господа: И. Ф. Глѣбовъ, графъ П. А. Румянцовъ и фонъ-Брантъ прибыли въ С. Петербургъ Февраля среднихъ чиселъ и здѣсь находятся», писалъ Калнишевскій въ концѣ того же мѣсяца, «а о дѣлѣ нашемъ еще ничего нѣтъ. Это были главные начальники всей Южной Россіи и ихъ пріѣздъ еще болѣе замедлилъ окончаніе этого порубежнаго дѣла.

Въ Маѣ 1766 г. Кошъ получилъ еще одну краткую записку отъ кошеваго въ Петербургѣ, доказывающую, что въ два года дѣло его не подвинулось ни на шагъ впередъ. «О Самарѣ шли не малыя затѣйки ко взятію, однакъ осталось по довольной просьбѣ на словахъ тако. Графъ Захаръ Григорьевичъ объявилъ, что «Новосербскія и Елисаветскія мѣста вамъ по прежнему, какъ сказывано прежде, возвратятся и Самарь вся по самую Орель въ вашемъ владѣніи останется, только по Самарѣ отъ Орели построятся крѣпости

одна отъ другой дальностью на 60 верстъ и до всякой вокругъ оной на двѣ версты для сѣнокосовъ и пастьбы тѣмъ командамъ, что будутъ въ крѣпостяхъ, лошадей, отмѣриться земли. О томъ строеніи и отводѣ земли мы не согласовали и просили. Такъ сказалъ [графъ Чернышевъ], что въ крѣпостяхъ надобность государственная, и чтобъ не строить, то того и сдѣлать невозможно. Здѣшніе чинятъ великіе замашки; въ случаѣ ежелибъ къ вамъ отъ Румянцова, либо отъ кого другого и съ какими предметы присланы были, не имѣть вѣры и ничего не сомнѣвайтесь, а будьте крѣпки и мужественны, во всѣхъ случаяхъ безослабны, ибо здѣсь всѣ силы къ доставленію войску желаннаго употребляются, да и на смерть въ разсужденіи справедливости отважимось. Токмо много Брантъ своими прожектами мѣшаетъ».

10 Іюля Императрица лично все дѣло и планы земель разсматривала, въ присутствіи помянутыхъ выше трехъ министровъ и генераловъ: Румянцова, Олица и фонъ-Бранта; но нашедъ нѣкоторыя недоумѣнія, по причинѣ неточности картъ, рѣшенія своего не произнесла. Кошевой, извѣщая о томъ свое товариство, присовокупляетъ: «Что мы желаемое получимъ, многіе и площадно [т. е. публично], то говорятъ большіе и не большіе, да отъ Всемилостивѣйшей Государыни резолюціи нѣтъ; а причина больше тому, что всѣ лѣтніе мѣсяцы изволитъ быть въ походѣ, проѣзжаться по лѣтнимъ дворцамъ. А какъ прибудетъ въ Петербургъ, то надѣяться на милость Божію, что и резолюція выходомъ не умедлитъ, только какая? Богъ вѣсть! А на словахъ господа генералы обнадеживали и прочіе

поговариваютъ хорошо. Такъ Питеръ наскучилъ не скорымъ дѣланіемъ дѣлъ, что принуждаетъ лишить жизни отъ проклятыхъ волокитъ». [5 Августа 1766].

Здѣсь прекращаются донесенія депутатовъ и мы скажемъ о ихъ поѣздкѣ только нѣсколько еще словъ. Каковъ успѣхъ имѣли всѣ эти совѣщанія и чѣмъ кончилось ихъ ходатайство, легко догадаться, видя, что и въ слѣдующихъ за тѣмъ депутаціяхъ, о которыхъ скажемъ послѣ, тѣ же ходатайства возобновлены. Знаемъ только изъ одного документа[1]], что кошевой, возвратясь въ Сѣчь, представилъ войску Высочайшую Е. И. В. граммату, въ которой оно Е. И. В. милостью обнадежено и увѣрено: уповать войску Запорожскому на материнюю Е. И. В. щетроту и въ томъ благонадежны быть»[2]].

Теперь перейдемъ къ другому, весьма важному событію, достойному привлечь все наше вниманіе, тѣмъ болѣе, что оно тѣсно связано съ предыдущею депутаціею.

Еще кошевой находился въ Петербургѣ, когда манифестъ Императрицы Екатерины II, въ 14 день Декабря 1766 г. обнародованный, радостно взволновалъ всѣ Русскія сердца. Монархиня излагая, что «Ея первое желаніе есть, видѣть свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе

---

[1]) *Наказ* Запорожскимъ депутатамъ въ коммисію для сочиненія Новаго Уложенія въ 1767 году § 2, о которой сей часъ говорено будетъ.

[2]) Къ сожалѣнію, самой гpамматы, на которую Запорожцы часто ссылались, и которой имѣемъ два отрывка, въ архивѣ нашемъ не оказалось.

и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться; для того, дабы лучше узнать было можно нужды и чувствительные недостатки своего народа» — повелѣла прислать въ Москву депутатовъ отъ всѣхъ сословій въ государствѣ, для составленія *Коммиссіи*, которой она поручала великое дѣло законодательства. Всѣмъ извѣстенъ Ея *Наказъ*, которому рукоплескала вся ученая Европа и цѣль онаго: изданіе новаго кодекса законовъ для Россіи, *Новаго Уложенія*. Попытки столь труднаго подвига дѣлаемы были еще при Петрѣ Великомъ и достославной Его дщери Императрицѣ Елисаветѣ, но не достигли желаннаго окончанія. Екатерина II, жаждая подобно своимъ предшественникамъ истинной пользы государству, а себѣ безсмертной славы и благодарности потомства, надѣялась, съ помощью представителей всего Русскаго народа, достичь этой цѣли. Но, замѣтимъ мимоходомъ, надежды Ея не сбылись; тогда Россія далеко еще была отъ той политической зрѣлости, которая порождаетъ законодателей, сама Императрица далеко опередила націю своимъ образованіемъ. Хотя въ долговременное и достославное Ея царствованіе много полезныхъ узаконеній собрано, сочинено и издано, но твореніе монументальное, подобное *Своду Законовъ* всей Русской Имперіи, принадлежитъ уже,—да и быть не могло иначе,— принадлежитъ нашему времени и незабвенному Монарху Императору Николаю.

Слѣдуя принятому нами порядку изложенія,—не выходить изъ предѣловъ исторіи одного Запорожья,— мы намекнули здѣсь объ этихъ важныхъ событіяхъ въ отечествѣ съ тою цѣлью, чтобы разсказать участіе въ

оныхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, Низоваго рыцарскаго братства. Многіе, быть можетъ, съ удивленіемъ спросятъ: неужели и козачество Запорожское участвовало въ законодательныхъ трудахъ 1767 г. и участвовало дѣломъ? Для невѣрующихъ или незнакомыхъ съ исторіею Запорожья, совѣтуемъ прочитать настоящій разсказъ нашъ и обратить вниманіе на прилагаемые къ этой главѣ документы, достойные истиннаго удивленія читателей. Въ нихъ можно найти многія объясненія къ нашему повѣствованію о внутреннемъ и политическомъ бытѣ Запорожья и многія догадки о его состояніи въ Кошахъ, предшествовавшихъ основанію Новой-Сѣчи на р. Подпольной. Изъ нихъ, наконецъ, можно убѣдиться, какъ эта нестройная, такъ сказать, община, имѣла зрѣлыя и ясныя понятія о внутреннемъ распорядкѣ и гражданственности, понимала свои пользы и нужды.

Въ это время Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ былъ генералъ-аншефъ Федоръ Матвѣевичъ *Воейковъ*, въ Мартѣ 1767 г. назначенный вмѣстѣ и главнымъ командиромъ Новороссійской губерніи, на мѣсто упомянутаго выше генералъ-поручика фонъ-Бранта. 18 Января с. г. отправилъ онъ къ правящему въ Кошѣ судьѣ Головатому экземпляры Высочайшаго упомянутаго выше Манифеста, для немедленнаго его провозглашенія во всѣхъ частяхъ Запорожья. Румянцовъ съ своей стороны, какъ главный начальникъ Малороссіи и войскъ Запорожскихъ, предложилъ кошевому начальству, въ присутствіи посланнаго нарочно въ Сѣчь отъ него Сѣвскаго полку полковника *Андрея Милорадовича*: избравъ во всякомъ куренѣ по 5 *уполномоченныхъ*,

приказать имъ наименовать торжественно, посредствомъ балотировки, одного депутата въ коммиссію для сочиненія Новаго Уложенія. 27 Марта 1767 г., по выслушаніи въ Сѣчевой Покровской церкви литургіи, молебствія за здравіе и благоденствіе всего Императорскаго Дома и исполненія установленной на сей случай присяги, 190 довѣренныхъ козаковъ собралось въ Шкуринскомъ куренѣ. Къ этому куреню принадлежали главныя тогда лица въ войскѣ: судья войсковый Головатый и асаулъ Лукьянъ Великій. Въ числѣ избирателей были: бывшій кошевый Филиппъ Федоровъ изъ Каневскаго, бывшій кошевый Григорій Федоровъ изъ Рогѣевскаго, бывшій судья Николай Тимофеевичъ *Косапъ* изъ Деревянивскаго, Головатый и войсковый старшина бывшій эсаулъ Лукьянъ Великій изъ Шкуринскаго, бывшій эсаулъ Федоръ Товстоногъ изъ Щербиновскаго куреней, и 27 куренныхъ атамановъ. Балотированіе производили по списку на то составленному, гдѣ всѣ 190 *довѣренныхъ* записаны были по нумерамъ, безъ различія званій, занимаемыхъ ими въ войскѣ. Когда очередь дошла до № 6, гдѣ стояло имя Николая Тимофеевича Косапа, то всѣ вообще присутствовавшіе громогласно потребовали: прекратить балотированіе и единодушно провозгласили его представителемъ войска у Царскаго престола.

Николай Тимофеевичъ, какъ его обыкновенно называли въ войскѣ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ «стариковъ» Запорожскихъ, былъ многократно куреннымъ атаманомъ, ходилъ полковникомъ *Столичниковъ* въ 1763 году, командовалъ въ чинѣ войсковаго эсаула закрытными командами со стороны Польши, и особенно

храбростію ознаменовалъ себя въ кампаніи съ Турками 1736—1739 годовъ. Войсковый старшина и депутатъ Николай Тимофеевичъ, поблагодаривъ войско за столь высокую къ нему довѣренность общины, усердно занялся приготовленіями въ дорогу. Собрали со всѣхъ паланокъ сколько могли денегъ, припасовъ и гостинцевъ, нарядили нѣсколько козаковъ для прислуги депутату, взяли даже у настоятеля Самарскаго монастыря подаренную ему отъ войска коляску, — но тяжкая болѣзнь, постигшая избраннаго депутата, повергла войско въ новое замѣшательство.

Къ тому времени поспѣлъ и кошевый изъ своей поѣздки въ Петербургъ и принявъ команду надъ войскомъ, поспѣшилъ съ отправленіемъ къ графу Румянцову нарочнаго въ Глуховъ, чтобы донести о своемъ затрудненіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кошъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поддержать «славу войсковую». Кошъ писалъ: «Ордеромъ В. С. повелѣно: изъ войска Запорожскаго, въ разсужденіи общежительства, выбрать *одного* депутата; а въ приложенномъ при Манифестѣ обрядѣ Всемилостивѣйше указано, съ единыхъ только городовъ или мѣстечекъ выбирать по *единому* депутату. Почему въ Малороссіи мало не со всякого полку по депутату выбрать велѣно; а какъ войско Запорожское своимъ жительствомъ и счисленіемъ войска напротивъ одного, двоихъ и троихъ полковъ, но весьма свыше имѣетъ обширность: ибо кромѣ куреней, простирающихся до 40, въ коихъ во всякомъ не мало исчисляется войска, имѣются еще полковники съ командами въ особыхъ мѣстахъ[1]: то въ выборѣ *одного*

[1]) Т. е. въ 8-ми паланкахъ или вѣдомствахъ.

депутата войско считаетъ себя обиженнымъ». [2 Іюля 1767 г.]. Весьма любопытенъ отвѣтъ Румянцова: «Первое мое опредѣленіе», пишетъ онъ въ партикулярномъ письмѣ своемъ къ кошевому, — «о выборѣ отъ войска Запорожскаго одного депутата, послѣдовало единственно отъ того, что я заключалъ, что все войско живетъ вмѣстѣ, а въ зимовникахъ остаются по большей части одни работники. А теперь въ разсужденіи требованія вашего, будучи совершенно доволенъ поступками вашими, на выборъ двухъ или трехъ депутатовъ охотно согласенъ». [9 Іюля 1767]. Если знаменитый Румянцовъ, ближайшій сосѣдъ и начальникъ Запорожья такъ мало зналъ ихъ край, то что могли тогда знать въ Петербургѣ военные и придворные чиновники, не только не видавшіе края, но даже не имѣвшіе добрыхъ картъ и плановъ, да и мало заботившіеся объ этой *дикой* и далекой странѣ?

Письмо графа Румянцова прочитано было войску на площади 17 Іюля, а 18 ч. того же мѣсяца *довѣренное* товариство, собравшись уже въ Кущовскомъ, а не въ Шкуринскомъ куренѣ [изъ уваженія къ кошевому, козаку этого куреня] избрало депутатами: войсковаго судью Павла Фроловича *Головатаго* и атамана Корсунскаго куреня Моисея Степановича *Скапу*. Тогда Запорожская община исполняя Высочайшую волю на счетъ «представленія о нуждахъ и недостаткахъ всякаго мѣста», сочинила и вручила своимъ представителямъ *Наказъ*, т. е. подробную инструкцію о томъ: чего просить и о чемъ доносить правительству. Этотъ наказъ прописанъ послѣ отъ слова до слова въ челобитной войска, на имя Императрицы. Первоначально наказъ

былъ сочиненъ вкратцѣ повѣренными Каневскаго куреня, и прочитанный въ общемъ собраніи *довѣренныхъ*, былъ ими единодушно принятъ [1]. Онъ послужилъ основаніемъ подробному Наказу, который по всей обширности помѣщается въ *приложеніяхъ* и на который просимъ читателей обратить тщательное свое вниманіе, какъ на одинъ изъ лучшихъ матеріаловъ для исторіи законодательства не только Запорожскаго козачества, но и всей южной Россіи. Здѣсь помѣщаемъ только упомянутую краткую инструкцію, сочиненную въ Каневскомъ куренѣ[1], съ присовокупленіемъ введенія въ полный Наказъ, какъ образецъ *дипломатическаго* ихъ слога.

«Войско Запорожское Низовое, приступая со всеподданѣйшимъ послушаніемъ ко исполненію Высочайшаго отъ Е. И. В. Всемилостивѣйшей Государыни нашей повелѣнія, избрало по общему согласію, васъ депутатами къ проэкту *Новаго Уложенія*, имѣя несомнѣнную надежду, что вы, какъ усердные сыны отечества потщитесь съ найвящшею ревностію, употребить трудъ свой во всемъ томъ, что къ лучшей пользѣ и благоденствію войска Запорожскаго служить можетъ. И каковы нужды и недостатки по общему нашему разсужденію нами дознаны, объ оныхъ по Высочайшему

---

[1]) Это происходило въ Каневскомъ куренѣ, вѣроятно потому, что отъ него былъ *довѣреннымъ* бывшій кошевый *Филипъ Федоровъ*. На ихъ краткой инструкціи или объявленіи приговоръ рукою войсковаго писаря Ивана Глобы написанъ такъ: «На вышеписанное *обявленіе* отъ всѣхъ куреней повѣренные согласно пристали (согласились)». Эта краткая инструкція названа *обявленіемъ*, т. е. *declaratio*, въ подражаніе нотъ, которыя вносили на сеймъ депутаты Польскіе, называвшіе ихъ *декларацiями*.

Е. И. В. съ матерняго благоутробія дозволенію, къ поднесенію подъ Высочайшее разсмотрѣніе, изъясняя по нижеслѣдующему полагаемое на Васъ, съ тѣмъ, что вы по всему тому къ достиженію высокоматерняго Е. И. В. благопризрѣнія и опредѣленія учинитесь ревностными попечителями и ходатаями. Для чего и всеподданѣйшее прошеніе къ поднесенію Е. И. В. нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ при семъ вамъ вручаемъ о нижеслѣдующемъ:

1.

«О подтвержденіи правъ и вольностей прежнихъ, наданныхъ отъ королей Польскихъ и князей Литовскихъ и потвержденныхъ Россійскими Государями Императорами, войску Запорожскому, народу Малороссійскому, духовному чину и шляхетству и чтобы оные внесены были особо въ Генеральное Уложеніе для всегдашней незабвенности.

2.

«Земли, отшедшія при разграниченіяхъ и отданныя Донскому войску и отшедшія подъ поселеніе, что при Елисаветѣ и Новой-Сербіи, такъ и Самарь рѣку, во владѣніи войска чтобъ оставлено было, и на то все пожалованно бъ Высочайшую граммату.

3.

«О сводѣ съ устроеннаго при рѣкѣ Самарѣ *Старо-Самарскаго*, такожъ *Ново-Сѣченскаго, Камянскаго* и *Биркутскаго* ретраншаментовъ, редуты: *Никитской, Кодацкой, крѣпости Св. Елисаветы* и принадлежащихъ къ оной ретраншаментовъ и редутъ Великороссійскихъ командъ,

по Запорожскимъ землямъ состоящихъ, въ силѣ обнадеживающихъ: Государей Россійскихъ Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Софіи Алексѣевны, до окончанія тогдашней съ Турками войны и Императрицы Елисаветы Петровны о присылкѣ о тѣхъ командахъ губернатору Кіевскому, грамматъ.

4.

«О бытіи войску Запорожскому подъ вѣдѣніемъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, какъ и съ прихода ея съ подъ державы Турецкой въ 1734 г. находилось, а не подъ вѣдѣніемъ Коллегіи Малороссійской.

5.

«О невзиманіи съ привозимыхъ Запорожскими козаками въ Малую-Россію и Польшу: Крымской соли, рыбы и другихъ заграничныхъ и здѣшняго продукта, такожъ и оттудова въ Сѣчь для употребленія и обиходу Запорожскимъ козакамъ товаровъ, пошлинныхъ денегъ, какъ и Высочайшею грамматою Елисаветы Петровны въ 1760 г. повелѣно, и въ Елисаветградской провинціи и во всей Новороссійской губерніи.

6.

«О сводѣ состоящихъ на Запорожскихъ земляхъ, въ *Зеленой балкѣ*, близъ *Бугераковъ-Княжихъ и Волчьихъ*, да на *устьѣ р. Синюхи* и въ другихъ мѣстахъ, ставками разставленныхъ многихъ командъ, поелику въ нихъ никакой нужности въ интересѣ государственномъ, яко они внутрь Запорожской земли состоятъ, а не на границѣ, не предвидится; да и сверхъ того, что сіе все

Запорожское войско беретъ на себя, въ силѣ граммaты 1762 г. Генваря 29.

7.

«О дозволеніи провозить ѣздящимъ зъ Сѣчи въ Москву и въ С. Петербургъ ежегодно за жалованьемъ и по другимъ войсковымъ нуждамъ, кошевому атаману и старшинамъ, для собственнаго ихъ тамо обиходу, ржанаго и наливнаго на ягоды вина, свободно, какъ и прежде было.

8.

«О сводѣ Новосербскаго вѣденія и записавшихся въ пикинеры [1] изъ Запорожскихъ земель, гдѣ они нынѣ жительствуютъ, въ отдаленнѣйшія отъ границы мѣста внутрь; и о дозволеніи на мѣста ихъ принимать желающихъ выходить, прежде бывшихъ въ Запорожской козацкой службѣ, поженившихся въ Малой-Россіи, Польшѣ и Волошинѣ козаковъ; и о бытіи имъ подъ вѣденіемъ и командою Коша Запорожскаго, равно и по женитьбѣ изъ Запорожья, жительствующихъ на своихъ наслѣдныхъ и купленныхъ земляхъ въ Малой-Россіи.

9.

«О невыводѣ и ненаселеніи на Запорожскихъ по сю сторону рѣки Днѣпра земляхъ изъ Польши и изъ раскольничьихъ полку Стародубовскаго слободъ раскольниковъ, и о сводѣ, какъ ихъ, уже нѣсколько поселенныхъ, такъ и изъ Малороссіи иновѣрцовъ; какъ

[1]) *Пикинерами* названы легко вооруженные кавалерійскіе полки, учрежденные въ Новороссійской губерніи въ 1764 г. Первымъ былъ *Елисаветградскій*, сформированный изъ Ново-Слободскаго близъ крѣпости поселенія.

и въ пунктахъ гетмана Хмѣльницкаго таковымъ, на сихъ земляхъ, не быть постановлено.

10.

«Объ отпускѣ впредь на всегда войску Запорожскому ежегоднаго жалованья серебряною, а не мѣдною монетою, и о дозволеніи Запорожскимъ козакамъ, Великороссійскимъ и Малороссійскимъ купцамъ въ Сѣчь Запорожскую свободно оную серебреную монету, для здѣшняго войску Запорожскому употребленія вывозить, также и отсюдова туда, какъ и прежде бывало».

Мы не сдѣлаемъ никакихъ болѣе замѣчаній на счетъ представленныхъ здѣсь статей Наказа, — говоривъ объ нихъ довольно подробно въ предыдущихъ главахъ.

Депутаты, снабженные этимъ Наказомъ и рекомендаціями, по обычаю, къ важнѣйшимъ свѣтскимъ и духовнымъ сановникамъ Имперіи, отправились изъ Коша 24 Іюля 1767 г. и едва въ Сентябрѣ въ Москву прибыли. Объ ихъ пребываніи и дѣйствіяхъ можемъ сообщить весьма немного свѣдѣній, ибо донесенія депутатовъ въ Кошъ не представляютъ ничего любопытнаго. Вотъ нѣсколько отрывковъ: «За прибытіемъ нашимъ въ Москву по коммисіи проэкта Новаго Уложенія, г. маршаломъ Александромъ Иличемъ *Бибиковымъ* [1]] въ соборной Успенской церкви приведены мы къ присягѣ и *знаками* [2]] насъ уполномочили; а посажены мы въ

[1]) Тотъ самый, который былъ въ Сѣчи въ 1765 г. и записался въ товариство Запорожское.

[2]) Въ упомянутомъ выше манифестѣ 1767 года сказано: «дабы членовъ Коммисіи о Уложеніи узнать можно было, то носить имъ всѣмъ знаки одинакіе, къ тому отъ Насъ опредѣленные, которые во всю жизнь ихъ имъ остаются».

грановитой палатѣ между депутатами подъ № 396, и читаны были законы *о великомъ дворянствѣ*, кои уже и окончены; а нынѣ уже начали читать законы народа средственнаго: о *купечествѣ*; а впредь что будетъ всѣми удобовозможными мѣрами всенижайше будемъ доносить». [2 Октября 1767]. Въ Москвѣ такъ мало имѣли понятія о войскѣ Запорожскомъ, что судью войсковаго и другихъ его товарищей посадили ниже городскихъ даже представителей, на равнѣ съ поселянами. Обиженные Запорожцы представили въ Сенатъ жалобу, въ которой представляли, что «въ войскѣ Запорожскомъ служутъ и въ Сѣчи Запорожской жительство имѣютъ изъ шляхетства и гражданъ, но что все общество войска Запорожскаго равно Е. И. В. отправляетъ воинскую службу, тѣмъ наипаче между онымъ раздѣленій на особливыя каждаго состоянія нѣтъ». Кошевой же писалъ къ маршалу коммисіи Бибикову, что войску Запорожскому не малая обида «отъ уравненія съ никогда не бывалыми въ равенствѣ людьми, ибо войско Запорожское Низовое, старшины и козаки, по прежнимъ привиллегіямъ состоятъ во всякихъ расправахъ въ равенствѣ съ шляхтою, и ни единого здѣсь служилого человѣка, чтобъ онъ не равенъ былъ шляхтѣ, не имѣется». Но всѣ ихъ усилія были напрасны. Депутаты доносили Кошу: «Что изволите писать о подачѣ просьбы, чтобы войско Запорожское противу дворянъ честью уничтожено не было, то доношу, когда мы подали обще съ депутатами легкихъ войскъ докладъ, на имя Всемилостивѣйшей Государыни, о произвожденіи дворянскаго жалованья и о причисленіи къ той части всѣхъ легкихъ войскъ депутатовъ, Е. С.

Григорію Григорьевичу Орлову, дабы доложилъ Всемилостивѣйшей Государынѣ, то онъ принявши, объявилъ: «счастливъ бы я былъ, когда-бъ вы чрезъ меня сіе получили», а больше нѣякой резолюціи отъ его не слыхали. Потомъ же подавали отъ себя въ Сенатъ доношеніе, гдѣ онаго не принято. О представленіи жъ къ ручкѣ Всемилостивѣйшей Государыни, хочай и просили князя Вяземскаго, то онъ объявилъ, что «подумаю» и «надобно справиться», и такъ ничего полезнаго отъ него не послѣдовало и видимой намъ недоброхотъ явился; и не токмо отъ него сіе слѣдуетъ, но и другихъ, у кого чего ни спросишь въ пользу, то получить нельзя и всякъ отказуется, что «не мое дѣло». [7 Января 1768 г.].

Большая часть переписки Головатаго съ Кошемъ наполнена жалобами на товарища своего куреннаго атамана *Скапу*, который своею простотою и неопытностію приводилъ его въ отчаяніе, ибо Головатый болѣе всего заботился о чести и репутаціи «славнаго Запорожья». Скапа, обиженный наставленіями Головатаго, бросилъ Москву и поѣхалъ въ Сѣчь, чтобы быть увольнену отъ должности депутата, но Кошъ до того не допустилъ. Но вскорѣ депутаты были отпущены, и въ Маѣ воротились въ Запорожье [1]. Они прислали въ Кошъ копіи замѣчаній, сдѣланныхъ на требованія

[1]) Мы должны сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этой законодательной коммисіи. Это была *восьмая* со временъ Петра Великаго. Она открыта торжественно въ Москвѣ 31 Іюля 1767 г., а 21 Августа того же года поднесла Императрицѣ благодарственный адресъ отъ имени всей Россіи. Она состояла изъ 565 членовъ, раздѣленныхъ на 19 комитетовъ. 29 Декабря, т. е. послѣ 5-ти-мѣсячныхъ засѣданій, всѣ почти депутаты были распущены.

кошеваго въ 1766 г., генераломъ графомъ Чернышевымъ, которыя столь любопытны, что мы приводимъ здѣсь одинъ отрывокъ, который укажетъ какими глазами министерство Императрицы смотрѣло тогда на Запорожье.

Въ § 4 Запорожскихъ предложеній сказано слѣдующее: «Всего бы лучше, чтобъ какъ земли Запорожскія, на которыхъ нынѣ Новосербцы поселянами оставляются, въ милости Монаршей по прежнему во владѣніе войска Запорожскаго оставить такъ и Орель съ землею до прописанной границы; подѣлая только по Орели крѣпости, яко тѣхъ переходящихъ [изъ Малороссіи людей], по ихъ немногому числу, [можно] помѣстить между Орелью и Берестоватою, а способнѣйше всего близъ Славено-Сербіи. Войско-жъ Запорожское, не отбирая ихъ земель, яко оно съ ними подъ Россійскую державу пришло добровольно, и только на оныхъ довольствуясь, служитъ Всероссійскому престолу на своемъ коштѣ, — оставить безъ нарушенія ихъ старинныхъ привиллегій, требуя отъ нихъ одной только вѣрности, обереженія границъ, къ чему они всегда были состоятельны и могутъ быть, видя Монаршую къ себѣ въ томъ милость».

Графъ Чернышевъ на этотъ § написалъ слѣдующій отвѣтъ: «Новосербія отъ Буга не доходя до Днѣпра за 20 в., яко земля оставляемая на барьеръ для всякихъ случаевъ, отдается Запорожскому войску во владѣніе съ тѣмъ, чтобы на оной селить по своимъ правамъ только неженатыхъ людей, а ежели женатыхъ, то не безъ сумнѣнія, что они столь много земли требуютъ для того, чтобъ принимая Малороссійскій

народъ, тѣмъ какъ Малороссію, такъ и Слободскую и Новороссійскую губерніи опустошать. А во время войны, сихъ людей, разсѣянныхъ по степямъ и всею арміею защитить возможности не будетъ. Подъ Россійскую державу войско Запорожское отдалось не одно само собою, но по тогдашнимъ обстоятельствамъ и потомъ отъ Поляковъ Россійскимъ войскомъ обороняемо было. Службу оное войско исправляетъ не совсѣмъ на своемъ коштѣ, но получаетъ повсегодно изъ казны нѣсколько денегъ и хлѣба, да и то только не въ большомъ числѣ, ибо въ прошедшія Турецкія войны было оное въ походѣ до 6,000 вооруженныхъ, изъ которыхъ обыкновенно по исходѣ перваго мѣсяца, половина разъѣзжалась. Старинныя ихъ привиллегіи не только остаются безъ нарушенія, но сверхъ того пользуются они обширною землею съ угодіями и промыслами и сборами за соль, везущуюся изъ Крыму и прочими доходами въ казну подлежащими, за что требуется отъ нихъ только вѣрность и защищеніе и содержаніе границъ. А чтобъ они только въ состояніи были границы отъ непріятелей защищать, сіе лучше желать, нежели самимъ дѣломъ доказать можно».

Послѣдствія этихъ двухъ депутацій, кажется, были вовсе не важны для войска; въ одной только Высочайшей грамматѣ въ 19 день Декабря 1768 г. данной, которой два отрывка мы отыскали, встрѣчаемъ какъ бы рѣшеніе Монархини на межевыя претензіи Запорожья. Тамъ сказано, между прочимъ: «Что касается до спорныхъ земель между нашимъ вѣрнымъ войскомъ Запорожскимъ и обывателями Екатерининской провинціи [Славеносербіи], то мы повелѣли нашему Кіевскому

губернатору Воейкову, отложить разсмотрѣніе того до спокойнѣйшихъ временъ. А теперь оставить все на томъ основаніи, какъ нынѣ есть, наблюдая притомъ, чтобы тѣ обыватели подъ жестокимъ штрафомъ ни малѣйшихъ обидъ и озлобленій не чинили смежнымъ съ ними Запорожскимъ поселянамъ». Но мира между сосѣдями быть не могло, да и вся Имперія имѣла нужду въ *спокойнѣйшихъ временахъ*. Съ одной стороны безпокойства и кровавыя сцены въ козачьихъ земляхъ Урала, возмущенныхъ Пугачевымъ, требовали вниманія и строгости правительства; съ другой—фанатическое вооруженіе противниковъ короля Польскаго, Барскихъ конфедератовъ, угрожало спокойствію западной границы Русской; пока наконецъ кровавая борьба съ Турціею не поглотила въ себѣ всѣхъ другихъ заботъ и мыслей правительства.

Эти смуты въ Польшѣ и эта война съ Турціею имѣли сильное вліяніе на судьбу Запорожья и мы должны обратить къ нимъ сказаніе наше.

ГЛАВА X.

Черные дни Запорожья. Гайдамаки.

Гайдамаки и Гайдамацтво, — это самая печальная страница въ лѣтописяхъ Запорожья:—это злоба дней его въ теченіи болѣе 30 лѣтъ существованія войска. Въ качествѣ лѣтописца столь знаменитой Русской военной общины, мы сочли своимъ долгомъ посвятить этому вопросу особыя главы нашего разсказа [1]. Въ Сѣчевомъ архивѣ, — не смотря на его разрушеніе, — мы нашли многія сотни подлинныхъ документовъ о гайдамакахъ, и мы надѣемся, на ихъ основаніи, оправдать «славное Запорожское товариство» отъ постоянныхъ на нихъ клеветъ и нареканій не только отъ враговъ, но и отъ друзей Россіи.

[1]) 40 лѣтъ назадъ мы посвятили этому вопросу довольно обширную монографію подъ заглавіемъ: «*Наѣзды гайдамакъ на западную Украину*». Одесса, 1845. Въ нынѣшнемъ году мы рѣшились дополнить ее новыми документами въ Октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» (стр. 277—319). Къ сожалѣнію Редакція «Старины» исключила одну ихъ категорію, именно Татарскую рубрику.

Кто были «гайдамаки», когда и какъ появились въ здѣшнемъ краѣ? намъ указать легко; но откуда произошло ихъ названіе, никто не знаетъ. Нѣкоторые писатели, въ томъ числѣ и свѣтила исторической науки въ Юго-Западной Россіи: Костомаровъ и Антоновичъ, на основаніи подобныхъ нашимъ документовъ, но, по ихъ убѣжденіямъ, доказывали, что гайдамацтво есть плодъ трехъ-вѣковой законной борьбы и естественной вражды къ Польскому дворянству, а еще болѣе къ Уніи, т. е. Католическому духовенству. «Послѣ освобожденія Украины и всего козачества отъ этого двойнаго ига,—«Народная реакція»,—говоритъ г. Антоновичъ,—противу Польскаго шляхетства должна была искать точки опоры въ новой измѣненной формѣ протеста и нашла ее *въ гайдамакахъ*» [1]. Но въ отношеніи къ Запорожью историческіе факты, т. е. подлинные ихъ документы говорятъ другое, и мы представимъ тому несомнѣнныя свидѣтельства, даже изъ устъ самыхъ гайдамаковъ. Даже *Колиівщина*, т. е. наѣздъ гайдамаковъ на Умань и другія мѣстности Западной Украины, не дѣлаетъ вовсе исключенія въ этой черной лѣтописи нашего края.

Чтобы изложить въ точности наше мнѣніе о гайдамацтвѣ необходимо прежде всего указать: во-первыхъ, на мѣстности гайдамацкихъ подвиговъ, во-вторыхъ, на личность и дѣйствія ихъ противниковъ, и въ третьихъ на личность этихъ бедуиновъ нашего края.

Что-же говорятъ объ этихъ вопросахъ документы Сѣчи, Малороссіи и Малороссійской канцеляріи? Мы предложимъ здѣсь самые правдивые документы, т. е.

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи; ч. III, т. II, стр. 196—197.

жалобы потерпѣвшихъ отъ разбоя сторонъ, угрозы и наставленія Русскаго начальства, и судебные допросы съ пойманныхъ гайдамакъ.

Мѣстности, наиболѣе подверженныя разбоямъ гайдамацкихъ ватагъ, были:

1. Крымскія, т. е. Перекопскія и Ногайскія, въ Очаковской области, степи. Извѣстно, что эти послѣднія составляютъ теперь за-Бугскую часть Херсонской губерніи.

2. Западная Украина, т. е. южная часть Подольской и Кіевской губерній и то на весьма близкое разстояніе отъ Буга и Синюхи.

3. Наконецъ—что весьма удивительно, Донскія и Кубанскія косы, въ предѣлахъ Нижне-Донской рыболовной области, а въ то время въ кочевьяхъ Кубанской орды Ногайцевъ.

Изъ цѣлой тысячи страницъ переписки съ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, съ гетманскою войсковою канцеляріею, съ комендантскимъ крѣп. Св. Елисаветы и Новосербскимъ начальствомъ и, наконецъ, съ Крымскимъ ханомъ и его сераскирами, мы смѣло можемъ убѣдить, что большая половина наѣздовъ и отъ того споровъ была отъ Татаръ; однихъ «дѣлъ» по «Коммиссіямъ» имѣемъ четыре большія связки. Однихъ ханскихъ подлинныхъ ярлыковъ по дѣламъ съ гайдамаками можно насчитать цѣлые десятки. Одинъ изъ дипломатическихъ такихъ съѣздовъ мы представили выше въ подробности, въ IV главѣ нашего разсказа. Коммиссій съ Поляками было наряжаемо нѣсколько, но одна только постоянно пребывала въ м. Тарговицѣ и та мало намъ знакома — за отсутствіемъ документовъ. Но излагая

здѣсь документы и мнѣніе наше о гайдамацтвѣ, мы будемъ имѣть цѣлью говорить о нихъ на столько, сколько онѣ касаются Запорожья. До разбоевъ и наѣздовъ, изчисленныхъ въ архивѣ Юго-Западной Россіи, мы касаться не будемъ.

Но что всего болѣе удивляетъ насъ и вѣрно удивитъ и многихъ изъ читателей, такъ это извѣстія о гайдамацкихъ подвигахъ на Русской землѣ, и на Русскихъ торговыхъ людей. Мы предлагаемъ здѣсь о томъ нѣсколько мелкихъ документовъ.

Первое извѣстіе о настоящихъ гайдамакахъ имѣемъ въ 1735 году, когда Кіевскій генералъ-губернаторъ графъ Вейсбахъ, предписалъ ново-устроенному Кошу въ Новой-Сѣчи собрать точныя свѣдѣнія о грабительствахъ и убійствахъ ватажка *Савки Чалаго*, который въ качествѣ подручника извѣстныхъ мятежниковъ: Орлика и Мировича, бѣжавшихъ изъ Полтавскаго погрома, уже болѣе 20-ти лѣтъ наполнялъ ужасомъ западную Украину, называя себя «настоящимъ представителемъ войска Запорожскаго». Но Кошъ скоро убѣдился и убѣдилъ своего покровителя, что Чалый былъ ни что иное, какъ наемникъ Поляковъ, партіи Станислава Лещинскаго, и слѣдственно противниковъ Россіи, державшей сторону избраннаго королемъ Саксонскаго принца Августа II. Онъ нападалъ даже на Запорожскія паланки, преимущественно на Гардъ, устроенный на Бугѣ Запорожскій постъ, для защиты рыболововъ и переправы на Татарскую сторону. Отрядъ Запорожцевъ его поймалъ и убилъ въ собственномъ его домѣ. Объ этомъ ватажкѣ сохранилась въ народѣ пѣснь, гдѣ, говоря о преслѣдованіи его казаками, сказано:

«Ой булобъ тоби пане Саво
Гардъ не руйноваты,
Колы хотивъ Запорожцивъ
Въ кумы соби браты» [1]).

Второй документъ заимствуемъ изъ Сѣчеваго архива и приводимъ его въ кратцѣ. Это письмо Донскаго войсковаго атамана Д. Ефремова, отъ 21 Декабря 1744 года, въ которомъ онъ жалуется Кошу на безчинства зашедшихъ на устья Дона разныхъ людей и въ томъ числѣ и Запорожцевъ, которые не только въ Русскихъ предѣлахъ, но и на земляхъ Кубанской орды Ногайцевъ, дѣлаютъ грабительства и даже убійства. На то жалуются Бачуевскій *Измаилъ-Ага* и Кубанскій *Касай-Мурза* и просятъ о прекращеніи подобныхъ дѣлъ. Атаманъ присовокупляетъ, что онъ посылалъ уже въ разъѣздъ старшину *Максима Федотова* съ 20 козаками, который по возвращеніи донесъ ему: о нападеніяхъ злоумышленниковъ даже на Черкасскихъ купцовъ, ѣдущихъ на Луганскую и другія ярмарки и объ ограбленіи ихъ на 500 слишкомъ рублей.

Въ 1757 году одинъ Малороссійскій старшина, отправлявшійся въ «богатомъ экипажѣ», со многими *шерешовыми* [строевыми] козаками и слугами, для занятія своего поста на границахъ вновь учрежденной Новосербской области, настигнутый небольшою ватагою гайдамакъ, ушелъ со своею командою, бросивъ ей въ добычу все имущество, лошадей и даже оружіе.

Въ томъ же году, по показанію пойманнаго на воровствѣ мѣщанина крѣпости Св. Елисаветы *Герасима*

---

[1]) Эту весьма любопытную пѣснь мы помѣщаемъ въ цѣлости въ Приложеніяхъ.

Котляра, небольшая шайка гайдамакъ подъ начальствомъ ватажка Швыдкаго, составленная близъ Гарду, въ Мигейскомъ островѣ, напала на торговый караванъ Нѣжинскихъ грековъ, надъ р. Синюхою, съ конвоемъ Уманскихъ козаковъ, и не смотря на ружейные ихъ выстрѣлы, караванъ разграбила, лошадей забрала и нѣсколько человѣкъ убила. При этомъ и нѣсколько гайдамакъ было убито. Самъ гетманъ въ своемъ универсалѣ отъ 13 Января 1758 года, по жалобѣ Нѣжинскаго греческаго «братства», требовалъ отъ Коша наказанія виновныхъ и удовлетворенія пострадавшихъ.

Но вотъ фактъ еще удивительнѣе. Въ 1760 году 19 гайдамакъ, или при-Азовскихъ харзызовъ, напали на отрядъ Бахмутскаго Козачьяго полка, бывшій въ разъѣздахъ, подъ командою ротмистра *Кохана*, и его самаго убили, козаковъ изранили, всѣхъ лошадей и оружіе у нихъ отняли. Это побоище было въ оврагѣ близъ р. Каратышь, въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, и оно до сихъ поръ называется «*Гайдамакъ*».

Теперь переходимъ къ другой категоріи гайдамацтва, именно наѣздамъ этого рода на Крымскихъ и Очаковскихъ степяхъ.

Первый оригинальный документъ по этому вопросу имѣемъ въ строгомъ универсалѣ гетмана Разумовскаго, кошевому Григорію Федорову отъ 5 Декабря 1755 года. Онъ былъ вызванъ дерзкимъ грабежемъ въ Татарскихъ кочевьяхъ, гдѣ шайка гайдамакъ угнала цѣлые табуны лошадей, сотни воловъ и тысячи овецъ, въ чемъ, какъ донесено было въ Петербургѣ, участвовали многіе козаки и даже ихъ старшина! Гетманъ, требуя самой скорой поимки гайдамакъ, даетъ вмѣстѣ

съ симъ самое подробное наставленіе, не только къ преслѣдованію виновныхъ, но и къ лучшему устройству козачьихъ зимовниковъ, въ степи [1].

Другими подлинными документами будутъ ярлыки Крымскихъ хановъ и султановъ какъ начальниковъ Ногайскихъ ордъ, кочевавшихъ въ степяхъ нынѣшней Херсонской, Бессарабской и Екатеринославской губерній, слѣдственно вокругъ Запорожскихъ «вольностей». Мы пользовались современными ихъ переводами, сдѣланными въ Крыму или въ Кіевской канцеляріи.

«Письмо Калги-Султана [2], къ господину Кошевому 24 Марта 1763 года.

«Между Мессійскимъ народомъ, изъ высокопочтенныхъ господъ Россійской имперіи, Запорожской командиръ главной кошевой.

«По пристойныхъ дружеству комплиментахъ, пріятельски объявляется, что за Перекопомъ 6 чабановъ, 3000 овецъ и 150 рогатыхъ скотинъ, по приказанію твоему, раздражительно захватя пограблено, и таковое дѣло находящемуся между нами дружеству пристойное ли? и постановленной искренности годно ли? Между дружествомъ до сего времени не случается. И ежели отъ Татарской стороны Запорожскимъ козакамъ приключившійся вредъ и убытокъ имѣется, то каймаканамъ повѣстивъ, требуйте и буде каймаканы по повѣсткѣ вашей объ отысканіи старанія не приложатъ то Кіевскому генералу отпишите. Генералъ же свѣтлѣйшему

---

[1]) Этотъ универсалъ, какъ образчикъ полицейскихъ распоряженій, въ нашихъ безлюдныхъ и безмѣрныхъ степяхъ, мы напечатали вполнѣ въ Октябрской книжкѣ «Кіевской Старины» (стр. 277—319).

[2]) *Калга-Султанъ*, законный наслѣдникъ ханскаго престола.

хану письменно о томъ представить не оставитъ... А тако никогда до сего времени поступлено не было. Да и тебѣ самому не извѣстно ли: Коликое стараніе отъ сей стороны къ наблюденія дружескимъ артикуламъ прилагается и всегда къ сохраненію дружбы тщаніе не показывается ли? Когда-жъ отъ сей стороны, по вашему мнѣнію не поступается, то Кіевскому генералу не могъ были жъ о томъ повѣстить, нежели въ противность находящемуся дружеству о сосѣдственной справедливости, такимъ раздражительнымъ образомъ имущество грабить. Ежели у тебя въ семъ дѣлѣ о пропажахъ слово и отвѣтъ имѣется, то Кіевскому генералу отпиши, а по генеральскому къ свѣтлѣйшему хану представленію, порядокъ учредится. Буде же на Татарскомъ народѣ о пропажахъ претензія ваша имѣется, то по порядку къ каймаканамъ [1], человѣка пославъ требуйте и справедливо доказанное взыскавъ отдадутъ, — а раздражительно имущество отнимать, по сосѣдству непристойное дѣло есть. И тако взятые раздражительно тобою 3.000 овецъ, 160 рог. скота и 6 человѣкъ чабановъ отдавъ пришлите, или же явной отвѣтъ на сіе намъ дайте, почему и мы свѣтлѣйшему хану представить имѣемъ. Впрочемъ наблюденія дружбы отъ васъ надѣемся».

Подписано: «Султанъ Максудъ-Гирей, сынъ Семитъ-Гирея хана».

«Переводилъ Государственной коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ переводчикъ *Василій Рубанъ*» [2].

---

[1]) Къ каймаканамъ, т. е. намѣстникамъ ханскимъ въ Ногайскихъ ордахъ.

[2]) Извѣстный многими сочиненіями и переводами, а въ 1786—1788 «директоръ» Новороссійскихъ училищъ. Мы буквально списываемъ современные переводы.

О подобныхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ Запорожскихъ гайдамакъ, Крымскій ханъ Крымъ-Гирей писалъ тоже и къ Кіевскому генералъ-губернатору Глѣбову слѣдующее, [25 февраля 1176 г., т. е. 1763] уже въ другомъ тонѣ чѣмъ сообщенное нами выше.

«Славному между князьями Мессійскаго закона, избранному между великими господами Іисусова народа, Россійской имперіи Кіевскому генералу, почтенному великому нашему приятелю [его же конецъ да будетъ благъ!] по дружескимъ, искреннимъ сосѣдственнымъ комплиментамъ — о благополучномъ вашемъ здравіи, вѣдать желая — и при семъ дружески объявляю:

«Какимъ образомъ для охраненія по вѣчно-мирнымъ трактатамъ и во укрѣпленіе искренней дружбы, такожъ для покоя и тишины обоихъ сторонъ подданныхъ въ всякихъ дѣлахъ съ крайнимъ и всевозможнымъ стараніемъ съ нашей стороны тщаніе прилагается, уповательно что и вамъ о томъ не безизвѣстно. На противъ чего не сумнѣнно надѣемся, что по извѣстному вашему похвальному искуству, равномѣрно и съ вашей приятельской стороны крайнее ваше стараніе употребить неоставите а особливо для искорененія злодѣевъ, кои отваживаются обоимъ сторонамъ чинить грабительства и неприятные поступки. То для взысканія по претензіямъ пограбленнаго имѣнія, по наказанію рѣченныхъ злодѣевъ, и для общей тишины и безопасности обѣихъ сторонъ, дружеская переписка о всѣхъ обстоятельствахъ, между нами происходила. Почему по претензіямъ Запорожскихъ козаковъ о причиненныхъ имъ козакамъ Татарами обидъ и разореній, когда въ сію сторону жалобу причинили, то хотя о

взысканіи и о возвращеніи, по ихъ претензіямъ всякимъ образомъ стараніе прилагаемо было. Однакожъ оные Запорожскіе козаки безпрестанно въ томъ еще вторично напрасно жалобу приносятъ. Что-жъ касается до претензій Татарскаго народа на Запорожскихъ козаковъ, то когда отъ стороны каймакановъ посыланы были люди къ главному Кошевому съ требованіемъ о возвращеніи пограбленнаго Татарскаго имѣнія и о наказаніи оныхъ грабителей, точно оныхъ присланныхъ отъ каймакановъ людей выгнавъ, безъ всякой резолюціи, обратно отослали. Къ томужъ предъ симъ посланнаго о претензіяхъ же, отъ сторонъ бывшаго каймакана Хаджи-Усланъ-Аги, человѣка прогнали такожъ, такожь и отъ нынѣшняго каймакана Али-Аги о претензіяхъ, посланнымъ людямъ Кошевой не учиня никакой отповѣди безъудовольствія оныхъ отпустилъ; которой его поступокъ съ имѣющей съ обѣихъ сторонъ дружбою весьма несходенъ. А кромѣ того вышеупомянутый главной Кошевой къ находящемуся въ Крыму Калга-Султану съ жалобою человѣка своего съ письмомъ отправилъ; точію ежели оной Кошевой имѣетъ какую претензію, то подлежало объ оной къ намъ прислать, ибо мы будучи въ настоящемъ своемъ мѣстѣ [1] мимо насъ къ Калгѣ-Султану человѣка своего съ жалобою послать, весьма непристойно [2]. И тако ежели Кошевой по претензіямъ Татарскимъ, нынѣ возвращать не намѣренъ, а желаетъ весною оныя дѣла уравнять,

[1]) Вѣроятно въ своемъ чефликѣ (удѣлѣ), въ *Каушанахъ*, въ Бессарабіи, *своемъ веселомъ мѣстѣ*, какъ онъ называлъ въ ярлыкахъ свою Буджакскую любимую резиденцію.

[2]) Крымъ-Гирей-Ханъ былъ въ постоянной враждѣ съ «Калгою», т. е. будущимъ своимъ наслѣдникомъ на престолъ.

во время съѣзда съ обѣихъ сторонъ комиссаровъ, то видимо сіе положено, рѣшить и забвенія предать такія дѣла, которыя неизвѣстны и во все доказать не можно. Но понеже по яснымъ претензіямъ съ нашей стороны Запорожцамъ возвращено, на противъ того и наши претензіи, которые извѣстны и явны удержать и не возвращать, или оставлять до того самаго времени, пока предадутся забвенію — съ дружбою не сходно. Когда же о сихъ поступкахъ главнаго Кошеваго увѣдомиться изволите, уповаемъ, что вы по вашему требованію для учрежденія порядковъ соблаговолите реченному Кошевому, повеленіемъ вашимъ найстрожайше подтвердить: чтобъ онъ поступалъ во всемъ въ силѣ заключеннаго трактата, и въ сходственности сосѣдственной непоколебимой дружбы. Я же впрочемъ желаю вамъ долголѣтняго здравія и благополучнаго требованія.

«Писано 25 февраля 1176 [1763] года Крымъ-Гирей-Ханъ, сынъ Девлетъ-Гирея Хана.

Переводъ *В. Рубана*»

Для контраста приводимъ еще одно письмо того же хана, за годъ до предъидущаго писанное, до того любопытное, что мы его списываемъ цѣликомъ, въ переводѣ того же Рубана.

«Слово наше:

«Обрѣтающемуся нынѣ на *фанарѣ* [1]] Полковнику

---

[1]) При словѣ «*на фанарѣ*», переводчикъ дѣлаетъ знакъ N. B. и присовокупляетъ: *фанаръ* собственное имя, а по-Казацки какъ называютъ это урочище—не знаю. Надобно съ дѣломъ справиться». По всѣмъ вѣроятіямъ это мѣсто есть *Орелъ* или *Орликъ*, нынѣ Ольвіополь, на р. Синюхѣ, тогда пограничный постъ Русско-Козацкій съ Молдавской стороны противъ с. Голты,—чрезъ который Ногайцы Буджакской орды вторгались въ наши степи.

и прочимъ атаманамъ и старшинамъ объявительное высокое ханское письмо сіе есть: что предъ недавнимъ временемъ отъ Крымской стороны, по единой токмо потребной, находящемуся между обѣими Имперіями вѣчному миру, пользы, для изслѣдованія, и наказаніемъ усмотрѣнія, обостороннихъ на злодѣйства отваживающихся и въ противность миру грабительствомъ и обидою поступающихъ бездѣльниковъ, и для безопасности и покоя обостороннихъ подданныхъ, такожъ и для произведенія и распоряженія нѣкоторыхъ съ Поляками имѣющихъ дѣлъ, къ симъ краямъ мы прибыли и по какимъ степямъ и байракамъ трудясь разъѣзжаемъ, а не съ такимъ намѣреніемъ и мыслію, что бы Россійскому народу какое либо грабительство и обиду причинить. Но нѣкоторое число вашего войска съ какимъ намѣреніемъ въ нашу землю пришедъ разъѣзжаетъ? Мы о томъ неизвѣстны: мы пока въ дружбѣ и сосѣдствѣ находясь, предъ недавнимъ временемъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ собственной нашей земли, для привозки къ намъ птицъ [1], съ ордеромъ нашимъ посланнымъ препятствуя и къ опредѣленному мѣсту не допуская — по какой причинѣ не даютъ разъѣзжать? Ежелибъ наше намѣреніе въ чемъ либо другомъ на Россійскій народъ было — то выѣхавъ насупротивъ, устоите-ли? — и намъ въ томъ препятствіе чинить могли бы вы? — Буде-жъ отъ Кіевскаго генерала пріятеля нашего приказано, съ

[1]) Ханы Крымскіе любили очень соколиную охоту и въ Бахчисараѣ имѣли «Надзирателя сокольничьихъ гнѣздъ» съ жалованьемъ по 90 руб. сер. Наши степные орлы равнялись лучшимъ соколамъ и ихъ покупали Татаре. Кромѣ того, у бывшихъ здѣсь (даже въ 1820-хъ год.) десятинщиковъ-*куропатниковъ* скупали дичь (особенно стрепетовъ) для торговли въ Крымскихъ городахъ.

такимъ числомъ войскъ въ землю нашу пришедъ, поближе къ намъ разъѣзжать, то извѣстіе о томъ дайте и намъ, почему и мы поступить имѣемъ, а упованіе наше у Кіевскаго генерала въ дружбѣ состоитъ. Или же къ противнымъ поступкамъ, находящагося между обѣими имперіями вѣчнаго мира, съ такимъ войскомъ къ намъ ближе въ землю нашу вошедъ, разъѣзжать позволенія вамъ не дадутъ. Буде же, вы, съ такимъ войскомъ въ нашей землѣ безъ опредѣленія, сами отъ себя разъѣзжаете, то командирамъ вашимъ извѣщу и Кіевскому генералу приятелю нашему о томъ писать буду: — послѣ чего трудъ понесете.

«И тако для вѣдома вашего Ханское наше письмо изъ Очаковскихъ «господъ», [квартиры] чрезъ Булатъ-Агу отправлено. А прочіе наши отвѣты и рекомендаціи изъ словеснаго представленія помянутаго господина Булата выразумѣевъ, нашимъ людемъ разъѣзжать непрепятствуйте. А при томъ и причину съ толикимъ войскомъ прибытія, ближе къ намъ, — дайте знать: по опредѣленіи ли или же вы сами отъ себя разъѣзжаете? — Господину Булату раскажите. И тако вѣдайте.

«Ханъ Крымъ-Гирей,—сынъ Девлетъ-Гирея-Хана.»

Наконецъ переходимъ къ самому больному мѣсту гайдамацтва, на которое въ особенности указываютъ наши почтенные историки: Костомаровъ и Антоновичъ, именно, на постоянные и по ихъ мнѣнію, естественные набѣги нашихъ бедуиновъ на Польскія области. Прежде нежели мы спишемъ копіи съ нашихъ документовъ по этому вопросу, мы должны указать какъ на мѣстность, гдѣ большею частью формировались и пребывали гайдамацкія шайки и приблизительно

представить — какими вооруженными силами онѣ располагали. Но мы должны предупредить нашихъ читателей, что періодъ ихъ дѣйствія ограничиваемъ лишь 1730—1770 годами, т. е. не болѣе сорока лѣтами существованія самаго Запорожья, слѣдственно и оставленныхъ имъ документовъ. Изъ этого періода знаменитую «Колившину», т. е. набѣгъ 1768 года, на Умань и юго-западную Украину, мы видѣляемъ въ особою главу нашего разсказа.

Изъ Запорожскихъ документовъ мы на всякомъ шагу встрѣчаемъ доказательство, что главнымъ притономъ гайдамакъ былъ «Мигейскій островъ» или просто *Мигея*. Это урочище или «островъ», т. е. рядъ скалъ заросшихъ терновникомъ находится у впаденія р. Мигейскаго-Ташлыка въ Бугъ, въ нынѣшнемъ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губ.[1] На этихъ скалахъ и въ небольшихъ пещерахъ не было, по преданію, не только избъ, но даже землянокъ, а только временные шалаши для пребыванія «аргатовъ» [бездомныхъ], т. е. рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ и пріюта всякой сволочи, изъ которой и набирались гайдамацкія шайки. Но что странно — ни въ одномъ народномъ преданіи, пѣсни, или сказкѣ не упоминается о Мигеѣ — а о болѣе отдаленномъ убѣжищѣ гайдамакъ *Чуть* и *Черномъ-Лѣсъ* можно слышать разсказы и въ наше время. Между тѣмъ, эти вѣковые лѣса, до сихъ поръ еще сохранившіе свое величіе, находились уже на самой границѣ Запорожскаго козачества, въ сѣверной части нынѣшняго

---

[1]) С. *Мигея* съ ея громадными скалами и мельницами принадлежитъ теперь помѣщикамъ Скаржинскимъ.

Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи [1] и почти смѣшиваются съ лѣсами и оврагами Чигринскаго уѣзда Кіевской губерніи. Мигея была всего въ 30 верстахъ отъ одного изъ важнѣйшихъ пограничныхъ постовъ Запорожскихъ, именно *Гарду*, гдѣ была Бугогардовская паланка, въ которой постоянно пребывалъ полковникъ съ 2 старшинами и болѣе чѣмъ 300 ч. команды. Эта паланка, наблюдая за переправою чрезъ Бугъ на Татарскую сторону въ нынѣшнемъ с. Богдановкѣ Ананьевскаго уѣзда, Херсонской губ., и защищала главнѣйшіе рыболовные промыслы Запорожья. Далѣе къ сѣверу былъ другой пограничный постъ Орель или Орликъ [2] на рубежѣ 3 сосѣднихъ государствъ; Турціи, т. е. у г. Балты, Польши на устьѣ Синюхи въ Бугъ въ м. Богополѣ, и Русской, на противуположномъ берегу р. Буга, въ с. *Голтѣ* въ предѣлахъ Ново-Сербскаго военнаго поселенія. Такимъ образомъ гайдамаки, еслибъ собирались въ большіе отряды, не могли бы укрыться и отъ Запорожскихъ разъѣздовъ и отъ военныхъ командъ Новосербскаго корпуса, и даже отъ такъ называемой Польской «Народовой гвардіи Украинской партіи». Изъ сего слѣдуетъ, что шайки для какого нибудь набѣга: Крымскаго или Польскаго,—набирались ватажками по одиночкѣ, или въ маломъ числѣ, и послѣ удачи или сильнаго преслѣдованія, разсѣивались по своимъ трущобамъ, а козаки, если участвовали въ наѣздѣ,

---

[1]) Знаменитыя «Красносельскія» лѣсныя дачи, заключающія въ себѣ и *Чуту* и *Черный-лѣсъ*, были въ 35 и 40 верстахъ отъ Крѣпости Св. Елисаветы, и простирались на 12.000 дес. сплошнаго лѣса.

[2]) Нынѣ *Ольвіополь*, въ Ананьевскомъ уѣздѣ, Херсонск. губ. Въ 1760-хъ годахъ онъ былъ названъ *Екатерининскимъ шанцемъ*, Новосербскаго корпуса.

возвращались въ тихомолку въ Сѣчь или по зимовникамъ, островкамъ, а чаще всего, на «Косы» въ видѣ рыболововъ или «аргатовъ», т. е. рабочихъ на Прогноинскихъ соляныхъ озерахъ. Лучшимъ документомъ для опредѣленія способа и силъ разбойническихъ шаекъ будетъ допросъ и показаніе одного изъ гайдамакъ, схваченнаго послѣ многихъ разбоевъ и которое мы считаемъ весьма серьезнымъ документомъ въ пользу нашего мнѣнія гайдамацтва.[1] Онъ между прочимъ раскaзывалъ чистосердечно, что его подговорилъ другой такой же мѣщанинъ, а согласился онъ, потому что имѣлъ долгъ въ 100 руб., котораго не могъ заплатить и надѣялся «заработать» въ лядской сторонѣ»; что шайки собирались и скрывались на «Мигейскомъ островѣ» и что въ нихъ участвовали и нѣкоторые Запорожскіе козаки. Онъ подробно исчисляетъ ихъ составъ, доказывающій ихъ ничтожныя силы. Эти «ватаги», наводившіе ужасъ на западную Украину, не имѣли никогда и 100 ч. народа; чаще всего 30, 40, иногда и 80 ч. но рѣдко. Онъ сознается, что иногда и паланочная старшина въ Гарду имъ потворствовала тѣмъ, что не только не спрашивала, куды они ходятъ и чѣмъ пробиваются, — но даже позволяла имъ и продавать свой добытокъ и пропивать его съ вѣдома полковника и ассаула, которые получали за то отъ гайдамакъ подарки: оружіемъ, мѣхами и лошадьми изъ награбленныхъ ими вещей и табуновъ. Но изъ всѣхъ уголовныхъ «дѣлъ» Сѣчеваго архива, — а мы имѣемъ ихъ цѣлые

[1]) Допросъ и показаніе упомянутаго выше колодника крѣп. Св. Елисаветы мѣщанина *Герасима Котляра* 1-го Сентибря 1757 года (въ Приложеніяхъ).

десятки — мы не нашли ни одного показанія преступниковъ, не только въ Кошевомъ судѣ, но и въ войсковой Малороссіи канцеляріи или въ крѣпости св. Елисаветы при допросахъ, во вредъ «войска» или его старшины.

Возвращаясь за тѣмъ къ исчисленію гайдамацкихъ набѣговъ преимущественно на «Польскую сторону» мы, на основаніи подлинныхъ сѣчевыхъ и гетманскихъ документовъ, постараемся оправдать Запорожье — какъ войско, — отъ клеветы: что оно участвовало и даже снаряжало шайки для этого жестокаго и постыднаго преступленія.

Первый изъ такихъ документовъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ достоинъ вниманія изыскателей по настоящему предмету. Это универсалъ гетмана Разумовскаго, присланный въ Кошъ въ Декабрѣ 1757 года, въ которомъ сказано:

«Въ бытность Польскихъ коммиссаровъ въ пограничной коммисіи[1]] представлено было гетману, что необузданность гайдамакъ, собирающихся въ Мигейскомъ островѣ, въ многихъ Польскихъ мѣстахъ разоренія, смертные убійства и отгонъ изъ подъ Умани Татарскихъ и Польскихъ 550 лошадей учинила. Въ то-же самое время, когда пограничная коммисія была подъ

---

[1]) Въ' 1750-хъ годахъ учреждена была пограничная коммисія между Брацлавскимъ воеводствомъ, Малороссіею и вновь основанною Новосербіею, въ м. Тарговицѣ для рѣшенія взаимныхъ споровъ и жалобъ. Съ Польской стороны были *Лаврентій Потоцкій* и *Лука Богдановичъ*; «роки», т. е. время собраній были 31 Мая и 15 Сентября. Въ 1765 году коммиссарами съ Русской стороны были: коллеж. ассесоръ *Лусиновъ* и бунчуковый товарищъ Василій *Душинъ-Барковскій*.

Польскимъ мѣстечкомъ Звенигородкою[1]] деревню Стецкую, да въ «ключѣ»[2]] Смѣлянскомъ, с. Валяву ограбили: волы, лошади и разные пожитки забрали, да изъ Польскаго же мѣстечка Немирова ночью нѣсколько сотъ лошадей отогнали». Къ этому гетманскому универсалу приложена, подробная вѣдомость ограбленныхъ имѣній помѣщиковъ и даже воинскихъ командъ. Изъ этого списка видно, что гайдамаки, въ два года — съ Ноября 1755 по Ноябрь 1757 года — ограбили 3 укрѣпленные города и 44 деревни и принесли убытку владѣльцамъ на 269.143 злотыхъ, что по настоящему курсу денегъ и цѣнности предметовъ, могло простираться до 300 т. рублей. И кто же были пострадавшіе? Это были два изъ богатѣйшихъ Польскихъ магнатовъ: графъ Станиславъ Потоцкій Кіевскій воевода, и «генералъ» земель Подольскихъ, т. е. начальникъ пограничныхъ военныхъ [illegible]янскихъ милиціи, и графъ Федоръ Потоцкій [тесть предъидущаго], воевода Познанскій, командиръ артилеріи, «Партіи Украинской»! — А въ это время Потоцкіе кромѣ подчиненныхъ регулярныхъ, или земскихъ *хоругвей*, имѣли и своихъ козаковъ «надворныхъ». Напримѣръ въ Умани въ 1768 году были ихъ цѣлые 2 полка, въ которыхъ по сказанію очевидцевъ, было болѣе 700 чел., отлично вооруженныхъ подъ командою двухъ полковниковъ *Обуха*[3]] и *Магнушевскаго*, служившихъ

---

[1]) *Звенигородка*, теперь уѣздный городъ Кіевской губерніи.

[2]) *Ключъ*—то-же, что волость или нѣсколько имѣній магнатскихъ, ввѣренныхъ одному «Губернатору» или управителю. *Смѣла*, Кіевской губерніи имѣніе,—тогда кн. Любомірскихъ, а теперь Гр. Бобринскаго.

[3]) Полковникъ *Обухъ* былъ ненавистенъ козачеству какъ постоянный врагъ, не только грабившій, но и убивавшій Запорожскихъ купцовъ въ своей волости.

въ регулярныхъ Польскихъ войскахъ. Гайдамакъ по словамъ гетмана и плачевнымъ жалобамъ потерпѣвшей стороны, было не менѣе 300 [и въ томъ числѣ до 30 Запорожцевъ]; арестованные же гайдамаки сознавались, что ихъ съ трудомъ набирались десятки и выше 80 чел. никогда не бывало. Неужели цѣлые полки такихъ козаковъ, сотни стрѣльцовъ и лѣсничихъ [gajowych] и наконецъ отряды регулярной кавалеріи, не могли спасти край отъ такой гайдамацкой «арміи»? Но Польша была тогда уже на краю своей политической гибели, готовилась къ конечному распаденію, благодаря страшной неурядицѣ въ областяхъ даже близкихъ къ столицамъ Литвы и Короны, а тѣмъ болѣе въ окраинахъ королевства. Тамъ собственность была вполнѣ безграничная, и безграничный произволъ богатыхъ помѣщиковъ: Любомірскихъ, Потоцкихъ, Радзивиловъ и сотни меньшихъ владѣльцевъ всегда враждебныхъ другъ другу, враждебныхъ государственной власти противу которой составлялись мятежныя конфедеренціи войскъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ враждебныя и Россіи. Русское владычество, укрѣплявшееся на югѣ и юго-западѣ, было явною грозою для полумертвой Польской республики.

Никакая безузданность гайдамакъ не могла сравняться съ произволомъ магнатовъ, а еще болѣе съ ихъ «дворомъ» [оффиціялистами], отъ губернаторовъ до простаго шляхтича на службѣ ихъ находящихся. Но что Запорожцы, какъ войско, что никакой полковникъ и его старшина въ грабежахъ и наѣздахъ не участвовали, а напротивъ, что «войско», т. е. Кошъ строго ихъ преслѣдовалъ, мы имѣемъ цѣлыя сотни документовъ;

нѣкоторые изъ нихъ рѣшаемся представить здѣсь во всей ихъ простотѣ. Одинъ «харцизъ» [такъ Донцы называли гайдамакъ] козакъ Каневскаго куреня *Павелъ Похила* схваченный во время грабежа на Кубанской «сторонѣ», отправленъ былъ для суда въ Бахмутъ и тамъ на допросѣ между прочимъ показалъ:

«Въ Кошѣ купеческіе караваны грабить накрѣпко воспрещено, и ежели кто купеческій караванъ въ Запорожскихъ селеніяхъ разобьетъ, то долженъ весь убытокъ тому купцу заплаченъ бытъ отъ всего Коша. А кто ѣдетъ чрезъ Сѣчу, или мимо Калміусскаго и Самарскаго устьевъ, то являются купцы въ Сѣчи у кошеваго атамана, а на Самарскомъ и Калміусскомъ устьяхъ опредѣленнымъ полковникамъ; и даютъ имъ по нѣскольку денегъ [ралецъ]; тогда дается тѣмъ купцамъ деревянный перначъ на подобіе небольшой дубинки съ серебряною головкою и въ конвой по одному козаку. То уже у таковыхъ ѣдущихъ съ пернačемъ ничего [и гайдамакамъ] брать не можно». И въ самомъ дѣлѣ, ни пойманный Похила ни его товарищи у каравановъ ничего, кромѣ харчу, т. е. хлѣба не взяли. и то съ позволенія хозяина. Замѣтимъ еще, что по сказанію этого гайдамака, въ степи былъ обычай, что не только грабители но и простые козаки, охотники или пастухи имѣли право отъ ватажка и каравановъ требовать хлѣба и другихъ припасовъ, если они не были ограждены отъ такихъ требованій перначемъ.

Другой гайдамакъ, колодникъ въ Пушкарнѣ [Сѣчевой тюрьмѣ], расказывалъ старшинѣ, какъ онъ попалъ въ ватагу: «прійдетъ къ намъ на Косы и «рыбалки» ватажокъ и подговариваетъ «голоту» изъ «зашедшихъ

бѣдняковъ: «пойдемъ братцы панове-молодцы въ Польшу погулять; у меня есть на то и «позволеніе». Какое и отъ кого «позволеніе»? простота наша не спрашивала, и вооружившись пиками, кольями, а иные и рушницами, а кто найдетъ по дорогѣ коня то и съ конемъ, идутъ сперва къ Гарду, но если тамъ старшина имъ противна, то у Мигеи переправляются на Ханскую сторону [нынѣшній Ананьевскій уѣздъ] и оттуда уже розно плетутся до р. Синюхи для перехода въ Лядчину — это заповѣдное добро всякаго молодца—гайдамака».

Что Кошевое начальство не только не потворствовало, а строго преслѣдовало и тяжко наказывало эти грабежи. мы видѣли уже въ 1740-хъ годахъ. Кошевой Григорій Федоровъ, съ войсковымъ асауломъ Петромъ Калнишевскимъ были грозой гайдамацтва. Они лично, съ большими командами и опытными куренными атаманами, пускались въ глубь степей и овраговъ для ихъ преслѣдованія и истребленія. Они, можно сказать, устранили на нѣкоторое время смѣлость гайдамакъ учрежденіемъ особыхъ форпостовъ и разъѣздныхъ отрядовъ, которые подъ крѣпкимъ надзоромъ своихъ асауловъ, цѣлые годы проводятъ въ полѣ, гоняясь за грабителями по степямъ, балкамъ и даже камышамъ. Лишь наканунѣ Колиивщины. Бугогардовый полковникъ Моисей Головко узналъ, что цѣлыя толпы бездомнаго народа, особенно молодиковъ и наймитовъ, съ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, подъ начальствомъ своихъ ватажковъ, отправились по направленію къ Бугу. На запросы или воспрещенія пограничныхъ пикетовъ, они отвѣчали съ угрозами или насмѣшками, что «они не

знаютъ сами, куда ихъ ведутъ: въ *Черный лѣсъ*, або що»! Полковникъ сѣлъ на коня и, съ перначемъ въ рукахъ и съ хорошо вооруженною командою, отправился для преслѣдованія бродягъ. Но его силы были слишкомъ слабы въ сравненіи съ ватагами, а потому онъ удовольствовался сперва развѣдываніемъ. Онъ съ ужасомъ убѣдился, что всѣ толпы идутъ на «Польскую сторону» съ кровавыми замыслами. Еще болѣе поразило его то, что даже Очаковскія лодки десятками выгружали ватажанъ на Татарскую сторону Буга. Наконецъ, узнавъ, что нѣкоторыя ватаги наѣзжали, по дорогѣ, на зимовники своихъ братьевъ Запорожцевъ и даже зимовникъ войсковаго эсаула Сидора Бѣлого разграбили,—отправилъ своего писаря въ Кошъ, требуя скорѣйшаго подкрѣпленія. Въ то-же время полковники: Перевезкій *Тарасъ Черный* и Прогноинскій *Федоръ Великой* донесли, что всѣ почти рыболовныя хижины по берегу Днѣпровскаго и Бугскаго лимановъ опустѣли, ибо все бѣжитъ въ Польшу на грабительство. Молва гласила, что вся шайка имѣла уже до 300 ч. Запорожскихъ козаковъ [!!] и до 1000 взбунтованныхъ въ Польшѣ Украинскихъ поселянъ, которые дѣлаютъ грабежи и убійства неимовѣрныя. Кошъ, не теряя времени, послалъ сильные отряды вѣрнаго присягѣ товариства въ пограничные паланки, а полковника *Ивана Кулика* и атамана Мышастовскаго куреня *Моисея Черного* съ сильнымъ отрядомъ, какъ «стариковъ» Запорожскаго войска для разъѣздовъ и убѣжденія Запорожскихъ бѣглецовъ къ возврату. Кромѣ того, посланъ былъ въ Балту и въ самую Уманьщину полковой старшина *Семенъ Галицкій*, подъ видомъ

купецтва, для развѣдокъ. Его «приѣздный отчетъ» такъ любопытенъ, что мы приведемъ его ниже во всей полнотѣ.

Такъ мы достигли до злополучнаго 1768 года — года крови, пожаровъ, безчисленныхъ грабежей и безумныхъ разореній въ Западной Украинѣ—эпохи срама и огорченій для неповиннаго войска Запорожскаго.

Въ Русскомъ народѣ Западной Украины гайдамаки считались, да и до сихъ поръ считаются героями степи. Множество пѣсенъ и сказокъ о нихъ можно услышать въ Кіевской и Подольской губерніяхъ; и замѣчательно, что онѣ всѣ дышутъ ненавистью къ «Ляхамъ», надъ которыми иногда и посмѣиваются. Вотъ два небольшіе отрывка. Одинъ просто говоритъ о своемъ подвигѣ надъ помѣщикомъ:

А мы того коника у твого пана купили,
Въ зеленой дуброви гроши поличили,
Въ холодной криныци могорычъ запили,
Подъ гнилу колоду пана подкотили.

Другой отрывокъ касается тоже Поляковъ, но уже не въ трагическомъ смыслѣ. Польская молодежь, преимущественно полувоенная, такъ называвшіеся «товарищи гвардіи народовой», сыновья богатыхъ помѣщиковъ, конно, съ копьями и саблями, дѣлали нерѣдко «подъѣзды» на Запорожье. Гайдамаки любили охотиться на нихъ и поджидали ихъ, какъ желанныхъ гостей: засѣвъ гдѣ-нибудь въ балкѣ или въ лѣсу, они бросались на нихъ съ отвагой и увѣренностью, брали часто въ плѣнъ и выпускали на свободу за богатый выкупъ.

Объ одномъ такомъ плѣнникѣ гайдамаки, по обычаю, сложили и пѣсеньку:

Панъ старосцицъ Козерадзкій [1]),
Що ивъ хлибъ нашъ гайдамацкій,
А якъ пустили панича,
Безъ окупу и могорича,
То до дому такъ погнавъ,
Що й спасыби не сказавъ.

[1]) *Старосцицъ,* сынъ старосты; Kozie-Rady, вѣроятно, помѣстье въ Велико-Польшѣ. Извѣстно, что старостами, т. е. владѣльцами коронныхъ имѣній бывали только магнаты и главные земскіе чины.

ГЛАВА XI.

Черные дни Запорожья. Гайдамаки [продолженіе]. Коливщина.

Гайдамацтво, благодаря мѣрамъ, принятымъ кошевымъ Григоріемъ Федоровымъ и его преемникомъ Петромъ Калнишевскимъ, значительно уменьшилось, а около 1767 года, даже Западно-Украинскіе сосѣди не только не жаловались на Кошъ, но были съ нимъ въ дружеской перепискѣ, какъ мы разсказали уже въ VII главѣ I-й части нашей лѣтописи. Вотъ еще одинъ документъ такого-же рода. «Губернторъ» Тарговицкій [1] *Яковъ Квятковичъ*, управлявшій одною изъ вотчинъ главнѣйшаго на Украйнѣ богача гр. Ф. С. Потоцкаго, писалъ кошевому слѣдующее [2]:

«Во время настоящаго безпокойства Польской конфедераціи [3], начался мятежъ между народомъ въ

---

[1]) *Тарговица*, м. Подольской губерніи, извѣстное по конфедераціи, рѣшившей паденіе Польши.

[2]) Письмо послано изъ Ирклѣева, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра.

[3]) Разумѣется конфедерація барская, т. е. вооруженное собраніе въ Барѣ всей недовольной королемъ и русскою политикою шляхты

Чигринской, Смѣлянской и Лысянской губерніяхъ [вотчинахъ] и такъ распространился, что уже и до Уманской губерніи приближается. Уже не мало дворянства, почтенныхъ посессоровъ, имѣнія Потоцкаго арендующихъ, жестоко убиваютъ, грабятъ все имущество и скотъ, увѣряя, что войско Запорожское, нарочно для этой цѣли изъ Коша отправленное, имъ помогаетъ, и къ мятежу народъ насильно принуждаетъ. А потому я, чрезъ посредство вашихъ депутатовъ, прибывшихъ въ Архангелогородъ [1]] на пограничную съ Польскимъ-Браціавскимъ воеводствомъ Коммиссію, убѣдительнѣйше у ногъ вашихъ прошу ваше высокоблагородіе, чтобы, изъ уваженія къ сосѣдственной дружбѣ вашей къ его сіятельству, Кіевскому воеводѣ [гр. Потоцкому], предписать Буго-Гардовой паланкѣ, объѣздами Запорожскихъ по Польской границѣ, гайдамакъ прогонять и удерживать, и о томъ меня письменно извѣстить. Объ этомъ и самъ его сіятельство воевода писать къ вашему высокоблагородію будетъ.

«Что касается до меня лично, то въ случаѣ крайней опасности, я бы просилъ позволенія воламъ моимъ и лошадямъ на Запарожскихъ степяхъ около Гарду укрыться до тѣхъ поръ, пока, при помощи Божіей, эти смятенія прекратятся, за что я по смерть благодаренъ вашему высокоблагородію буду».

мечтавшей поднять всю Польшу и Украину противъ Россіи, для сохраненія шляхетскихъ вольностей. Извѣстно ближайшее участіе въ ней самаго папы и польско-католическаго духовенства, подннмавшихъ шляхту противъ короля, по поводу дарованныхъ, по настоянію Россіи, вѣроисповѣдныхъ льготъ православному населенію Украины и Бѣлоруссіи.

[1]) *Ново-Архангельскъ*, городокъ Херсонской губ., Елисаветградскаго уѣзда, тогда пограничный шанецъ Новосеребскаго военнаго поселенія.

Въ такихъ болѣе или менѣе дружескихъ сношеніяхъ съ Поляками находилось Запорожье, занятое уже тяжкими межевыми спорами съ Новосербіею, а въ 1767 году и участіемъ въ знаменитой «Коммиссіи Проекта Новаго Уложенія»,—когда ужасныя вѣсти въ началѣ злополучнаго 1768 года достигли Кошъ и всѣ его паланки. Въ Сѣчи узнали отъ разъѣздныхъ командъ, что въ Польскихъ предѣлахъ произошли смуты, грабительства и даже убійства, въ которыхъ обвиняли Запорожское войско, какъ виновника мятежа поселянъ въ Западной Украинѣ, и его послѣдствія—«Коливщины».

Что было причиною, Коливщины, — бунта гайдамакъ и *хлоповъ* [Chlopstwa ukraińskiego], какъ ея называютъ Поляки, лучше объяснятъ намъ сами Польскіе историки. Извѣстный Познанскій библіофилъ-меценатъ Эдуардъ Рачинскій, издавшій много книгъ и записокъ о послѣднихъ дняхъ Польши, въ предисловіи къ небольшой своей монографіи, напечатанной въ 1842 году, подъ заглавіемъ: *Бунтъ гайдамакъ на Украинѣ въ 1768 году* [1]], говоритъ слѣдующее:

«Кто эту катастрофу на нашъ народъ навлекъ?—неизвѣстно. Одни приписываютъ ее за-Днѣпровскимъ интригамъ [т. е. Русскимъ], другіе—Барскимъ конфедератамъ, третіе—безполезному усердію къ обращенію «дизюнитовъ», т. е. православныхъ къ Уніи. Липоманъ, помѣщикъ Украинскій, усердный католикъ, очевидецъ этихъ ужасныхъ событій, говоритъ еще положительнѣе объ этомъ злополучномъ вліяніи Уніи. «Въ

[1]) *Bunt haydamaków w Ukrainie*, w 1768 roku opisany przez *Lippomana*, i 2-ch bezimiennych. Poznań 1842 r. 221 st.

Маѣ 1768 года пріѣхалъ въ Чигринское староство Уніятскій клиръ, состоящій изъ декановъ, священниковъ и даже свѣтскихъ лицъ, и начали убѣждать православное духовенство къ переходу въ Унію,—но когда оно на то никакимъ образомъ не соглашалось, то начали его принуждать даже самыми тяжкими преслѣдованіями». Другой Полякъ, полковникъ *Тупчаскій*, тоже католикъ и «губернаторъ», писавшій объ этомъ предметѣ въ 20 лѣтъ послѣ, именно въ 1788 году, говоритъ еще искреннѣе. «Всегда, особенно-же съ 1760 г., владѣльцы Уманскихъ имѣній, а еще болѣе Митрополитъ и другіе уніятскіе архіереи, усердствуя въ пользу нашей церкви, возбудили противу себя неудовольствіе и даже ненависть въ простонародіи, котораго они преслѣдовали». Командовавшій-же помѣщичьимм козаками, полковникъ *Іосифъ Квасневскій*, хотя Полякъ и католикъ, видя такое незаконное противу православныхъ людей дѣйствіе, посредствомъ своихъ же козаковъ, многихъ Русскихъ духовныхъ защищалъ, лошадей, скотъ, овецъ и все то, что у нихъ было забрано имъ возвращалъ, а католическихъ проповѣдниковъ изъ староства выпроводилъ. Въ это время, какъ говорятъ, православное духовенство собиралось въ Мотронинскомъ монастырѣ [1], котораго игуменомъ былъ о. *Мельхиседекъ Значко-Яворскій* и рѣшилось просить о защитѣ

[1]) Въ 1760-хъ годахъ существовало уже въ Чигринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. нѣсколько православныхъ монастырей, глубоко уважаемыхъ Русскимъ народомъ и козачествомъ. Упоминаемый здѣсь Мотронинско-Троицкій мужескій монастырь основанъ былъ еще въ XVI столѣтіи. Лебединскіе мужскій и женскій монастыри были въ близкомъ сосѣдствѣ отъ перваго; отъ Чигрина первый былъ въ 40, а другой въ 90 верстахъ.

сперва въ Кошѣ Запорожскомъ, а послѣ у Кіевскаго генералъ-губернатора, но и отвѣта не получили. Причина самая простая — Руское правительство строго воспрещало имъ вмѣшиваться въ дѣла или споры пограничныхъ владѣній. Тупчаскій по этому случаю присовокупляетъ, что о. Мельхиседекъ былъ сильно преслѣдуемъ Уніятскимъ митрополитомъ Володковичемъ, у котораго онъ даже содержался въ тѣсной тюрьмѣ, но успѣлъ освободиться и скрыться «за-границу», т. е. въ Русскихъ предѣлахъ, именно у Переяславскаго православнаго архіерея. Упомянутое здѣсь духовное лицо, былъ столь извѣстный въ то время поборникъ православія, угнѣтеннаго Поляками въ Западной Украинѣ, защитникъ Русской церкви и Русскаго духовенства противу безчисленныхъ притѣсненій, обидъ и почти грабительствъ, не только Уніятскихъ и Католическихъ архіереевъ, но и свѣтской или, лучше сказать, помѣщичьей власти. Военные и гражданскіе чины, даже судьи, не смотря на мнимое покровительство магнатовъ—всегда отсутствующихъ: —князей Чарторійскаго, Любомірскаго, Радзивила, графовъ Потоцкихъ и др.— усердствовали въ злобѣ къ духовенству и народу «дизюнитскому», т. е. православному, а преимущественно къ благочестивому ихъ защитнику о. Мельхиседеку. Не только при жизни своей, но и послѣ его смерти, память его преслѣдовали Поляки, даже почтенные ихъ историки, а особенно «очевидцы» [1]. Мы сами были

---

[1]) Въ «Архивѣ Юго-Западной Россіи», ч. I, т. II; въ предисловіи помѣщена весьма замѣчательное изученіе дѣятельности незабвеннаго о. архимандрита Мельхиседека, поборника православія, среди враждебнаго лагеря уніятовъ и католиковъ. Авторъ этого ученаго труда Ѳ. Г.

вовлечены въ обманчивыя ихъ свидѣтельства и напечатали Польскую ложь въ книгѣ нашей о гайдамакахъ, изданной въ Одессѣ въ 1845 году. Только теперь, благодаря стараніямъ почтенныхъ ученыхъ патріотовъ: Юзефовича и Ѳ. Лебединцева, имя его оправдано и указаны его благотворныя дѣйствія на пользу православной церкви и Русскаго народа въ Западной Украинѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что первою причиною, — по словамъ даже Поляковъ, т. е. потерпѣвшей въ 1768 году стороны, — Уманской катастрофы, было уніятское преслѣдованіе православнаго духовенства, въ этой части Польскихъ областей.

Второю причиною, даже патріотъ Рачинскій, считаетъ «*Барскую конфидеренцію*». Что такое были эти конфедеренціи т. е. мятежи военныхъ и богатыхъ сословій королевства? — всѣмъ довольно извѣстно. Здѣсь мы намекаемъ на эти злополучные союзы только въ отношеніи ихъ вліянія на мятежъ поселянъ и набѣгъ гайдамакъ на Умань и всю Украину. Такихъ конфедерацій было нѣсколько, особенно въ царствованіе избирательныхъ королей. Но самыя зловредныя для самой Польши были двѣ: *Барская* въ 1767—1768 и *Тарговицкая* въ 1790 годахъ: обѣ противу короля Станислава Понятовскаго, какъ ставленника Русскаго правительства. Въ 1767 году, по настоянію Русскаго посла кн. Репнина и Прусскаго посланника, всѣ законы изданныя противу

Лебединцевъ вполнѣ достоинъ за него благодарности всякаго русскаго человѣка. Мы же особенно обрадовались его сочиненію для исправленія ложныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ нами въ 1840-хъ годахъ изъ Польскихъ источниковъ о дѣйствіяхъ, судѣ и даже казни достойнаго пастыря Мельхиседека (*Наѣзды гайдамакъ на Западную Украину*, стр. 126).

«диссидентовъ», т. е. всѣхъ некатоликовъ, слѣдственно и православныхъ подданныхъ королевства, были уничтожены и свобода вѣроисповѣданія была провозглашена. Эта благоразумная мѣра, столь благодѣтельная для цѣлыхъ миллiоновъ Русскихъ жителей западнаго края была бы весьма полезной и для самой Польши, если бъ не встрѣтила страшнаго негодованія среди Польскаго духовенства и дворянства и не дала повода къ конфедераціи и ея гибельныхъ для края послѣдствій, а для насъ тяжкой хотя и достославной войны съ Турціею [1769—1775] какъ увидимъ въ слѣдующихъ главахъ нашей лѣтописи. Это была именно Барская конфедерація, заключенная въ м. Барѣ [Подольской губерніи] съ 29 февраля на 1 марта 1761 года. Главой ея были фанатики клерикалы, мнимые патріоты: епископъ Подольскій *Красинскій*, разорившійся помѣщикъ *Игнатъ Потоцкій*, богатый Витебскій воевода гр. *Огинскій*, а главнымъ дѣятелемъ и полководцемъ *Іосифъ Пулавскій*. Они разослали свои листы или манифесты писанные въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ въ которыхъ уговаривали шляхту не повиноваться ни королю, ни сейму, ни сенату — а преслѣдовать все, что не католическое. Бѣдные православные священники, монахи разоренныхъ Чигринскихъ монасытрей, лишенные приходовъ, домовъ и всякаго имущества, пустились на Запорожье «прохать батька Кошеваго» о помощи и защитѣ. Но Кошъ и вся старшина рѣшительно отказали въ ихъ просьбѣ. Но въ Сѣчи во всѣхъ куреняхъ, а тѣмъ болѣе въ зимовникахъ, были другіе любопытные слушатели, усердствующіе къ церкви православной витязи и исполненные «по наслѣдству» ненавистью и къ Полякамъ и къ Уніи. Тамъ

нашли они себѣ поборниковъ: простыхъ и не дальновидныхъ, но которымъ тѣрять было нечего, а защищая своихъ отцовъ духовныхъ, могли себѣ нагрѣть руки на «Лядской сторонѣ». Вотъ истина на счетъ «Заднѣпровскихъ интригъ» и участія Запорожья въ Коливщинѣ. О. Мельхиседекъ на всѣ просьбы бѣдныхъ священниковъ и набранныхъ ими защитниковъ, отвѣчалъ и словесно и письменно:

«Больше терпѣли, еще потерпите, ховайтесь и утикайте, а до гайдамакъ не приставайте. Лучше безвинно пострадать, нежели виноватымъ жити».[1]

Но потерпѣвшіе всякую невзгоду, всякое терпѣніе уже потеряли, и легко поддались наущенію своихъ «вожаковъ». Кто были эти вожаки и какъ они появились съ такимъ внезапнымъ авторитетомъ, на цѣлые тысячи простого и темнаго народа? — до сихъ поръ исторія категорически не объяснила. Но мы передадимъ, то что знаемъ изъ разсказовъ «очевидцевъ», разумѣется Поляковъ, хотя и пристрастныхъ свидѣтелей и изъ документовъ Сѣчеваго архива.

Исторію наѣзда гайдамакъ, а въ послѣдствіи и поселянъ, на западную Украину, особенно же на Уманскую волость и произведенныхъ тамъ неистовствъ, мы описали подробно въ другомъ мѣстѣ.[2] Но въ качествѣ лѣтописца южной Россіи, считаемъ нашимъ долгомъ представить здѣсь краткій расказъ этого событія, основанный на документахъ обѣихъ сторонъ. Вотъ показанія Польскихъ писателей.

---

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, въ предисловіи къ II-му тому I-й части.

[2]) Въ книгѣ нашей l. c. стр. 72—103.

Въ концѣ Апрѣля 1768 года, распространилось на всей Руси, [т. е. западной Украинѣ] извѣстіе, что какой-то бывшій Запорожецъ: козакъ *Максимъ Желѣзнякъ* [1]] грамотный и способный ватажокъ, бѣжалъ изъ Сѣчи на родину, т. е. въ зимовники своихъ родныхъ и знакомыхъ, бывшіе на р. Громоклеѣ у впаденія ея въ р. Ингулъ, вблизи нынѣшняго г. Бобринца [Херсонской губ.]. Тамъ проживала въ большомъ числѣ «зашедшая» съ разныхъ частей Малороссіи, Украины и даже Новосербскаго корпуса всякаго сорта «голота», промышлявшая рыболовствамъ, охотнымъ на птицъ промысломъ, а чаще всего гайдамацтвомъ. Железнякъ тамъ легко набралъ себѣ «чату гультаевъ» человѣкъ 50 пѣшихъ и конныхъ, добылъ даже перначъ и прапоръ. Съ ними онъ перешелъ границу западной Украины, гдѣ посредствомъ имъ составленнаго «позволенія» отъ кого и когда даннаго, никто не спрашивалъ, въ лѣсахъ Черкасскихъ и Чигринскихъ изъ поселянъ набралъ еще до 200 чел. вооруженныхъ пиками, а чаще кольями, осмоленными въ остромъ концѣ [2]] Мелкими отрядами бросились они на имѣнія Польскихъ помѣщиковъ, убивали владѣльцевъ, грабили имущества и тѣмъ заманивали къ себѣ цѣлыя сотни другихъ охотниковъ. На вопросъ: «куда мы идемъ?» отвѣчалъ: «на Украину, возстанавливать гетманщину». Вскорѣ и надворные козаки, большею частію православные, откликнулись

---

[1]) Въ Запорожскихъ куренныхъ реестрахъ, присягавшихъ въ 1762 году на вѣрноподданность Императрицы Екатерины, ни одного имени Желѣзняка мы не нашли.

[2]) Отъ этого любопытнаго оружія гайдамакъ 1768 года, произошло, говорятъ, и самое названіе «Коливщины».

на зовъ Запорожскихъ козаковъ и вооружившись, послѣдовали за шайками. Здѣсь мы сдѣлаемъ небольшое замѣчаніе: чтобы шайкѣ съ устьевъ Громоклеи въ Ингулъ, достигнуть Чигринскихъ лѣсовъ и монастырей, надобно было пройты болѣе 200 верстъ, двигаться по территоріи враждебнаго Запорожью Новосербскаго корпуса, миновать благополучно пограничные ихъ посты и шанцы прежде чѣмъ нахлынуть и на «Лядскую землю и на самыхъ Ляховъ». Изъ сего видно, что шайки гайдамакъ, если бы ими руководили или хотя участвовали въ нихъ Запорожскіе козаки, съ Желѣзнякомъ во главѣ, должны были значительно усилиться въ Чигринскомъ уѣздѣ, среди людей, во все непринадлежащихъ къ Низовому «войску». И дѣйствительно, по показанію Польскихъ писателей, разбои и грабительства начались вмѣстѣ съ поселянами [chłopstwem] въ окрестностяхъ Чигринскихъ монастырей, и слѣдственно около 300 верстъ отъ центра Запорожскаго поселенія. «Когда число ихъ, говоритъ Липоманъ, дошло до 300 чел. большею частью нашихъ поселянъ [poddanych], то они немедля бросились на помѣщичьи имѣнія: Медведовку, Смѣлу, Жаботину и др.» О разореніи и убійствахъ въ Жаботинѣ, принаджежавшемъ князю Любомірскому, измѣнѣ поселянъ и самой его милиціи сохранилась до сихъ поръ въ народѣ гайдамацкая пѣсня:

«Бѣлуга Мартинъ [1]) Жаботинскій, да по рынку ходитъ,
»Свого пана губернатора, за собою водитъ,
«И водячи на шнурочки, тай до его каже:
«Не одного теперь Ляха, голова заляже!»

---

[1]) *Бѣлуга* былъ сотникомъ, а *Вичалковскій* «Губернаторомъ» въ Жаботинѣ.

М. Смѣла[1]] лучшее имѣніе кн. Любомірскихъ подверглось такому же разоренію какъ и Жаботина. Изъ одного с. Орловца прибыло 100 козаковъ конныхъ, чтобъ служить подъ командою «полковника» Желѣзняка. Его походъ облитъ былъ кровью, обозначенъ грабежемъ и пожарами: Богуславъ, Корсунь, даже Каневъ не смотря на свой замокъ, пушки и гарнизонъ содержимый Базиліянскими монахами, которыхъ игуменъ, считался вмѣстѣ и комендантомъ, были захвачены гайдамаками. Вездѣ господскіе дома были разорены или сожжены, мѣстечка разграблены, католическіе священники, поляки и жиды умерщвлены самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Въ Богуславѣ Желѣзнякъ отдыхалъ, совѣтовался со своими эссаулами и сотниками: одни хотѣли идти на Бѣлую-Церковь, древній Украинскій городъ, другіе прямо на Уманьщину, имѣніе одного изъ главныхъ враговъ Запорожья графа Ф. С. Потоцкаго, хотя и противника Барской конфедераціи[2]]. Наѣздъ на Умань, центръ Западной-Украинской торговли и богатыхъ ярмарокъ, улыбался хищникамъ болѣе другихъ подвиговъ тѣмъ болѣе, что по слухамъ, туда уходили Поляки съ семьями и имуществомъ, какъ въ городъ болѣе укрѣпленный и имѣвшій гарнизонъ [załogę] изъ наемнаго жолдацтва [żołdactwa] и даже регулярныхъ войскъ и 700 надворныхъ козаковъ. Въ это время въ Богуславъ къ гайдамакамъ присоединился

---

[1]) *Смѣла* теперь, съ богатыми заводами, принадлежитъ Гр. Бобринскимъ.

[2]) Графъ Францъ Салезы Потоцкій, наслѣдникъ огромныхъ имѣній Калиновскаго и Сѣнявскаго родовъ, былъ вмѣстѣ, съ Браницкимъ, и Ржевускимъ, основателемъ «Тарговицкой» конфедераціи.

извѣстный уже ватажокъ, Запорожецъ *Василій Шило* и по его подговору и вся милиція кн. Любомірскаго.

По дорогѣ къ Умани была Лысянка, принадлежащая Чигринскому старостѣ кн. Яблоновскому, торговый и довольно укрѣпленный городокъ, съ значительнымъ гарнизономъ и боевою аммуниціею. Вся волость имѣла до 10.000 поселянъ и была подъ начальствомъ главнаго «губернатора» *Кучевскаго*. «Узнавъ о гайдамацкихъ наѣздахъ, говоритъ Липоманъ, до 200 сосѣднихъ дворянъ и жидовъ искали убѣжища въ этомъ замкѣ. Кучевскій хотѣлъ защищаться въ довольно укрѣпленномъ паллисадомъ и стѣнами помѣщичьимъ замкѣ, но жители, подъученные гайдамаками, убѣдили или принудили комеданта отворить ворота «вѣрному войску Запорожскому», т. е. Желѣзняку, ручаясь за жизнь и имущество всѣхъ Поляковъ. Но гайдамаки, лишь ворвались въ городъ и замокъ, какъ немедленно начались неслыханныя убійства и грабежъ. На Кучевскаго надѣли сѣдло, ѣздили на немъ, а послѣ закололи пиками; другихъ поляковъ съ крышъ скидывали на копья или убивали чѣмъ попало. Только весьма немногіе изъ дворянъ, переодѣтые въ поселянское платье, могли спастись. У входа въ церковь Францисканскаго монастыря, гайдамаки повѣсили Поляка, жида и собаку съ слѣдующею надписью:

Ляхъ, Жидъ и собака,
Все вира однака.

Но Желѣзнякъ нетерпѣливо смотрѣлъ на эти *мелкіе* подвиги его войска и двинулся съ нимъ къ главной своей цѣли къ Умани, гдѣ уже имѣлъ единомышленниковъ, въ числѣ козаковъ гр. Потоцкаго ихъ главнаго сотника, знаменитаго *Гонту*.

Теперь передадимъ свѣдѣнія, заимствованныя нами изъ Запорожскаго архива, прежде, нежели окончить черную лѣтопись Коливщины.

Кіевскій генералъ-губернаторъ какъ ближайшій сосѣдъ края, гдѣ происходили всѣ эти безпорядки и мятежи, послалъ противъ нихъ 3 гусарскихъ эскадрона и вмѣстѣ написалъ кошевому Калнишевскому слѣдующій ордеръ:

«Появившаяся въ Уманской, Чигринской и Смѣлянской губерніяхъ гайдамацкая шайка своими разбоями и грабительствомъ не только многія мѣстечки и села въ той околицѣ разорила, многихъ изъ шляхетства и изъ другихъ чиновъ, такожъ жидовъ, гдѣ только кого достать могла, безчеловѣчно мучила и умерщвляла, но и своими ложными разглашеніями, простой во тьмѣ невѣжества погруженный народъ къ бунту противу властей, начальниковъ и помѣщиковъ воздвигнула. Главный вождь помянутой гайдамацкой шайки, сказывается полковникомъ войска Запорожскаго Низоваго и называется Максимъ Желѣзнякъ, при коемъ якобы дѣйствительно до 100 чел. Запорожскихъ козаковъ находится, имѣетъ нѣсколько хоругвь [знаменъ] и перначей; разглашаетъ, что онъ по указу посланъ противу конфедератовъ и такимъ образомъ простой народъ прельщая, побуждаетъ къ бунтамъ и къ своей привлекаетъ шайкѣ, чѣмъ не малое поношеніе и безславіе войску Запорожскому наноситъ». [24 Іюня 1768].

Это страшное обвиненіе привело въ ужасъ Запорожцевъ, тѣмъ болѣе озадаченныхъ, что многія вѣсти, полученныя изъ Польской Украины это мнѣніе подтвердили. 2-го Іюля сего года прибывшіе по торговлѣ

въ Сѣчь Уманскіе жители: *Остапъ Поломанный* и *Остапъ Бочка* представили Кошу билетъ, выданный имъ отъ Желѣзняка, въ которомъ онъ называетъ себя «полковникомъ», а свою шайку «войскомъ Запорожскимъ». По этому билету они чрезъ границу комендантомъ Орловскаго форпоста маіоромъ Вульфомъ были пропущены. При допросѣ войсковой старшины, они показали: 9 Іюня гайдамацкая шайка въ 1,000 чел. конныхъ при одномъ большомъ и нѣсколько меньшихъ знаменахъ, подъ начальствомъ какого-то полковника Максима Желѣзняка, подговоривъ 4-хъ Уманской губерніи сотниковъ: г. Умани *Ивана Кузьменка* и *Гонту*, Хащоватскаго *Панка* (*Ерему*), Тарговицкаго *Власенка* и при нихъ козаковъ конныхъ и вооруженныхъ 500 чел. 10-го ч. Іюня напала на этотъ городъ [Умань], бывшихъ въ немъ шляхтичей до 100 и Жидовъ до 300 въ томъ числѣ женщинъ и даже младенцевъ умертвила. Все городское имущество, въ томъ числѣ знамена и пушки, захватила и расположилась подъ онымъ городомъ въ полѣ лагеремъ. Тѣла умерщвленныхъ Жидовъ и Поляковъ были брошены и остаются безъ погребенія. Эта гайдамацкая шайка называетъ себя Запорожскими козаками, но въ самомъ дѣлѣ они не Запорожцы, но сущій сбродъ Польскихъ мужиковъ, винокуровъ и обитающихъ въ Очаковѣ и его окрестностяхъ «аргатовъ». Они разсказываютъ о себѣ, что имѣютъ какое-то указное позволеніе на истребленіе въ Польшѣ Ляховъ и Жидовъ. Этотъ Желѣзнякъ имѣетъ управленіе надъ г. Уманью и цѣлою этою губерніею и между ихъ жителями производитъ судъ и расправу». Донскаго кур. Запорожскій козакъ *Лавринъ Кантаржей*, возвратившись въ это время въ

Сѣчь, донесъ Кошу, что когда онъ по купечеству былъ въ разныхъ Польскихъ городахъ и уже возвращался въ Сѣчь, натоварясь разными товарами, то 9 Іюня въ гор. Уманъ прибылъ. Здѣсь онъ нашелъ отрядъ въ 2.000 чел. при 30 знаменахъ и 15 пушкахъ [?], который себя называлъ Запорожскимъ войскомъ. Онъ явился къ полковнику того войска Максиму Желѣзняку и просилъ его покровительства, чтобы ни ему ни его товарамъ во время пребыванія въ Умани и на дорогѣ ни отъ людей его ни отъ другихъ обидъ не было. Желѣзнякъ созвалъ своихъ сотниковъ и, посовѣтовавшись съ ними, далъ ему отъ себя свидѣтельство, чтобы ему вездѣ до самой Россійской границы свободный былъ пропускъ». Другой Запорожецъ, козакъ Звоневскаго кур. *Максимъ Высоцкій*, который тоже по дѣламъ торговымъ былъ въ Умани, на 3 день послѣ его разоренія гайдамаками, отъ одного обманщика, называвшагося козакомъ Пашковскаго кур., слыхалъ, что будто-бы онъ и 3 другіе козаки прибыли недавно изъ Сѣчи «съ письмомъ отъ пана кошеваго къ полковнику Желѣзняку, чтобы порядковалъ хорошо, и увѣрялъ Высоцкаго, что атаманы куренные уходу изъ Запорожья козакамъ въ гайдамацтво не препятствуютъ, а напротивъ говорятъ: «Боже помагай, ступайте, а потомъ можетъ быть и сами пойдемъ, только теперь не можно, чтобы граница безъ войска не осталась и Ногайцы напасть не могли».

Ватажки, неистовствовавшіе въ Польшѣ, вездѣ провозглашали, что все Запорожье идетъ за ними и тѣмъ все королевство наполнили ужасомъ. Князь Яблоновскій, староста Чигринскій, пострадавшій много отъ грабежа гайдамакъ, писалъ къ кошевому, прося у него

покровительства обширнымъ его имѣніямъ, въ Польской Украинѣ находящимся. Кошевой отвѣчалъ, что онъ могъ бы оградить имѣнія князя отъ наѣзда гайдамакъ, еслибъ онѣ находились въ Южной Россіи; но за границу, безъ Высочайшаго соизволенія, войско Запорожское выходить не можетъ.

Дерзость гайдамакъ не уменьшалась, не смотря на преслѣдованія. Графъ Румянцовъ далъ знать Кошу: «что гайдамаки не только умножаютъ свою лютость въ Польшѣ, но допускаются уже нападать и на области ханскія, какъ это показали купцы крѣп. Св. Елисаветы; они говорили, что 18 Іюня, въ бытность ихъ въ Польскомъ местечкѣ Палѣевомъ-Озерѣ [Подольской губ., Балтскаго уѣзда], пріѣхали туда человѣкъ до 300 Запорожскихъ козаковъ [т. е. просто гайдамакъ] и бывшихъ тамъ Поляковъ и Жидовъ умертвили. Когда нѣкоторые изъ нихъ спаслись побѣгомъ въ ханское мѣстечко Балту, то они оттуда требовали ихъ выдачи и получа отъ тамошняго каймакана въ томъ отказъ, оные гайдамаки, подкрѣпленные будучи прибывшею къ нимъ еще партіею въ нѣсколько сотъ человѣкъ съ 4 пушками, произвели съ Турками сраженіе и напавъ на самое мѣстечко Балту убили многихъ Жидовъ и Поляковъ тамъ укрывавшихся, и принудили оттуда Турокъ бѣжать, чиня погоню за ними. Вездѣ-же сіи злодѣи, какъ въ Польшѣ, такъ и по границѣ Турецкой разглашаютъ, яко они посланы по Е. И. В. указу!» [2 Іюля 1768].

О произшествіяхъ въ Балтѣ подтвердилъ возвратившійся къ тому времени изъ ханскихъ предѣловъ, посыланный туда Кошемъ, для развѣдыванія о гайдамакахъ,

полковый старшина *Семенъ Галицкій.* 2-го Іюля донесъ онъ Кошу, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ неистовствъ гайдамацкихъ и даже въ Балтѣ они его и товарища Запорожца Шульгу схватили и ограбили въ суматохѣ. Что всѣ они называютъ себя Запорожцами и показываютъ родъ манифеста, написаннаго по-Русски съ изображеніемъ Высочайшаго титула съ фальшивою подписью кошеваго Петра Калнишевскаго. Что когда онъ съ двумя сейменами Ягубъ-Аги, Балтскаго каймакана, въ гайдамачій лагерь для возврата своего имущества прибылъ, то они его дружески приняли и разными напитками потчивали, обѣщая все ограбленное съ излишествомъ возвратить, чего впрочемъ и не исполнили. Галицкій присовокупилъ, что онъ съ ними при пушкахъ «подъ политическимъ присмотромъ» находился и очень хорошо видѣлъ, что эта шайка не Запорожцы, а самосбройцы, т. е. бродяги, простые поселяне, потому что они «по войсковымъ Запорожскимъ обычаямъ» ни лошади осѣдлать, на лошадь всѣдать, ратище въ рукахъ держать, ни лошади навьючить не умѣютъ».

Кошевой и старшина были въ самомъ затруднительномъ положеніи. Они ясно видѣли, что злодѣйствующіе въ Польшѣ гайдамаки, чтобь придать себѣ славы, называли себя Запорожцами и тѣмъ гнусные свои подвиги сложили на войско. Они предсказывали, какъ всѣ недоброжелатели Запорожья обрадуются, что могутъ еще болѣе очернить Сѣчь въ глазахъ И м п е р а т р и ц ы. Между тѣмъ, оправдывая себя предъ пограничными начальниками, Кошъ предписалъ всѣмъ своимъ паланкамъ никого изъ подчиненныхъ имъ

козаковъ и обывателей за предѣлы войска не отпускать, всякаго же ослушника или бродягу, задержавъ, подъ карауломъ въ Сѣчь отсылать. Равнымъ образомъ вооруживъ свои команды искать грабителей по степямъ, балкамъ и лиманамъ, гдѣ они, по возвращеніи изъ Польши укрывались. Кромѣ того три большіе отряда, подъ командою заслуженныхъ войсковыхъ старшинъ: *Сидора Бѣлаго, Макара Нагая* и *Алексѣя Чернаго*, въ сопровожденіи войсковаго довбыша *Нестора Головка* отправлены были къ Бугу, съ приказаніемъ, дѣлать разъѣзды по всей границѣ, вооруженною рукою дѣйствовать противу гайдамакъ и захваченныхъ злодѣевъ, для суда, передавать на руки довбыша. Не смотря на всѣ эти благоразумныя мѣры, слѣдующая граммата Императрицы грозно дала знать войску о Ея подозрѣніяхъ.

«Мы съ крайнимъ удивленіемъ увѣдомиться принуждены [сказано въ Высочайшей грамматѣ, дошедшей до насъ въ подлиникѣ], что партія Запорожскихъ козаковъ, которыхъ предводители называютъ себя и подписываются: Максимъ Желѣзнякъ, Андрей атаманъ Каневскій куренный, Никита атаманъ, Швачка Журиловскій куренный и Андрей Односумъ, ворвавшись недавно въ Польскую Украину, производятъ тамъ безчисленные грабежи, насилія и убійства, какъ то случилось съ цѣлымъ городомъ Каневымъ, и что та партія приводитъ еще въ согласіе съ собою Польскихъ крестьянъ благочестиваго исповѣданія, обольщая ихъ ложнымъ и коварнымъ предъявленіемъ, будто-бы они присланы по указу Нашему отъ тебя кошеваго атамана и всей старшины, для освобожденія православныхъ изъ подъ ига Римскаго дворянства и отъ Барскихъ

конфедератовъ; ибо Мы отнюдь не можемъ себѣ вообразить, чтобъ ты Нашъ вѣрный кошевый атаманъ и все Наше вѣрное Низовое Запорожское войско могли пренебречь и позабыть подданическій и присяжный къ Намъ долгъ, до своевольнаго и непростительнаго отправленія нѣкоторой части войска вашего въ сосѣдственную дружественную Намъ область, каковою была по сю пору и нынѣ непремѣнно есть Рѣчь-Посполитая Польская, на опустошеніе ея огнемъ и мечемъ, въ такое особливое время, когда Мы новымъ трактатомъ цѣлость ея вольности, законовъ и владѣній единожды на всегда торжественнѣйше гарантировали, а потому дѣйствительно защищаемъ ее силами Нашими отъ внутреннихъ ея возмутителей. Мы думаемъ паче, полагаясь надеждою на твою кошеваго атамана, войсковой старшины и всего войска испытанную вѣрность, что шатающаяся въ Польшѣ партія состоитъ изъ бродягъ и нѣкоторыхъ развѣ своевольно отлучившихся козаковъ. Въ семъ мнѣніи повелѣли Мы всѣмъ Нашимъ въ Польшѣ и на границахъ воинскимъ командирамъ: разгонять и истреблять въ конецъ безъ всякой пощады помянутую толпу сущихъ разбойниковъ, убійцъ и зажигателей.

«Но какъ однакожъ при всей справедливости сихъ строгихъ мѣръ, не можетъ человѣколюбивое и матернее Наше сердце дать онымъ мѣста безъ внутренняго оскорбленія и безъ испытанія напередъ легчайшихъ средствъ къ сокращенію зла со всевозможнымъ и самымъ винныхъ помилованіемъ: то и восхотѣли Мы чрезъ сіе поручить особливому твоему кошеваго атамана, всей старшины и всего нашего вѣрнаго войска

попеченію, чтобы вы съ своей стороны въ дѣлѣ, которое долженствуетъ такъ близко трогать подданническую вашу вѣрность и присягу, всѣ, соединяя лучшее ваше уразумѣніе и всѣ силы, постарались вызвать изъ Польши всѣхъ вашихъ козаковъ, ибо скорое раскаяніе можетъ еще по крайней мѣрѣ уменьшить къ нимъ тягость праведнаго Нашего гнѣва; напротивъ чего съ тѣми, кои упустя настоящее время милосердія, станутъ возвращаться въ жилища ваши отъ одной неминуемой гибели, имѣете вы тогда, помятуя долгъ вѣрности и присяги, поступить по всей строгости вашихъ обрядовъ, какъ съ истинными разбойниками, нарушителями народной тишины и врагами отечества.

«Равномѣрно повелѣваемъ Мы вамъ отыскивать первыхъ подговорщиковъ и, посадя ихъ подъ крѣпкой караулъ, донести Намъ о всѣхъ ихъ обстоятельствахъ. Сіи подговорщики заслуживаютъ сугубое предъ другими наказаніе, какъ для того, что они причиною и орудіемъ были злодѣйства товарищей своихъ и поноснаго на все войско безславія, такъ и потому, что казнь ихъ обратилась бы другимъ въ примѣръ и страхъ.

«Впрочемъ изъ матерняго Нашего благоволенія къ вѣрному Нашему Низовому Запорожскому войску, повелѣваемъ Мы ему для собственной его пользы и благоденстія жить въ покоѣ, тишинѣ и добромъ согласіи, какъ между собою, такъ и съ окрестными народами. Повиновеніе отъ войска въ семъ случаѣ Высочайшей Нашей волѣ, будетъ мѣрою возрастанія къ нему Нашихъ Монаршихъ щедротъ, а преступленіе напротивъ вынудитъ изъ насъ непріятную крайность справедливаго

наказанія, которое Мы въ состояніи всегда дать чувствовать въ полной мѣрѣ.

«Мы не ожидаемъ однакожъ никогда сей крайности и для того, пребывая въ лучшей надеждѣ на подданическое послушаніе и вѣрность всего нашего Низоваго Запорожскаго войска, а особливо на твое кошеваго атамана и всей войсковой старшины похвальное и ревностное попеченіе о содержаніи повсюду добраго порядка, пребываемъ взаимно вамъ всѣмъ Императорскою Нашею милостію благосклонны». Дана въ С.-Петербургѣ 12 Іюля 1768 года.

Эта граммата, полученная въ Кошѣ 29 Іюля, въ то-же время на площади предъ церковью въ общей радѣ была прочитана и немедленно приняты были самыя строгія мѣры, чтобъ исполнить волю Монаршую. Первымъ дѣломъ Коша было доказать свою непричастность къ столь гнуснымъ злодѣяніямъ. Легко было по куреннымъ реестрамъ и сказкамъ атамановъ доказать, что никогда Андрей и Швачка не были куренными атаманами, да и Журиловскаго куреня въ войскѣ не было. Тѣмъ болѣе Желѣзнякъ не былъ Запорожскимъ полковникомъ. Атаманъ же куреня Тимошевскаго показалъ, что въ войскѣ былъ Запорожецъ Максимъ Желѣзнякъ, сынъ женатаго Запорожца, родомъ изъ Польскаго села Ивковецъ; около 1757 г. прибылъ онъ въ Сѣчь и принятъ въ товариство упомянутаго куреня. Сначала былъ молодикомъ въ разныхъ зимовникахъ, а послѣ въ Пушкарской командѣ [артиллеристомъ]. Часто пропадалъ безъ вѣсти и тогда всѣ были увѣрены, что онъ «ходилъ въ пѣхоту», т. е. гайдамачилъ въ Польшѣ. Говорили также, что онъ проживалъ послушникомъ

въ Межигорскомъ монастырѣ, а чаще всего скрывался въ лѣсахъ около Лебединскаго и Мотронинскаго монастырей. Тутъ онъ, по сказанію Запорожцевъ, получилъ благословеніе отъ Лебединскаго архимандрита на истребленіе Поляковъ и Жидовъ. Въ 1762 г. шатался аргатомъ на Днѣпровскихъ рыболовняхъ, или шинковалъ [продавалъ водку] въ Очаковѣ. Когда ушелъ въ Польшу и какъ собралъ шайку? и въ куренѣ и въ Кошѣ никто не зналъ. Объ немъ въ народѣ составлено съ десятокъ думъ и разсказываютъ множество повѣстей.

Вскорѣ радостное извѣстіе объ истребленіи гайдамакъ дошло до Коша. Генералъ Кречетниковъ, прибывъ къ Умани, умѣлъ такъ ловко обмануть злодѣевъ, что оба атамана разбойниковъ Желѣзняка и Гонта допустили его съ отрядомъ Донцевъ стать лагеремъ рядомъ съ ними и предложили ему идти вмѣстѣ на конфедератовъ въ Бердичевъ. Когда генералъ узналъ, что гусары, драгуны и карабинеры, отъ Воейкова посланные, а равно и войско Польское подъ командою графа Браницкаго было близко, то и поспѣшилъ съ окончаніемъ трагедіи. Онъ просилъ Гонту, чтобы его съ штабомъ и съ своими товарищами-ватажками угостилъ у себя въ своемъ селѣ. Гонта охотно согласился, но Желѣзняка уже въ лагерѣ не было. Желѣзнякъ не даромъ былъ Запорожецъ: какъ только увидѣлъ Русскаго генерала и Донцевъ, понялъ, что его гетманство и княжество окончилось и ночью съ десяткомъ приближенныхъ ушелъ изъ Умани и скрылся въ Очаковской области со стороны Балты. Гонта, узнавъ о бѣгствѣ Желѣзняка, смутился, почесывалъ свой чубъ и говорилъ: «ой, братцы, не

выпить намъ того пива, що мы наварили». Однако-жъ угостилъ славно Кречетникова и самъ такъ пилъ ужасно, что подъ вечеръ онъ, всѣ его эсаулы и атаманы были пьяны. Караульные, не получая приказаній, легли спать, прося Донцевъ замѣнить ихъ. Тогда по данной повѣсткѣ карабинеры и драгуны скорымъ шагомъ явились подъ Уманью и окружили гайдамачій станъ. Донцы съ веревками и цѣпями, заблаговременно приготовленными, вошли въ палатки и перевязали всѣхъ главныхъ злодѣевъ, не забывъ забрать все, что было у нихъ подорожe. Такимъ образомъ Гонта, его сотникъ Швачка и другіе были схвачены живые; за Желѣзнякомъ полковникъ Чорба съ Новороссійскими гусарами пустился въ степь и скоро его настигши, разбилъ и схватилъ.

Объ этомъ событіи генералъ Воейковъ писалъ въ Кошъ слѣдующее: «Главный начальникъ всѣхъ разбойниковъ Максимъ Желѣзнякъ и товарищи его Швачка и Неживой, а съ ними называющихся Запорожцами человѣкъ до 250, разосланными командами уже пойманы, сюда [въ Кіевъ] приведены и здѣсь подъ карауломъ содержутся. Журба-же, Швачкинъ товарищъ, сопротивлявшійся командѣ карабинеръ, сообщниками его, человѣкъ болѣе 30-ти, убиты. То-жъ въ Елисаветградской провинціи равномѣрно разбойниковъ болѣе 150 [бѣжавшихъ изъ Умани] поймано, а изъ Польскихъ подданныхъ болѣе 1,000 чел. къ нимъ соединившихся пойманы-жъ и Польскому генералу графу Браницкому, который по надъ Днѣстромъ съ войскомъ расположился, отданы». [16 Іюля 1768].

Желѣзнякъ, Неживой и всѣ Русскіе подданные

гайдамаки, какъ Запорожцы, такъ и поселяне, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, были посланы для суда въ Кіевъ, гдѣ они и получили достойную казнь. Но мнѣніе народное, т. е. черни всегда въ Желѣзнякѣ видѣло героя и мученика православія, какъ видно изъ слѣдущей пѣсни, сообщенной М. Максимовичемъ.

«Ступай, ступай Желѣзняку, годи вже гуляты,
Пійдемъ въ Кіевъ, въ Печерское, Богу работаты [1])
И говоритъ Максимъ-козакъ сидячи въ неволи:
«Не будутъ мать вражи Ляхи на Вкраини воли:
«Течутъ рѣки зъ всего свиту до Черного моря,
«Минулась на Вкраини Жидовская воля».

Графъ Браницкій вмѣстѣ съ наказнымъ региментаремъ Украинской партіи или дивизіи Стемпковскимъ, учредили военный судъ, и по его приговору наказаны гайдамаки изъ Польскихъ подданныхъ такъ безчеловѣчно, что память объ этомъ осталась до сихъ поръ въ томъ краѣ и Стемпковскій доселѣ называется жестокимъ. Гонтѣ доказали, что онъ былъ причиною и главнымъ орудіемъ неслыханныхъ злодѣяній. Не говоря уже о возмущеніи Уманскаго полка, грабежахъ и разореніи Умани, въ этомъ несчастномъ городѣ Польши насчитали до 6,600 убитыхъ, другіе-же полагаютъ до 12,000, [?] въ томъ числѣ духовныхъ, старцевъ, женщинъ и дѣтей; до 300 однихъ помѣщиковъ и поссессоровъ, искавшихъ убѣжища въ Умани и всѣ семейства дворянъ, управлявшихъ имѣніями Потоцкаго. «Чѣмъ мы хуже Хмѣльницкаго? — сказалъ Гонта Браницкому при

---

[1]) *Печерское*, Кіевопечерская крѣпость. «Богу работаты» на Украинѣ значитъ сидѣть въ тюрьмѣ, ибо тогда всѣ арестанты употреблялись въ земляныя работы.

допросѣ: — подобно пану Богдану, мы съ Желѣзнякомъ рѣзали Жидовъ и Ляховъ». «Тѣмъ, отвѣчалъ графъ, что Хмѣльницкій каралъ виновныхъ въ несправедливости къ Украинѣ Поляковъ, а ты терзалъ и мучилъ однихъ невинныхъ». Его и сообщниковъ привели въ с. Сербы близъ Могилева [на Днѣстрѣ] и тамъ казнили: сперва въ теченіи трехъ дней сдирали съ живаго кожу, а послѣ четвертовали. Мартынъ Бѣлуга и Василій Шило, разорители Чигрина, Канева и Смѣлы, той-же подверглись участи. Потапенко, сотникъ, посаженъ на колъ. Головы ихъ, вбитыя на пики, выставлены были по украинскимъ городамъ для зрѣлища народнаго. Стемпковскій, начавъ отъ с. Сербовъ, по всей Подоліи, Волыни и Чермной Руси, повѣсилъ или отрубилъ головы 800 слишкомъ гайдамакъ, и малому только числу даровалъ жизнь, но на какомъ условіи! — отрубливая по одной рукѣ и ногѣ, или сожигая имъ обѣ руки въ паклѣ, напитанной смолою.

Но хотя упомянутымъ ордеромъ генерала Воейкова показано, что гайдамацкія шайки были уничтожены и что Желѣзнякъ съ козаками, какъ Русско-подданные были схвачены, отправлены въ Кіевъ и тамъ наказаны, но мы нашли одинъ документъ съ извѣстіемъ, что Желѣзнякъ, вѣроятно, бѣжалъ изъ Кіева и спасся отъ казни. Это «доѣздное донесеніе» полковника ***Мойсея Головко*** довольно любопытное:

«Прошлаго Іюня 27 дня ѣхалъ онъ въ Орель самъ и съ нимъ два компанейца, и какъ минулъ Мигейскій островъ, то на той сторонѣ рѣки Буга видѣли гайдамацкой шайки до 30 человѣкъ, кои зъ Голты ханской всѣхъ людей выгоняли въ село ханское-жъ

Гедеримъ и скотъ занимали. И какъ онъ полковникъ къ берегу Буга приближался, то съ той стороны къ берегу-жъ прибѣжали верхомъ семъ человѣкъ, вооруженные, и спрашивали: хто идетъ? и какъ объявлено, что полковникъ Бугогардовый, — причемъ полковникъ спросилъ у одного, кто таковой, тотъ объявилъ: я де Желѣзнякъ. По объявленіи чего полковникъ сказалъ, что, какъ слышно, Желѣзнякъ въ Умани. На что онъ объявилъ, что его Великороссійскія команды уже изъ Умани выгнали, при чемъ Желѣзнякъ полковника спрашивалъ: давно былъ въ Сѣчи и скоро поѣдешь? который сказалъ: что возвратившись зъ Орла поѣдетъ; то сказалъ Желѣзнякъ: егда поідешь—поклонись пану кошевому, что мы будемъ на той сторонѣ Буга и въ Сѣчь въ гостяхъ». И какъ онъ, полковникъ, сталъ говорить: «когдабъ-бъ вы пріѣхали до Сѣчи, то-бъ болѣе не ѣздили», — но Желѣзнякъ сказалъ: «пріѣдемъ мы такъ, что вы и прочіе тамошніе и въ Сѣчи и нигдѣ не удержитесь». Послѣ чего заразъ разъѣхались».

Что-жъ это значитъ? или Желѣзнякъ точно избѣжалъ кары, вполнѣ заслуженной, или какой-нибудь ватажокъ назвалъ себя Желѣзнякомъ, чтобы и свою старшину и «Москаливъ въ шоры убрать».

Такъ кончилась эта ужасная трагедія, въ которой, къ стыду Запорожья, участвовало до 300 его козаковъ, хотя простыхъ и грубыхъ сѣромахъ, но столь сильно запятнавшихъ славу Низоваго войска, что до сихъ поръ и въ Россіи и въ Польшѣ увѣрены, что вся *Уманская рѣзня* была дѣломъ обдуманнымъ и исполнена чрезъ Запорожье. Большая часть изъ нихъ была убита или казнена въ Кіевѣ, остальные бѣжали въ свои степи и

тутъ были пойманы разъѣздными командами и тяжко наказаны въ Сѣчи. Ихъ показанія дали намъ источникъ свѣдѣній о настоящемъ предметѣ, который до сихъ поръ одними Поляками былъ описанъ.

Но мѣра тяжкихъ испитаній для «славнаго Запорожья» еще не кончилась. Внутри самаго Коша Запорожцы миромъ не наслаждались. Безначаліе и непокорность болѣе и болѣе гнѣздились по куренямъ, обнаруживались на сходкахъ и угрожали обществу конечнымъ разрушеніемъ. Мы приведемъ только два печальные и рѣзкіе примѣра, чтобы доказать, какъ тогда было непрочно благосостояніе этого устарѣвшаго ордена. 26 Декабря 1768 г., т. е. на другой день праздника Рождества Христова, когда кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій, на общей войсковой радѣ, пожелавши старшинѣ и всему войску счастливаго праздника, сообщилъ имъ Монаршія повелѣнія, по случаю угрожавшей Россіи войны съ Турціею, и по обычаю спросилъ: «а що, братчики, будемъ робыты»? — толпа вооруженныхъ козаковъ, большею частію сѣромахъ, прервала ему рѣчь, разогнала собраніе и послѣ съ сѣкирами и саблями бросились на домы старшинъ, разграбили или разрушили ихъ. Послѣ ворвались въ пушкарню, т. е. войсковую тюрьму и освободивъ оттуда заключенныхъ и уже осужденныхъ Кошемъ [за гайдамацтво въ Польшѣ] преступниковъ, вооружила ихъ и хотѣла возмутить все войско. Но до того, іеромонахъ Владиміръ, начальникъ Сѣчевихъ церквей и куренные атаманы, старые и заслуженные атаманы, куреней своихъ не допустили. Въ смятеніи, кошевой переодѣвшись въ монашескую рясу и главные старшины бѣжали Днѣпромъ изъ Сѣчи и

скрылись въ Кодакѣ, подъ защитою его пушекъ и вѣрнаго товариства Кущовскаго кур., а между тѣмъ послалъ гонца къ графу Румянцову съ донесеніемъ о столь печальномъ событіи. Славный генералъ и строгій блюститель порядка, въ огромномъ ввѣренномъ ему краѣ, графъ Румянцовъ, немедленно отправилъ въ Сѣчь эсаула генеральной артиллеріи [Малороссійской] *Кологривою*, для прочтенія войску своего приказа, въ которомъ требовалъ безусловно повиновенія Кошу, обличенія и выдачи зачинщиковъ бунта и возвращенія къ прежнему порядку. Вмѣстѣ съ тѣмъ позволялъ онъ виновнымъ изложить жалобы свои на старшину, если они ею обижены были. За что обѣщалъ если не прощеніе Императрицы, то хотя уменьшеніе виновнымъ заслуженнаго наказанія. Эти угрозы и старанія куренныхъ атамановъ уничтожили зло въ самомъ его зародышѣ.

Другой примѣръ нашли мы въ 1769 г., когда послѣ первой кампаніи войско вернулось въ Сѣчь на зимовку. 7 Декабря с. г. въ Корсунскомъ кур., когда все товариство сѣло за общественный столъ и по обычаю начало разсуждать: кому на слѣдующій годъ изъ сего куреня должно идти за всемилостивѣйшимъ жалованьемъ, козакъ Никита Дорошенко назвалъ своего атамана *Петра Остроуха* и бывшаго атамана *Мойсья Скапу* измѣнниками, и когда Скапа за атамана вступился, то Дорошенко и пять другихъ козаковъ встали изъ-за стола и начали его бранить и укорять золотою медалью, которую онъ носилъ въ знакъ, что былъ депутатомъ въ коммисіи для сочиненія Новаго Уложенія. Неудовольствуясь этимъ, какъ только обѣдъ кончился и куренный атаманъ вышелъ, эти козаки схвативъ Мойсея

Скапу, били его, терзали и вѣроятно бы умертвили, еслибъ одинъ изъ товарищей козакъ Михайло Кабанъ не бросился на лежащаго и не закрылъ его собою. Узнавъ о семъ кошевой приказалъ командѣ своей взять ихъ подъ караулъ, что не смотря на сопротивленіе куреня и исполнено. Какъ время было военное, то Кошъ, желая наказать примѣрно виновныхъ, передалъ ихъ въ Новосѣченскій ретраншаментъ и просилъ Русскаго коменданта судить ихъ при Запорожскихъ депутатахъ. Прошло два мѣсяца и войско Запорожское куренями выступило въ походъ. Но 4-го Марта 1770 г. къ правящему въ Кошѣ судьѣ Николаю Тимофѣевичу Косапу явились отъ Корсунскаго кур. депутаты, требуя, чтобы выпустили изъ тюрьмы виновныхъ ихъ товарищей, иначе они ни комонникомъ [конно] въ походъ, ни лодками по Днѣпру не пойдутъ. Судья отказалъ и подтвердилъ имъ слушаться Коша, но они, хотя изъ Сѣчи выступили, но стояли партіями на р. Базавлукѣ, и объявили, что себѣ другаго атамана выбрать хотятъ. Тогда кошевой, будучи въ походѣ и не имѣя возможности вернуться въ Сѣчь, просилъ главнокомандующаго графа П. И. Панина оказать ему пособіе, чтобъ этихъ осужденныхъ къ исключенію изъ войска и къ дальнѣйшей ссылкѣ, отправилъ на *Сыберію*. По волѣ графа, регулярныя войска, близъ Сѣчи бывшія, взяли виновныхъ и отправили къ Бѣлѣвской крѣпости, а оттуда въ каторжную работу. Такъ видимо успокоилось это дѣло, но неудовольствіе таилось въ войскѣ и въ Мартѣ 1770 г. въ Щербиновскомъ куренѣ многіе козаки сдѣлали было заговоръ, чтобы кошеваго Петра Калнишевскаго и старшину убить, Русскій гарнизонъ изъ ретраншамента

выгнать и, избравъ кошевымъ Филиппа Федорова, немощнаго старца, предаться Турціи. Къ счастію, заговорщики были въ весьма небольшомъ числѣ и будучи въ пьяномъ видѣ, разсказали это одному священнику, который донесъ обо всемъ Кошу, и такъ все прекращено заблаговременно.

Но всѣ эти частныя происшествія, споры и злоумышленія прекратились при общенародномъ и національномъ бѣдствіи — вторженіи Татаръ въ край Запорожскій, и возникшей отъ того войны съ Турціею; — а это поглотило всеобщее вниманіе. Объ этой войнѣ имѣемъ довольно любопытныхъ и малоизвѣстныхъ доселѣ документовъ, и къ ихъ разсмотрѣнію въ слѣдующихъ главахъ, приглашаемъ читателей разсказа нашего.

КОНЕЦЪ II-й ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-Й ЧАСТИ.

стр. 21 - 1 карта
18.04.90

